

СОЛНЦЕ

ГИГАХРУЦА

Вернувшись с завода домой на этаж 380, Андрей обнаруживает пропажу сына и отряд ликвидаторов, которые отказываются искать подростка. Мужчине приходится переступить через страх и отправится в путешествие по бесконечному лабиринту гигахруща. Каждую секунду здесь молятся, чтобы не пришел самосбор и не принес с собой самые страшные кошмары. Откуда они приходят? Как появился гигахрущ, построенный из бетона и человеческого ужаса? Как в него попали люди? И куда все идет?

Дмитрий Иванов

Солнце гигахруща (Том 1. Том 2)

Выписка из брошюры «Краткий словарь ликвидатора»

Гигахрущ — комплекс жилых блоков и помещений различного назначения, в том числе производственных и транспортных, построенных из бетона. Точный размер г. на данный момент определить не удалось. Есть неподтвержденные предположения, что г. бесконечен. На данный момент выход из г. не обнаружен.

Самосбор — 1) Сокр. от «самостоятельный сбор». Команда, подаваемая в гигахруще, для сбора сотрудников, служащих и жителей в заранее обусловленном месте. 2) Паранормальные явления неустановленной природы, распространяющиеся на территории гигахруща. Хотя ход и последствия с. могут быть различными, но однозначно приводят к смерти или тяжелейшим поражениям организма. Как правило, с. сопровождается туманом и едким специфическим запахом. В случае начала с. звучит сигнал тревоги для сбора жителей гигахруща в безопасном месте — помещениях, оснащенных гермодверью.

1. Солнце гигахруща

Индикатор загрузки на экране медленно наполнялся новыми пикселями, приближая момент начала игры. Коля, сидевший напротив телевизора, рассматривал причудливых монстров, нарисованных для того, чтобы игроки не заскучали. На темной картинке ликвидатор, облаченный в защитный костюм и противогаз, извергал струи яркого огня на злое существо, которое ползло на него из мрака. Коля нагнулся, чтобы рассмотреть чудовище получше и по прошествии нескольких секунд недовольно хмыкнул, заметив неточность в изображении оружия.

В дверь легко постучали.

— Открыто! — крикнул подросток, не отвлекаясь от экрана.

Гермодверь жалобно скрипнула и открылась, впуская в комнату звуки из коридора. На пороге возник его отец.

— Коля, — раздраженно начал Андрей, — сколько раз тебе говорил запереть дверь? Сколько можно повторять?

— Да зачем ее запереть? — удивленно ответил парень, — Если услышу тревогу, ее закрыть пять секунд!

Он поерзал на старом потрепанном диване и бросил на отца короткий взгляд, не желая отвлекаться от игры, которая уже почти загрузилась. Парень знал, что отец сейчас заведет старую песню, которую он слышал неоднократно. Кассета в магнитофоне издавала режущие звуки — пищала, сопела, кряхтела, словно ее заставляли работать против собственной воли. Отец в это время захлопнул дверь и щелкнул замком.

— Да сколько раз можно повторять?.. — раздражение готово было перерасти в гнев. — Ведь сигнала может не быть!..

На последних слогах Андрей почти сорвался на крик, из-за чего подросток вновь посмотрел на отца. В ту секунду голубые глаза Коли блеснули тем особенным цветом, так напоминавшие его мать. Мужчина на мгновение замер, замороженный взглядом сына, и вздохнул.

— Когда ты уже поймешь, что все это серьезно? — спокойно продолжил он, махнув рукой. — Самосбору хватит и пяти секунд. Тебя ведь может...

— Да знаю я, — перебил его сын. — На части мгновенно разорвет. Или черное чудовище придет. Сто раз уже рассказывал. Я сейчас как раз с ними бороться буду.

Ответа не последовало, потому что магнитофон в последний раз пискнул и изображение на экране явило новую картину. Ликвидатор в защитном костюме и оружием наготове стоял в длинном коридоре с измазанными слизью стенами. Коля взял джойстик и тут же направил фигурку ликвидатора навстречу опасности. С правой стороны экрана появлялись человекоподобные монстры с щупальцами вместо рук и жвалами, торчащими из-под порванных противогазов.

Отец, шурша заводскими штанами, сделал несколько шагов к дивану и буквально рухнул на продавленную мебель.

— Устал... — тихо пожаловался мужчина.

— Что? Тяжелая смена была? — не отрываясь от игры, поинтересовался парень.

— Нет, наверное. Обычная. Просто конец рабочего цикла. Усталость накопилась.

— А, ну хорошо. Теперь отдохнешь. Что делать-то будешь?

— Не знаю пока. Может в «Ликвидатора» сыграю.

— Ну нет! — возмутился парень. — Ты мне сохраненку потрешь! Я уже до двенадцатого уровня дошел.

— До двенадцатого?! — оживился Андрей. — Ты когда успел?

— Ну я сегодня играл. Пришел после школы и сразу сел.

— И что там?

— Да вот, сам же видишь.

Отец приковал к экрану уставший взгляд. Пиксельный ликвидатор легко уничтожал пиксельных же монстров набором ярких пикселей, изображающих огонь. Фигура в противогазе металась по экрану — бегала, прыгала, приседала, уклонялась от вражеских щупалец и брошенной слизи. Коля быстро перебирал пальцами, нажимая кнопки на джойстике. Подросток лихо справлялся с разнообразными чудищами, норовившими поразить игрока. Иногда в особо сложные моменты он наклонялся всем телом в ту сторону, куда хотел направить ликвидатора, будто там на экране был он сам. Мужчина, заметив это, улыбнулся и медленно повернул голову, чтобы лучше рассмотреть увлеченные действия сына. С каждой секундой его улыбка становилась все шире, оголяя серые зубы. Эти теплые эмоции были так желанны и необходимы для изнуренного работой отца.

Телевизор вновь издал режущие звуки, которые в этот раз изображали взрыв. Экран приковал к себе две пары глаз. Ликвидатор в игре справился с человекоподобными монстрами и дошел до конца заводских помещений, где пришлось разрушить стену при помощи гранатомета. Пройдя в образовавшийся проход персонаж очутился в большом туннеле, который вскоре почему-то задрожал. С потолка сыпались камешки, а мусор лежавший на полу слегка подпрыгивал.

— Ну сейчас что-то будет... — заинтриговано прошептал Коля. — Наверное, главный злыдень.

Внезапно экран несколько раз ярко вспыхнул и навстречу ликвидатору выползло огромных размеров чудовище с десятком глаз, кучей отростков и дыр, источающих слизь. Мужчина нахмурился, рассматривая монстра.

— Это что такое?

— Гигаслизень! — тут же придумал ответ его сын. — Вот урод!

— Такого не бывает.

— Ты откуда знаешь? — бросил в ответ парень через несколько секунд. Он уже был занят уничтожением живого препятствия для перехода на следующий уровень.

— Не бывает таких больших. Откуда им взяться?

Экран мелькал взрывами, выстрелами, плевками слизи и оторванными конечностями. Фигурка ликвидатора прыгала по экрану, уворачиваясь от ударов монстра, и стреляла поочередно то автоматом, то гранатометом.

— В туннелях. Там же много места, — не отвлекаясь от игры парировал сын.

— Не не знаю. — с сомнением сказал мужчина и потер лоб. — Никогда о таких не слышал.

— Ты же на заводе работаешь. У вас там одни станки. Вот если б в ликвидаторах, тогда мог бы говорить.

Отец вновь нахмурился, переваривая колкость сына. Тот, словно чувствуя настрой родителя, на секунду отвлекся от игры, хитро посмотрел на отца и расплылся в довольной улыбке.

— Мерзавец! — мужчина улыбнулся в ответ и потрепал подростка за волосы.

Происходящее на экране быстро утомляло монотонностью. Уставший отец откинулся на спинку дивана, громко вздохнул и стал непроизвольно рассматривать комнату. На стене напротив прямо над телевизором в три ряда висели плакаты службы ликвидаторов, изображавшие крепких мужчин в защитных плащах, противогазах с разнообразным оружием. Коля начал их собирать сразу после того, как те появились в коридорах, рекламируя самую опасную службу в гигахруще. Хотя Андрей предостерегал подростка, тот продолжал тащить в ячейку постеры с теми, кого ни один нормальный человек не хотел бы лишней раз видеть. Автоматчик, пулеметчик, огнеметчик, техник, химик, медик, инженер, командир, и несколько других специалистов, чью точную должность мужчина не мог вспомнить. Все они появлялись, когда этаж заливало самосбором.

— Всех уже собрал? — спросил отец, потягиваясь.

— Кого? Что? А... — наконец понял Коля, — Нет. Там еще это... Двух надо собрать. Гранатометчик и биолог. Хотя можно без последнего. Он не очень крутой.

— Как это не крутой? Ты ведь сам должен стать биологом.

— Не должен, — воспротивился подросток.

— Как не должен? — Андрей почувствовал, как внутри вновь оживает раздражение действиями сына. — Для чего ты в школу ходишь?

— Все ходят, и я хожу, — сразу ответил тот.

— Ну нет. Можно на завод пойти. Там никакой школы не надо. А у тебя способность к науке, — он несколько секунд пытался подобрать слова, но, не найдя ничего более подходящего, добавил. — Биолог — это круто.

— Как скажешь, как скажешь, — ответил сын и пожал плечами.

Хотя ответил парень безразлично, раздражение быстро отступило. Мужчина вновь улыбнулся, ощущая приятные теплые эмоции. Своими глазами, профилем и светлыми волосами Коля очень напоминал свою мать. Вдобавок, хотя он никогда не видел ее в сознательном возрасте, к удивлению отца иногда говорил прямо как она. Невзирая на то, что мужчина совсем не мог сказать, чем именно Коля ее повторял, в определенные моменты у него возникало явственное чувство, что сын копирует мать.

Андрей погрузился в воспоминания, которые с каждым годом становились все туманнее. Мужчина почему-то вспомнил, что она любила шторы. Поэтому скорбящий супруг через много лет после ее смерти решил потратиться в память о ней и приобрел два отрезка материи. Он окинул взглядом приоткрытые шторы, висевшие на стене напротив входа. Из щели между ними виднелся рисунок, изображавший две полосы — зеленую снизу, синюю сверху — и желтый круг на синей полосе. Земля, небо и солнце. Некоторые обитатели гигахруща верили, что если достигнуть самого края бесконечного строения, то вид из проема в стене, называемого окном, будет именно такой. Мужчина несколько секунд смотрел на рисунок, вспоминая, как ему объясняли эти слова. Смысл «земли» был более или менее понятен — это был своего рода пол, но полностью усеянный растениями. «Небо» давалось сложнее — будто-бы серого бетонного потолка над головой не было, а где-то в недостижимой и невообразимой вышине разлилась яркая голубая краска. «Солнце» было понятнее всех — нечто вроде маленькой круглой лампы, одаривающей тебя приятным теплым светом, из-за которого хотелось жить. Мужчина вновь улыбнулся и потрепал сына за волосы.

Радость на лице постепенно затухала, глаза теряли задор и через минуту на диване вновь сидел уставший от рабочего цикла заводчанин. Словно пытаюсь вернуть себе

положительный настрой, он закрыл глаза, представляя жену. Ее образ со временем тускнел и с каждым гигациклом требовалось все больше усилий, чтобы вспомнить ее лицо. Неизменным оставалось только его отношение к ней и их общему ребенку. Когда руки опускались от физического изнеможения или отчаяния, Коля одним своим возвращал ему силы и настрой.

Мужчина еще раз потрепал сына за волосы со слегка натянутой улыбкой — в тот момент в ней было больше грусти, чем радости.

— Кстати, у нес концентрат закончился, — будто бы между делом отметил парень, все еще сражавшийся с монстром на экране.

— Как? — тут же взбодрился отец. — А ты почему не взял?

— Да я закончил уроки и потом сразу домой, — пытаюсь изобразить виноватое чувство, ответил Коля. — А потом вот за игру сел и...

Мужчина поджал губы, смотря на волосатый затылок сына. Сил и желания на новую порцию ругани не было. Он закрыл лицо руками, собираясь с силами.

— Ладно! — сказал он и встал. — Схожу сам. Время еще есть.

— Да! — вдруг крикнул Коля. — Убил гадину!

— Спокойнее. Не кричи.

— На тринадцатый уровень прошел! Сашка до такого еще точно не дошел!

— Сашка, — бездумно повторил за сыном мужчина.

Андрей достал из шкафа картонную коробку и достал оттуда несколько талонов на питание, положил их в сумку и направился к гермодвери. Затем оглядел комнату, борясь с мыслью о том, что надо будет идти в пункт выдачи концентрата. Раздался глубокий вздох.

— Ладно, — разочарованно произнес отец. — Я туда-сюда. Дверь запри.

— Ага! — бездумно отозвался Коля, разглядывая новую картинку на загрузочном экране.

Мужчина несколько секунд рассматривал сына, размышляя о том, стоило ли начинать очередную порцию поучений, но в конце сделал то, к чему уже привык — махнул рукой.

— Скоро вернусь, — негромко сказал отец и вышел.

Коля лишь хмыкнул в ответ, изучая экипировку ликвидатора и отростки, которые тот отсекал бензоножницами. Устав от картинки и отчего-то очень медленной загрузки, парень откинулся на диван и обвел взглядом комнату их жилой ячейки. Диван, стол, кровать, шкаф и два куска материи, почти полностью закрывающие картину на стене. Три ряда плакатов с ликвидаторами на стене напротив. Коля останавливал свой взгляд на каждом из специалистов на несколько секунд и почему-то впился глазами в то пустое место, где мог висеть плакат с биологом. Он по-отцовски поджал губы и нахмурился, размышляя о будущем. В голове мелькали образы заводчан, слесарей, кладовщиков, электриков и прочих печальных жителей гигахруща, которых он видел каждый день. Представив себя на их месте, он поморщился и подумал о научном сотруднике. Их ему еще ни разу не довелось увидеть, потому что жили они на верхних этажах рядом с помещениями НИИ, где-то рядом с партократами. Должно быть, там жилось лучше и интереснее, раз об этом постоянно говорил отец.

— Но он же не видел этого, — вслух размышлял Коля. — Как и туннелей. Хотя биолог явно круче слесаря. Да... Надо найти плакат с биологом.

Телевизор издал резкий звук, возвестивший о начале нового, тринадцатого, уровня, и парень тут же схватил джойстик, готовый уничтожить все живое или почти живое на своем

пути. Время за игрой летело незаметно. Палочки на электронных наручных часах гасли и зажигались.

Неожиданное ощущение заставило Колю вздрогнуть и поставить игру на паузу. Он посмотрел на дверь, прислушиваясь к происходящему в коридоре. Несколько секунд парень сидел неподвижно, пытаясь понять, что было источником тревоги. Он слышал спокойные шаги, удары собственного сердца, тихий шум вентиляции...

Внезапно зазвучала протяжная сирена, оповещающая о самосборе и тут же зажглась красная лампа прямо над входом. Коля вскочил на ноги, в два прыжка оказался у гермодвери и запер ее. Сердце в груди беспокойно стучало. В коридоре слышалась беготня, переговоры, закрывающиеся двери, крик.

— Отец! — закричал Коля и бездумно потянулся к замку. Его рука дотронулась до ручки, но в последнее мгновение парень отдернул её. — Нельзя! — самому себе скомандовал он.

Подростка захлестнули эмоции, он пытался побороть страх и волнение. Коля взглянул на часы и попытался вспомнить, как давно ушел его отец, где он мог быть и нужно ли было впустить его обратно, если тот вдруг вернется.

Издали вновь послышалась наводящая ужас сирена самосбора. Коля прижался к двери, прислушиваясь к происходящему. Кто-то вновь пробежал мимо. Кажется, стучали по чьей-то двери. Крик. Снова быстрые шаги. Затем тишина. Тишина. Тишина.

А потом возник шепот. Тихий. Еле слышимый. Приходящий откуда-то издали. Приближающийся. Заполняющий весь коридор. Словно там были сотни или тысячи шепчущих людей. Переговаривающихся друг с другом.

Коля прижался к двери, пытаясь разобрать хоть что-нибудь. Сердце тяжело билось в груди, словно пыталось из последних сил пробиться наружу. Тяжелое дыхание мешало понимать происходящее там, за дверью. Отдельные слова тонули в бесконечном ворохе тихих слов бесчисленных людей. Он пытался понять их, но это было так же тяжело, как увидеть капли в текущей из крана воды. От напряжения его лицо сморщилось, губы пересохли.

Вдруг лицо разгладилось, будто главный источник страдания исчез. Бессмысленный шепот стихал, уступая место одному единственному голосу. Тот мерно и тихо вещал через толстую железную дверь. Слова проникали сквозь защитную стенку, успокаивая подростка. Парень впервые в своей жизни слышал его, но почему-то полностью ему доверял. Испуганная гримаса исчезала. Руки перестали дрожать. Но взгляд оставался таким же шальным и беспокойным — уже не из-за самосбора, а того, что говорил ему голос. Он прекрасно знал, что нельзя было делать того, о чем ему вещали из-за гермодвери — объясняли, просили, умоляли, настаивали. Подросток отлично помнил истории отца и отдавал себе отчет в том, чем может обернуться открытая дверь. Беспощадный самосбор мог забрать его в долю секунды. И он сомневался. Слушал. Хмурился. Вздрагивал. Думал. Держал пальцы на ручке замка.

Время летело незаметно и парень не считал, сколько прошло времени с начала самосбора до того момента, когда он щелкнул замком и открыл гермодверь.

2. Нежданные гости

Протяжный сигнал тревоги застал Андрея за семь этажей до собственной жилой ячейки. Услышав сирену, он замер, пытаясь понять, откуда идет звук и тут же бросился вниз по ступеням. Банки с концентратом и консервами, стучаясь друг о друга, гремели в авоське. Перепрыгивая по три-четыре ступени, он быстро миновал три этажа, но остановился на пустой площадке, рассчитывая время. Волнение мешало нормально думать — секунды и минуты путались в голове, и понять, успеет ли он, было невозможно. Мужчина, было, вновь бросился вниз, но остановился и подумал о закрытой на замок гермодвери, за которой прятался его сын. Открывать ее он строго-настрого запретил, и по-хорошему бежать туда не имело смысла. Вдобавок, он бы и не успел. Андрей оглянулся и устремился в ближайший дверной проход, ведущий к жилым блокам.

Под потолком горели красные лампы, заливавшие серые коридоры тревожным светом. Впереди в коридоре и дверном проеме виднелись черные силуэты бегущих людей. Одна за другой закрывались и запирались гермодвери. До ближайшей защищенной точки оставалось меньше минуты, столько же было по ощущениям до начала самосбора. Капли соленого пота бежали по лбу, щекам, касались моментально пересохших от быстрого бега и волнения губ. Рабочие ботинки стучали по бетонному полу, банки бились друг о друга, разнося по коридорам раздражающий стук. На очередном повороте в голове мелькнула мысль бросить эту проклятую авоську, но вместо этого Андрей намотал сетку на руку и прижал ношу в животу.

Он добежал до поворота и к своему счастью увидел открытую дверь, в проеме которой стояла женщина с прижатым к груди ребенком. Та, по всей видимости, сама только что добралась до собственного жилья. Увидев Андрея, она ужаснулась и тут же потянула на себя тяжелую дверь. Пользуясь случаем, он ринулся к ней, схватился за железное полотно, не позволяя женщине закрыть дверь, и протиснулся в узкий проем. Оттолкнув ее весом собственного тела, он закрыл проход и повернул ручку замка. Позади послышался крик ребенка — женщина лежала на полу, опрокинутая незваным гостем. Защищая ребенка рукой, она с ужасом смотрела на незнакомого мужчину. Он несколько раз обернулся, бросая взволнованный взгляд, и ничего не говорил, прислушиваясь к происходящему за толстым металлом. Кто-то пробежал мимо двери. Чуть позже бегом приблизились к их ячейке, шоркнули по двери и убежали дальше.

Мать с ребенком приподнялась и отползла до дивана, не спуская глаз с мужчины. Одной рукой она все так же держала дитя, а второй начала бездумно искать что-то на диване. Нашупав рукой спицу, она схватила ее и направила в сторону пришельца. Кончик ее нелепого оружия дрожал. Перепуганная мать защищала чадо, отчаянно ревущее из-за падения. Андрей вновь взглянул на женщину и удивленно поднял брови.

— Вы чего? — произнес он. — Я только на время тревоги. Сейчас закончится, я уйду.

В подтверждение мужчина поднял руки, показывая отсутствие оружие. Однако конец спицы все еще смотрел на него.

— У меня у самого ребенок там один сидит, — попытался объяснить свой приход Андрей. — Сейчас кончится, я уйду. Он один в ячейке.

Женщина будто не слышала его и продолжала сжимать в руке спицу, направляя ее на нежданного гостя. Затем хозяйка начала медленно приближаться, неуверенно переставляя

ноги. Андрей несколько секунд смотрел на перепуганную женщину, затем сделал шаг навстречу, крепко схватил руку женщины, отчего та взвизгнула, вырвал спицу и бросил ее в дальний конец комнаты. Ребенок все это время истошно кричал. Ничего более не говоря, он подошел к двери и вновь сфокусировался на происходящем в коридоре.

— У меня там муж, — слышался ее негромкий голос. — Он там.

— Не было его там, — через некоторое время ответил Андрей. — В коридоре кроме меня никого не было.

— Вы закрыли дверь, — она всхлипывала. — Он подумал, что я не дождалась.

— Там никого не было, — повторил он. — Должно быть, спрятался где-нибудь.

— А если нет? — ей было тяжело говорить. — Если вы... Если он...

Она так и не закончила то, что хотела сказать. Слова прерывались всхлипами и криком ребенка. Женщина прижала его к себе и стала укачивать, пытаясь успокоить младенца. Через пару минут Андрей вновь посмотрел на нее, опасаясь, что она могла вновь взять в руки спицу или еще какой-нибудь предмет. Та сидела, сторбившись над дитем, который постепенно успокаивался. Мужчина окинул взглядом ячейку, которая мало чем отличалась от его собственной — диван, шкаф, телевизор, письменный стол и висящий на стене ковер. Андрей задержал на нем взгляд, изучая переплетенные между собой красные, белые и зеленые узоры. Ковры в таком состоянии были редкостью и, по всей видимости, женщина потратила на него не один десяток сэкономленных талонов. Он никогда не понимал смысла подобного и, рассматривая то, что скорее всего представляло гордость хозяйки, поморщился.

Через десять минут за гермодверью слышались тяжелые шаги и бряцанье — навстречу самосбору бежали ликвидаторы. Поскольку стрельбы, криков и огнеметов слышно не было, вероятнее всего, этаж, на котором находился Андрей, не пострадал от самосбора. Оставалось надеяться, что его собственный этаж тоже был вне зоны риска. Он бросил взгляд на часы и начал отсчет времени. Ребенок успокоился и перестал кричать, но мать все еще сидела с испуганным и потерянным выражением.

Двадцать минут спустя красный свет погас, сирена замолкла и Андрей тут же открыл дверь и бросился в коридор, оставив проход за собой открытым. Он пробежал до ближайшего угла, мимо мусоропровода, затем напрямую метров тридцать по кафельному полу и оказался на лестнице. Гремя содержимым авоськи, он перепрыгивал по несколько ступеней. Старый поручень, перекрашенный бесчисленное количество раз, дрожал под весом мужчины. Тремя этажами ниже он лоб в лоб столкнулся с другим жителем гигахруща, опрокинув того, но даже не подумал остановиться и продолжил бег по ступеням. Вслед ему доносились ругательства и оскорбления, но Андрей не обращал на них внимания.

Оказавшись на своей площадке, он устремился в дверной проем. Не заметив препятствия в темном проходе, мужчина не снизил скорость и к его удивлению налетел на кого-то. Стоящий там человек с силой швырнул Андрея обратно, отчего тот ударился о бетонную стену и рухнул наземь.

— Куда прешь, идиот? — слышалось рывканье из противогаза. Направив на него ствол автомата, сверху вниз на него смотрел ликвидатор. — Идет зачистка!

— Я живу здесь! — он прижал руку с авоськой к груди. — Ячейка 12, блок Д.

— Идет зачистка! — вновь проревел противогаз. — Встать! Покинуть участок!

Вместо лишних аргументов ликвидатор приблизился пнул тяжелым сапогом ногу Андрея. Он испуганно закивал, показывая пустые руки. Из глубины коридора родного блока на него смотрели еще двое вооруженных ликвидаторов, готовые в любой момент помочь

сослуживцу. Мужчина отполз на несколько метров в сторону, аккуратно встал и спустился на несколько ступеней вниз. Стоя возле перил, он смотрел вглубь коридора, ожидая, когда группа зачистки уйдет и рассматривал ликвидаторов. К своему удивлению он понял, что они почему-то выставили оцепление на этаже, хотя красный свет уже погас. Андрей топтался на месте, не зная, как ему встать и куда деть руки. В голову лезли неприятные домыслы. Доносились неясные отрывки голосов из противогазов. Из-за вороха тревожных мыслей его охватывало сильное волнение. Прибывшая группа могла осматривать уничтоженные ячейки...

Наконец, послышалась команда и вооруженный ликвидатор снялся с поста и удалился вглубь блока, ничего не сказав Андрею. Неуверенно ступая по собственному этажу, мужчина последовал за ним. Хотя все двери были закрыты, он был уверен, что за каждой из них в тот момент стояли любопытные жители, внимательно следившие за происходящим через толстый металл. Совсем близко, за углом, послышался женский крик, продолжавшийся несколько секунд. Прижав авоську к груди, мужчина ненадолго остановился, чтобы прислушаться, но вскоре продолжил свой путь. Он все отчетливее слышал переговоры ликвидаторов и работу их оборудования.

Оказавшись в собственном коридоре, он замер на месте, изучая открывшуюся перед ним картину. На стенах и полу были видны крупные черные пятна — значит, жгли слизь; в двух местах виднелись темно-красные пятна, над которыми склонились ликвидаторы, собиравшие пробы. Рядом с одним из них рыдала соседка, держа ладонь возле рта. По измученному лицу катились крупные слезы. Она трясла головой, видимо, отказываясь верить в то, что красное пятно на полу и стене совсем недавно были каким-то близким ей человеком.

— Это не он, — всхлипывала она. — Не может быть он. Проверьте еще раз... Пожалуйста...

Стоявшие рядом ликвидаторы отошли в сторону и Андрею открылось то, из-за чего уже он готов был взвыть. Дверь его ячейки была открыта и, судя по всему, внутри тоже кто-то работал. Чувствуя, как в груди ухнуло, он нерешительно сделал шаг, смотря на вооруженных людей, и, не увидев никакой реакции, быстро пошел к своей ячейке. Уже у самого входа его вновь остановили.

— Куда? — рыкнул ликвидатор, толкая жителя в грудь ладонью.

— Я живу здесь! Это моя ячейка! Номер 12, блок Д!

— Стой здесь! — последовал грубый приказ.

— Как зовут?

— Смирнов Андрей Викторович.

— Стой здесь! Не двигайся!

Ликвидатор заглянул внутрь, получил безмолвную команду и затем указал Андрею войти. Мужчина аккуратно миновал охранника и ступил в жилую ячейку. Внутри было двое — один работал с домашним терминалом, к которому был подключен портативный компьютер. Второй, высокий и плечистый, стоял прямо посреди комнаты и смотрел на Андрея через линзы противогаза. Хозяин оглядел ячейку — на первый взгляд все было целым и, кажется, даже не провели обыск. Жестом ликвидатор приказал мужчине сесть. Тот опустился на продавленный диван и оглядел комнату — напротив стоял включенный телевизор. На дисплее было крупными буквами написано «Пауза», а чуть ниже «Уровень 13». Джойстик лежал на полу. Он прижал авоську к телу.

— Где мой сын? Его Коля зовут, — робко поинтересовался мужчина.

Ответа не последовало, и Андрей решил ждать молча, пока они сами не обратятся к нему. Оператор компьютера щелкал по клавишам своего компьютера, глядя на монитор домашнего терминала. По всей видимости, шел обмен данных. Две минуты спустя оператор повернулся и покачал головой.

— Ответ отрицательный. Это из блока Е, ячейка 20.

— Принято, — сказал старший. — Завершайте сеанс.

Оператор кивнул, вбил несколько команд, отсоединил провода от терминала и вышел в коридор.

— Ну что, Андрей Викторович? — ликвидатор повернулся к хозяину ячейки. — Разучились дверь закрывать после выхода? Вас в коррекционный центр направить?

— Я всегда закрываю! — попытался оправдаться Андрей. — Я закрываю! Я выходил! Вот! — он поднял авоську с едой. — Здесь мой сын был. Коля! Хотя он тоже дверь всегда закрывает! Я его всегда так учил! А, кстати, где он?

Напуганный отец выглянул в коридор, откуда виднелись красные разводы на полу. Их уже счищали двое химиков, используя пульверизатор и щетки. Он сухо слотнул, наблюдая за действиями специалистов.

— Нет здесь вашего сына. Где он, мы не знаем.

На губах Андрея промелькнула нервная улыбка, хотя страх и волнение несколько не уменьшились.

— А как? А где он? Он здесь был до самосбора. Он в игру играл, вон, на паузе стоит.

— Мы не знаем, где ваш сын, — грозно повторил ликвидатор. Несколько секунд тот стоял молча, а затем добавил. — Александр Некрасов знакомое имя?

— Нет, — Андрей нахмурился, несколько секунд подумал и мотнул головой, — не припомню что-то. Это кто?

— Одноклассник вашего сына. Этаж 412, блок В.

— А, Сашка что-ли? — озарило мужчину. — Сашка Некрасов! По фамилии его не знаю. Поэтому не сразу понял.

— У нас есть вполне точная информация, что Александр Некрасов связался с чернобожниками. В прошлом цикле он ушел от семьи, скорее всего, к сектантам. Мы думаем, что ваш сын Николай также отправился к ним.

— Чернобожники?.. — Андрей удивленно открыл рот. — Да он же никогда не... Он же ни разу... Этого не может быть.

— Может-не может, — ликвидатор хмыкнул. — А факт связи с чернобожниками установлен.

— А как Коля?.. — удивленный мужчина поднял руку, словно просил милостыню. — Он же не мог уйти во время самосбора.

— Вы сами не из сектантов? — проигнорировав вопрос, произнес мужчина в противогазе.

— Я? Нет, что вы! — он отрицательно качнул головой несколько раз.

— А это что? — ликвидатор указал большим пальцем через плечо.

Хозяин ячейки только сейчас заметил, что куски материи, изображавшие занавески, были распахнуты и за ними прямо по центру стены виднелась квадратная картина из двух горизонтальных полос. Нижняя, та что потоньше — зеленая, верхняя потолще — голубая с желтым кружком в углу.

— Это что, я спрашиваю? — он повторил вопрос, который звучал еще более грубо и настойчиво.

— Это... — Андрей смутился и стал вспоминать заранее придуманные оправдания как раз на такой случай, но он никак не мог преодолеть волнение и в итоге сказал правду. — Это земля и небо. И солнце.

— А что такое, по-твоему, земля? Что такое небо?

— Ну это... — мужчина снова задумался. — Это там, за пределами гигахруща.

— Идиот, — констатировал ликвидатор. — Нет никакого неба. И сына у тебя больше нет.

— Так он не в самосборе пропал? — с надеждой спросил Андрей. — Он ушел, получается?

— Вот за это с вас тоже надо бы спросить, — ликвидатор указал на плакаты, висевшие на стене. — За воровство общественного имущества. Но в данной ситуации закроем на это глаза.

— Так ведь это, — хозяин с глупым выражением пытался оправдаться. — Так ведь мы наоборот. Коля же в ликвидаторы хочет. В НИИ поступит.

Ликвидатор проигнорировал расстроенного отца и лишь непонятно мотнул головой, направляясь к выходу. Андрей, чувствувавший дрожь во всем теле, сопровождал его взглядом и уставился на дверной проем, мимо которого прошли еще несколько вооруженных бойцов. Послышался новый голос — низкий, но громкий и не «противогазный». Человек говорил уверенно, по-хозяйски. Этот голос, полный позитивного, почти радостного настроения, ярко контрастировал с тем, что только что пережил этот блок.

— Так, значит, говорите, трое пропало? Двоих подтвердили? Кровь и все? — в ответ на каждый вопрос раздавался бубнеж ликвидатора. — Это точно? Их не могли утащить? А третий кто? Мальчонка? Следов не осталось? Значит, сбежал, — последовал продолжительный бубнеж. — Конечно, сбежал. Чернобожники, к сожалению, сюда давно кинули свою сеть.

Андрей увлеченно вслушивался в разговор, который становился все громче и отчетливее. Источник голоса приближался.

— С отцом говорили? Ничего не знает, да? Ну что-же, ладно. Посмотрим. Распространите информацию по ближайшим участкам. Может, скажут что-нибудь.

В дверном проеме возник силуэт невысокого полного мужчины с портфелем в темно-сером костюме, от вида которого Андрей в удивлении поднял брови. Незнакомец на секунду остановился, чтобы заглянуть внутрь открытой ячейки. Он, кажется, еле-еле улыбнулся и пошел дальше, сопровождаемый ликвидатором.

— Партократ? — вслух сам себя шепотом спросил мужчина. — А он что здесь делает?..

Между его бровей пролегла глубокая складка. Сидя на продавленном диване перед стеной, увешанной изображениями ликвидаторов, Андрей прогонял в памяти прошлые самосборы и работу на заводе, пытаясь вспомнить, видел ли он хоть раз представителя верхних и лучших этажей гигахруща.

3. Горе отец

Андрей просидел так еще целый час, тупо глядя перед собой. Любопытные прохожие, в основном обитатели блока, останавливались возле приоткрытой гермодвери в ячейку Андрея. Большинство задерживали взгляд на несколько секунд, озадаченно хмурились и шли дальше, но другие, уже знавшие о случившемся или предполагавшие, то сочувственно качали головой, то осуждающе цыкали. До беспамьятства погруженный в думы мужчина сидел на диване, уставившись в одну точку. Перед глазами стоял образ сына, который так непонятно и глупо пропал. Андрей вспоминал последние циклы, прошедший гигацикл, походы Коли в школу, разговоры с учителями, пророчившие большое будущее умному отпрыску. Намеков на связи подростка с сектантами не было. Парень он был, сообразно своим годам, немногословный и предпочитавший скрывать переживания. Но секта и религия никогда не возникали в поле зрения отца.

Из глубины коридора, кажется, с лестницы, послышался далекий крик, вернувший Андрея к реальности. Он бросил взгляд на открытую дверь, затем на часы и ужаснулся тому, сколько времени прошло с момента ухода ликвидаторов. Встав с дивана, он чуть не рухнул из-за затекших от долгого сидения на неудобном диване мышц. Доковыляв до гермодвери, он захлопнул ее и оглядел комнату, тускло освещенную одинокой лампочкой под потолком. В углу стоял письменный стол с кипой тонкий тетрадок на нем. Немного подумав, Андрей сел за стол и стал пролистывать школьные заметки сына.

Все записи, посвященные темам уроков были как всегда оформлены аккуратным и понятным почерком — еще одна черта, которая, казалось, досталось Коле в наследство от матери. Формулы, графики, рисунки, чертежи с подписью под каждой будто бы скопировались сами собой из типографских учебников. Однако на последних одной-двух страницах мальчик словно пытался отыгаться за чрезмерный порядок и изливал на бумагу накопившуюся потребность в хаосе. Нагромождения узоров, черточек, кружочков соседствовали с непонятными надписями и рисунками всего того, что подросток видел или слышал каждый день вокруг себя — мальчики, девочки, учителя, ликвидаторы, монстры из игр, чудовища, о которых ходили слухи, мутанты, лежавшие на полу наркоманы, алкоголики с бутылкой в руке, и, вдруг... кресты, вписанные в круг, характерные звезды, люди с темными глазами и лицами, и бородатый мужчина, восседавший на троне.

— Неужели? — вырвалось у Андрея.

Он принялся с большим остервенением искать в школьных записях свидетельства того, что Коля мог связаться или хотя бы даже заинтересоваться сектантством. Еще в нескольких тетрадях он нашел рисунки с крестами, звездами, бородатым мужчиной и его последователями в разных сюжетах. Тут они поклоняются ему, там пьют что-то то ли из рук, то ли из чаш, здесь они собрались в круг и делают нечто непонятное.

— Да неужели? — вновь повторил отец и закрыл лицо ладонью. — Как я мог проглядеть?

Мужчина потратил еще около часа на то, чтобы внимательно изучить все вещи сына — одежду, игрушки, книги. Он аккуратно достал из-под дивана тайник Коли, о котором давно знал, но больше никаких указаний на связь или интерес к чернобожникам или кому-либо еще не нашел. Уже закончив, ему пришла в голову важная идея и он потратил еще минут двадцать на то, чтобы найти недостающие вещи. Но, казалось, все было на своих местах —

недоставало только той одежды, в которой Коля играл в «Ликвидаторов».

— Сашка Некрасов, — вдруг вспомнил Андрей. — Этаж 412, блок В. А ячейка какая?

Он принялся искать уже в своих записях и вскоре нашел нужный номер. Он хотел было отправиться в путь тогда же, но, взглянув на время, понял, что было уже слишком поздно. Требовалось подождать еще часов восемь прежде, чем идти на визит к Смирновым. Перевозбужденный мужчина плюхнулся на диван, глядя на цифру 13 на экране. Он пытался прогнать в голове произошедшее, но мозг отказывался находить в прошлом или настоящем новые детали.

Андрей выключил свет и лег на свой диван, оставив телевизор включенным. Взбудораженный, он долгое время не мог уснуть и ворочался с боку на бок, думая о пропаже сына и планах на следующие сутки. В какой-то момент, незаметно для самого себя, он уснул, но сон его был такой же беспокойный. Вид собственной ячейки перемешивался с тягостной дрёмой, порождая пугающие картины сновидений. Там была его жена, пристально смотрящая в глаза Андрею, разлитая по полу черная жижа, крики, щупальца из-под гермодвери, бегающий по комнате маленький Коля и, внезапно, ликвидаторы, поливающие его огнем из оружия, выползающие из экрана монстры и следовавшие за ними люди с темными лицами. Все виданное и невиданное смешивалось в сознании, изматывая и без того уставшего мужчину.

Будильник запиликал ровно в семь. Андрей поднял тяжелые веки, оглядел пустую комнату и прикоснулся к груди. Вся одежда промокла от ночных кошмаров. Превозмогая усталость, мужчина принял сидячее положение и попытался вновь вспомнить прошедшие сутки и определиться с планами на ближайшее будущее. Кивнув самому себе, он встал и принялся готовится к выходу. Поменяв одежду и употребив дозу питательного концентрата, который он даже не разбавил подсластителями, Андрей собрал сумку, проверил терминал и покинул ячейку, плотно закрыв за собой гермодверь.

Согласно сводкам, самосбор уже давно не заливал этажи, пролежавшие между ячейкой Андрея и жильем Некрасовых, поэтому в лифте было ехать слишком рискованно. Он добрался до ближайшей лестницы и начал долгий подъем на три десятка этажей вверх. Добравшись до нужной площадки, он был весь потный с зудящими ногами. Мужчина отдохнул несколько минут и продолжил путь до блока В. По пути ему попало несколько человек — они со смешными во взгляде испугом и интересом оглядывали путника. Почти у самой искомой ячейки под ногами лежал пьяный мужчина — тот в грязной засаленной одежде оперся спиной о бетонную стену и бездумно смотрел перед собой, сжимая в ладони бутылку с недопитой жидкостью. Андрей слегка поморщился при его виде.

Стоя перед ячейкой Некрасовых, Андрей поднял кулак, чтобы постучать в гермодверь, но остановился. Он простоял так с полминуты, представляя возможный диалог с родителями Сашки. Наконец, он легко ударил несколько раз в дверь и стал ждать. Через минуту он постучал еще раз, но ответа снова не было. Он повторил те же действия через две минуты, но и тогда гермодверь осталась закрытой. Андрей окинул взглядом железное полотно — на двери были пятна ржавчины и содранная краска, словно там никто не жил.

Немного подумав, Андрей подошел к соседней двери и постучался. Никто не открыл. Он перешел к следующей гермодвери и несколько раз стукнул костяшками по железу. Вскоре дверь приоткрылась, откуда на него взглянуло подозрительно-злое лицо пожилой женщины.

— Че надо?

— Здравствуйте! — он старался быть подчеркнуто вежливым.

— Че надо, спрашиваю? — перебила его бабка.

— Я пришел к Некрасовым в...

— Не знаю я никаких Некрасовых. — огрызнулась та и захлопнула дверь.

Андрей перешел к двери напротив, но там никто не открыл. За следующей дверью послышалась возня, но и там не пожелали говорить с неожиданным гостем. К счастью, гермодверь напротив ячейки Некрасовых открылась хоть и лишь на несколько сантиметров — между косяком и дверью тянулась толстая цепочка. Крепко держась за дверную ручку, из щели на него смотрело лицо морщинистого и седого мужчины.

— Здравствуйте! — поздоровался Андрей.

— Приветствую, — сухим голосом отозвался мужчина. — Что вам нужно?

— Я к вашим соседям напротив, — он указал пальцем через плечо, — к Некрасовым. Не у них никто не открывает. Они все еще живут здесь?

— Насколько мне известно, да, — седой мужчина кивнул. — Наверное, вы тихо стучали. Попробуйте посильнее.

— Ладно, я попробую, — Андрей нахмурился. — Спасибо!

Он перешел к ячейке напротив и несколько раз сильно постучал, но безрезультатно.

— Вы ведь знаете, что Михаил, скажем так, чересчур импульсивный? — послышался голос из все еще открытой двери напротив.

— Что, простите?

— Я говорю, что Михаил — человек импульсивный ввиду того, что любит выпить. Вы, кстати, все равно слабо стучите. Попробуйте ногой.

Андрей немного подумал и три раза ударил по двери носком тяжелого рабочего ботинка. Наконец, за дверью послышался голос, но, судя по его тону, ничего хорошего не предвещавший. Щелкнул замок и дверь распахнулась, явив в проеме крепкого мужчину.

— Чего стучишь?! — он пахнул на гостя крепким перегаром. — Тебе руку сломать?

— Здравствуйте! — на автомате произнес Андрей, убирая руки за спину. Правой он откинул клапан сумки и нащупал холодную рукоять гаечного ключа. — Меня зовут...

— Чего надо?! — пьяница подался вперед, отчего неожиданный гость непроизвольно отшатнулся.

— Меня зовут Андрей, я отец Коли, он — одноклассник вашего сына, — протараторил он. — Мне поговорить надо.

— Одноклассник? — недовольно повторил хозяин ячейки. — Чего хочешь?

— Поговорить надо. По поводу моего сына и вашего. Коли и Саши, — он крепко сжимал холодное оружие, готовый при необходимости пустить его в дело. На него смотрели злые глаза, в которых, тем не менее, появилась искра сознательного интереса. — Вас ведь Михаил зовут? Позвольте, я зайду?

Мохнатые брови странно колыхались над полупьяными глазами. Мужчина хмыкнул, кивнул и отправился вглубь комнаты. Андрей последовал за ним. Он закрыл дверь и щелкнул замком. Вскоре в коридоре закрылась еще одна дверь — напротив.

Все еще держа руки за спиной рядом с сумкой, Андрей сделал несколько неуверенных шагов вглубь ячейки за хозяином. Тот, переваливаясь с ноги на ногу и покачиваясь, проследовал на кухню и тяжело сел за обеденный стол. Там стояла бутылка с толстыми стенками, сквозь которую не было видно содержимого и опрокинутый на пол стакан. Михаил со злостью потер затекшее лицо и издал некое подобие рыка. Потом поднял красные

глаза на гостя.

— Ну, чего встал там? — недовольно произнес хозяин. — Как, говоришь, тебя зовут?

— Андрей.

— Садись, что-ли! — Михаил выпнул из-под стола вторую табуретку. — Выпьем за знакомство.

Пальцы хозяина дрыгались, будто тот быстро печатал на клавиатуре, и Андрей замешкался в коридоре. Сидеть рядом с этим типом не хотелось.

— Я постою, спасибо. Да и пить не буду — рано очень.

Михаил свел брови, рассматривая чудного пришельца — от выпивки в его окружении не отказывались.

— Так зачем ты пришел? — в голосе появилась усталость, будто он хотел спать. — Про сына моего, говоришь?

— Да, про него, — неуверенно начал Андрей.

— Ну и что там про Сашку можешь сказать?

— У меня самого вчера сын пропал. Приходили ликвидаторы, сказали, что он к чернобожникам подался, — мужчина пытался хорошо подбирать слова. — Где он, говорят, не знают. А потом сказали, что Коля дружил с вашим сыном Сашей. И он, говорят, тоже пропал. Цикл назад ведь?

Михаил внимательно, насколько он вообще мог, слушал гостя. На последних словах он слабо закачал головой. Вдруг из-за спины прямо над ухом послышался женский голос, заставивший Андрея вздрогнуть.

— Мой сын пропал гораздо раньше.

Чувствуя быстрые удары сердца в груди, Андрей медленно повернулся. Прямо позади него стояла худая женщина с бледной кожей. На руках выделялись синие пятна. В запавших, кажется, заплаканных, глазах читалось то ли обида, то ли злость.

— Моя жена Елена, — вспомнил про правила приличия хозяин.

— Здравствуйте, — негромко произнес гость.

В ответ она лишь кивнула головой. Андрей повернулся боком, чтобы пропустить Елену на кухню, но та лишь поморщилась.

— Так что вы сказали про Сашу?

— Я сказала, — она поджала губы. — Что пропал он не цикл назад, а раньше.

Михаил с силой ударил по столу и впился злым взглядом в жену.

— Замолчи.

— Или что? При незнакомце тоже меня бить будешь?

Хозяин, двигая челюстью, несколько секунд молча смотрел на женщину, но потом отвел взгляд и закивал. Затем поднял с пола посуду, открыл бутылку, вылил остатки в стакан и залпом осушил его. Вытерев губы, Михаил начал говорить.

— Сын связался не с теми. Поверил сказкам. Думал, что переубедил его, отговорил, не нет. Ушел парень.

Елена сложила руки на груди и, слушая рассказ мужа, несколько раз тихо фыркнула.

— Мы с работы вернулись вечером. А его нет. Все вещи остались дома, — он замолчал.

— У меня почти так же, — произнес Андрей. — Только я за концентратом вышел. А его нет.

— Как, говоришь, твоего зовут?

— Коля.

— Кажется, Саша про него что-то говорил. Они одноклассники?

— Да, несколько гигациклов вместе учатся.

— И он тоже со сказочниками связался?

— Сказочники?

— Ну да. Чернобожники, которые сказки рассказывают. Про перерождение, самосбор и прочее.

— Я о таком не знаю, — Андрею было стыдно в этом признаваться. — Но в тетрадях я нашел странные рисунки, — он как можно понятнее описал то, что нашел на последних страницах школьных заметок.

— Похоже, что связался-таки, — произнес Михаил, внимательно выслушав историю. — Что делать собираешься?

— Я не знаю, — он вновь ощутил странное чувство стыда из-за собственного бессилия. — Я думал, может, вы знаете.

— А я что? — в голосе вновь зазвучала агрессия. — Думаешь, я бы здесь сидел, если б знал?

— У меня были ликвидаторы. Но они ничего не сказали. Говорят, не знаем, где он. И все.

— Ликвидаторы... — с презрением повторила Елена.

— Да эти черти!.. — Михаил вновь ударил кулаком по столу, отчего стакан и бутылка подпрыгнули. — Толку от них...

В ячейке повисла тяжелая пауза. Все думали об одном и том же — пропавших детей. Андрей переминался с ноги на ногу, не зная, что сказать. Вскоре тишину нарушил Михаил.

— На самом деле, — начал он, — есть у меня идея. Но она сопряжена с определенными рисками.

— Что за идея? — спросил заинтригованный Андрей.

— Я думаю, знаю, где искать моего сына. И, получается, твоего тоже.

— Где? — его захлестывало волнение.

— У этих чернобожников, — медленно начал Михаил. — есть церковь на двухсотом этаже. Всех новеньких должны отводить туда.

— Давай ты не будешь... — начала жена.

— Закрой рот, дура! — закричал хозяин ячейки.

Все трое вновь замолчали. Выждав, когда напряжение чуть спадет, Андрей заговорил.

— Если вы знаете, где он, почему не скажете об этом ликвидаторам? Они должны с этим разобраться.

— Тебе сколько лет? — раздраженно начал Михаил. — Ты дурак? Ты веришь во всемогущих ликвидаторов?

Андрей молчал, оскорбленный вопросами. Елена еще раз фыркнула и ушла в комнату.

— Ты еще не понял, что они ничего не могут сделать? Церковь чернобожников на нижних этажах. Туда надо посылать военную экспедицию. Ради одного соплежуха они этого делать не станут.

Он взялся за бутылку и безрезультатно попытался налить себе выпивки. Поняв, что тара пуста, он с громким ударом поставил ее обратно. Несколько секунд Михаил молча рассматривал гостя.

— Моя идея, — начал он, — самим сходить туда. И попытаться забрать сына.

Андрей молча смотрел на хозяина, представляя, что их могло ждать впереди. Если

церковь была на двухсотом этаже, значит, им предстояло проделать путь минимум в пятьдесят этажей по ничейной территории. Что их там могло ожидать, никто не знал.

— Страшно? — спросил Михаил и пугающе улыбнулся. — Если б все было просто, тебя бы здесь не было.

— Как мы туда пойдем? — ответил вопросом на вопрос Андрей, не совсем понимая хозяина ячейки.

— Мы? — он расплылся в еще более широкой улыбке. — Мне нравится твоя решимость. Андрей, говоришь? — гость кивнул. — На ногах туда пойдем.

— Не надо вам туда идти, — послышался голос жены из комнаты.

— Замолчи, дура, — уже спокойнее приказал Михаил. Затем обратился к мужчине. — Путь туда и обратно займет сутки-двое. В самой церкви, я предполагаю, долго мы не задержимся. Скорее всего, придется применить силу, если ты понимаешь, о чем я.

— Думаю, да. — Андрей немного подумал. — У меня нет оружия.

— С этим я помогу, но нужны будут талоны. У тебя есть запас?

— Да, но я не считал.

— Тридцать будет?

— Да, должно хватить.

— Тебе надо будет принести мне эти пятнадцать талонов. И еще потребуется противогаз и запас еды на двое суток.

— Ладно. С этим проблем не будет.

Михаил молча смотрел на гостя, думая о чем-то своем.

— Принеси мне талоны. На них я куплю оружие.

Андрей окинул взглядом хозяина и стол.

— Нет, — негромко ответил он. — Вы на свои купите, а я потом расплачусь за оружие по факту.

На лице Михаила вновь появилась зловещая улыбка.

— Ладно, — он кивнул. — Когда сможешь выйти?

— Хоть сейчас.

— Тогда пойдем завтра. Ты, говоришь, где живешь? — Андрей назвал адрес. — Тогда завтра в это же время я буду у тебя. Подготовь оплату.

— Еще что-нибудь надо?

— Нет, ничего больше. Самое главное — настрой. Путь предстоит неблизкий, — Михаил несколько секунд подумал, затем добавил. — Сейчас тебе время уходить.

Андрей постоял молча с полминуты, думая о чем можно было спросить, но в итоге направился к выходу.

— Адрес мой запомнили? — спросил он у двери.

— Запомнил, запомнил, — послышался голос из кухни.

— Тогда до завтра.

Уже отперев гермодверь, Андрей взглянул на Елену, сидевшую на стуле прямо напротив. Та, смотря на него странным взглядом исподлобья, несколько раз мотнула головой из стороны в сторону и прошептала «Не ходите». Ничего не говоря, Андрей постоял несколько секунд, пожал плечами в ответ и вышел.

4. Ко тьме

По пути обратно через длинные бетонные коридоры и обшарпанные давно некрашенные лестницы Андрей думал о том, с кем только что познакомился, и что ему предложили. Уже дома, вновь сидя на продавленном диване, он вспоминал лицо (и отвратительный запах) Михаила и предостережения Елены. Этот человек не вызывал никакого доверия, и у Андрея даже появилось мысль о том, чтобы написать через домашний терминал сообщение о том, что он передумал. Однако после того, как он вновь пролистал тетради пропавшего сына, облазил каждую щель в доме и не нашел ничего, что могло бы помочь, Андрей написал другому человеку. В коротком сообщении своему начальнику-бригадиру он пожаловался на внезапный недуг и попросил один-максимум два дня отгула на то, чтобы восстановить силы. Спустя всего десять минут пришел ответ — Андрею, будучи ответственным работником, без проблем удовлетворили просьбу. Он подготовил вещи, сходил за дополнительной порцией концентрата и, вернувшись обратно, стал вновь думать о том, во что собирался ввязаться.

Незаметно для самого себя он уснул и вновь видел кошмары о сыне, жене, чудовищах и новом человеке, который обдавал запахом перегара даже в сновидении. Пыльные коридоры и лестницы растягивались до бесконечности, когда впереди маячил образ Коли и будто бы укорачивались, когда позади возникали уродливые чудища.

— Тебе чего надо? — рычал над ухом Михаил, плод его воображения. — Ты зачем сюда пришел?

Вздрагнув от страха, переживаемого во сне, Андрей проснулся. Электронный циферблат показывал половину шестого. Последующие минуты и часы тянулись невыносимо долго — он быстро сделал все необходимое, перепроверил сумку и стал ждать гостя. Когда часы показывали без двух минут восемь, Андрей, несмотря на ожидание, вздрогнул от неожиданности. С волнением в душе он приоткрыл гермодверь и увидел стоящего в коридоре Михаила, который тут же обдал его запахом перегара.

— Ну что, дай войти что ли?

Хозяин впустил гостя и, глядя тому в спину, позволил себе улыбнуться — любитель выпивки пришел, как и обещал, ровно через сутки после их расставания. Это вселяло определенную надежду. Когда щелкнул замок, Михаил вновь заговорил.

— Талоны подготовил?

— Да, конечно. Вон, на комод.

Гость бросил взгляд на стопку бумажек на столе и полез себе в сумку. Он достал черный пистолет с обоймой и протянул его Андрею.

— Пользовался когда-нибудь?

— Нет, даже в руках не держал.

— Тут просто. Снимаешь с предохранителя, — послышался щелчок, — направляешь на урода, нажимаешь на спусковой крючок, бам! — он вновь щелкнул предохранителем и протянул оружие Андрею. — Повтори.

Тот сделал те же манипуляции.

— Он сейчас не заряжен. — продолжил гость. — Когда выйдем в серую зону, я дам патроны. Где твоя сумка? Выкладывай все, что там есть, мне надо посмотреть.

Андрей смутился, но последовал команде. Вскоре на письменном столе оказалось все содержимое сумки — противогаз, две бутылки воды, несколько пачек и банок с едой,

гаечный ключ, фонарь и рабочее удостоверение.

— Нормально. Складывай все обратно, мы выходим.

Когда Андрей положил вещи в сумку, перекинул ее через плечо и подошел к двери, он услышал последние наставления.

— Сейчас пойдем на нижние этажи. Нам надо быстро добраться до трехсотого этажа. Всегда идешь за мной, вопросов не задаешь. Если остановят или спросят, говори, что идем к моему знакомому электрику. Ты его не знаешь, понял? Там найдем проход в серую зону. Оттуда в церковь к проклятым чернобожникам. Смотри в оба, будь внимателен, но не выпучивай глаза.

— Понял, постараюсь.

Михаил, источая запах перегара, постоял и подумал о чем-то еще секунд десять, потом махнул рукой.

— Пошли.

Они покинули ячейку и начали свой путь в гигахруще. Время было самое удачное для длительных переходов — в столь ранний час по бетонным полам шаркали и ступали ботинки тысяч работников, идущих на место работы или службы. Все они были похожи друг на друга — уставшие лица, потертая одежда и отсутствие интереса к прохожим. Перед глазами проносились цифры ячеек, буквы блоков и этажей. Андрей пытался понять, каким путем они идут, но Михаил выбрал странный маршрут и, казалось, готов был в иных местах петлять кругами. Они вышли к лифту.

— Ты смотрел новости по самосбору? В лифте не опасно? — поинтересовался Андрей.

— По лестницам замучаемся, — грубо отрезал Михаил.

Через минуту двери старого лифта с грохотом распахнулись и двое зашли в тесное пространство с исписанными стенами. Михаил щелкнул на нижнюю кнопку и стальная коробка начала свой путь вниз. В свете тусклой мерцающей лампы Андрей рассматривал надписи и картинки дверях. Там он заметил знакомые кресты и воззвания к тем, кто еще не уверовал в чернобога. Он указал на рисунки.

— Эти уроды здесь повсюду, — недовольно изрек проводник. — Бродяги, соседи, продавцы. Можешь даже не знать о том, что человек — верующий. В первый раз видишь?

— Нет, я и раньше замечал, но как-то не обращал внимания.

— И обратить в свою веру не пытались?

— Один раз на работе, — вспомнил Андрей, — коллега как-то начал странные разговоры. Про гигахрущ, людей здесь, чернобога. Но мне было неинтересно. А потом он пропал.

— Почему неинтересно?

— Да глупость какая-то, — он перебирал кадры из прошлого в голове. — Самосбор как великая сущность. Чернобог, указывающий путь. Про жижу там что-то...

— Значит, чернобог — глупость, а небо — нет? — Михаил бросил скептический взгляд.

К своему стыду Андрей понял, что не закрыл занавески перед тем, как впустить гостя.

— Небо — это не то, — он пытался оправдаться и подбирал слова. — Просто звучит красиво. Что есть за пределами гигахруща что-то такое. Красивое. Голубое. Высокое. Не знаю, как объяснить.

— Значит, в выход из гигахруща тоже веришь?

— Да. Верю, — скромно ответил Андрей. — Ведь у всего есть выход, даже...

— Свой бред оставь для девок. — прервал его Михаил.

Оставшуюся часть пути они проехали молча. Когда дверь распахнулась, они вышли в коридор, который ничем не отличался от того, из которого они прибыли. Разнилась только цифра этажа. Весь следующий час они брели по гигахрущу, опускаясь все ниже по лестницам и лифтам. На встречу им попадались идущие работники, лежащие в углах пьяницы, местами исписанные стены, бегающие дети и недовольные старики, чудом дожившие до морщин и седой головы. Андрей увлеченно рассматривал обитателей нижних этажей — они чем-то отличались, но чем, он никак не мог понять. Зато он заметил другую характерную черту. Тут повсюду были расклеены плакаты о наборе в ликвидаторы. Андрей даже подумал сорвать со стены картинку с гранатометчиком — одну из тех двух, которой недоставало в коллекции сына, но тут же одумался.

Стоя в очередном лифте, Андрей поинтересовался у провожатого.

— Я смотрю, тут агитация ликвидаторов сильнее, чем на наших этажах.

— Всегда так.

— Что именно?

Михаил грубо выругался из-за того, что его принуждали к разговору.

— На пограничных этажах и блоках жизнь беднее. За возможность дополнительного пайка или переезда в блок получше многие пойдут на риск. Даже на ликвидаторство. Я сам здесь раньше жил. Повезло переехать.

— Понимаю, — произнес Андрей, покачав головой. — Здесь, должно быть, небезопасно.

— Правильно понимаешь, — грубо продолжил Михаил. — Ты, считай, в отличном месте живешь.

— А я все равно мечтаю переехать повыше, — признался мужчина. — На пятисотый или даже шестисотый. Там, говорят, хрущ лучше. Да и люди лучше.

— Мечтай больше, — собеседник поморщился. — Ты кто такой, чтобы тебя туда переселили?

— Да я — никто, собственно.

— Кем работаешь?

— Наладчик производственной линии. На трубопрокатном.

— Да? — вдруг оживился Михаил. — Что катаете?

— Трубы. Трешку, пятерку, пятнашку. Иногда тридцатку, но ее редко.

— Водопроводные трубы, получается?

— Конечно.

— Которые в стенах стоят?

— Ну да, у тебя, у меня, везде.

Михаил несколько секунд обдумывал следующие слова.

— Никогда не было интересно, откуда вода приходит и куда уходит после использования? И откуда она вообще здесь?

— С водоочистных станций, конечно. — ответил Андрей, ожидая подвоха. — Между триста тридцатым и триста сороковым где-то в блоке Н должна стоять. И еще одна есть...

— Ты там был? — перебил Михаил.

— Нет, ни разу.

— А кого-нибудь знаешь, кто лично был?

— Бригадир нам про станцию рассказывал. — он пытался вспомнить истории начальника. — Но не помню, был он там лично или нет.

— Вот и думай. — загадочно произнес Михаил. — У нас так многое приходит непонятно откуда. Еда, скажем. Или одежда. Где это делают? Как производят? Из чего?..

Андрей думал было ответить и уже открыл рот, но лифт задрожал и с шумом остановился. Его компаньон тут же покинул тесную кабину и быстро продолжил путь. Они шли еще минут двадцать по однотипным коридорам, которые отличались только краской на стенах и в иных случаях кучками мусора. Выйдя к очередной лестнице, ведущей вниз, проводник остановился, чтобы прислушаться к происходящему в соседних помещениях. Никого не было вокруг и лишь вдаль доносились чьи-то шаркающие шаги. Андрей задержал дыхание от внезапного напряжения. Михаил сделал два шага к ближайшей технической двери и, проделав какие-то манипуляции с дверной ручкой, открыл ее.

— Заходи! — прошептал он.

Андрей заглянул внутрь небольшой комнаты с кучей труб и вентиляей.

— Заходи, чего встал? — Михаил злобно толкнул его внутрь и зашел сам. — Ты идиот? Слушай, что тебе говорят.

Он вновь осуществил невидимые для Андрея операции с ручкой, видимо, чтобы запереть ее. Затем повернулся и пошел в угол, где располагался вертикальный стояк с несколькими трубами. Он нагнулся и отодвинул в сторону кусок мебельной плиты, закрывавшей дыру в полу.

— Сейчас полезем вниз по трубам, — тихо объяснил Михаил. — Надо спустится метров тридцать. Там будет серая зона. Никаких разговоров, ясно? Если хочешь что-то спросить, постучи легонько по плечу. А лучше ничего не спрашивай. Дай пистолет.

Андрей достал оружие и протянул проводнику. Тот взял из своей сумки обойму, демонстративно вставил ее внутрь и передернул затвор.

— Теперь он заряжен. Помнишь про предохранитель? — последовал кивок. — Направишь на меня, я тебе руку сломаю. Действуй только по команде. Отсебятину не твори. Вопросы есть? Вот и ладно. Когда полезешь за мной, надо будет закрыть лист. Поставить его вот сюда.

Сказав это, он поправил сумку, взялся за трубу и поставил ногу на что-то расположенное ниже уровня пола. С необычной для любителя крепкой выпивки ловкостью он исчез в темной дыре. Андрей взглянул на пистолет, немного подумал, убрал его в сумку и последовал за проводником.

Спуск вниз в темноте казался вечностью — непривыкшие к такой нагрузке мышцы вскоре начали ныть, пальцы скрипели от нагрузки и постоянно норовили соскользнуть, колени бились о выступающие вентиля и мелкие трубы, и Андрей никак не мог найти под собой новую опору — приходилось долго прощупывать ботинком пространство под собой, чтобы найти, куда поставить ногу. Всякий раз, когда неловкий мужчина становился источником звука в этом тесном пространстве, снизу слышался недовольный шепот. Андрей не мог разобрать конкретных слов, но, судя по опыту взаимодействия с Михаилом, тот одаривал его отборными оскорблениями. По всей видимости, проводник неоднократно совершал спуск по этой нелегальной артерии, потому что быстро оказался внизу, при этом почти бесшумно.

Когда Андрей почувствовал под ногами пол, вся спина была мокрая, по лицу катились соленые капли, а пальцы отказывались нормально разгибаться. Он утер рукавом пот со лба и тихо обратился к проводнику, который ждал его при тусклом свете фонаря:

— Ну и спуск! — он пытался отдышаться. — Обратно тоже здесь пойдём?

— Да, — даже в такой короткий ответ он умудрялся вложить недовольство.

— А полегче пути нет? Может по лестнице? Я второго такого не выдержу.

— Второй раз и не надо будет. Подъем всегда легче спуска, поэтому не ной. Где пистолет?

Андрей открыл клапан на сумке, показав торчащую из бокового кармана рукоять. Михаил кивнул.

— Здесь надо идти тихо. Свой фонарь не используй, просто иди за мной. Если услышим голоса, звуки шагов, все выключаем и ждем. Если что, дам тебе знать жестом, что делать. Отдохнул?

Невзирая на то, что его дыхание еще полностью не восстановилось, а руки дрожали от усталости, он кивнул. Михаил щелкнул замком, дверь технического помещения открылась и они вышли в коридор.

Волнение переполняло Андрея — казалось, надо было контролировать каждое движение ноги, чтобы переставлять ботинки, и каждый вдох. В полутьме он быстро шел за провожатым, удивляясь тому, как тот ориентируется в помещениях. Здесь повсюду царило запустение — то были все те же бетонные коридоры с заплатками дверей по обе стороны, но отсутствовали детали обжитого пространства. Номера ячеек на дверях были стерты, провода на стенах оборваны, крышки электрощитовых местами вырваны и больше всего пугали темные пятна на стенах, полу и иногда потолке. Их природу при таком свете определять не получалось, но Андрей точно знал, что ничего хорошего они не обещали — это была либо застарелая кровь, либо следы самосбора. Подумав о последнем, он сухо сглотнул.

Немного подумав, он догнал проводника и постучал ему по плечу. Михаил повернулся к Андрею — в темноте его рубленый профиль, выделявшийся на фоне свечения фонаря, смотрелся зловеще.

— Че? — грубо прошептал тот.

— Я тут подумал, — неуверенно начал Андрей, — а если самосбор начнется, как мы пойдем? И куда прятаться?

— Ты идиот? — кинул проводник и продолжил движение.

Без лишних напоминаний Андрей последовал за ним, поджав губы от едкой обиды. Там, наверху, он никогда не испытывал на себе такое отношение, но здесь приходилось терпеть.

Они продолжали свой молчаливый путь по заброшенным этажам гигахруща, в которых люди никогда не задерживались. По какой-то причине жизненное пространство общежития не расширяли в этом направлении, предпочитая оставлять их необитаемыми. Хотя, судя по оставленному мусору и рисункам на стенах, когда-то и здесь было подобие той жизни, которую вели на трехсотом, четырехсотом и так далее. Прямо перед лестницей им попалось место, от которого страхом потянуло живот — на стенах виднелись пулевые отверстия, отпечатки окровавленных ладоней, а под ногами звенели гильзы. Однако Михаил на это не обращал никакого внимания. Он уверенно шел по этажу, будто ничего не изменилось. Лишь перед самой лестницей он остановился и прошептал:

— На ступенях гляди, куда ступаешь. Там может быть мусор.

Андрей утвердительно хмыкнул и последовал за провожатым. На лестничном пролете свет от фонаря стал еще тусклее и весь мир перед глазами Андрея превратился в бредущий перед ним черный силуэт, окруженный такими же черными линиями ограждений и ступеней на фоне пятнышка света. Андрей поддался искушению, взявшись за поручень, и мгновенно об этом пожалел — железный прут на другом конце издал громкий удар,

разнесшийся эхом по пролетам вниз и вверх. Михаил остановился и повернулся к Андрею. Его лица не было видно, но очевидно на нем была гримаса ненависти.

— Идиот... — прошептал Михаил и сопровождал ругательство отборной бранью. — Нас за двадцать этажей отсюда слышно.

Он выключил фонарь и начал прислушиваться. Стоя в крошечной тьме, Андрей тоже пытался разобрать вдалеке хоть что-нибудь, но вскоре понял, что не слышит ничего, кроме собственного дыхания и пульсирующих в висках ударов. Чувство времени тоже притупилось — сколько они стояли там на лестнице было неясно. В какой-то момент фонарь вновь осветил ступени и Михаил молча возобновил путь.

Напряженный и физически, и морально Андрей вскоре почувствовал усталость в ногах, но к его счастью где-то на пятнадцать этажей ниже Михаил покинул лестницу и зашел в одну из ячеек, расположенную на неизвестном этаже. Когда Андрей зашел внутрь, его провожатый бесшумно закрыл дверь и повернул замок. Свет фонаря стал чуть ярче.

— Передохнем здесь минут десять, — объяснил Михаил, — и продолжим путь.

Андрей кивнул и сел рядом с Михаилом на диван, который точь-в-точь был похож на его собственный с той лишь разницей, что ткань была местами ободрана, а продавлен он был так сильно, что тело чувствовало упирающиеся в него пружины. Андрей оглядел комнату и к своему ужасу заметил символы чернобожников на стене.

— Смотрите! — он указал пальцем на рисунки.

— Сто раз уже видел, — спокойно ответил мужчина. — Они здесь ходят туда-сюда, поэтому не удивляйся так.

— Сто раз? — повторил Андрей. — Почему так часто?

— Раньше приходилось, — сухо ответил Михаил и Андрей не решился выпытывать у него детали предыдущих походов.

Михаил сидел с задумчивым видом, глядя на пол перед собой. В течение нескольких минут он лишь несколько раз вздохнул и потер голову с растрепанными волосами. Потом он достал из сумки бутылку, сделал несколько глотков и предложил Андрею, но тот отказался.

— Мы сейчас уже фактически на их территории, поэтому будь внимателен, — предостерег Михаил. — Нам надо спуститься по соседней лестнице. Когда увидишь свет в помещениях, знай — мы у них в гостях.

Услышав это, Андрей стал усиленно представлять то, что они будут делать потом и к своему ужасу понял, что ни разу не спросил Михаила о том, какие конкретно действия они предпримут там, на территории чернобожников.

— Я тут подумал, — начал Андрей, — что мы будем делать там внизу? Как будем искать Колю и Сашу?

— Их церковь — это половина жилого блока, плюс несколько бывших производственных помещений. На входах там есть посты, но чернобожники здесь — непуганые. Возьмем охрану врасплох, оглушим и найдем комнату для уверовавших.

— Это где?

Михаил бросил непонятный взгляд на спутника, подумал некоторое время и произнес:

— Узнаем у охраны. Время идти.

Они поднялись с дивана, убавили свет фонаря и покинули ячейку. Пройдя по длинному коридору, они свернули, прошли еще по одному и вышли на другую лестницу, которая, однако, ничем не отличалась от предыдущей. Чувствуя напряжение в ногах, Андрей ощущал, как мышцы наливались тяжестью и каждый новый этаж давался с большим трудом, чем

прошлый. Хотя он не видел и не слышал никаких признаков присутствия чернобожников, одна эта мысль заставляла его сильно нервничать. Очень хотелось достать из сумки пистолет, но его проводник шел с голыми руками и показывать оружие, казалось, не было смысла.

Они дошли до самого конца лестницы и даже там Михаил остался безоружным. Он внимательно вслушался в происходящее на этаже — откуда-то из глубины доносились звуки падающих капель воды и еще какой-то шум, чье происхождение было непонятно. Проводник зашел на этаж и медленно продвигался мимо приоткрытых или распахнутых гермодверей, которым уже не требовалось никого защищать. Дойдя до двенадцатой по счету ячейки, он зашел внутрь, осветил комнату и перешел на кухню. В углу на уровне пола чернела дыра полметра в диаметре. Михаил нагнулся и вновь прислушался.

— Надо пройти в соседний блок.

Сказав это, он опустился на четвереньки и с той же удивительной ловкостью исчез в черноте. Чувствуя возрастающее волнение, Андрей поправил сумку, опустился на пол и последовал за мужчиной. Этот лаз оказался совсем коротким — не более метра в длину. Увидев перед собой ботинки человека, освещавшего ему путь, он позволил себе улыбнуться. Однако в тот момент, когда он вылез из прохода и собирался встать, что-то тяжелое обрушилось ему на голову. Тусклый мир перед глазами поплыл, закручиваясь в темную воронку и вскоре он потерял сознание.

5. И сын, и мясо, и предатель

Темный мрак медленно рассеивался — светлое пятно перед глазами становилось все ярче, возвращая Андрея в мир, где тьма царствовала почти всегда и везде. По мере того, как к нему приходило сознание, он начинал чувствовать боль в голове, руках, ногах, спине. Затылок отдавал острой болью, а каждое движение сопровождалось мучительным стоном. Мужчина попробовал пошевелиться и не смог. Он попытался продрать глаза и оглядеться. Ноги были связаны веревкой, как и руки, которые к тому же были подвешены к крюку подверху. Он находился в большом и относительно высоком помещении с рядами длинных ламп под потолком из неровны бетонных плит. Вдоль стен располагались грязные железные ящики под инструменты с лежащими на них частями агрегатов. По центру виднелась длинная бетонная яма, а в дальнем углу стояло то, что сильно удивило Андрея — подвешенный на цепи двигатель. Автомобильный двигатель. И не ржавый, превратившийся в сплошной кусок шлака, а вычищенный, местами отполированный и, судя по всему, даже смазанный маслом. Впервые в своей жизни он находился в гараже. Андрею ни разу не довелось увидеть автомобиль и на секунду он почувствовал некоторую радость оттого, что ему это наконец удастся. Он медленно развернулся в надежде увидеть и машину, но за спиной ее к сожалению не оказалось. Хотя в дальнем конце виднелись ворота, рассчитанные как раз на автотранспорт.

Андрей дернул затекшими руками, проверяя веревку и крюк наверху на прочность, из-за чего цепи, на которых висел крюк, зазвенели. Дверь распахнулась, на пороге возник темный горбатый силуэт.

— Очухался, значит, — сказал кто-то молодым гнусавым голосом. — Хорошо, хорошо. Скоро к тебе придут.

Дверь закрылась. Андрей вновь дернул руками, крепко зафиксированными на крюке, затем попытался пошевелить ногами, но и они не двигались. Он лишь комично раскачивался вокруг своей оси, над чем бы обязательно посмеялись, если бы в помещении кто-то находился. Он прекратил бессмысленные попытки и задумался. Последние воспоминания болью отдавались в голове — он залез в черный проход в стене, а на другом конце его ждал удар по затылку. По мере того, как к нему приходило осознание того, что произошло, мужчина чувствовал накатывающее чувство обиды и злости.

— Сволочь... — сквозь зубы произнес Андрей и закрыл глаза. — Мерзкая сволочь...

Изогнувшись, он попытался взглянуть на наручные часы, но время увидеть не удалось. Он еще раз оглядел помещение и заметил две сумки — его и Михаила — лежащие на одном из технических ящиков. Судя по всему, их содержимое пока осталось нетронутым. Андрей вновь нервно дернул руками, тяжело вздохнул от безысходности и стал думать. Проработав на заводе многие гигациклы, он решил огромное количество нетипичных проблем и привык считать себя достаточно умным человек. Однако его нынешние положение говорило ему об обратном. Он несколько раз дернул руками — больше от раздражения, чем для реальной попытки освободиться.

— Какой я дурак, — прошептал он в негодовании. — Какой идиот...

Некоторое время спустя дверь открылась и в помещение ворвался целый ворох звуков. Двое довольных мужчин смеялись, неся под руки тело Михаила — его голова безвольно свисала, а ноги с шорохом волочились по бетонному полу. Позади них шел еще один

мужчина с важным видом. Тот, видимо, был руководителем и говорил в соответствующей манере.

— ...всегда был глупым дегенератом. Он считать не умеет что-ли? Зачем мне менять его сынка на мясо, — он дернул головой на Андрея, — если у нас теперь и его сын, и мясо, и предатель. Сразу трое. И как ему в голову могло прийти вернуться сюда и о чем-то договариваться?

Поравнявшись с Михаилом, мужчина нанес ему резкий удар в живот, отчего проводник Андрея скрючился и застонал. В дверях показался уже знакомый силуэт горбатого парня. Тот последовал за главным, закрыл за собой дверь и встал около прохода, постоянно бросая трусливый взгляд на важное лицо.

— Вешайте этот мусор на крюк рядом, — приказал руководитель.

Андрей испуганными глазами рассматривал эту компанию. Хотя все они были разные по возрасту и телосложению, их объединяло наличие черных пятна на руках, волдыри и темные мешки под глазами. Двое мужчин быстрыми умелыми движениями перевязали руки и ноги Михаила, один из них при помощи пульта опустил крюк, его напарник подцепил руки пленника и крюк поднялся под потолок. Их руководитель со злой улыбкой на лице смотрел попеременно то на Михаила, то на Андрея.

— Люблю такие картины, — самодовольно произнес он. — Заставляет меня ощущать достаток. Я бы даже сказал богатство.

Их главный в темной рясе с символом чернобожников на груди был небольшого роста, коренастый и плешивый, однако не из-за возраста — на его голове, как и руках и шее, виднелись черные пятна вечно умирающей плоти. Вскоре до Андрея дошел характерный запах, отчего он поморщился.

— Что кривишься, а? — к нему обратился руководитель. — Радоваться должен, что попал в церковь Черного Бога. Исповедуешься, откроешь нам свои грехи, очистишь душонку.

— Какие грехи? — искренне поинтересовался испуганный Андрей.

— В Черного Бога веришь? — плешивый поднял тяжелый взгляд.

Пленник сухо сглотнул и оглядел присутствующих, подбирая ответ.

— Наверное, да. — соврал он.

Сначала засмеялся главный медленным раскатистым смехом, затем ему вторили подчиненные. Когда главный прекратил, тут же замолчали и его подчиненные, хотя злые улыбки на их лицах сохранились.

— Врешь, безбожник. Не веришь. В этом и исповедуешься. А там решим, что с тобой делать, — рассуждал он вслух. — Или обряд очищения проведем. Или в чистилище к грешникам попадешь.

— А может просто отпустите? — наивно спросил Андрей, что вызвало еще один взрыв смеха.

— Нет, — уже спокойным голосом ответил проповедник. — Отпускать тебя мы, конечно, не будем. Раз пришел в церковь, значит, такова твоя судьба. Значит, Бог предназначтал тебе оказаться здесь, — он бросил взгляд на второго узника. — Кстати, поделись с нами, почему пришел сюда с ним? — он кивнул в сторону Михаила.

Андрей несколько секунд думал о том, как ответить. Он отчаянно боялся сказать что-нибудь неправильно и, конечно, надеялся на то, что его обойдет плохая участь.

— Я за сыном своим пришел, — после некоторого раздумья ответил Андрей. — Коля его зовут. Он квам пришел. Его сын сюда пошел, Сашка, и мой тоже. Здесь он? Можно его

увидеть? Сына своего хочу увидеть. Коля его зовут.

— Сын. Сашка. Коля. Миша. Маша... — загадочно произнес главный и смачно сплюнул на пол. — Всех молодых отправили в собор.

— В собор? — испуганно повторил Андрей. — зачем?

— На обряд инициации. Время пришло. Скоро у молодых будет праздник.

— Какой праздник?

— Праздник воссоединения души с Черным Богом.

— Это как? — не унимался пленник, переживая уже не за себя, а за сына.

Плешивый мужчина исподлобья взглянул на Андрея и улыбнулся. Его подопечные, все время поглядывающие на старшего, заметили перемену настроения и тоже обнажили зубы в глупом оскале.

— Какой ты любопытный, — он сделал шаг навстречу, чтобы получше разглядеть «мясо». — Ты вообще чьих будешь? Неужели в НИИ работаешь?

— Нет, вы что, — Андрей замотал головой, — какое НИИ? Я с трубопрокатного. Трубу делаем. Трешку, пятерку...

— Замолчи, раб, — уставшим голосом приказал главный и поморщился. — Лучше подумай о том, что на исповеди скажешь. Объяснишь, почему не уверовал в Чернобога.

Он еще несколько секунд рассматривал Андрея, потер пальцами шею в раздумьях и обратился к подчиненным.

— Привезите сюда терминал связи. Да поскорее! — те низко кивнули и быстрым шагом направились к выходу. Затем он обратился к горбатому. — А ты поднеси мне стул.

Через несколько секунд он уже сидел и молча рассматривал пленников. В голове Андрея кружились вопросы, но он не решался их озвучить. Михаил, висевший рядом, время от времени стонал, привлекая к себе внимание главного и горбатого, который довольно улыбался.

— Мерзкая падаль, — произнес главный и скривился, глядя на бессознательного Михаила.

— Простите, почему вы его так называете? — поинтересовался Андрей, пытаясь завести разговор.

— Потому что он падаль, отброс, предатель, — спокойно ответил чернобожник.

— Вас как зовут? Меня Андрей.

Руководитель посмотрел на пленника и криво улыбнулся.

— Артем Павлович.

— Артем Павлович, почему вы его предателем называете? — от безысходности Андрей пытался казаться дружелюбным и установить контакт с тем, кто имел полную власть над ним.

— Он предал Черного Бога, ушел от нас, — Артем Павлович плюнул в сторону Михаила. — Он пожалеет об этом. Раскаяние придет. Я говорил ему еще тогда, — он поднял палец вверх, — что его пристрастие к бутылке ни к чему хорошему не приведет. Бог не прощает подобное пристрастие. В душе нет столько места, чтобы уместить там и выпивку и нашу веру. Но он глупец. Как, впрочем, и ты.

— Почему?

— Связался с такой падалью, поверил ему, а этот отброс тебя просто обменять решил на своего сына, — он смотрел тяжелым взглядом. — Ты думал, придешь сюда, возьмешь своего сына за ручку и обратно пойдешь?

— Не знаю, — ответил Андрей и сухо сглотнул. — Наверное, да. Думал, что обратно пойду с ним.

Дверь снова открылась и двое мужчин вкатили в помещение терминал связи, стоящий на тележке. Они поставили его возле входа и принялись подключать провода к расположенным на стене разъемам. Когда экран зажегся, главный чернобожник тяжело поднялся со стула и направился к терминалу. Послышался стук клавиш, писк электроники, гудки дозвона, шорох, тихий голос, снова шорох, снова голос... Андрей закрыл глаза, пытаясь лучше вслушаться в разговор чернобожника с тем концом провода, но было слишком тихо и непонятно. В какой-то момент плешивый мужчина отошел от экрана и подкатил терминал поближе к пленникам, видимо, так, чтобы камера запечатлела их лица. Андрей попытался увидеть изображение на экране, но там виднелся лишь чей-то темный силуэт. Затем он вновь закрыл технику своей широкой спиной и продолжил разговор. Через минуту сеанс связи завершился.

— Уберите его обратно, — приказал он двух подопечным и направился на выход за ними.

Горбатый вдруг оживился и тихим голосом обратился к главному.

— А можно... — следующие слова были слишком тихими и непонятными.

Чернобожник кивнул и грубо отмахнулся от горбатого, но тот почему-то расплылся к довольной улыбке. Когда главный ушел, горбатый закрыл дверь и почти побежал к железным ящикам. Там он резкими суетными движениями стал копаться в сумках и доставать содержимое на свет. Он почти взвизгнул, сжимая в ладони пистолет. Счастливчик поднял рубашу и убрал его за пояс, где уже висели огромные ножны. Затем достал из сумки банку с консервами и лихо открыл ее своим здоровенным ножом. Используя его же вместо ложки, он закидывал куски мяса себе в рот и посмотрел на пленника.

— Вкусное мясо, — гнусавым голосом поделился тот и расплылся в хищной улыбке. — Ты тоже будешь вкусным мясом!

Поедая содержимое банки, он рассматривал пленником и зловеще улыбался. Закончив с консервами, он откинул жестянку в сторону и направился на выход. Когда дверь закрылась, Андрей тяжело вздохнул, сморщился и со злости дернул крюком, отчего цепи зазвенели. От обиды хотелось плакать.

Некоторое время спустя слышались стоны Михаила. Тот замотал головой и замычал. Он тоже приходил в сознание и, как и Андрей, тщетно пытался пошевелить связанными руками и ногами. Андрей с затаенной злобой дожидался того момента, когда его проводник откроет глаза. Тот постонал, поморщился и попытался поднять веки.

— Проклятье... — пролепетал Михаил. — Все болит...

— Скотина, — сначала негромко выругался обманутый, затем добавил уже громче. — Сволочь. Подонок!

— Чего орешь, идиот? — Михаил морщился. — Голова болит.

— Ты — скотина, подонок! — слышался обиженный крик. — Ты меня сюда на обмен приволок!

— Ну да, — спокойно ответил проводник и бросил короткий взгляд на Андрея, — думал тебя на сына поменять. Как видишь, пока не вышло.

— И ты... Ты... Так спокойно? — он не знал, что сказать. — Ты — мразь!

— Не больше, чем ты, — Михаил на несколько секунд зажмурился, пытаясь избавиться от мутности в глазах.

— Я-то почему?!

— Потому что ты — идиот, — в своей привычной манере ответил проводник.

— Ты совсем обезумел?! Ты меня сюда приволок! И называешь мразью!

— Не суетись, дубина, — Михаил вновь поморщился, но уже из-за назойливого собеседника.

— Что делать сейчас? Как выбираться? — почти задыхаясь от злости и страха протараторил Андрей.

— Не суетись, — спокойно ответил Михаил и больше ничего не сказал.

Андрей оглядел гараж в надежде найти хоть что-нибудь, что могло им помочь. Взгляд остановился на двигателе. Он еще раз обернулся, словно автомобиль мог незаметно появиться там.

— А что если... — он закусил губу, обдумывая мысль. — Это же гараж? Значит, у них есть транспорт?

Михаил медленно поднял голову и несколько секунд посмотрел на Андрея. Затем покачал головой и цокнул.

— Решил отсюда на машине сбежать? — обреченно произнес тот.

— Да, она ведь быстрая должна быть.

— И куда поедешь? — после секундной задержки спросил Михаил.

— Куда-нибудь!.. Отсюда!.. — он бегал глазами по лицу собеседника.

— Вот ты... — он не стал озвучивать ругательство. — Тоннель отсюда ведет в собор и в никуда. В какое из этих мест ты собрался? Мы и управлять ее не умеем.

— Ну ведь как-нибудь можно, а?

— Никак, — он странно дернул головой, затем с трудом повернулся вокруг своей оси. — Так и машины нет!.. — разочарованно заключил он. — Вот же ты идиот.

— Так как нам отсюда выбраться?! — настойчиво спросил Андрей.

— Не знаю, — честно ответил мужчина, — нам, наверное, конец. Мне-то точно.

Отправят к грешникам на мясо.

— Что за грешники? — Михаил с полминуты молчал, и Андрей повысил голос. — Что за грешники?!

— Грешники, — повторил проводник, — человека окунают в черную слизь. Если он не умрет, то начинает мутировать. Иногда внешне меняться до неузнаваемости, иногда просто сходит с ума. Человек в животное превращается. Таким только ненависть и голод движет. Они от такой боли страдают, что только злость их спасает. Их немного помучают, чтобы те запомнили чернобожников и боялись их. А потом выпускают на этажи, чтобы те их чистили от других уродов.

— Каких уродов?

— Таких же, как они. Грешников. Или мутантов от самосбора. Или ликвидаторов, если таковые появятся. Грешники на всех кидаются, — пока Андрей молча представлял себе ужасные картины изуродованных жижей людей, его собеседник продолжил. — Но это только при плохом раскладе тебя в грешники переведут.

— А при хорошем? — с надеждой в голосе спросил Андрей.

— Могут на причастие отправить.

— Это что? — ему было одновременно любопытно и страшно.

— Тоже черной слизью обмазывают, но уже в меньших количествах. Тоже происходят мутации, но чаще всего не такие критичные. Видел у них черные пятна на теле? — он

мотнул головой в сторону двери. — Это как раз следы от слизи.

— Зачем это? Я не хочу! — Андрей весь затрясся и замотал головой.

— Тебя не спросят, идиот. Окунут тебя в чан с черным дерьмом, а там уже пусть, что будет. Может с ума сойдешь, может способности какие появятся.

— Да не хочу я, не хочу! — закричал Андрей, сотрясая крюк, на котором висел.

Дверь в помещение открылась и в проеме показался горбун.

— Мясо, не кричите! — приказал он и для убедительности продемонстрировал огромный нож.

Когда дверь захлопнулась, воцарилась тишина, лишь прерываемая редкими стонами Михаила и тихими всхлипываниями Андрея.

6. Кто ты?

Через час дверь в большое помещение вновь распахнулась и туда, словно на какой-то церемонии вошел Артем Павлович. Сложив пальцы в замок на груди, он молча приблизился к пленникам, сопровождаемый сзади двумя подчиненными. Горбун зашел вместе с ними и закрыл дверь изнутри. Андрей со страхом ожидал, когда главный чернобожник заговорит — тот выдерживал почти торжественную паузу.

— Твоя судьба определена, — наконец обратился он к Андрею. — Тебе очень повезло. Ты отправишься в собор на причастие.

— Причастие? — с испуганными глазами он задергал руками. — А можно без него? Я не хочу слизь.

— Через слизь ты познаешь Бога, — повысив голос сказал Артем Павлович. — Без нее ты — бездумная тварь, а ней станешь частью великого. Частью нашего Бога.

— Я не хочу, — нервно залепетал Андрей, — не хочу быть уродом, — он бросил взгляд на стоящих позади главного.

Подчиненные, глядя на перепуганного пленника, расплылись в довольных улыбках.

— Тобой движут идеалы безбожного мира. После причастия ты будешь думать по-другому. И, потом, ты же хочешь увидеть сына?

Андрей замер, глядя на Артема Павловича и закивал.

— Вы вместе ощутите в себе Бога. Так что, будь я на твоём месте, обрел бы спокойствие.

— А со мной что? — послышался голос Михаила.

— А с тобой, — обратился к нему Артем. — Тебя мы отправим на нижние этажи. Позволим грешникам отведать твоей плоти. Остается только жалеть, что мы лично не увидим этого.

— В общем, ожидаемо, — спокойно ответил проводник и плюнул под ноги главному.

Реакция не заставила себя ждать — Артем Павлович подошел к висящему пленнику и обрушил тяжелый удар тому в живот. Михаил весь скрючился и поднял одну ногу, пытаясь унять боль.

— Хоть и мараю руки о такую падаль, а все равно приятно, — произнес чернобожник. — Будь моя воля, я бы тебя вон ему отдал, — он кивнул в сторону горбуна. — Мерзавец любит поразвлечься с такими, как ты.

Совершенно внезапно из коридора послышались сначала громкие голоса, из-за чего Артем Павлович прекратил говорить и обернулся к двери. Вскоре зазвучали крики и, наконец, где-то вдали захлопали выстрелы. Все присутствующие в помещении смотрели то на дверь, то на старшего, который, судя по его виду, явно такого не ожидал.

— Что такое? Ты, сходи и выясни, в чем дело! — приказал главный одному из подчиненных.

Тот бросился бегом на выход и исчез в коридоре. Горбун с испуганным взглядом стоял возле двери и переводил взгляд с пленников на начальника, засунув руку под рубаху. Полминуты спустя дверь распахнулась, впуская внутрь гонца и отголоски автоматных очередей.

— Там это... — задыхаясь, говорил он, — ликвидаторы! Через третий и четвертый пост! Они к кельям продвигаются!

— Какие к черту ликвидаторы! — закричал Артем Павлович и замолчал. Издалека послышался взрыв, который словно пробудил его. Он обратился к тому же мужчине. — Передай мой приказ. Стягивайте стражу с остальных постов к кельям! Пусть задержат этих чертей! Выполняй! А ты, — он обратился к другому, — готовь машину на случай эвакуации. Бегом! — второй исчез к дверному проему.

Главный окинул взглядом пленников и взглянул на горбуна. Тот переминался с ноги на ногу, меняясь в лице каждые несколько секунд — он то глупо улыбался, ожидая приказ, то кривил губы, явно опасаясь происходящего, то зависал на несколько секунд, будто разум покинул его. Ощувив на себе взгляд старшего, горбун тут же стал серьезным.

— Ну а ты сними его, — он указал на перепуганного Андрея, — и отведи к машине. И без задержек!

— Будет исполнено! — довольно зашипел горбун и поклонился, показывая шею. — А со вторым что делать?

— Со вторым? — он оглядел висевшего Михаила. — Убей его. Сам реши, как. Но не задерживайся! Надо все делать быстро!

— Будет исполнено! — срывающимся от счастья голосом повторил подчиненный.

Быстрым широким шагом Артем Павлович покинул помещение, оставив охранника наедине с пленниками. Горбун несколько секунд довольно смотрел на людей, которые были в его полной власти. Он достал из-за пояса нож и с огромной улыбкой на кривом лице приблизился к мужчинам. Андрей почувствовал, как тяжело бьется его сердце, когда острие клинка посмотрела в его сторону.

— Я бы и тебя на лоскуты порезал, — прошипел горбун, глядя на Андрей исподлобья. — Но у меня другой приказ.

Неопытный и глупый уродец ввиду спешки не получил подробных инструкций от начальства, поэтому первое, что он сделал — опустил крюк, на котором висел Андрей и помог ему снять петлю. Затем, опустился на корточки, чтобы перерезать узел, но в этот самый момент пленник взметнул вверх руки и со всей силы ударил горбуна по затылку кулаками. Непутевый стражник ойкнул и повалился на бок, глядя на нападавшего широко открытыми глазами. Не теряя времени, разъяренный Андрей принялся бить поверженного уродца тяжелыми ботинками по голове и спине. Горбун пытался уклоняться от ударов, но вскоре получил мощный пинок по лбу, закатил глаза и обмяк. Охваченный яростью Андрей бил его еще некоторое время, но затем остановился, глядя на поверженного противника. Он присел, взял нож и перерезал себе веревки сначала на ногах, потом на руках. Окинув взглядом горбуна, он вновь присел и достал засунутый за пояс пистолет. В три прыжка он оказался возле ящиков, схватил обе сумки и перекинул их через плечо. Затем побежал в сторону двери, но у самого выхода остановился.

Под звуки стрельбы, которые становились все громче, а значит ближе, он несколько секунд подумал и повернул голову, глядя на Михаила из-за плеча. Андрей повернулся и, сжимая в руке нож, стал приближаться к пленнику. Глаза Михаила становились все больше с каждым шагом Андрея. Тот начал дрыгаться на крюке, предполагая, что его ждет.

— Ты что задумал, идиот? — в бессильной злобе прорычал Михаил. — Ты что удумал?!

Он зажмурился, ожидая удары стали. Все его лицо скривилось в предсмертной агонии еще до того, как нож зашел в тело.

Однако удара не последовало. Старый механизм зашумел и крюк стал опускаться ниже. Затем под ногами послышалось звонкое дребезжание. Открыв глаза, Михаил увидел

лежащий на полу нож.

— Выведи меня отсюда, — как можно более грозно приказал Андрей, держа проводника на прицеле пистолета.

Удивленный Михаил несколько секунд с облегчением смотрел на Андрея, затем быстрыми движениями освободился от крюка, поднял нож и разрезал веревки.

— Нож брось! — послышалась следующая команда. — И выведи меня отсюда поскорее!

— Ага! — он кинул в сторону нож и суетливо закивал. — Пойдем!

Он добежал до двери и прижался к ней, слушая происходящее в коридоре. Когда мимо гаража пронеслось несколько человек, Михаил повернулся.

— Дай мне пистолет!

— Никакого оружия! — прошипел Андрей.

— Там везде враги! — он показал пустые ладони. — Мне надо быть готовым!

— Никакого оружия! Двигайся! — он поднял пистолет и прицелился.

Михаил покачал головой, раздосадовано вздохнул и открыл дверь.

— Бегом! — скомандовал проводник и исчез в коридоре.

Они бросились влево по коридору подальше от стрельбы. Бой шел уже совсем где-то близко — выстрелы автоматов барабанили по ушам, подгоняя пленников. Андрей бежал за проводником по коридорам церкви, чьи стены были исписаны цитатами в сопровождении рисунков. Перед глазами пролетали «жижа», «самосбор», «вселенная», «Бог», но возможности, да и желания читать не было. Все, о чем мечтали мужчины — выбраться оттуда.

К их счастью на пути никого не было — вооруженная часть церковников вела бой с ликвидаторами, другая бросилась на утек в серую зону в сторону обитаемых этажей гигахруща. Лишь у самого выхода из церкви, забежав за угол, они встретили трусоватого молодого парня, который никак не мог решиться покинуть пост, чтобы вступить в бой. Увидев двух бегущих на него мужчин, он растерялся и слишком поздно решил поднять ствол короткого автомата. Михаил оказался быстрее — он нанес резкий удар кулаком, обрушив охранника на пол. Он остановился на секунду, раздумывая о том, чтобы поднять автомат, но ствол пистолета в руках Андрея запрещал это делать.

— За такую игрушку можно кучу всего достать, — объяснил Михаил.

— Даже не думай!

— Возьми ты! Потом продадим!

— Двигай! — он терял спокойствие и совершенно не думал о том, что предлагал Михаил.

— Он нам может понадобиться на обратном пути!

— Двигай, я сказал! — закричал Андрей. — Бегом!

Очередные выстрелы прервали их спор, и проводник бросился на выход. Пробежав вдоль длинной некогда жилой ячейки, они достигли границы церкви. Лампы под потолком обрывались у входа на темную лестницу.

— Доставай фонари! Дальше тьма!

На расстоянии в несколько метров, Андрей держал напарника под прицелом. Порывшись в сумке, он достал фонарь и кинул его Михаилу.

— Не отставай! — предупредил проводник.

Они попали на лестничную площадку и побежали по ступеням вверх. Тяжелое дыхание уставших мужчин постепенно перебивало звуки стрельбы, доносившиеся снизу. Где-то

наверху они выбежали в очередной некогда жилой блок и в свете яркого пятна света продолжили побег. Сколько они бежали, Андрею было сложно сказать. Коридоры, проемы, лестницы, трубы, цифры и буквы в темноте проносились перед глазами и он совсем перестал ориентироваться. Оставалось лишь надеяться на опыт и знания проводника.

Близкий к тому, что сердце и легкие откажутся работать, Андрей заскочил в ячейку за Михаилом, который внезапно изменил маршрут и запрыгнул в открытую дверь. Когда оба оказались внутри, Михаил отпихнул спутника, потянул тяжелую гермодверь и запер ее. Несколько минут они оба пытались отдышаться. Андрей рухнул на стул в углу комнаты, отчего тот жалобно скрипнул, готовый развалиться. Михаил оперся на стену, но вскоре сполз по ней на пол. Восстановив дыхание, Андрей покопался в сумке, достал флягу и сделал несколько больших глотков.

— Мне дай, — попросил Михаил. — Горло дерет от сухости.

Еще несколько раз отпив, Андрей закрыл флягу и подумал, достоин ли был его спутник испить воды. Однако все же кинул ее проводнику. Отдохнув от бега, Михаил заговорил.

— Ты зачем это сделал?

— Что именно?

— Зачем ударил горбуна?

— А что мне оставалось делать? — продолжал отвечать вопросами Андрей.

— Тебе же предлагали в собор пойти. Ты бы там сына встретил. Они же тебе сказали.

Андрей округлил глаза, погружаясь в раздумья, и понял, что решение бежать было не полностью обдуманным.

— Я не знаю, — начал он, — я не хочу иметь дело со слизью. Он сказал, что надо было пить слизь. Не хочу быть, как они.

— Понимаю, — Михаил кивнул. — Правильно поступил.

Невзирая на похвалу, Андрей еще несколько минут сомневался в правильности своего решения. В какой-то момент возникло ощущение, что до сына было рукой подать, но он сам от него отмахнулся. На душе появилось странное жгучее разочарование от того, что он, быть может, поддался трусости. Стараясь отогнать гадкие мысли, он взглянул на Михаила.

— Так ты, значит, сам чернобожник?

— Был, — после задержки ответил Михаил, — давно уже нет.

— Почему у тебя пятен нет?

— Я не проходил причастие.

— Но ведь они должны...

— Должны только причастившиеся, — перебил проводник. — Если ты прихожанин, то остаешься нормальным.

— Почему не причастился?

— Я шпионил для них наверху.

— Где? Как?

Михаил ответил не сразу. Он сначала смотрел на Андрея, потом опустил взгляд и стал тереть еще недавно туго перевязанные запястья.

— У ликвидаторов.

— Ты? — Андрей удивленно поднял брови. — Ликвидатор?

— Тоже был, — он недовольно мотнул головой. — Все это в прошлом. Сейчас я грузчиком работаю на складе.

— Почему ушел?

— Надоело, — он потирал покрасневшие запястья. — До чертиков все надоело.

Рассматривая собеседника и думая об услышанном, Андрей вдруг понял, что портрет Михаила кардинально изменился. За фасадом грубого скудоумного выпивохи оказался человек с интригующей историей. И Михаил вдруг перестал казаться тем, кем был еще десять минут назад.

— Посмотри в моей сумке, там должна быть бутылка с серебрянкой, — возвращаясь к своему привычному «я», сказал проводник. — Надеюсь, этот горбатый чмошник не успел до нее добраться.

Покопавшись в сумке, Андрей действительно нашел выпивку, но немного подумал и произнес:

— Не дам, — в голосе звучала решительность. — Сначала выведи нас отсюда.

— Сколько сейчас времени?

— Полночь, — ответил Андрей, посмотрев на часы.

— Наверх сейчас нельзя. Вероятнее всего, ликвидаторы решили избавиться от церкви. Поэтому и здесь, и тем более там, наверху, всех чернобожников сейчас вылавливают. Нас тоже возьмут в общежитии — это без вопросов. Поэтому надо переждать здесь часов шесть-семь. А потом идти наверх.

— Ладно, — подумав, сказал Андрей и кинул алкоголь. — Держи!

Поймав бутылку, Михаил звонко откупорил ее и приложился к горлу на три секунды. Оторвавшись от бутылки, он громко рыгнул.

— Будешь? — он потряс жидкостью.

Андрей мотнул головой и непроизвольно опустил пистолет.

— Ты лучше расскажи про себя. Про церковь и про ликвидаторов.

— Что тебе рассказать? — на лице возникло недовольство.

— Почему пошел к чернобожникам?

— Как и все, — Михаил вновь отпил. — Услышал красивые проповеди про этот мир и наше место в нем. Про Черного Бога и возможность покинуть гигахрущ.

— Как?

— Да никак. Это образное выражение, — он ухмыльнулся. — Самосбор по-ихнему — это высшая сущность, всеобъемлющий Черный бог. Если слизи глотнешь или обмажешься ею, сразу станешь частью самосбора.

— А про выход из гигахруща? — заинтриговано спросил Андрей.

— Когда умрешь, сразу покинешь это место, — Михаил криво усмехнулся, затем добавил серьезно. — Нет никакого выхода. Сказки любишь?

— Где проповедь услышал? — он проигнорировал вопрос, посчитав тот риторическим.

— На работе, — сухо ответил проводник и ненадолго погрузился в воспоминания. — Сослуживец слово за слово начал говорить о них. О чернобожниках. Объяснял мне, что и как. А потом предложил к ним присоединиться.

— Так их там много? В ликвидаторах.

— Их везде много. Всех везде много. Я же говорил тебе, ты можешь даже не знать о том, что твой сосед, или начальник, или оператор в пищевом блоке — чернобожник. Или контрабандист. Или шпион Содружества. Или небесный брат.

На последних словах он пристально посмотрел на Андрея. Тот, совершенно не обратив на это внимания, продолжил расспрос.

— И как, нравилось там?

— Поначалу да.

— А потом что?

— Если не подпитывать веру чудесами и слизью, она постепенно сходит на нет, — он задумался, а затем со злостью высказался. — Сказки они рассказывают. Просто сказки — по-другому не сказать. Те, кто пониже стоят на молитвах, разинув рты. А те, кто постарше, волшебные истории травят и жируют. Живут, ни в чем себе не отказывая.

В голове Андрея один вопрос соперничал с другим. Хотелось знать все и сразу.

— Сын почему ушел?

Михаил грустно усмехнулся и снова отпил. Его глаза становились все более маслянистыми и потерянными.

— Дети в сказки верят охотнее взрослых. Я сначала делился с ним своей радостью о Чернобоге. Думал мало-помалу объяснить ему, что и как. А потом у меня самого в голове все поменялось. Когда сам разочаровался, понял, что сын моих новых мыслей не разделяет. Там уже тяжело было что-то объяснять.

— А сюда зачем пошел? Думаешь, он бы пошел с тобой?

— Не знаю, — он вновь усмехнулся. — Наверное, нет.

— Так зачем пошел? — спустя секунду он добавил со злостью в голосе. — И меня сюда потащил?

Михаил сначала усмехнулся, затряс головой и закрыл лицо. Несколько секунд он молчал. Когда его лицо вновь появилось, глаза на нем даже в свете фонаря казались красноватыми.

— Потому что Сашка — единственное, что меня радовало в жизни. Ничего не осталось, только он.

Глядя исподлобья на собеседника, Андрей медленно приходил к осознанию того, что злость в его душе уступала место сочувствию и понимаю.

— А из ликвидаторов почему ушел? — спросил он, стараясь поменять тему разговора.

— Потому что там ситуация похожа на чернобожников.

— В каком плане?

— Сказки рассказывают, — Михаил почему-то отмахнулся и сделал глоток. — Начальство жирует. Вдобавок жизнью каждый день рискуешь. Самосборы эти бесконечные. Ненавижу. Сначала как-будто бы мало было. А потом каждый день. Каждый чертов день!

Он неожиданно встал, отчего Андрей испуганно поднял пистолет. Михаил, покачиваясь, добрал до старой кровати и буквально упал на нее с бутылкой в руке.

— Ты чего?

— Спать надо, — отозвался проводник. — Устал я. Будильник поставь.

— На который час?

Однако Михаил не отозвался, потому что провалился в глубокий алкогольный сон. Андрей прислушался к своим ощущениям и понял, что его спать совсем не тянуло. Все тело до сих пор вибрировало от ощущения опасности и смерти, и он был в таком возбуждении, что, казалось, мог бодрствовать еще целые сутки.

Откинувшись на спинку стула, он стал думать об услышанном и составлять в голове список новых вопросов. Еще час назад он был готов убить Михаила, но сейчас стоявшая за ним история была сильнее ненависти и обиды Андрея.

7. Будь аккуратен!

Андрей еще около часа сторожил Михаила, но тот действительно крепко спал и не представлял опасности. Прогулявшись по ячейке, он не обнаружил ничего необычного. Ни в кухонном ящике, ни в комнатном шкафу не было ничего интересного. Судя по банкам и бутылкам под раковиной на кухне, этой комнатой пользовались изрядное количество раз уже после того, как уровень забросили. По всей видимости знающие люди облюбовали такие вот ячейки в серой зоне для относительно безопасных путешествий по гигахрущу. Андрей бродил туда-сюда с полчаса и, устав, опустился на стул в углу.

Усталость взяла его почти перед самым временем для пробуждения. Сидя на стуле, он непроизвольно опустил голову на грудь, поддавшись сладкому чувству, но наручные часы сразу запиликали, оповещая о шести часах. Андрей дернулся, чуть не выронив пистолет, и остановил сигнал. Михаил никак не отреагировал, и Андрею пришлось расталкивать проводника. Тут недовольно бурчал, огрызался, но, наконец, дернулся и привстал на локти, глядя на спутника красными от недосыпа и алкоголя глазами.

— Время идти, — обозначил Андрей.

В ответ послышался недовольный бубнеж. Михаил стал тереть лицо и крутиться на диване. Он принял сидячее положение, оценил остатки серебрянки и тут же выплеснул в рот все содержимое бутылки.

— Время идти, — сказал уже Михаил, кивнув самому себе, и неожиданно резко поднялся с кровати. — Нам немного осталось. Здесь надо аккуратно. Совсем чуть-чуть. Доберемся до техкомнаты, оттуда по трубам наверх. А там уже спокойнее.

Еще раз протерев лицо, он открыл дверь и, пошатываясь в свете ручного фонаря, повел Андрея обратно. Гигахрущ был спокоен и молчалив — стрельба осталась в предыдущем дне, а коридоры, хоть и пугали, пребывали пустынными. Через несколько блоков и лестниц они оказались перед дверью технической комнаты. Внутри полупьяный Михаил хотел было полезть вверх по трубам, но Андрей остановил его.

— Стой. Первым я пойду.

— Почему это? — нахмурился выпивоха.

— Я первый и все тут. И отойди в тот угол. — скомандовал Андрей, не доверяя проводнику.

На удивление Михаил в таком полупьяном полусонном состоянии был податлив и даже не стал огрызаться или спорить. Держа в руке пистолет, Андрей начал свой подъем по трубам. Как и обещал Михаил, вверх оказалось взбираться намного проще, чем вниз. Хотя все тело ныло после недавних нагрузок, он легко находил место для рук и ног, и относительно бодро карабкался. Вскоре сначала Андрей, затем и Михаил оказались наверху. Закрыв проход вниз куском мебельного щита, проводник отряхнулся, немного поразмыслил и дал последние напутствия.

— Выйти отсюда надо быстро. Мало ли там кто, — он подошел к двери. — Затем поднимемся по лестнице и на лифт. Оттуда уже порознь. Сам, думаю, дойдешь?

— Дойду.

— Ты это, — Михаил посмотрел на него, — сумку то отдашь?

За дверью послышались шаги. Кто-то прошел мимо. Андрей перекинул через голову ремень сумки и, приблизившись к собеседнику, протянул его имущество. Тот лишь кивнул,

накинул на себя ношу и потянулся к ручке.

— Подожди, — остановил его Андрей и протянул пистолет.

Михаил с недоверием посмотрел на оружие и медленным движением принял его.

— Почему? — подняв бровь, спросил он.

— Мне надо попасть в собор. Надо найти сына.

Покачиваясь, проводник рассматривал мужчину, вспоминая то, через что они только прошли. Хотелось назвать его идиотом, но, учитывая, что ему вернули пистолет, он это не стал это делать из вежливости. Вместо этого он покривился и стал медленно объяснять Андрею ситуацию.

— Собор — это не церковь, — подбирая слов, начал он. — Туда идти в одну сторону почти двое суток. И там места намного опаснее.

— Пусть, — Андрей кивнул, будто знал о том, что их ждет впереди. — Мне надо найти сына. Тебе тоже.

Михаил еще с полминуты смотрел на удивительного глупца, стоявшего рядом с ним, затем убрал пистолет в сумку.

— Мне надо проспаться и отдохнуть, — сказал он, — потом решим. Напиши мне через сутки-двое. Там поговорим. Пока ничего не хочу говорить.

Закончив, он проверил, нет ли кого за дверью, поработал с ручкой и выпустил Андрея в коридор. Быстро заперев вход, он со спутником двинулся по направлению к лестнице, а оттуда к лифту. На пути им попадались жители этих этажей, но никто не обращал на них особого внимания. Перед самой дверью лифта Андрей увидел на стене плакат с ликвидатором-гранатометчиков и, оглядевшись, решил снять его. Михаил с сочувствием понаблюдал за спутником и спросил:

— Зачем?

— Это сыну. Ему в коллекцию не хватает, — объяснил Андрей, складывая и убирая постер в сумку. — Когда вернется — порадую его.

Михаил лишь покачал головой, отметив про себя невысокий уровень интеллекта спутника. Двери лифта открылись и мужчины начали путешествие наверх в тесной дребезжащей кабинке с исписанными стенами. После пережитого за день до этого ехать в лифте Андрею почему-то было уже не так страшно. Об опасности самосбора он вспомнил, когда двери уже открылись.

Перед тем, как уйти, Михаил лишь повторил ранее сказанное:

— Напиши через пару суток, обсудим что, да как. Теперь порознь.

С этими словами он махнул рукой и ушел по коридору в направлении другого блока. Андрей посмотрел ему вслед и пошел в сторону своей ячейки. На душе у него были странные противоречивые чувства от всего, что произошло. С одной стороны, он ощущал легкую радость, потому что вышел целым и почти невредимым из логова чернобожников. Радости добавлял и тот факт, что ему было известно нахождение сына. С другой, голова начинала болеть от недосыпа и напряжения, и в голове возникали смутные страхи от предстоящего пути. Двое суток по серой зоне не сулили ничего хорошего. Тем более, с человеком, который еще вчера был готов обменять его, словно тот был самым настоящим мясом.

Он вернулся обратно в свою ячейку, развел пачку концентрата, утолил голод и на диване проспал все то время, когда должен был находиться на работе. К вечеру он проснулся, снова поел и проверил терминал. Бригадир интересовался у него, сможет ли тот выйти, как и хотел, на следующие сутки, и Андрей отправил ему утвердительный ответ.

Идти на работу совсем не хотелось, но талоны требовалось откуда-то доставать, тем более в преддверии большого путешествия.

Включив телевизор, он сел на диван и стал слушать «Вести гигахруща». Неизменный диктор в очках с аккуратной прической как обычно зачитывал новости о замене труб, прокладке кабелей, повышении нормы концентрата на каждого жителя и привел краткую статистику по самосбору. В прогнозе самосбора перечислили блоки и этажи, которые могли находиться в зоне риска. Среди прочих оказалось и производственное помещение, в котором работал Андрей. Их завод почему-то все чаще переживал самосборы, каждый раз прерывая работу от нескольких часов до целой смены. Он покачал головой, встал с дивана и приготовил еще одну пачку концентрата.

Стоя посреди комнаты с тарелкой в руке, он потреблял подслащенную массу и смотрел на стену с занавесками, которые было так непросто достать. Между ними виднелась зеленая полоса травы и голубая полоса неба. Солнце скрылось за материей. Он некоторое время рассматривал нехитрый рисунок, но, закончив с едой, закрыл шторы. Андрей выключил телевизор, свет и сел на диван, думая о предстоящем. Вскоре он лег, чтобы успокоить ноющие мышцы и уснул.

В семь утра он уже направлялся на работу по привычному маршруту. Ноги и руки, казалось, болели еще сильнее и иной раз лицо Андрея мучительно кривилось. Он несколько раз столкнулся с прохожими, потому что голова была полностью занята мыслями о сыне. Слово «собор» не покидало его сознание и словно отпечаталось на подкорке. Загадочное место, расположенное так далеко, и манило, и пугало. Он понятия не имел, что оно из себя представляет, но в голове возникали исписанные цитатами стены и странные рисунки, найденные у сына в тетрадах.

В огромном заводском цеху Андрей ходил вдоль производственной линии и контролировал правильность работы механизмов. Железные валики грохотали, шестерни щелкали, постоянно доносились крики рабочих — промышленная какофония станков и людских голосов зарывали Андрея еще глубже в размышления и снижали внимание. Вдобавок он постоянно оглядывался на рабочие комнаты поодаль от станков — он помнил прогноз самосбора и не хотел отдаляться от спасительных ячеек.

Несколько раз он остановился взглядом на плакатах на стенах. «Рабочий! Будь аккуратен!» — говорил один. «Помоги товарищу и словом, и делом!» — настаивал другой. «Повысим качество продукции!» — почти приказывал третий. Обычно он не обращал на них никакого внимания, но в эту смену почему-то отметил для себя то, что рабочие с плакатов выглядели слишком здоровыми и жизнеутверждающими. Словно, если ты помогаешь коллегам или проявляешь аккуратность, то обязательно станешь такими же, как они — крепкими, розовощекими и с уверенным взглядом. Большинство рабочих следовали советам со стен, но почему-то не стали такими же. От этой идеи Андрей криво усмехнулся.

Посторонние мысли в итоге дали о себе знать. Всего за половину рабочей смены он проворонил две неполадки, из-за чего часть линии в итоге встала. Осознав собственную ошибку и стараясь выбросить все лишнее из головы, он схватил инструмент и принялся устранять недочеты. Валики и шестеренки очень скоро вновь присоединились к общему хору.

За починкой линии наблюдал бригадир — седовласый мужчина с роскошными усами под выдающимся носом. Он молча смотрел за манипуляциями Андрея и, когда тот закончил, обратился к нему.

- Ты как себя чувствуешь, Андрей?
- Нормально, Порфирий Сергеевич!
- Точно?
- Точно! Задумался что-то.

Бригадир жестом предложил отойти подальше от линии. Стоя у столба в центре зала, они оба смотрели на идущий по валикам трубопрокат.

— Я смотрю, ты все утро какой-то хмурый ходишь, — заговорил Порфирий. — О чем думаешь?

— Да так! Всякое творится, — уклончиво ответил Андрей.

— У тебя что случилось со здоровьем? Отравился что ль?

Андрей некоторое время молчал, размышляя о том, что можно было ответить.

— Сын у меня пропал. В конце прошлого цикла.

— Как пропал?! — искренне заволновался Порфирий Сергеевич.

— Я пошел до пищеблока после работы. Вернулся обратно в ячейку, его нет.

— А где он?

— Не знаю, — соврал Андрей. — Кажется, из дома сбежал.

— У вас споры были какие? Поругались, может?

— Вроде нет.

— Так ты об этом постоянно думаешь?

— Да. Думаю, где искать его, — он подумал несколько секунд и решил действовать. —

Порфирий Сергеевич, мне сына поискать надо. Кажется, он где-то на нижних этажах.

— Во дела! Что там делает?

— Не знаю. Но хочу найти его.

— Так обратись к ликвидаторам.

— Я обращался, — он развел руками и опустил взгляд. — Они не могут ничем помочь.

— Странно, конечно. — бригадир потер подбородок. — Они ведь должны работать в таких случаях.

— Они говорят, — он на несколько секунд задумался. — Говорят, что ради одного человека на нижние этажи не пойдут.

— Ну да, — Порфирий почесал затылок. — Это ж целую бригаду отправлять надо будет.

— Можно я отпуск возьму? На один цикл. Сына надо найти. Пока туда-сюда схожу, боюсь, много времени уйдет.

Порфирий Сергеевич внимательно посмотрел на Андрея, который впервые за время их совместной работы просил такой длинный отгул. Он снова потер подбородок, немного подумал и закивал.

— Да, конечно. Замену найдем, — он еще о чем-то подумал и продолжил. — Ты это, Андрей... Пойдем до моего кабинета, там в тишине поговорим.

Взглянув на бригадира, Андрей перевел взгляд на кабинет начальника, расположенный в дальнем углу завода. Дверь там была обычная деревянная. Слегка подумав, мужчина покачал головой.

— Боюсь к вам идти, Порфирий Сергеевич. Вчера прогноз самосбора смотрел, наш завод в зоне риска.

— Ой, да перестань! — запротестовал бригадир и для убедительности хлопнул ладонью по плечу Андрея. — Ты же знаешь эти прогнозы! Им верить нельзя! Они там наверху случайно этажи называют.

— Ну не знаю...

— Пойдем, пойдем! Там спокойно поговорим. Сейчас позовем кого-нибудь подменить тебя.

Он еще раз хлопнул ладонью по плечу работника и они вместе пошли наискосок большого производственного зала. Они почти дошли до деревянной двери кабинета, когда внезапно свет окрасился красным и шум станков перебила пронзительная сирена. Рабочие быстрыми отработанными движениями останавливали станки и бегом направлялись до безопасных ячеек. Андрей с бригадиром, повинувшись многолетним тренировкам, развернулись и кинулись к ближайшей гермодвери. Каждый шаг отдавался болью в мышцах, по пути слетела каска, сзади послышался крик.

— Ай! Черт! — кричал бригадир. — Стой! Помоги!..

Андрей даже не оглянулся, а наоборот постарался бежать быстрее. Через полминуты он влетел в проем гермодвери, оттолкнув стоявшего там рабочего.

— Закрывай! — скомандовал Андрей.

— Еще двадцать секунд! — ответил тот же рабочий.

Почти перед самым закрытием в проеме показался Порфирий Сергеевич с красным лицом. Опираясь на косяк, он заковылял внутрь.

— Упал! — объяснился тот. — Кажется, колено повредил. Хромаю.

Несмотря на всеобщее уважение, его проблема мало кого интересовала. Когда минута закончилась, рабочий закрыл дверь и запер ее. Андрей огляделся. В ячейке уже сидели до двух десятков работников завода — Ивановичи, Михайловичи, Борисовичи и прочие стояли вдоль стен комнаты отдыха и смотрели то на красную лампу над дверь, то друг на друга. За долгие годы жизни в гигахруще они стали спокойнее относиться к самосборам, но полностью избавиться от волнения не получилось.

Рабочий возле двери приложился ухом к металлу и слушал, что происходит снаружи. Андрей, стоявший рядом, тоже сфокусировал внимание на самосборе. Отвлекал их лишь бригадир, сидевший рядом на стуле — тот потирал ушибленное колено и тихонько стонал.

— Что-то происходит, — послышался голос рабочего.

— Да, я, кажется, тоже слышу, — подтвердил Андрей.

— Лишь бы сюда чудовищ не забросило, — продолжил бригадир.

— Не понятно только. Шумит что-то...

— Тихо ты, — тихо сказал Андрей и в комнате воцарилось молчание.

За железной дверью происходило что-то невнятное. Тихие шумы словно по капле заполняли пространство завода, будто в банку несколькими тонкими струйками текла вода. Звуков по ту сторону постепенно становилось больше, громкость возрастала, гермодверь словно завибрировала — совсем легко, еле заметно. То пространство полностью утонуло в сплошном обилии разных звуков, среди которых Андрей к своему удивлению вдруг стал различать отдельные, ранее неслышимые. Голоса. Они шли откуда-то далеко, словно с того конца завода, но медленно становились более выразительными, выделялись из общего хора и превращались в голоса отдельных людей.

— Что такое?... — прошептал Андрей. — Вы это слышите?

Все присутствовавшие в ячейке с настороженностью взглянули на коллегу.

— Не может быть... — вновь сказал Андрей. — Ты?..

Отдельные рабочие переглянулись и показали друг другу несколько жестов.

— Я его слышу... — в его глазах появились слезы. — Там сын, — он оглядел рабочих,

остановившись на бригадире. — Там Колька. Я его слышу. Там мой сын. Он со мной говорит.

Обратившись к заводчанам, Андрей повернулся к двери, чтобы приложить ухо к железному полотну и рука его оказалась слишком близко к запорному механизму.

— Иные! — заключил Порфирий Сергеевич.

— Он дверь хочет открыть! — произнес кто-то другой.

— Уберите его от двери! — закричал третий.

— Хватай его! Его иные дурманят!

Вся ячейка тут же погрузилась в хаос кричащих голосов, толкотни и отпихивающих друг друга рук. Один лишь дежурный рабочий возле двери стоял без движения, крепко вцепившись в дверную ручку, и наблюдал за тем, как рабочие накинлись на Андрея — кто-то хватал его за руки, другие тянули за плечи и голову вниз, третьи пытались схватить его за ноги, которыми тот отпихивался, крича о сыне.

— Дайте мне его послушать! Дайте с ним поговорить!

— Держи его крепче!

— Под голову что-нибудь подложите, а то он себе затылок расшибет!

— Там мой сын! Отпустите! Отпустите же!

— Закройте ему рот, наконец! Мы же все с ума тут сойдем!

Сразу пять человек плотно прижимали сошедшего с ума Андрея к полу, когда еще один рабочий сложил в несколько раз кусок материи и засунул его в рот беснующемуся коллеге. Тот еще долго брыкался, издавал гортанные звуки и пучил глаза в попытке освободиться и услышать сына.

8. Иные

По прошествии десяти минут все происходящее в комнате казалось осколками воспоминаний — голоса рабочих доносились будто из-за толщи воды, лишь местами становясь понятной.

— А чего он бледный такой? — сказал кто-то. — Он не умер?

— И не двигается совсем. И в точку одну смотрит.

— Проверьте ему пульс.

— Живой! Пульс есть.

— А чего с ним?

— Что за глупый вопрос? Посмотрел бы я на тебя, если б с тобой иные поговорили.

— Кстати, никто больше голосов не слышал? — поинтересовался бригадир, получив в ответ лишь хмыканья и смешки.

— Да кто же сейчас признается то? Чтобы потом как Андрей оказаться?

— Сомневаюсь, — вновь заговорил Порфирий Сергеевич. — У Андрея это... — он некоторое время колебался. — У него сын в прошлом цикле пропал.

— Как пропал?!

— Вот так. Ушел куда-то и все. Видать, у Андрея на этом фоне расстройства пошли. А иные они же все чувствуют.

— Вот так беда. Теперь все понятно, конечно.

— Бедный мужик.

— Виталий, что там за дверью? Что происходит?

— Все то же — шумы какие-то, — в этот момент он напрягся, прислушиваясь к происходящему на заводе. — Шаги слышу. Огнеметы работают, кажется.

— Ну все, пришли, значит.

— Ликвидаторы, — с облегчением произнес кто-то. — Значит, недолго сидеть.

— Потом еще зачистка оборудования. Опять полсмены потеряем.

— Лучше полсмены, чем жизнь, — вновь заговорил Порфирий Сергеевич. — Тем более, с планом у нас проблем нет. Выполняем на опережение, так что полсмены — не критично.

— Хоть это радует.

Спустя минут пятнадцать красная лампа над входом погасла и люди начали открывать защитные гермодвери. В производственном зале происходила очистка помещения от следов самосбора — повсюду виднелись темные пятна от сторевшей слизи, которую ликвидаторы сначала разравнивали граблями, чтобы затем уничтожить с помощью огнеметов. Сотрудники осуществляли повторный обход территории, с целью найти сохранившиеся капли или куски черной заразы. К счастью для всех самосбор в этот раз прошелся по ним минимально и сотрудникам в противогазах не пришлось вести бой между станками, где нежители можно было легко спрятаться.

Порфирий Сергеевич вышел из ячейки, тяжело прихрамывая, заметил командира отряда ликвидаторов и махнул ему рукой. Тот стоял в центре завода, молча наблюдая за работой подчиненных. Длинный защитный плащ из толстой резины и боевой противогаз очень подходили фону из массивных станков и нагромождений труб.

— Приветствую! — сказал бригадир, приблизившись к ликвидатору. В ответ послышался непонятный звук из противогаза. — Все как обычно? Осмотр оборудования?

— Отправьте людей по станкам, — послышался искаженный фильтрами голос. — К ним подойдут ликвидаторы согласно утвержденному плану.

— Выполним!

— Что желаете сообщить по факту самосбора? — спросил ликвидатор.

Порфирий Сергеевич неуверенно обернулся в сторону ячейки, где пятеро рабочих все еще крепко прижимали к полу Андрея.

— У нас тут с одним иные поговорили, — неуверенно начал он. — Кажется, дверь хотел открыть. Вон там! — он указал пальцем на дверь.

Ликвидатор бросил взгляд на ячейку, немного подумал и двинулся в ту сторону. Бригадир, морщась от боли в колене, пытался поспеть за командиром отряда. Когда в комнату вошел одетый в защитный костюм человек, все присутствовавшие обратили на него частью испуганные, частью взволнованные взгляды. Внушительная фигура ликвидатора почти полностью заняла дверной проем.

— Что с ним? — спросил тот.

— С ним иные разговаривали, — из-за спины объяснил бригадир. — У него сын пропал в прошлом цикле. И иные разговаривали с ним голосом сына.

— Проявления агрессии были?

— Нет, не было, — замотал головой Порфирий. — Кричал, конечно, но оно и понятно.

— Отпустите его, — приказал ликвидатор, достав из кобуры пистолет.

Рабочие переглянулись и через несколько секунд начали поочередно ослаблять хватку и отходить от Андрея. Тот лежал в форме звезды на полу, глядя в одну точку над собой. Ликвидатор подошел ближе, чтобы рассмотреть жертву самосбора.

— Назовите свое имя, — приказал тот, но ответа не последовало. Он грубо пнул тяжелым ботинком по ноге лежащего на полу мужчины. — Назовите свое имя.

— Андрей, — послышался слабый тихий голос.

— Полное!

— Смирнов. Андрей. Викторович, — с паузой между каждым словом медленно произнес мужчина.

— Встаньте, — реакции вновь не последовало и ликвидатор вновь задействовал ботинок. — Встать!

Медленно двигая конечностями, словно те ему не подчинялись, Андрей сначала принял сидячее положение и мотнул головой. Затем предпринял попытку встать и чуть не упал. Пара рабочих придержала его, пока тот пытался поймать равновесие.

— Как себя чувствуете? — зазвучал грубый голос из противогаза.

— Ничего, — Андрей закивал. — Вроде живой.

Бледный мужчина впервые посмотрел на ликвидатора — тот был таким же рослым и крепким как тот, который приходил к нему в ячейку. Хотя голос звучал несколько по-другому. Воспоминания о ликвидаторе помогали вернуть определенную бодрость, глаза Андрея немного просветлели.

— Все в порядке, — сказал он.

Ликвидатор еще несколько секунд рассматривал косвенную жертву самосбора, затем повернулся и вышел из ячейки, сделав жест бригадиру, чтобы тот последовал за ним. Отойдя на десять метров, командир отряда достал из сумки-планшета тетрадь, сделал туда несколько пометок и заговорил.

— Понаблюдайте за ним. Если будут причины для волнения, обязательно сообщите нам.

И в любом случае отправьте отчет в службу с точным указанием на завод и вашего работника, — он мотнул головой в сторону Андрея.

— Будет сделано! — закивал бригадир. — Вы знаете, он же отгул у меня просил. У него сын пропал. Он его искать вздумал. Как думаете, можно дать?

Ликвидатор некоторое время стоял молча, а затем принялся расспрашивать бригадира о том, что ему было известно о ситуации с Андреем. В конце допроса командир отряда вновь сделал несколько пометок у себя в тетради и выдал заключение.

— Дайте ему отгул. Пусть отдыхает столько, сколько нужно.

— Выполним! — отреагировал бригадир.

Когда Порфирий Сергеевич вернулся в ячейку, там не осталось никого, кроме двух рабочих, которые решили присмотреть за все еще бледным и потерянным Андреем. Бригадир сделал молчаливый жест, указав на дверь, и сотрудники завода последовали на выход. Порфирий прикрыл дверь, чтобы никто не слышал их разговора.

— Ну вот что, Андрей, — начал он. — Возьми отгул, отдохни. Тебе будет полезно.

Андрей поднял мутный взгляд, пытаясь понять, о чем ему говорят.

— Только будь аккуратнее, — добавил бригадир и тут же засомневался в целесообразности отгула. — Нижние этажи, сам понимаешь, не лучшее место для прогулок. Оттуда всякие новости приходят.

— Мне талоны нужны, — прервал его Андрей. — Дайте мне талоны.

— Талоны выдадим! Сейчас же попросим расчет.

— Дайте мне расчет, — бездумно произнес мужчина, словно не услышал последнюю реплику. — И авансом, пожалуйста. Мне надо будет.

— Ну что ж... — подумал бригадир. — Думаю, и авансом можем тебе организовать. Пойдем!

В бухгалтерском кабинете Порфирий Сергеевич быстро организовал бумажную работу и вскоре Андрей расписался за полученную пачку талонов на питание. Мужчина крепко сжал их в руке, как-будто опасался злоумышленников, и пошел с ней на выход. Бригадир, заметив это, остановил работника.

— Андрей, ты бы талоны убрал. А то заметят — отберут, — он несколько секунд смотрел на ошалелые глаза Андрея, затем подошел и буквально силой разогнул тому пальцы, чтобы убрать талоны в нагрудный карман. — А теперь пойдем! Я тебя провожу.

Они вдвоем направились на проходную мимо станков, которые постепенно возвращали к работе.

— Сегодняшнюю смену зачтем тебе полностью, — по пути говорил Порфирий, — так что можешь идти домой отдыхать. Ты, главное, будь аккуратнее. Отлежись, подумай, восстановись. Мы все понимаем, каково оно. И если что — я на связи. Не пропадай!

На прощанье бригадир по-дружески похлопал по плечу своего работника и убедился, чтобы тот зашел в лифт, расположенный прямо за проходной завода.

До своей жилишки Андрей добрался на автомате, будучи полностью погруженным в свои мысли. Стены коридоров и лифтов наплывали друг на друга перед глазами. Пришел он в себя только на продавленном диване, когда воспоминания о недавнем самосборе стали постепенно вплетаться в общую канву произошедшего с ним за последний цикл. Мужчина хмурился и пытался понять роль новых событий.

Об иных он слышал много раз и во время нескольких самосборов был готов поклясться, что слышал их мерзкие голоса. Признаться в этом или поделиться он, конечно, побоялся —

само упоминание иных и того факта, что ты слышал их, делали человека если не прокаженным, то явно снижали к нему доверие. По телевизору и на информационных стендах жителей гигахруща неоднократно предупреждали о том, что никаким голосам из-за гермодвери доверять было категорически нельзя. Запрещено! Иные притворялись живыми и умершими родственниками с той лишь целью, чтобы расчувствовавшийся бедолага открыл дверь и был неизбежно растерзан нахлынувшим самосбором. Почему так эмоционально поступил Андрей, он сам не понимал.

Словно не веря своему разуму, он похлопал по нагрудному карману, достал оттуда пачку талонов и пересчитал их. Принял сидячее положение и почесал голову, размышляя о дальнейших действиях. Затем посмотрел на часы, резко встал и подошел к терминалу. Он долго думал, что можно написать и в итоге отправил короткое сообщение «В гости зайдешь?». Ответ пришел через час томительного ожидания. «Никуда не уходи. Скоро буду».

И вновь невыносимое ожидание, когда секунды и минуты, казалось, шли медленнее, чем обычно. Ни о чем кроме скорого визита Андрей думать не мог и ждал стука в дверь. Когда с той стороны поколотили, он в два прыжка оказался возле гермодвери и, ничего не спросив, открыл ее. Михаил вошел без лишних формальностей, оттолкнув Андрея.

— Ну, привет! — грубо поздоровался тот.

— Привет.

— Чего такой грустный? Не рад меня видеть?

— Очень рад, — отозвался Андрей. — В собор идем?

— Есть что выпить? — ответил вопросом на вопрос Михаил и погрустнел, увидев, как хозяин жилья мотнул головой. — Ладно... Я тут навел кое-какие справки относительно собора. В общем, говорят, что обряд причастия состоится в конце этого цикла. Учитывая, что дорога туда займет двое суток, мы как раз успеваем. Но медлить нельзя.

— Ты там был?

— Да, конечно. Два раза.

— Где мы их будем там искать?

— Точно я не знаю, потому что в кельях для новообращенных я не был. Но могу предположить, где это, — он почувствовал на себе взгляд недоверия. — Есть ручка и бумага?

Вскоре они сидели за кухонным столом. Андрей наблюдал за тем, как Михаил составляет план.

— Собор они организовали на месте старого завода. Главное помещение там — молитвенный зал в заводском помещении. Все остальные комнаты расположены вокруг — по сторонам, над и под молитвенным залом. У них все церкви построены по одному принципу, — он водил ручкой по рисунку, — в центре — помещение для службы, вот здесь и здесь комнаты охраны, вот тут — хозяйственные помещения, а кельи для церковников — тут и тут. Все вместе, в общем. Поэтому найти их будет несложно. Я предполагаю, — добавил он в конце.

Андрей внимательно изучал каракули Михаила и размышлял над тем, как они попадут в собор.

— А зайти туда как? У них же есть охрана?

— Есть, конечно. У собора должен быть большой периметр безопасности и все подходы, скорее всего, контролируются. Опять же, я точно не знаю, но, судя по церквям, там есть несколько проходов — вот здесь, здесь и тут — через которые они впускают прихожан.

— Как туда попасть? Напролом полезем? — его глаза наполнились скепсисом.

— Причастие молодых — всегда массовое и торжественное мероприятие. Его совмещают с другими службами и получается целый праздник. К концу цикла туда потянутся прихожане со всего гигахруща. Несколько тысяч. Надо будет прибиться к какой-нибудь группе и зайти вместе с ними. Проверять каждого там вряд ли будут.

Некоторое время Андрей думал об этом предложении и с каждой секундой его брови все сильнее опускали на глаза, полные недоверия.

— Звучит слишком просто, — сказал хозяин ячейки, вспоминая их неудачный визит в церковь. — Я боюсь, опять будет провал.

— Ты видел, кто у них там в чернобожниках ходит? — Михаил ухмыльнулся. — Там — сплошь и рядом одни вырожденцы и уроды. Организация у них соответствующая. Охрана там стоит, но каждого они проверят не станут. Слишком много времени на это уйдет.

— А что насчет тебя? — Андрей с подозрением глядел на гостя. — Тебя они тоже не вспомнят?

— В том и дело, — начал Михаил, — что туда я зайти не смогу, потому что меня там знают и помнят. Поэтому тебе туда надо будет идти одному.

От удивления Андрей несколько секунд молчал, глядя на гостя широко открытыми глазами. С открытым ртом он пытался выдавить из себя слова, но ничего не получалось.

— Ты совсем сдурел? — наконец послышался его голос. — Как я туда один пойду? Я ничего не знаю.

— Там знать особо ничего не нужно, — успокаивал его Михаил. — А то, что нужно, я тебе подробно объясню. За двое-то суток.

— А ты сам что будешь делать? — возмущенно поинтересовался хозяин.

— Я спрячусь недалеко от собора и буду там тебя ждать.

— А сын твой? Я даже не знаю, как он выглядит.

— Я тебе покажу фото.

— И что я ему скажу? — продолжал возмущаться Андрей. — «Я от твоего папы. Давай собирайся, пойдем обратно»?

— Я передам ему записку, тебе ничего не надо будет говорить. Только убедись, что он ее прочитает.

— А если меня там возьмут? Я ведь... — он задумался, подбирая слова и в конце выдал, — идиот.

Михаил бросил смешливый взгляд и расплылся в зубастой улыбке.

— Это не исключено. Но, повторюсь, там будут тысячи людей. За каждым просто не уследить. Потеряешься в толпе.

Андрей нахмурился, обдумывая услышанное, и сразу понял, что ни Михаил, ни его план никакого доверия не вызывали. Но его привлекали два факта — во-первых, после визита в церковь было понятно, что Михаил, скорее всего, больше не думал использовать Андрея в бартерном обмене. Хотя вероятность чего-то подобного полностью отрицать было нельзя. И, во-вторых, опять же судя по увиденному в церкви, прихожане и служители у чернобожников представляли собой не самых умных людей. В любом случае терять Андрею было почти нечего и он молча кивнул.

— Когда выходим?

— Если успею все сделать сегодня, то надо выходить завтра. Но нужны талоны. Много талонов.

Ни говоря не слова, Андрей достал их из нагрудного кармана и положил на стол. Гость

пересчитал бумажки и поморщился.

— Тут десятки не хватает.

— Буду должен.

— Ладно, доложу своих, — он убрал талоны в сумку, — за возврат пистолета. Ты больно уставшим выглядишь. Перед дорогой надо отдохнуть.

— Постараюсь.

— Подготовь сумку. Вещи надо как и в прошлый раз, но еды побольше. — он немного подумал. — Концентрата на пять дней ходу. Воду по пути найдем.

Андрей поднял удивленный взгляд.

— Там жилые этажи?

— Нет, но вода есть. Проверено. Вещмешок у тебя есть? — в ответ хозяин кивнул. — Его возьми обязательно.

— Зачем тебе столько талонов? — вдруг поинтересовался Андрей.

— Надо будет оружие и патроны.

— У нас же уже есть пистолеты.

— Путь неблизкий, опасный, надо что-нибудь посерьезнее, — он вспомнил их побег из церкви. — Эх, жаль, что тот автомат не взяли. Такую вещь бросили!

Наступила тишина. Андрей рассматривал изрисованный листочек, а Михаил мечтал об упущенном автомате с коротким стволом. Полминуты спустя Михаил встал из-за стола и направился к выходу.

— Жди от меня сообщения. Старайся никуда надолго не отлучаться, а еще лучше вообще никуда не уходи, — и уже перед тем как открыть дверь, повторил. — Если сегодня все сложится, выходим завтра утром. А теперь отдыхай.

Когда Михаил покинул ячейку, Андрей сел на диван и вновь стал считать минуты и часы.

9. Новые знакомства

Сообщение с подтверждением поступило ближе к двенадцати. Быстро собрав сумку и перепроверив ее несколько раз, Андрей улегся в кровать. Сон был беспокойным, а сновидения тревожными, хотя мало чем отличались от того, что он пережил в последний цикл — уродливые лица чернобожников перемешивались с безликими образами ликвидаторов, погружающие в огонь людей с черными пятнами на коже. Из темноты появлялись то ли призраки, то ли монстры и пытались поймать Андрея среди трубопрокатных станков. И позади всего этого звучал голос Коли, который просил или говорил о чем-то, но разобрать было невозможно.

В восемь утра в дверь постучали. Хотя от Михаила неизменно разило выпитой накануне серебрянкой, он в очередной раз приятно удивил своей пунктуальностью. Свои действия Михаил рассчитывал вплоть до минуты. Когда гермодверь закрылась, проводник заговорил.

— Вещмешок собрал? Дай проверю, — быстро изучив содержимое сумки, он продолжил. — Тут недалеко от тебя живет один чудак. Надо будет до него сначала пройтись. Пойду сначала я, за мной ты через метров двадцать, ясно? Не потеряй меня из виду. Когда надо будет, я сам к тебе обращусь. Все понял?

Несмотря на запах алкоголя, Михаил выглядел собранным и энергичным. Казалось, что ему не терпелось выдвинуться в путь. Андрей кивнул, его гость тут же повернулся и открыл дверь.

— Через секунд десять можешь выходить, — бросил он перед выходом.

Андрей вышел через указанное время, закрыл гермодверь и последовал за Михаилом, стараясь не терять того из виду. Они спустились на десять этажей вниз и принялись идти сквозь жилые блоки. Те по большей части отличались друг от друга лишь цветом краски на стенах — где-то она была синяя, в других местах темно-зеленая или темно-желтая. Когда стены приобрели непривычно светлый розовый окрас, Андрей увидел большую букву «Р», означавшую литеру блока. Михаил несколько раз оглянулся, чтобы удостовериться в том, что его спутник не отстал. На повороте в очередной коридор он остановился, чтобы дождаться Андрея.

— Пойдем туда, — он указал рукой направление. — Надо зайти к одному чудаковатому старику. С головой у него проблемы, но кое-что делает превосходно.

Андрей нахмурился, думая о загадочном персонаже и понял, что с подозрением относится к предстоящему визиту. Он оглядывал стены коридора, исписанные именами и ругательствами. Подойдя к ячейке под номером двадцать четыре, они остановились. Михаил несколько раз громко постучал и, пока они ждали реакции хозяина, Андрей читал надписи на гермодвери. Те в приличной и неприличной формах обращались к владельцу гермодвери, либо же описывали его душевное состояние. Помимо стандартных и вполне цензурных «кретин» и «болван», на полотне имелись и стихотворные произведения.

«Старый Макар помешался умом.

Плачет по седому блок, где дурдом».

Андрей пробежался глазами по другим.

«Коль старый дурак черной слизи поел,

В голове у Макара теперь беспредел».

Каждая надпись так или иначе указывала на безумие некоего Макара, являвшегося, судя

по всему, владельцем жилой ячейки. Также часто писали о черной слизи и каких-то сказках.

— Его Макар зовут? — в ответ Михаил утвердительно хмыкнул. — Он тоже из бывших чернобожников?

— С чего ты взял?

— Вон, пишут, что он черную слизь скушал.

— Они что угодно могут писать, — проводник отмахнулся. — Я точно не знаю, отчего у Макара проблемы, но вряд ли от слизи. Ну что ты там, старый черт?

Он с силой несколько раз пнул в дверь, откуда вскоре послышалось шевеление.

— Что надо? — спросили оттуда.

— Открывай!

— Кто это? — голос был негромким, но совсем не испуганным.

— Да я это! Михаил! Поговорить надо!

В ячейке стало тихо. Михаил хотел было уже лупить по двери вновь, но замок зашуршал и гермодверь распахнулась. В проеме возник бородатый мужчина с беспокойным взглядом.

— Ну, чего? — спросил тот.

— Макар, ну что мы, в коридоре разговаривать будем? Можетпустишь нас? — с доброжелательной улыбкой спросил Михаил.

— А ты чьих будешь-то?

— Да что ты в самом деле? — проводник развел руками. — Каждый раз тебе представляться надо будет?

Он поправил на плече сумку, махнул рукой и просто попер на хозяина ячейки, запихивая того в комнату. Он аккуратно толкнул Макара и жестом пригласил Андрея войти. Эта сцена немного развеяла его подозрения и мужчина вошел, закрыв за собой дверь.

— Что делается то! — возмутился хозяин. — Грабить пришли?

— Нет. Успокойся! — Михаил стал искать что-то в карманах. — Поговорить надо. Ты садись.

Андрей оглядел жилище безумца — повсюду стояли стопки листов и тетрадей, исписанных мелким шрифтом с какими-то рисунками. Он взял один с кучи, лежавшей прямо рядом со входом.

— Ты чего там трогаешь? — обратился к нему Макар. — Положь на место!

Мужчина молчаливо подчинился и вернул лист обратно. Хозяин ячейки смотрел на него, казалось, своим привычным безумным взглядом, но через несколько секунд глаза его округлились еще сильнее. Он схватился за бороду и принялся раскачиваться на месте. Гость с удивлением рассматривал Макара, который сначала показался очень старым, но, когда Андрей пригляделся, понял, что длинные седые волосы, неухоженная борода и грязная истрепавшаяся одежда просто делали человека гораздо старше того, чем он на самом деле был. Любитель выпивки все искал что-то у себя в кармане.

— Нашел! — подал голос Михаил. — Надо проверить координаты.

— Координаты? — оживился Макар. — Что за координаты?

— Мы идем на этаж триста сорок, блок Е. Оттуда направляемся в собор чернобожников. Хочу узнать, какие пункты категорий А или Б мы там встретим.

— Пунктов А — никаких, — он почти подпрыгнул на месте. — Это я точно могу сказать. Там не та область.

— Ну ладно, — с легким разочарованием произнес Михаил. — Что насчет Б?

— Ну посмотрим, давай посмотрим! — с оживлением в голосе ответил Макар.

Он кинулся в ближайший угол и стал перебирать кипы бумаг. Через минуту он извлек пачку бумаги, повернулся и тут же упал на колени в центре комнаты прямо под лампочкой. Михаил сделал несколько шагов назад, наблюдая за суетливыми действиями Макара. Тот раскладывал листочки в определенной последовательности. Андрей подошел поближе, чтобы разглядеть содержимое бумаг, но они были исчерчены и исписаны огромным количеством линий, слов, предложений и разноцветных отметок карандашами.

— Хм, посмотрим, — тихо сказал Макар, когда вся пачка оказалась на полу. — Собор, да? Так, так... Здесь точки Б-8 и Б-10, — затем поднял лицо к Михаилу и повторил уже громче. — Б-8 и Б-10!

— Сможем зайти только в одну. В какую удобнее будет?

— Б-8! С блока Е идете в направлении блока П, оттуда спускаетесь...

Макар стал водить пальцем по бумагам, объясняя маршрут движения трещащей скороговоркой. Андрей пытался запомнить первые предложения, но очень быстро понял, что понять что-либо было крайне тяжело. Он перевел взгляд на Михаила и удивился тому, как тот спокойно и вдумчиво слушает объяснение бородатого безумца. Закончив, тот снова почти подпрыгнул и спросил:

— Запомнил?

— Запомнил, — спокойно ответил проводник.

— Еще что-то?

— По категории А что-нибудь прояснилось?

— А как оно проясниться, если вы не даете мне уточненные координаты точек Б и В? Пока не дадите — ничего нового не скажу. Гигахруц — живой. Сегодня — здесь, завтра — там.

— Значит, скажем. Какие там тебе нужны? — в ответ Макар выпалил два десятка точек. — Сейчас, погоди, запишу.

— Ну так что? — вдруг спросил хозяин и вновь стал раскачиваться.

— Сколько тебе надо? — Михаил достал из кармана пачку талонов.

— Я не торговец! — он поджал губу, бросая заинтересованный взгляд на руку собеседника. — Сколько дадите, всему рад.

— Ну тогда держи, — мужчина протянул несколько бумажек.

— Только помните, что, если не докормите, то в другой раз могу дверь и не открыть, — он взял талоны и быстро посчитал их. — Могу и помереть от голода.

— Не помрешь! — успокоил его Михаил. — Ладно, мы пойдем. Скоро увидимся!

Макар остался стоять там же — в центре комнаты с разложенными перед ним бумагами — и молча провожал взглядом нежданных гостей. Мужчины вышли в коридор и вскоре замок двери щелкнул. Михаил тихонько обратился к Андрею.

— Хорошо ориентируешься в гигахруце? Нам надо попасть в блок Е на этаже триста сорок. Идти туда нам надо порознь — два мужика с вещмешками выглядят слишком подозрительно. Сам туда дойдешь?

— Постараюсь.

— Не постарайся, а дойди, — грубо парировал Михаил. — На это максимум час-полтора. Там есть склады непроизводственного назначения, знаешь, где они?

— Вроде, да.

— Нам надо туда. Ровно в девять тридцать ты должен быть возле информационного стенда рядом с лифтом, понял? — последовал кивок. — Объясняю еще раз: этаж триста

сорок, блок Е, склады, информационный стенд рядом с лифтом в девять тридцать. Повтори.

После того, как Андрей назвал точную информацию, Михаил кивнул и, собравшись на выход, сказал:

— Я иду здесь, ты через ту сторону, — он указал пальцем. — Если дойдешь до места раньше условленного времени, не стой там долго — это привлечет внимание. Не потеряйся!

Михаил толкнул Андрея в нужную сторону и сам быстро скрылся за поворотом. Он быстро шел по многолюдным коридорам и лестницам. Рабочие, служащие и учащиеся спешили туда, где им суждено было провести большую часть суток. Кто-то нес сумки, кто-то такие же вещмешки, поэтому одинокий мужчина не выбивался из общей массы людей. Длинные бетонные кишки сменялись лестницами и лифтами, и вновь тянулись серые безликие коридоры с цифрами и буквами на стенах и протянутыми под потолком трубами и проводами. Андрей периодически смотрел на часы и то ускорялся, то замедлял ход, чтобы прийти к назначенному времени.

В девять двадцать три он внимательно изучал информационные стенды возле непродуктивных складов. На нескольких больших газетных листах приводилась подробная информация о заполняемости складов, повышении нормы вещевого довольствия для граждан, увеличении разнообразия товаров народного потребления, борьбе с воровством и жульничеством, фамилии пойманных воров и нечистых на руку товароведов под заголовком «Позор!».

— Интересно? — зазвучал голос Михаила, который появился неожиданно. — Пойдем!

Вдвоем они дошли до проходной на склады, где их уже ждал мужчина в каске.

— Как всегда вовремя! — дружелюбно произнес тот и махнул рукой, чтобы мужчины следовали за ним. На самой проходной он обратился к охраннику. — Эти со мной! — и подмигнул.

Охранник на входе нажал кнопку, позволяя всем троим пройти через турникет. Андрей молча следовал за Михаилом и работником склада в новых для него помещениях. То здесь, то там попадались такие же люди либо в касках с планшетами для бумаги и журналами, либо мужчины с вещмешками и колясками.

— Начало дня, — объяснял их проводник, — поэтому людей много. Надо было ближе к обеду вам прийти, конечно.

— Очень поздно было бы, — отвечал Михаил.

— Понимаю, — работник улыбнулся и указал куда-то вдаль коридора. — Нам на склад двадцать три.

Они шли молча по широкому коридору, где сновали рабочие и гости, мимо проезжали нагруженные ящиками электротележки. Андрей с интересом рассматривал нагромождения и разнообразие полных коробок и набитых тюков. Повинуясь любопытству, он озвучил вслух вопрос:

— Сколько вещей! Интересно, откуда это все?

Михаил поморщился, а работник склада улыбнулся и совершенно дружелюбно ответил:

— С заводов и фабрик по всему Гигахрушу. Нам привозят сюда, а мы отправляем дальше по распределительным точкам или предприятиям.

— А как привозят?

— Грузовые лифты и платформы, конечно.

— Интересно! — Андрей проследовал за проезжающим мимо погрузчиком с тяжелыми мешками.

Через несколько минут они дошли до нужного склада и, открыв дверь ключом, работник впустил внутрь путников. В помещении стояли высокие стеллажи с коричневыми коробками. Не говоря ни слова, троица отправилась в дальний угол. Там, возле технической дверцы, работник остановился и прислушался к звукам, чтобы рядом никого не было. Затем, не нагибаясь, он ногой извлек из-под стеллажа два предмета, завернутых в серую ткань. Михаил опустился на одно колено и поочередно открыл свертки. В обоих лежали одинаковые автоматы, магазины, коробки с патронами и подсумки. Он принялся внимательно их изучать.

— Коротких не было? — с недовольством в голосе спросил Михаил.

— Видать, не было, раз такое дали, — работник развел руками. — Ты же знаешь, что я оружием не занимаюсь.

— Перепродать потом получится? — немного подумав, спросил любитель выпивки.

— Посмотрим, — он вновь развел руками. — Спрос на такое всегда имеется.

— Сколько патронов? — Михаил принялся считать коробки.

— Сколько просил, столько и достал, — на лице появилась улыбка.

— Ладно, разберемся, — Михаил открыл свой вещмешок и переложил туда магазины, подсумки и коробки, один автомат отдал Андрею, второй взял сам. Затем указал на техническую дверь. — Там все по-старому?

— Конечно.

— Тогда не будем тебя задерживать! — он пожал руку складскому работнику. — К концу цикла-началу новому свяжемся!

— Удачи вам! — он улыбнулся. — Не хотелось бы прерывать наше сотрудничество.

— Мне тоже.

Михаил открыл техническую дверь, которая сразу открывала доступ в узкое пространство с тянущимися вдоль стены трубами. Он протиснулся внутрь, за ним последовал Андрей. Несколько минут они молча шли боком вдоль вентилях, кранов и заглушек на трубах при свете фонарей. Андрей вновь почувствовал волнение от того, что попадает в мир тьмы и неизвестности. Его сильно успокаивали уверенные действия Михаила, который без сомнений шел по техническому каналу и указывал путь Андрею. Минут через десять они достигли другой двери и покинули техническое помещение. Старые петли заскрипели, выпуская мужчин на лестничную площадку.

— Идиоты, — тихо выругался Михаил. — Тяжело смазать что-ли?

Он достал пистолет и в свете фонаря пошел вниз по ступеням, прислушиваясь к темноте. Эта заброшенная часть гигахруща была относительно чистой, словно здесь как и на складе проводили регулярную уборку. Вскоре они оказались в жилой ячейке с работающей гермодверью. Михаил закрыл ее и поставил фонарь на максимальную мощность, ярко освещая пустое жилище. Он поставил на стол в комнате вещмешок и извлек оттуда коробки с магазинами.

— Смотри сюда и учись, — приказал он. Андрей внимательно наблюдал за тем, как его проводник открывает коробки и снаряжает магазины патронами. — Теперь ты сам попробуй.

Мужчина развернул бумагу и, доставая промасленные патроны, принялся неумело снаряжать тугий магазин. К моменту, когда патроны уже больше не лезли внутрь, пальцы болели от острых краев магазина, но Михаил дал еще один.

— Дело привычки, — произнес он и принялся снаряжать свои. — Потом будет легче.

Через несколько минут на столе лежало пять снаряженных магазинов и два пустых, которые Михаил отложил в сторону. Он взял свой автомат и поднес к нему пустой магазин.

— А теперь смотри и учись, дубина, — без лишних формальностей начал он, — вставляешь сюда магазин, снимаешь с предохранителя до упора вниз и передергиваешь затвор одним резким движением. Вот так, — лязгнула затворная рама, — патрон в патроннике автомат готов к применению. Попробуй сам.

Андрей повторил манипуляции с оружием.

— Когда патроны закончатся, надо поменять магазин. Ставишь на предохранитель, — он продемонстрировал это, — нажимаешь на кнопку вот здесь и достаешь магазин. Затем ставишь новый. Повтори.

Ученик молча повторил все за учителем. Затем Михаил протянул ему подсумок.

— Одень его на пояс и пояс затяни потуже, чтобы подсумок не болтался, — когда Андрей выполнил команды, Михаил добавил. — Надо с тобой потренироваться. Поменяй магазин, — он внимательно контролировал действия. — Предохранитель забыл! Еще раз поменяй, — приказал Михаил, — и еще раз. Про предохранитель не забывай! До упора вниз! Старый магазин в подсумок, новый в автомат. Побыстрее! Времени думать не будет!

Попутно вспоминая свои первые дни на заводе, смущенный Андрей доставал, укладывал, брал, вставлял пустые магазины, щелкал предохранителем и дергал раму снова и снова. Они вновь и вновь до оупения проделывали одну и ту же операцию.

— Ладно, хватит, — после раза двадцатого Михаил успокоился. — Автомат — очень серьезное оружие, но надо уметь им пользоваться. У вас на заводе строгая дисциплина?

— Наверное, — пожал плечами Андрей.

— Делаешь все, что тебе говорят? Споришь с начальством?

— Спорю, если есть дельное предложение, — ответил уставший ученик.

— Ну так вот, запомни, — он про себя добавил «идиот», — здесь никаких предложений и никаких споров. Я говорю — ты делаешь! — он оскалился серыми зубами. — Я говорю стоять, ты стоишь, ясно?

— Ясно.

— Сидеть, — скомандовал Михаил.

Андрей не сразу понял, но по прошествии нескольких секунд с удивленным видом опустился на стул рядом.

— Лечь на пол, — продолжил командир.

Смутившись еще сильнее, он медленно опустился на пол и увидел перед собой ботинки Михаила.

— Делай все быстрее, — послышалось сверху. — Встать! На кухню! Сесть! Лечь!.. — он продолжал дрессировать Андрея, гоняя того по ячейке. — Оружие к бою!

— Это что? — спросил озадаченный ученик.

— Это значит, что надо снять автомат с предохранителя и быть готовым его использовать, — он своим примером показал, что надо делать, затем повторил. — К бою!

Быстрыми, но все еще неловкими движениями Андрей повторил за Михаилом, уперев приклад автомата в плечо.

— Отставить! — скомандовал командир и они оба опустили автоматы. — Оружие держи на ремне и будь готов его применить либо по команде, либо по мере необходимости. Мы с тобой отправляемся в очень опасный путь. От твоей внимательности и того, как быстро и правильно ты будешь делать то, что я говорю, будет зависеть наш успех. Всегда

держишь позади меня и думай, что делаешь! — он осмотрел своего ученика. — Снаряды пустые магазины и заряды автомат.

Через пять минут Андрей вставил магазин и передернул затвор.

— Все, теперь можешь стрелять. Услышишь «Огонь» или «Стреляй», можешь действовать, — объяснил новые команды Михаил. — Только меня не подстрели! — он грозно посмотрел на Андрея. Затем взял оружие и вставил фонарь в специальный слот. — Вопросы есть?

Мужчина попереминался с ноги на ноги, немного подумал и спросил:

— Значит, в серую зону всегда попадают через стояки с трубами?

Послышался разочарованный вздох. Михаил про себя уже привычно назвал Андрея идиотом — он ожидал услышать вопросы по оружию, пути, сложностях на пути, а не эту отвлеченную тему. Не скрывая отвращения, он покачал головой, но все же ответил.

— Можно через стояки. Есть жилые ячейки и производственные помещения с проделанным проходом. Можно через шахты лифта. Есть пути через каналы грузовых платформ, — он честно перечислял все, что приходило на ум. — Много путей. По делу вопросы есть?

— Может быть, позже.

— Позже говорить будет нельзя, — строго произнес Михаил. — Идем молча. Есть вопрос — дай знать хлопком по плечу. Через несколько часов пути будет привал. До этого момента меня не интересуют твои хотелки, понятно? Говори только, если заметишь или почувствуешь что-то серьезное.

Андрей молча кивал в ответ на риторические вопросы и команды своего проводника. Михаил еще раз озвучил самые важные пункты инструктажа, убирая магазины в подсумок и приводя себя в походный вид. Когда оставшиеся патроны оказались в вещмешке, а ляжки и ремни затянуты, он усилил свет фонаря и направился к гермодвери.

— Делай все, что я говорю, — строго произнес Михаил и открыл проход.

10. Жители серой зоны

Быстрой походкой Андрей следовал за уверенно идущим впереди него Михаилом. В отличие от их прошлой вылазки, здесь не требовалось часто менять направление движения — они долго шли вдоль коридоров через некогда жилые блоки, затем спускались по лестнице, вновь брели мимо жилых ячеек, и снова опускались ниже. Чем дальше они отдалялись от жилой части, тем более заброшенными казался мир вокруг: буквы и цифры на стенах становились тусклее, где-то едва проглядывались, а вот проводов и труб на стенах наоборот становилось больше — видимо, тащить их из такой дали было слишком тяжело. В темноте блестели глаза здешних обитателей — пищание крысы разбегались в стороны и прятались по укрытиям, увидев яркий свет фонарей. Некоторые особо смелые зверьки подсматривали за путниками из щелей и дыр, провожая их взглядом.

И в проводнике чувствовались перемены по мере пути — Михаил становился напряженнее и все чаще останавливался, поднимая вверх открытую ладонь. Андрею тот не объяснил значение жеста, но скорее всего оно означало «тихо» или «внимание», поэтому мужчина, повторяясь за проводником, прекращал движение и пытался вслушаться в темноту. Где-то вдали, казалось, что-то действительно происходило — то ли щелчки, то ли шаги, но было это так далеко и неразлично, что Михаил продолжал движение.

Наблюдая за миром вокруг, который отличался от привычного Андрею безлюдностью и темнотой, он задавался вопросами о судьбе этих мест. Говорить было нельзя, поэтому к тому моменту, когда Михаил зашел в ячейку с рабочей гермодверью, их накопилось изрядное количество. Проверив помещения, он закрыл вход в ячейку, сел на старый стул на кухне и пригласил Андрея присоединиться к нему.

— Три с половиной часа идем, — доставая из мешка концентрат, сказал проводник. — Следующая остановка где-то также через часа три, поэтому надо подкрепиться.

Он открыл тюбик и выдавил в рот все его содержимое, затем достал бутылку, в которой, к счастью, была вода и сделал несколько глотков. Андрей последовал его примеру и тоже достал еду. Закончив с ней, он немного подумал и спросил:

— Почему здесь никто не живет?

— Потому что серая зона, — «идиот» про себя добавил Михаил.

— Нет, это понятно. Я имею ввиду, почему она — серая зона, почему стала такой? Я просто шел и думал, что если сюда провести свет и поставить гермодвери, то эти этажи не будут ничем отличаться от, скажем, моего или твоего.

— Ну?.. — словно не понимая, спросил проводник. — И что?

— Почему люди отсюда ушли? — не унимался Андрей.

В ответ послышался глубокий вздох. Михаил совершенно не горел желанием пускаться в долгие объяснения, но спустя некоторое время он все же заговорил.

— Тут, понимаешь, какое дело, — задумчиво начал он, — еще неизвестно, ушли отсюда люди или никогда не приходили.

— Это как? — удивился Андрей. — А гермодвери, а трубы?

— А что они?

— Ну, их же люди делают.

— Люди могут делать многое, что существует и без них. Ну вот, скажем, мы же можем соединить два элемента и получить воду, так? Но это не значит, что люди придумали воду.

Вот так же и с этими этажами.

— Странно звучит. Вода — это одно, а двери...

— Я тоже так думал, когда со мной такими мыслями поделились, — перебил его Михаил. — Но я потом в таких местах побывал, что у меня самого закрались сомнения, что люди там когда-либо жили.

— Что за места? — спросил Андрей, чувствуя мурашки по телу.

— Всякие, — Михаил задумался. — Я когда только пришел в службу ликвидаторов, меня отправляли на пограничные зоны. Я так понимаю, партия расширяла жилые зоны гигахруща и в первую очередь посылали нас. Задача у нас была относительно простая: зайти в определенную точку, отсечь выходы, поставить посты, зачистить территорию. Затем дальше...

— Очистить от кого? — перебил Андрей. — Чудовищ?

— Чудовищ, — он кивнул головой и отпил, чувствуя, как пересыхает горло. — Уродов. Непонятно откуда взявшихся сектантов. Последствий самосбора. В общем, всего, что может убить или навредить простому человеку.

— Тяжело было?

— Ко всему привыкаешь, — Михаил задумался. — Так вот, на нашем участке мы все двигались вперед, зачищали этажи, отмечали пути. А потом, представляешь, один блок закончился, начался другой. Мы идем по коридору, светим фонарем, а там на стене буква Л. Я думаю, ошибка какая-то. Я сам в то время в блоке Л жил и это точно был не мой блок. Идем внутрь, открываем двери, проверяем ячейки. А там мебель. Холодильник. И никого, понимаешь? — его передернуло от страха. — Я специально направил свою команду в сторону своего этажа. Как сейчас помню: мой этаж, мой коридор, моя ячейка. Только все пустое. Людей нет. Руки дрожат. Открываю дверь, а там ячейка точно такая-же, как у меня. Та же мебель, та же расстановка. Все то же самое.

— Ну это понятно, — попытался объяснить Андрей. — Мебель типовая, планировка и расстановка тоже. Передвинешь стул в другое место и все — ни туда, ни сюда. Вот у всех все и одинаковое.

— Я об этом тоже подумал, но там, понимаешь... На кухне пустая рамка была. Прямо как у нас, когда мы заехали в жилищечку. И вешал ее не я. До нас ее кто-то повесил. А висит она на вставленном в трещину гвоздике. И гвоздик погнут так слегка, — он начертил пальцем на столе силуэт. — Так вот рамку я снимаю, а там гвоздик такой же. Вставленный в точно такую же трещину. Вот я и задумался.

Андрей зачарованно слушал историю Михаила.

— Так может вы просто в свой старый блок пришли? Может быть, его просто покинули.

— Блок этот потом обозначили «Л-2». А позже я беседовал с сослуживцем, который занимался тем же, что и я. Так вот он упомянул блок Л-4, понимаешь?

— Не совсем.

Михаил с сочувствием взглянул на непонятливого мужчину и вдохнул.

— Оттуда мы потом ушли, — продолжил он свою историю, не став ничего объяснять. — И зачищенные нами этажи оставили.

— Почему?

— Очень накладно обходилось. Точек обеспечения мало, доставка долгая, постоянные задержки. Потом самосборы участились, уроды полезли. Людей теряли каждый день. Пришлось откатиться назад, — он немного помолчал. — А гвоздик этот проклятый до сих

пор перед глазами.

— Чертовщина какая-то, — прошептал Андрей.

— Согласен. Чертовщина, — Михаил кивнул. — Вот потом у меня и начали появляться вопросы и мысли.

Зачарованный историей Андрей сидел молча, представляя историю проводника. В его воображении жилые блоки двоились и троились будто в отражении зеркала. Их становилось все больше и больше, и в какой-то момент мужчина почувствовал тот же страх, что и Михаил. Он дернул головой и постарался подумать о чем-нибудь другом, менее пугающем.

— Слушай, — начал Андрей. — Что это за старик такой, к которому мы ходили? Макара его зовут?

— Верно, — сухо ответил Михаил и отпил пару раз.

— Что он такое тебе показывал? Листочки у него какие-то... Псих какой-то?

— Этот псих карту гигахруща составляет. Ты ему вырви тетрадный листочек, он тебе за две минуты нарисует план в нужном масштабе.

— Да ну? — удивился Андрей. — Это невозможно.

— Если б это было невозможно, то я бы не стал к нему ходить, — спокойно ответил проводник.

— Как у него так получается? Он кто вообще?

— Он? — Михаил немного подумал и усмехнулся. — Наверное, он все же псих. Старый псих.

— Так ты, получается, часто к нему ходишь? — ответа почему-то не было и мужчина продолжил расспрос. — И вы про точки какие-то говорили... А, Б, В.

— Заладил ты со своими вопросами! — раздраженно кинул Михаил. — Ты всегда такой нудный? — и предвосхищая дальнейшие расспросы, он тут же встал. — Ну все, отдохнули, время идти дальше.

Он взял автомат и направился на выход.

При свете двух фонарей они отправились дальше по пустынным коридорам и лестницам. Вскоре после выхода Михаил снова поднял ладонь вверх, остановив движение. Они прислушались и оба уловили звуки вдали — это были те же шорохи-шаги, но уже ближе чем в прошлый раз. Проводник обернулся и проверил пространство позади. Ни говоря ни слова, они продолжили путь. Вскоре ситуация повторилась. Они в очередной раз прислушались, но уже дольше. Михаил покачал головой и пошел дальше. Его шаги стали медленнее и тише — Андрей заметил, что проводник старался не издавать никакого шума. Неподалеку послышался крысиный писк. Чувствуя растущее напряжение, он непроизвольно поднял автомат, направив дуло в темноту. Он вновь слышал пульсирующую кровь в висках и руки почему-то стали дрожать, из-за чего свет фонаря быстро-быстро ходил вниз-вверх.

— Да успокойся ты, — тихо послышалась спереди. — Возьми себя в руки.

Эту команду было непросто исполнить. Тело не хотело слушаться и, вдобавок, ладони вспотели, отчего хватка стала не такой уверенной. Они медленно двигались вдоль коридора, двери в котором были почти все закрыты. Михаил медленно водил дулом автомата с прикрепленным к нему фонарем, освещая внутренности открытых жилище. Андрей несколько раз слышал знакомые звуки, уже более отчетливые, но проводник почему-то не останавливался и все так же шел вперед.

— Слышь, дубина, — негромко произнес Михаил. — Оружие к бою.

Дрожащей рукой Андрей перевел предохранитель в нижнее положение и положил

палец на спусковой крючок. Сердце бешено колотилось в груди.

— Дубина, делай все так, как я говорю, — продолжил проводник.

Они приближались к выходу на лестницу. Там вновь послышались шуршащие тихие шаги. Кто-то двигался по ступеням навстречу им. Михаил замедлял ход по мере приближения к проему и, наконец, остановился метров за пятнадцать до него. В свете фонаря показались чьи-то длинные сероватые пальцы, ухватившиеся за дверной проем, затем блеснули глаза и появилось то ли человеческое лицо, то ли животная морда — длинная, с большим ртом. Тонкие длинные губы оголили два ряда крепких зубов. Послышался глубокий рык. Хотя морда в проеме оставалась туповато безэмоциональной, Андрей понимал, что значит эта зубастая улыбка.

— Эта тварь, — прошептал Андрей голосом полным страха. — Чего она пялится? Чтс делать?

— Ни в коем случае не оборачивайся, — послышался громкий командный голос Михаила. — Если эта тварь дернется в твою сторону, стреляй!

Вновь послышались шаги, но уже сзади. Михаил резко повернулся, направив луч света обратно по коридору. Раздались оглушающие выстрелы. Раз! Два! Три! Раз-раз-раз! Дрожащий луч света все еще был направлен на проем, в котором скалилось существо. Оно закричало и дернулось в коридор. Андрей выстрелил два раза, но тварь тут же спряталась обратно, подглядывая из-за косяка. За спиной звучали выстрелы, дикие крики, чья-то быстрая поступь, снова выстрелы. Тварь на лестнице вновь молниеносно дернулась в сторону Андрея, показав свое высокое тело с длинными руками и ногами. Оттолкнувшись всеми четырьмя конечностями, оно бросилось вперед и приземлилось за несколько метров до Андрея. Он выстрелил! Раз, два, три! Существо, готовившееся вновь прыгнуть, обрушилось под ноги мужчине.

— Что там?! — послышался крик из-за спины.

— Я убил его! — на последнем слове голос сорвался.

— Добей его! Выстрели еще пару раз! — Михаил продолжал стрелять одиночными. — И держи под прицелом проход!

Он ненадолго завис, рассматривая бледное жилистое тело в пятне фонаря, затем два раза нажал на курок. Тело едва заметно вдрогнуло, но больше не шевелилось. Он продолжал рассматривать тварь, чувствуя страх и отвращение. Тело и повернутое на полу в профиль лицо было похоже на человеческое, но с тупыми глазами и громадным ртом. Кожа была странная — серая и толстая, словно из резины. Он непроизвольно ткнул ботинком тварь на полу, поддавшись чувству омерзения.

— Проход! — вновь закричал Михаил.

Андрей вскинул автомат, ожидая увидеть там еще одного монстра, и чуть не выстрелил в пустоту. Стрельба прекратилась, сзади послышались шаги. Вскоре рядом встал Михаил, все так же смотря в другую сторону коридора.

— Надо поменяться! Я пойду первым на лестницу, ты прикрываешь! Разворачиваемся! — теперь Михаил целился в проем, а Андрей видел в свете фонаря длинный коридор, где мелькали человекоподобные вытянутые силуэты с длинными руками и ногами. — Сейчас медленно иди за мной! Не запнись! Подойдут близко — стреляй! Но старайся прицельно! Экономь патроны!

Они медленно двинулись в сторону лестницы. Андрей все-же запнулся о руку поверженного монстра и чуть не упал.

— Идиот, аккуратнее! — прорычал проводник. — Говорил же!

— Давай я пойду вперед, — испуганно сказал Андрей. — Мне тяжело идти спиной! Упаду!

— Учись, значит! — зло бросил Михаил.

Силуэты вдали следовали за мужчинами, постепенно приближаясь ближе. Путники миновали дверной проем. Михаил водил светом фонаря вверх-вниз, проверяя помещение.

— Сейчас пойдём вниз по ступеням! Ты прикрываешь тыл! Не смей поворачиваться! И не упади! — командовал он.

Они принялись медленно идти вниз по лестнице. Андрей на ощупь, как можно более аккуратно, переставлял тяжелые ноги, которые казались бетонными из-за страха. Твари, скрытые за стеной, были уже совсем где-то рядом. Они цокали по бетонному полу, громко дышали и время от времени рычали. Вспотевший палец скользил по курку.

— Аккуратно! Не упади! — напомнил Михаил. Они медленно шли вниз. — Увидишь тварь — стреляй без лишних слов!

Из-за постоянного напряжения в теле, каждый шаг давался сложнее предыдущего. Несколько раз он был близок к тому, чтобы оступиться. Михаил недовольно шипел и обзывался. Послышался дикий нечеловеческий крик с того этажа, откуда они только что ушли. Сначала один, затем второй, потом целый хор. Очередная волна ужаса накрыла Андрея, отчего тот остановился на лестничной площадке в ожидании атаки.

— Не бойся! — громко крикнул Михаил. — Они за падаль дерутся! Мы, кажется, вожака завалили. Значит, выясняют, кто будет первым есть.

Они прошли вниз еще пять этажей. Проводник остановился, чтобы прислушаться к происходящему наверху.

— Все, можешь идти обычно! Дальше идем не спеша! Я буду следить за тылом!

Андрей повернулся и приблизился к проводнику. Путники ускорили шаг, чувствуя, как крики сверху их подгоняют. Михаил на каждой площадке смотрел назад, проверяя отсутствие погони. Андрей светил вперед и проверял темные проемы новых коридоров. Двигаясь вниз, они отдалялись от криков, которые вскоре прекратились, сменившись рыком, бульканьем и звуками отдираемых конечностей.

— У них тоже обед! — пошутил проводник и ухмыльнулся.

Они спустились еще этажей на десять вниз. Хотя на лице Михаила была легкая улыбка от того, что они легко отделались, Андрей все еще переживал сильное волнение. Спуск по лестнице под давлением страха отуплял, и Андрей чувствовал головокружение от мелькающих перед глазами черных проемов и ступеней.

— Еще немного! — подбадривал Михаил. — Не расслабляйся. Они за нами вряд ли пойдут.

Через две минуты они вышли в коридор и быстро двинулись навстречу все той же бесконечной тьме, которая везде была одинаково неприветливой к людям. Проводник регулярно оборачивался, иной раз командовал остановку и прислушивался. Преследования не было.

— Оружие на предохранитель, — наконец приказал он.

Бледный от пережитого Андрей попытался оторвать от рукоятки ладонь и занемевшими пальцами со второй попытки поднял флажок предохранителя. Серьезный Михаил проконтролировал это действие и с улыбкой на лице кивнул.

— С боевым крещением! В другой раз будет проще! Как сам?

— Нормально, — тихо ответил Андрей, чувствуя слабость в животе.

— Вот и хорошо, что нормально, — бодрым голосом отметил Михаил.

Он махнул рукой и повел Андрея дальше, освещая им обоим путь. В темноте мелькали искры маленьких черных глаз. Крысы, завидев людей, прятались кто куда и лишь самые любопытные и смелые смотрели на них из глубины труб и заброшенных ячеек.

11. Пустая застава

Нервное напряжение постепенно уходило, сменяясь физической усталостью. Ноги становились тяжелее, а внимание рассеивалось. Андрей бездумно брел за проводником, чей темный силуэт он видел перед собой. Очередные коридоры, лестницы, переходы, заброшенные (или никогда не использовавшиеся) проходные, лифты, точки общественных терминалов, мусоропроводы и контейнеры для переработки материалов.

— Кто это был? — спросил Андрей, совсем позабыв про наказ не разговаривать без причины.

— Обезьяны.

— Это люди?

— Нет, это обезьяны, черт побери! — огрызнулся Михаил.

— Мутанты? — наивно продолжал Андрей.

— Точно неизвестно, — голос проводника смягчился. — Но сейчас это скорее животные, хоть и очень умные. Могут учиться, — он говорил с паузами между предложениями. — Раньше они просто перли на тебя. Потом научились загонять жертву. Нас хотели окружить. Если б мы оба начали палить в проход, где сидел их головной, нас бы через три секунды со спины грохнули.

— Как?

— Переломили бы шею. Или откусили лицо. Или разорвали на части. Сильнейшие твари.

— Они везде живут?

— Точно неизвестно, — он вновь подумал. — Они кочуют туда-сюда, часто выходят к обитаемым этажам. А так в серой зоне их можно часто встретить.

— Чем питаются?

— Тобой, мной, мутантами, животными.

— Здесь много мутантов и животных? Им же надо много еды.

— Видимо, им достаточно.

Перед глазами стоял обезьяний человекоподобный лик с тупыми мертвыми глазами, устремленными в пол и раскинутыми в разные стороны руками. Андрея передернуло из-за воспоминания и дальше он шел молча.

Они брели еще несколько часов. По пути они слышали звуки вдали и даже чей-то нечеловеческий крик, но Михаил после короткой остановки жестом указывал идти дальше и они спокойно продолжали путь. На одном этаже они нашли место старого боя с разбросанными гильзами и пустыми упаковками из-под медикаментов. Проводник перевернул ногой лежащую на полу коробочку, чтобы изучить надписи.

— Что это? — в очередной раз шепотом нарушил запрет Андрей.

— Антисептик. Относительно новый. Странно, что нигде нет крови.

Через тридцать минут они сделали крюк и поднялись на несколько этажей выше. Перед тем, как зайти на очередной этаж, Михаил вытер бетонную пыль со стены, чтобы лучше рассмотреть обозначения.

— Пришли, — произнес он. — Старый пост ликвидаторов.

— Л-2?

— Нет, меня здесь никогда не было, — он обратил взгляд на спутника. — Макар

подсказал, где он может быть. Как всегда, не ошибся. Пойдем.

Они зашли в блок, минуя открытую дверь с бойницей, на которой пестрели следы боя. На стенах внутри повсюду также виднелись дырки от пуль, гильзы на полу и темные пятна взрывов и огня. Однако ни крови, ни тел кого-либо не было. Абсолютно пустые помещения, как и в большей части остального гигахруща. На удивление там сохранились старые плакаты с ликвидаторами, карта этажа и непонятные обозначения. Это место было похоже на обычный жилой блок, но отличался тем, что на стенах и дверях были знаки и надписи (хотя и сильно поврежденные) несвойственные обычным ячейкам: оружейная комната, комната отдыха, столовая, склад боекомплекта, комнаты личного состава, гигиеническая комната, и прочее. Направляя луч света внутрь открытых дверей, Михаил поочередно проверял комнаты. В некоторые из них он заходил — жестом велел Андрею оставаться у входа и исчезал внутри ячеек чаще всего ненадолго, но в иных местах задерживался на несколько минут. Стоя на страже, Андрей слышал, как Михаил открывал ящики и коробки, видимо, ища там что-то. Хотя проводник был совсем рядом, в такие моменты Андрей ощущал возрастающее волнение — стоять в темном коридоре одному было страшно.

Пройдя до конца коридора с закрытой там перегородкой с бойницей, они вернулись обратно к комнате командира. Внутри она была похожа на обычную жилую ячейку с той лишь разницей, что стол располагался напротив выхода, а не в углу, и на стенах висели рабочие бумаги. Михаил быстро осмотрел помещение и закрыл гермодверь.

— Располагайся как дома! — он указал рукой на кухню, а сам ушел в туалет.

Андрей опустился на стул и почувствовал, как уставшие ноги отвечают приятными ощущениями от того, что с них сняли нагрузку. Он потер колени, нывшие из-за непривычно большой нагрузки, и вздохнул. Затем достал концентрат с водой и принялся есть. Михаил на секунду возник в коридоре и ушел в комнату. Судя по звукам, там он некоторое время рылся в столе, но вскоре присоединился к Андрею на кухне.

— Сегодня больше никуда не идем, смысла нет.

Его спутник достал из вещмешка провиант и открыл пакет с едой. Задумчивый Андрей посмотрел на часы, которые показывали уже половину шестого.

— Вот время летит! — поделился он своим удивлением.

— Кому как, — чавкая отреагировал проводник и продолжил трапезу.

Несмотря на относительно ранний час, Андрей ощущал, как его клонит ко сну. Глядя на ужинающего спутника, он чувствовал, что было все тяжелее держать глаза открытыми. Он позволил себе сомкнуть веки, но Михаил разбудил его внезапно.

— Так! — громко сказал он, вдобавок хлопнув в ладоши. — Завтра в районе двенадцати часов мы должны выйти к пути, по которому обычно двигаются паломники в собор. Передвигаются они как правило группами — могут выходить по одному или вдвоем, но постепенно сбиваются в группы. Так безопаснее. Тебе надо будет к ним прибиться. Догонишь одну такую и без лишних объяснений продолжишь с ними. Будут что спрашивать — говори, как есть: так, мол, и сяк, зовут меня так. Работаю там-то. Глупости не выдумывай. Говори, как есть на самом деле. Уяснил?

— Про себя говорить на самом деле? — уточнил Андрей.

— Ну да, конечно, — он отпил воды. — Чернобожники любят говорить про своего любимого Чернобога, благодать, вселенную. Тебе надо будет просто поддакивать. Мне здесь нужды объяснять ничего нет — сам услышишь.

— А если спросят чего? — тихо поинтересовался мужчина. — Мало ли неладное

почуют. Может расскажешь мне про них, чтобы я знал?

— Там рассказывать нечего, ты и так все знаешь. Есть Чернобог. Существует он как-бы везде сразу, но нигде конкретно. Есть еще живое воплощение Чернобога, который как бы его сын, а как бы и он сам. Сынишка этот указывает людям, что хорошо, а что плохо. Партия, ликвидаторы, неверие — это плохо. Чернобог, церковь, жижа — это хорошо. А, еще начальники церковные — это очень хорошо и чуть ли не самое главное. Но ты об этом не упоминай. Просто помни, чтобы понимать их поведение. Весь мир создан Чернобогом и самосборы — тоже его рук дело. Через них он напоминает всем, что есть мир и кем создан. Черная слизь — его слезы и кровь. Хочешь причаститься к нему, надо принять или обтереться этой дрянью. Что еще?

Он почесал затылок, вспоминая свое прошлое.

— На проповедях своих они повторяют одно и то же — то, что я только что тебе рассказал. Только делают это в красивой интересной форме. Язык у проповедников подвешен что надо. Поэтому не покупайся на их сказки.

— Не буду, — Андрей мотнул головой для убедительности.

— Собор — это та же церковь, но очень большая. Там у них почти все, что надо для автономного существования. Поэтому и расположились они так далеко. На причастии они снова будут рассказывать о том, что неверие — плохо и грешников покарают, а Чернобог — лучше всех, и надо выпить слизи, чтобы его познать, — он вновь задумался. — Только тебе этого момента ждать нельзя. Пацанов наших надо найти до причастия. Уяснил?

— Да, наверное.

— Я тебе самое важное рассказал, остальное сам можешь додумать. Чернобожники — слабоумны и могут спорить на пустом месте. Готовы друг другу глотку перегрызть, если окажется, что их взгляды немного не совпадают. Самое главное — выразить верность этой вере. И кивать головой, когда говорит старший.

— Как я их найду там? Сыновей наших? — задался вопросом Андрей. — Я же не могу ходить и спрашивать, где они.

— Собор должен напоминать это место, — он обвел рукой комнату. — Заставу то есть. У них там есть библиотека, есть столовая для приема концентрата, а есть кельи. Это те же жилые ячейки, но там сразу много человек живет. Юных чернобожников заставляют либо работать на производстве, либо учить молитвы. Поэтому искать детей надо там. Мне кажется, лучший способ будет пойти в библиотеку и напроситься внутрь, чтобы почитать их брошюры или книги — они там свитками называются.

— Свитки — они же скрученные, нет?

— Наверное. Но у них там все так. Книги — это свитки, жилищечки — кельи, гигахруп — вселенная, и прочее. Они так пыль в глаза дурачкам бросают. Так вот, тебе надо будет прийти туда и сказать что-нибудь в духе «Хочу свитки почитать, чтобы лучше понять Чернобога и вселенную. Так, мол, и сяк, ликвидаторы-уроды отобрали все, что было. Очень хочу быть послушником в келье». Или что-нибудь в этом роде. Ты к паломникам завтра присоединись и послушай их, о чем они говорят. Потом на месте сам сообразишь.

Андрей неуверенно покачал головой.

— Как-то все просто звучит и неопределенно. Боюсь я что-то.

— Это сейчас так. Ты главное лишнего не болтай. Притворяйся идиотом, тебе для этого даже стараться не придется. Просто выпучивай глаза, как ты обычно делаешь. Там все так делают.

Обиженный Андрей проследил за тем, как Михаил покопался в сумке и извлек оттуда бутылку с серебристой жидкостью, открыл крышку и сделал глоток. Послышался стон удовольствия.

— Ты, значит, тоже идиотом был? — внезапно спросил Андрей, отчего Михаил даже поперхнулся.

— Чего?! — почти взревел тот, услышав любимое оскорбление, направленное против него самого.

— Ты говоришь, что там все идиоты и глаза пучат. А ведь сам когда-то был чернобожником.

Налитые яростью глаза постепенно успокаивались. Вскоре на лице Михаила появилась кривая улыбка.

— Ну был, да, это правда, — он сделал еще глоток. — Но хватило мозгов уйти из этой лавочки.

— Почему вообще пришел к ним?

Михаил рассматривал бутылку с блестящей жидкостью и катал пробку по столу. Он почесал затылок и вздохнул.

— Было у меня тяжелое время в ликвидаторах. Служил без отдыха целый гигацикл. Гонял по этажам, блокам, бесконечные тревоги. Кучу сослуживцев потерял. Потом гвоздик этот проклятый. У нас были занятия с политруком, объясняли основные моменты и даже что-то понятно было. Но некоторые вещи — хоть убей, никто растолковать не мог, — он покрутил пробку в руке. — Скажем, присылают сводку и прогноз по самосбору — говорят, безопасно. Мы идем на новый этаж, а там нас заливают и двоих сразу нет. А потом поймали как-то раз чернобожника — весь в черных пятнах, даже глаз черный, — Михаил бросил страшный взгляд. — Решили отправить его наверх в центр исследований. А он и говорит: «Вы меня сейчас не сможете отправить, потому что самосбор будет». И действительно — через двадцать минут все казармы заливают слизью и монстрами. Два часа потом чистили, троих потеряли. Повели его в блок А, чтобы на магистральном лифте напрямик в НИИ отправить, а он нам советует: «Вы меня здесь не ведите, поднимитесь на семь этажей вверх. Самосбор будет». Тот путь и правда заливают самосбором, только мы уже выше были по его совету. Мы у него спросили, как он это все определяет. А тот и сказал, что после того, как слизи принял, может чувствовать Чернобога. «И вы приходите к нам. Объясним вам, из чего состоит вселенная», — он вновь почесал затылок и отпил из бутылки. — Тогда и заинтересовался.

— А что с этим чернобожником потом было?

— Довели до блока А, передали в руки другому отряду. Что дальше было с ним — не знаю. Я указал об этом в отчете, но мне на него ничего не ответили.

— И много там таких? — после паузы спросил Андрей.

— Много. Каких я только уродов не повидал. Один сильный, как та обезьяна, которую мы убили. У другого глазницы размером с мой кулак стали и в каждой по десять зрачков. Один мог людей сквозь стены чувствовать. Еще один, говорят, мысли читал. Но тот умер очень быстро — слишком много узнал, видать.

— Это отчего все? Из-за слизи?

— Конечно. Пьют ее, втирают, отдельные смельчаки или пленники, скажем, ванны принимают.

— Но она же токсична! — поморщился Андрей.

— Конечно, — кивнул Михаил. — С ранних лет объясняют, что даже испарения черной слизи вызывают необратимые последствия и могут убить. Только действует слизь по-разному. Кого-то капля убивает, а кто-то может стакан этого дерьма выпить и стать другим.

— Мысли читать? — полушепотом спросил заинтригованный Андрей.

Михаил поднял на собеседника загадочный взгляд и ухмыльнулся.

— А почему не получить десять лишних глаз? Все, как ты, думают. Этим Чернобог и привлекает. Тем, что переполненных страхом и незнанием людей влечет возможность возвыситься над этим всем. Понять самосбор. Ты бы сам не хотел знать, когда он будет и где?

— Не знаю... — искренне ответил Андрей и, не придумав ничего лучше, спросил: — А ты почему не принял слизь? Побоялся?

— Меня заставили шпионить — докладывать о том, что происходило у ликвидаторов, — он замолчал на несколько секунд и добавил. — И да, боялся. Черная слизь — жуткая дрянь. Ты можешь предсказывать самосбор или читать чужие мысли, но теряешь человеческое. Да и потом... — он выплеснул в рот еще одну порцию серебрянки и задумался. — Со временем я понял, что Чернобог — никакой не бог. Бог, может, и есть. Как существует самосбор, и черная слизь, и чудовища. Да только сомневаюсь я, что этому вселенскому богу нужно шпионить за безбожниками при помощи таких как я. Или организовывать нападения на заставы ликвидаторов, чтобы разжиться оружием и медикаментами, — он отрицательно помахал головой. — Слишком по-человечески все это. Да ты и сам завтра увидишь.

Последние слова заставили Андрея вновь почувствовать нервозность от предстоящего. Он поерзал на стуле, живо представляя себе тех людей, среди которых он должен был скоро оказаться. Михаил встал со своего места и посмотрел на собеседника глазами, которые постепенно становились мутными из-за выпивки.

— Пойду прилягу. Устал что-то.

Не дожидаясь ответа, он взял в одну руку бутылку, в другую автомат и переместился в комнату. Андрей последовал за ним и сел за рабочий стол командира прямо напротив кровати, где уже лежал его проводник. Тот подложил под голову мешок и, не поднимаясь, вытянул губы, чтобы испить из бутылки. Андрей наблюдал за тем, как по подбородку скатились несколько капель блестящей жидкости.

— Ты мне скажи честно, ты веришь в то, что у меня завтра получится?

— Конечно, получится! — Михаил растянулся в довольной улыбке. — Почему у тебя должно не получиться?

— Я сколько себя помню, только на заводе работал. А завтра к чернобожникам в самое логово.

— Ну я же тебе объяснил, что к чему, — проводник отмахнулся.

— Объяснил, конечно, но все равно...

— Да и потом, — перебил его Михаил, — у тебя что, есть выбор? Сынишку твоего, — он задумался, — и моего надо доставать. А так мы все равно рано или поздно умрем — в бочке со слизью, или от пыток. Или от самосбора. Или от очередного коридорного ограбления. Соседа моего так зарезали в прошлом гигацikle. Из-за пачки талонов. А рискнуть жизнью ради сына — разве это так тяжело? После того, как мой ушел, я чуть в голову себе не пальнул от безнадёги. А потом начал искать возможности и все как-то само собой получается. Нашел нужных людей, выведал, что надо. Потом ты появился. В церковь

же мы с тобой удачно сходили? — он вновь усмехнулся.

— Не совсем хороший пример, — Андрей нахмурился, совершенно не оценив сказанного. Было неясно, произнес он это в шутку или всерьез.

— Смысла в дальнейшей жизни нет, если твой сын пропал с концами, — продолжал свои пьяные исповеди Михаил. — Ведь дети — наше будущее, наше бессмертие. Если живы наши дети, значит, и мы будем жить вечно. Поэтому завтра ты пойдешь на штурм, — после некоторой паузы он уточнил, — штурм в образном понимании. Штурм крепости, в котором лежит ключ к бессмертию, к твоей собственной вечности.

Андрей почему-то внимательно слушал проводника и чувствовал, как внутри что-то вздрагивало. Михаил вновь отпил из горлышка, не поднимаясь с кровати. Он обтер губы и посмотрел на собеседника.

— Поэтому не бойся. Все будет нормально.

Комната погрузилась в тишину. Михаил лежал и размышлял о своем, погружаясь в приятные фантазии и воспоминания. Его веки наливались тяжестью и вскоре раздался громкий храп. Андрей, все еще сидевший за столом, откинулся на спинку стула, сложил руки за голову и стал представлять себе, что его ждет.

12. Записки ликвидатора

Спустя какое-то время Андрей вздрогнул, начав клевать носом. Он распрямил спину и помотал головой, чтобы проснуться. На часах еще не было восьми и он решил бодрствовать хотя бы пару часов перед сном. Положив локоть на стол, он услышал шелест — там было несколько сложенных друг на друга листов. Он бездумно щелкнул выключателем лампы, но электричества, конечно, не было. Андрей подошел к кровати и взял все еще работающий фонарь Михаила. Вернувшись обратно за стол, он осветил напечатанный на машинке текст, лежавший рядом с распечатанным конвертом, на котором стояла печать «Срочно». Он пододвинул поближе бумагу и изучил текст приказа.

«В связи со значительным ухудшением обстановки на вашем направлении, приказываю организовать эвакуацию гарнизона заставы в максимально короткий срок. Отход личного состава и техники выводить в направлении заставы Д-156. По возможности выведите с заставы всё имеющееся оружие и документы. При отсутствии такой возможности приказываю привести оружие в негодность, документы — уничтожить. Напоминаю о необходимости соблюдения устава ликвидаторов, в частности ст.14, 24, 52. В случае возможности проведите консервацию заставы».

Дочитав приказ, он посмотрел на остальные бумаги, открыл ящики и проверил их содержимое. Там лежали дежурный журнал, графики дежурств и нарядов, папка с личными делами, несколько рабочих пособий и тетрадей — все то, что согласно приказу должно было быть уничтожено в ходе эвакуации. Он достал все, что там было и разложил на столе. Графики дежурств и дежурный журнал не представляли особого интереса — таблицы пестрили всевозможными шаблонами, сокращениями, аббревиатурами и мало что значащими цифрами. Быстро пролистав личные дела, он тоже отложил их в сторону. Рабочие пособия представляли интерес, но не было времени и сил читать их вдумчиво. А тетради привлекли его внимание настолько, что Андрей перестал слышать громкий храп, доносящийся с кровати. В обычных тонких школьных тетрадях с зеленой обложкой командир заставы вел личный дневник, описывая свою жизнь на самом краю обитаемой части гигахруща.

«Цикл 2–2. Прибыли вовремя и оперативно организовали защитный периметр. Как и обещали, под мое командование выделили дисциплинированных и опытных бойцов. Помещения гарнизона расположили в части жилого блока, откуда удобнее всего контролировать узлы перемещения. К данному моменту установлен привычный распорядок. Пока неясно, почему этому направлению присвоили высокую сложность. Начинаем разведку близлежащих территорий».

Дальше безмянный автор описывал этапы организации гарнизона, по чему Андрей пробежался глазами и остановился уже на следующей странице.

«Цикл 10-6. Вчера состоялся первый вооруженный контакт, но непонятно с кем. Головной дозор обнаружил двух человекоподобных существ (возможно, людей), стоявших в глубине промышленного помещения. На приветственный окрик те бросились за стоявшее неподалеку оборудование, а дальше начали кидать в бойцов железными частями из укрытия. Поведение было однозначно воспринято как акт агрессии, поэтому они открыли огонь на поражение. Ни трупов, ни крови впоследствии обнаружено не было. По заявлению дозорных те железные части были весом по 50–70 килограмм и существа соответственно обладали

огромной нечеловеческой силой. Провел инструктаж, довел до личного состава меры предосторожности и информацию о происшествии».

Андрей вспомнил совсем недавнюю встречу с так называемыми обезьянами и принялся читать дальше.

«Цикл 15-3. Продвижение отрядов в направлении условного блока Р и С остановлено по причине вооруженного контакта. Ликвидаторы вновь натолкнулись на человекоподобных людей, но по их заявлению вместо рук у противника имелись длинные щупальцеобразные отростки, которые те могли вытягивать на расстояние до пяти метров. Во время боя один человек убит. Со стороны противника со слов бойцов имелось минимум двое убитых. Отряд отошел с телом павшего. Когда вернулись с подкреплением, чтобы забрать на изучение труп противника, там его не оказалось. Провел инструктаж...»

В следующих заметках автор описывал регулярные контакты, которые чаще всего оканчивались боем. Примерно в каждом третьем бою погибал один-два человека. Впоследствии ситуация усугубилась.

«Цикл 18-7. Сегодня оцепили очередной этаж блока в направлении условного блока Е. Под конец смены отправил отряд разведки в составе 5 человек на этаж выше. В обозначенный срок отряд не вернулся. Послал за ними усиленный отряд в 12 человек. Вернувшись, те рассказали, что частично обнаружили оружие и снаряжение разведывательного отряда в местах, обильно залитых кровью. Однако людей, живых или мертвых, найдено не было. Провел инструктаж...»

«Цикл 20-2. С поста № 8 в нарушении установленного порядка вернулся ликвидатор. По его словам пост подвергся внезапной атаке. В дверном проеме коридора, ведущего в серую зону якобы возникло большое человекоподобное лицо. После того, как бойцы открыли огонь, на них набросились со спины. Двое бойцов были убиты там же. Третий решил оставить пост, не дожидаясь дежурного смены. По прибытии усиленный отряд в составе 12 человек не обнаружил трупов. Соседние посты дежурили в обычном режиме. Как противник оказался в тылу поста № 8 не определено. Защитный периметр не был нарушен. Провели вторичный осмотр периметра, но и тогда ничего не определил. Провел инструктаж...»

«Цикл 23-1. Самосбор залил половину защитного периметра. Для восстановления границы безопасности пришлось привлечь отдыхающие смены. 2 часа 45 минут зачищали внутренние помещения — уничтожили двенадцать существ трех разных видов, очистили примерно 120 квадратных метров от слизи. Все это время на постах № 4, 7, 10 велись периодические бои в условиях заражения. Действовали точно по уставу. По итогу 4 бойца погибли, 12 получили ранения или отравления различной тяжести. Направил запрос в центр для восполнения и смены личного состава».

«Цикл 24-5. Сегодня лично столкнулся с теми самыми людьми с щупальцеобразными отростками, которые НИИ отнес к классу живых существ группы В и присвоил им название „Кальмар“. В 12 часов 15 минут проводил инспекцию поста № 5, когда дежурный смены увидел в удалении человеческий силуэт. На вопросы и команды тот не реагировал. Когда силуэт приблизился ближе, кальмар внезапно выкинул в сторону дежурного оба щупальца. Одним он выбил автомат, другим перетянул к себе бойца. Прикрываясь тем как живым щитом, он продолжал сближение. Я принял решение открыть огонь и одним выстрелом прострелил противнику голову. Боец отделался испугом и химическими ожогами лица и рук вследствие контакта с щупальцами. При детальном осмотре тела кальмара выявлены следующие отличительные признаки: два щупальца вместо рук с примерно 200 присосок на

каждой; токсичные выделения из присосок; увеличенные по сравнению с обычным человеком глаза с отсутствующей радужкой; наличие двух рядов зубов — один в виде резцов на внешней стороне челюсти, вторые — в виде жевательных на входе в горло; наличие одновременно мужских и женских первичных и вторичных половых органов; слизкие выделения из увеличенных по сравнению с человеческими пор, итд. Подробное описание отправлено в центр. После происшествия, руководствуясь пунктами 32 и 33, отдал приказ о стрельбе на поражение по человекоподобным существам после первой команды или вопроса. Провел инструктаж...»

«Цикл 27-1. Сегодня вернулась усиленная экспедиция в составе 20 человек. Максимальная дальность похода ограничилась 97 этажом. По пути провели 3 боестолкновения, потеряли 2 бойца убитыми, 3 ранено. Никаких примечательных мест не обнаружено. Единственное достойное упоминания событие — бетоноядные черви на 97 этаже. Отряд обнаружил стены с многочисленными отверстиями и каналами свободной формы. Вскоре они натолкнулись на существ 15–20 сантиметров в длину, поедающих ступени лестничного пролета, по всей видимости использующих кислоту в качестве внешнего желудочного сока. Попытки забрать червей не увенчались успехом — они прогрызли пластиковую бутылку, брезентовый мешок и даже патронный цинк. Отправил подробное описание существ в центр. Думаю, что подтверждается утверждение о том, что на нижних этажах присутствуют более агрессивные и приспособленные к жизни в гигахруще существа.»

«Цикл 31-6. Наконец прибыла ротация ликвидаторов из центра, но не в полном составе. На соседнюю заставу трое суток назад было совершенно нападение и часть бойцов восполнила их ряды.»

«Цикл 32-4. Прибыл отряд обеспечения. По пути на них было совершенно нападение, в результате чего погибло двое человек. Часть груза была утеряна. Соответственно пришлось сократить норму выдачи концентрата. Командиры на местах регистрируют проявление недовольства ввиду отсутствия обещанной смены и снижения нормы выдачи питания. Довел до сведения личного состава о недопустимости морального брожения. Напомнил о пункте 4.2.»

«Цикл 34-7. Очередной самосбор внутри периметра. 2 погибли, 7 ранены.»

«Цикл 35-2. Снова самосбор внутри периметра. Сигнализация на третьем уровне по неустановленной причине не сработала. Двое ликвидаторов не успели достичь гермодвери в установленный срок. По окончании самосбора один скончался, второй претерпел значительные изменения. Боец кричал что-то невнятное, и бросался на других ликвидаторов, пытался укусить их или стянуть противогаз. Старший смены принял решение о ликвидации бойца. При дальнейшем осмотре были диагностированы следующие отличительные признаки: омертвление отдельных участков кожи и внутренних органов; деформация мозга — увеличение его объема и кровоизлияния; исчезновение радужки глаза. Подробное описание происшествия и вскрытия бойца отправлены в центр. Проведена проверка всех систем сигнализации.»

«Цикл 37-4. Близится полный гигацикл моего пребывания здесь. Несмотря на существующие правила, ни я, ни часть моих подчиненных не были включены в ротацию. Невзирая на уговоры, в среде ликвидаторов зреет недовольства. Норма выдачи питания снижена еще на 15 % ввиду нападения на отряд обеспечения и атаки на тыловой склад на уровне 250. Как я и предполагал, цепи снабжения слишком растянулись при низком уровне

безопасности и освоения путей доставки. Боюсь, что в будущем ситуация только ухудшиться. Провел с личным составом беседу о недопустимости...»

«Цикл 40-2. Позавчера нападения на посты 7 и 9. Убиты 3, 5 выбыло из строя по причине ранения или низкого духа. Вчера атака на патруль во внутреннем периметре. Убит 1, ранено 2. Весь периметр безопасности проверен дважды, пробоины не найдены.»

«Цикл 41-1. Вновь сбой системы оповещения. 4 бойца оказались за пределами безопасных ячеек к моменту начала самосбора. 1 умер во время залития, 1 сошел с ума и был впоследствии ликвидирован. 2 бойца претерпели значительные мутации и проявляли крайне агрессивное поведение. Устранены на месте. Дальнейшее вскрытие показало глубокую мутацию с деформацией внешних и внутренних органов. Обнаружено обширное омертвление большей части тела, которое тем не менее не помешало организмам этих двух мужчин полноценно функционировать. Отчет... Проведена проверка... Проведена беседа...»

«Цикл 45-7. Сегодня в 7.45 с нижних этажей стал доноситься странный, доселе неслышимый звук. В 8.30 стены, пол, весь гигахрущ как минимум в пределах безопасного периметра содрогались, вибрировали, был слышен хруст бетонных перекрытий. В нескольких местах случились обрывы коммуникаций. 2 бойца на разных постах потеряли самообладание, к ним были применены меры физического воздействия. К 9.00 звук и вибрации сильно увеличились. Отправил на разведку усиленный отряд в 20 человек прямо вниз, чтобы выяснить источник шума. К 10.00 звук и вибрации начали снижаться. В 10.45 полностью прекратился. В 11.20 разведывательный отряд в полном составе вернулся обратно. Согласно их отчетам, ведущая вниз лестница, которую мы использовали для спуска на 97 этаж, оборвалась на уровне 105 этажа. Под ним образовался тоннель приблизительного диаметром в 30 метров со рваными краями бетонных межэтажных и межкомнатных перекрытий. В прилегающих к тоннелю помещениях присутствовал едкий запах, не поддающийся описанию. Собраны образцы пыли и осколков с прилегающих к тоннелю мест. Подробный отчет с образцами отправлен в центр.»

«Цикл 47-2. В 10.00 атака на посты 3 и 5. 4 убиты, 2 ранены. Принял решение о слиянии постов и бетонировании незащищенных выходов. Ощущается нехватка личного состава.»

«Цикл 49-6. В 17.20 внутренний периметр захлестнул самосбор. Сидя в своем кабинете с начальником склада, слышали голоса из-за гермодвери. Впервые сталкиваюсь с иными. Они говорили со мной голосом отца. Тот предлагал выйти к нему. Что слышал начальник склада, я не знаю, но он предпринял попытку открыть дверь. Пришлось применить табельное оружие. Подробный отчет... беседа...»

«Цикл 51-4. Полный круг гигацикла почти пройден. Чувствую, что начинают сдавать нервы. Подозреваю, что центр не доносит до меня всей необходимой информации. Обеспечение очень слабое. Ликвидаторы истощены и на пределе сил. Некомплект личного состава. Отправил в центр запрос на эвакуацию заставы по указанным причинам. Жду ответа.»

«Цикл 53-2. Вчера патруль на прилегающей территории поймал 3 вооруженных человек, идущих в направлении условного блока Ю. После мер физического воздействия они рассказали, что идут на строительство собора Чернобога всего в половине дня хода от нас. По их заявлению там собирается несколько тысяч человек, включая пророка Черного Бога. Задержанные помещены под стражу. Направлен отчет...»

«Цикл 54-1. Задержанные ведут агитацию среди ликвидаторов. 1 боец потерял рассудок ввиду общения с чернобожниками. Принял решение ликвидировать задержанных и

упомянутого бойца. Подробный отчет...»

«Цикл 55-2. Сегодня в 20.35 во время инспектирования постов принял участие в огневом бое с отрядом чернобожников. Они предприняли попытку прорвать периметр через пост 2 в направлении казарм. 3 наших бойцов убито, 2 ранено. В плен захвачен 1 чернобожник со следами омертвения на теле, которые ранее обнаруживались у переживших самосбор. Судя по его признанию, целью атаки было уничтожить заставу и завладеть оружием. Подробный отчет... беседа... пункты... о недопустимости... запрос... эвакуация...»

«Цикл 56-2. За три дня два самосбора. Снова сбой в системе оповещения. Потери по разным причинам 6 человек. В казарме бунт. Пришлось применить крайнюю меру к 2 бойцам.»

«Цикл 56-6. Остался один день до конца гигацикла на этой заставе. Три гигацикла в гигахруще, из которых один я провел здесь в окружении полнейшей тьмы. Я чувствую, что теряю („самообладание“ зачеркнуто) рассудок».

Андрей перечитал запись о пятьдесят шестом цикле, не понимая, слов про три гигацикла. Затем обратился к последней записи.

«Цикл 58-2. В 9.15 получен приказ об эвакуации гарнизона. В 9.55 началась атака на пост 1. В 10.20 атакованы посты 2 и 3. Все силы стянуты на отражение атаки чернобожников. В 10.40 оборона поста 2 полностью раздавлена. Чернобожники продвигаются внутрь в направлении казарм. В 11.15 тревога самосбора. Не думал, что встречу его с радостью. 11.20 активная фаза самосбора, отсутствие боев. 12.35 — окончание активной фазы. Бои возобновились уже на подступе к оружейной комнате. В 13.10 почувствовал гнилостный запах, решил укрыться в своей комнате. Очередной самосбор всего через 30 минут после предыдущего. Залило все казармы. Слышу крики ликвидаторов и чернобожников. Снова слышу голос отца. Из-за двери странные звуки. В 14.00 сигнализация отключилась, самосбор закончен. Принял решение выйти на ликвидацию последствий и сбора выживших».

На этом заметки заканчивались. Андрей поднял голову от тетради и оглядел комнату, в которой, кажется, все оставалось ровно таким же, как в момент написания последней записи. Лишь на диване храпел напившиеся серебрянки Михаил.

13. На пути в собор

Андрей еще несколько раз перечитал отдельные части дневника. Особенно его волновала предпоследняя — «Остался один день до конца гигацикла на этой заставе. Три гигацикла в гигахруще, из которых один я провел здесь в окружении полнейшей тьмы.» Как он мог быть в гигахруще всего три гигацикла? Автор был взрослым закаленным человеком и не мог быть маленьким ребенком трех гигациклов от роду. Но почему он писал о пребывании в гигахруще столь малый срок? Закрадывалась мысль о том, что ему (и, может быть, многим другим) удалось попасть сюда извне. Оттуда, где есть земля, небо и солнце.

Достав папку с личными делами, он принялся искать командира заставы. На большинстве листков с личными делами была толстая пометка красным карандашом «Убит» или реже «Ликвидирован». В графе должность были указаны «ликвидатор», «старший ликвидатор», «дежурный ликвидатор», «командир отряда» и прочее. «Командира заставы» или указания любой другой должности, которая могла быть эквивалентна ей, в личных делах он не нашел.

Андрей выложил на стол все имевшиеся в столе бумаги и стал методично их просматривать, пытаясь найти хоть какое-то указание на автора дневника или что-нибудь, что поможет ему найти ответ. Однако среди напечатанных графиков, дел, пособий, указаний, инструкций не было ничего подобного. Андрей открыл «Краткий словарь ликвидатора» и принялся изучать понятия, связанные с гигахрущем и самосбором, но и там сухие выжимки уже известных всем истин не дали новой информации. Он захлопнул словарь, взял пособия ликвидаторов, изучил содержание и прочитал по диагонали отдельные главы. Информация казалась полезной, но и там не было ничего, что могло бы пролить свет на загадку предпоследней заметки в дневнике.

Когда часы показали половину одиннадцатого, Андрей понял, что надо спать, хотя сознание пребывало в таком возбужденном состоянии, что, казалось, он мог работать с бумагами до утра. Он все же разложил стоящий в углу кровать-кресло и прилег, думая о прочитанном в тусклом ночном свете.

Проснулся он раньше Михаила, который спал все в той же позе, приобняв бутылку алкоголя. Андрей принял порцию концентрата, еще раз просмотрел бумаги и принялся ждать семи часов. Тогда он стал будить своего проводника. Как и в прошлый раз Михаил бубнил что-то недовольное и, продирая заспанные красные глаза, злился на того, кто мешал ему спать.

— Уже семь! — громко говорил Андрей. — Пора подниматься!

— Ты что?!.. В морду?!.. — угрожал ему сонный проводник.

— Давай! Давай! — он не переставал трясти спящего. — Десять часов проспал уже!

Вскоре Михаил сидел на кровати и выдавливал из тюбика прямиком в рот концентрированную пасту. Андрей дождался, пока тот отойдет ото сна и действительно проснется. Глядя на кипу бумаг на столе, Михаил заинтересовался.

— Ты что там читал? Ночью что ли? Не спал?

— Ночью спал. Но да, прочитал.

— Интересно?

— Очень, — Андрей с подозрением взглянул на собеседника. — Это дневник командира заставы. Он описывает свою жизнь тут. Смотри, что он пишет... — Андрей

зачитал предпоследнюю запись. — Что думаешь по этому поводу?

Михаил нахмурился, размышляя над строками.

— Думаю, что мужик поехал головой от постоянной возни в четырех стенах.

— Он не пишет, как человек с проблемной психикой.

— Дай почитаю, — Михаил протянул руку.

Сидя на диване в свете своего фонаря, он, казалось, внимательно читал все заметки, оставленные неизвестным автором, и, к удивлению Андрея, иногда усмехался. Закончив дневник, он еще раз ухмыльнулся и кинул тетрадь обратно на стол.

— Мда... — начал Михаил, откупоривая бутылку с водой. — Все везде примерно через одно и то же прошли.

— Ты о чем?

— Записи эти о заставе. У нас то же самое примерно было. Только потери засекречены были. Об убитых и раненных я знал только в пределах своего отряда или максимум казармы. А так — те же силуэты в ночи, нападения на отряды снабжения, чертовщина в ночи... Мне особенно про шум на нижних этажах понравилось. Я раньше слышал легенду о...

— А что о трех гигациклах в гигахруще? — перебил его Андрей. — Получается, автор пришел сюда? Откуда-то извне?

— Я думаю, автор просто тронулся головой, пробыв целый гигацикл на удаленной заставе. — со скептическим выражением ответил проводник. — Он сам об этом пишет.

— А если он не тронулся? Может, представим, что он был полностью здоров.

— Ну, представим, — Михаил поморщился, обзывая в уме своего собеседника, — и что?

— Он мог прийти извне?

— Разговариваю с тобой, — ухмыльнулся проводник, — а самому в семь утра хочется вот этого принять, — он потряс бутылкой с остатками серебрянки. — Глупый разговор — мог, не мог. Легенды все это, сказки.

— Но ведь... — постарался вновь обратиться к дневнику Андрей.

— Отстань! — прервал его Михаил, махнув рукой. Затем заметил знакомый красный корешок на столе и пальцем указал на словарь ликвидатора. — Вон в той книжонке что написано про гигахрущ? — и далее процитировал по памяти. — На данный момент выход из гигахруща не обнаружен. Значит, и входа нет. Мифы все это. Чтобы такие как ты верили в землю и небо.

— И солнце... — добавил Андрей, погруженный в грустные мысли.

— Не кисни, дубина! — грубо подбодрил его Михаил. — Сейчас в туалет схожу, да выходить будем.

Через десять минут Михаил стоял в центре комнаты, проверяя снаряжение и оружие у себя и Андрея. Последний все еще сидел за столом, думая о том, что можно было взять с собой. Но в итоге он принял решение убрать все бумаги, включая дневник, обратно в стол и оставить все так, как было до их прихода. Он аккуратно разложил книги, папки и даже приказ постарался оставить так, как он лежал тут за сутки до этого. В последний раз перечитав предпоследнюю заметку в дневнике, он убрал его в ящик стола и грустно вздохнул. Ему казалось, что в этих заметках скрывалась не только загадка, но и ее решение. Однако, времени на доскональное изучение бумаг не было.

Михаил поставил перед ним пачки патронов и магазины.

— Надо заполнить магазины, — послышалась его команда. — И потом заряди оружие.

Стоя в метре от стола, он проверил, чтобы Андрей нигде не допустил ошибки. Снарядив

магазины, он присоединил один из них к автомату, передернул затвор и поставил на предохранитель.

— Сейчас надо будет до тракта чернобожников дойти. Это четыре-пять часов хода, — объяснял Михаил. — Идем как обычно: молчим, слушаем внимательно, смотрим в оба глаза. А то останется один или вообще ни одного, — неудачно пошутил он. — Там надо дожидаться или догнать группу слабоумных, к которым ты прильешь. Про собор есть вопросы?

Андрей отрицательно махнул головой, и Михаил достал из внутреннего кармана сложенный листок с вложенной в него фотографией. Он кинул их на стол перед Андреем.

— Это сын мой, — худой мальчик на фото был похож на отца, но без пропитого лица и щетины. — И послание ему. Отдай, как увидишь. Скажи, что от меня. Пусть прочитает там же. И постарайся его вывести оттуда. — он подумал и добавил: — Ну и своего тоже выведи. Всех вместе.

— Куда выводить? — Андрей поднял лицо. — Я же пойду с чернобожниками, ты будешь позади. Путей и выхода я не знаю.

— В идеале обратно пойдешь так же — с группой верунов по тому же тракту. Через два блока после выхода из собора должен быть заброшенный пищеблок, буду ждать тебя там.

— А если не в идеале?

— Постарайся прийти туда же, к пищеблоку. Там есть указатели, я думаю, разберешься.

— Если что-то пойдет не так в соборе? — после раздумий спросил Андрей.

— Тебе придется думать самому. Я всего не могу предусмотреть, — он развел руками, затем положил ладони на автомат. — Время идти.

Еще раз проверив снаряжение, Михаил прислушался к миру за гермодверью и открыл ее. Вскоре они покинули помещения заставы, в которых ни осталось ни людей, ни оружия — ничего, что описывал безымянный автор в своем дневнике.

Шли они долго и молчаливо в нескончаемых лабиринтах заброшенной части гигахруща. Несколько раз они слышали звуки издалека, из-за чего приходилось делать остановки. Андрей каждый раз чувствовал, как его руки дрожат, хоть и не так сильно, как за сутки до этого. Один раз ему даже показалось, что он видит кого-то вдалеке и, повторяясь за проводником, снял оружие с предохранителя. Но существо впереди само испугалось и убежало прочь. Андрей облегченно вздохнул и последовал за Михаилом.

К одиннадцати часам они приблизились к упомянутому пути чернобожников. Найдя ячейку с рабочей гермодверью, они остановились там на обед. Михаил еще раз повторил ключевые моменты того, что Андрей должен был знать и делать. Они приняли концентрат и продолжили путь.

Они медленно шли вдоль тракта, прислушиваясь к происходящему на соседних этажах. В половине первого на одной из лестниц они услышали отголоски чьей-то речи, идущей сверху. Андрей прислушался к людским голосам, отчего ему становилось приятно на душе. Тихие разговоры мужчин, таких же, как он, успокаивали больше, чем автомат в руке.

— Чернобожники, — заключил Михаил шепотом. — Твои ребята. Пойдем до следующего блока, там поднимешься и замедлишь ход, чтобы они тебя догнали. Пошли!

Быстрым шагом они направились на опережение людей на верхних этажах. Через пятнадцать минут они поднимались по лестнице наверх, чтобы Андрей влился в группу паломников.

— Я с оружием к ним пойду? — напоследок спросил Андрей.

— Да, — кивнул Михаил и внимательно осмотрел спутника. — Если спросят, где взял

автомат, скажи у серебрянщиков на двухсотом этаже за семьдесят талонов. Не отдавай, не меняй, из рук не выпускай. Там свои бандиты есть. В соборе надо будет сдать его. Там действуй по их правилам. Уяснил?

— Кажется, да, — в голосе слышалось явное волнение.

— Они на три этажа выше. Идешь в ту сторону, — он указал рукой направление, — Только не быстро. Я буду идти параллельно вам. Встречаемся у пункта выдачи на пищеблоке.

Он еще раз оглядел нервничающего Андрея и легонько похлопал по плечу.

— Удачи!

Андрей выдохнул и принялся подниматься вверх по ступеням. Далеко позади него мелькал свет фонарей, доносились обрывки разговоров. Несмотря на инструкции, шел он слишком быстро и через тридцать минут хода Андрей буквально заставлял себя идти так, чтобы бредущие за ним догнали его. Вскоре, чувствуя, что они совсем близко, он остановился, дожидаясь паломников возле пустой шахты лифта со свисающими обрывками тросов и проводов. Заметив стоящего неподалеку человека, группа остановилась.

— Ау! — закричали оттуда. — Чьих будешь?

— Я в собор, — Андрей помахал рукой. — На причастие. Можно с вами?

В группе быстро переговорили и начали приближаться.

— Конечно, можно, чего ж нельзя? — отвечал все тот же голос. — Чем больше, тем безопаснее.

Когда те приблизились, Андрей рассмотрел группу из шести мужчин — двое помоложе, трое ровесников и один с густыми седыми волосами и бородой. Андрей назвал свое имя, путники представились в ответ. Но он ничего не запомнил, потому что был слишком охвачен волнением.

— Долго идешь? — спросил их старший, рассматривая одинокого мужчину.

— Второй день.

— А чего боишься так?

— Боюсь? — с глупым видом переспросил Андрей. — Да там это... — он указал в сторону лестницы. — Мне кажется, я обезьян слышал. Боюсь, что на меня охотятся.

Услышав о животных, чернобожники замерли, прислушиваясь к темноте. Через тридцать секунд заговорил старший.

— Ничего не слышно. Как, а, мужики?

— Я тоже ничего не слышу, — ответил другой.

— Но они здесь могут быть, — сказал третий.

— Могут, могут. Пойдем с нами! На семь человек те не нападают.

— Ты откуда знаешь?

— Слишком много нас, да еще с оружием. Они тоже не дураки.

— Дураки или не дураки, а есть все хотят.

— Раз хотят есть, пусть придут и попробуют на вкус наших пуль, — хвастливо отозвался один мужчина.

Андрей оглядел путников — у кого-то на плече висел похожий на его автомат, у других были с дулом покороче, молодые шли с пистолетами. Лишь дед был с голыми руками, но на поясе болтался огромный нож, из-за чего в голове тут же всплыл образ горбуна. Андрей ощутил укол страха, осознав, что может встретить того уродца в соборе.

— Ну пошли! — махнул старший и вся группа последовала дальше.

В отличии от Михаила, шли они не быстро, будто отправились на прогулку, и непрерывно болтали — о Черном Боге и том, как его благодать повлияла на работу; безбожниках, их невероятной глупости и том, как эту глупость можно обратить себе во благо; черной слизи, которая дарует благодать и невероятные способности и том, как ее собирать после самосбора, чтобы ликвидаторы ее не уничтожили... Андрей удивленно озирался по сторонам в переходах и возле лестниц, ожидая увидеть обезьян или кальмаров, которые могли с легкостью воспользоваться беспечностью чернобожников. Но те, словно оберегаемые высшими силами, шли вперед, ничего не опасаясь.

— ...и там под потолком, — делился знанием молодой, — распределитель висит, я туда железную миску поставил в начале цикла. А на третьи сутки у нас на этаже самосбор. Ликвидаторы все пожгли, но под потолок то они не смотрят. Да там миску и не видно было. Я ночью вышел, миску снял, а там слезы и кровь нашего Чернобога.

— Это ты хорошо придумал, — хвалил его другой постарше, — хоть такое, наверное, все делали, да?

— Да, я тоже таким занимался, — отозвался другой. — В первый раз, помню, вдохнул слезы и такую благодать ощутил, — он закрыл глаза, то ли вспоминая ощущения, то ли показывая то, что чувствовал после приема. — Весь гигахрущ увидел как-будто со стороны. И не только со стороны, но и в прошлом и будущем.

— У меня тоже такое было, — отозвался дед, плетущийся позади остальных. — И прошлое, и будущее...

— Сколько гигациклов прошло, столько же впереди, — сказал другой ровесник.

Слушая этот их разговор, Андрей оживился и все ждал, когда те скажут что-то, относящееся к загадочной заметке в дневнике.

— А сколько гигациклов прошло? — слышался его голос.

— Что? — старший нахмурился.

— Сколько гигациклов вселенной?

Вдруг он почувствовал, что допустил ошибку, потому что паломники стали бросать на него взгляды, полные удивления, непонимания и недоверия.

— Вселенная бесконечна и вширь, и вдаль, и вглубь, и в прошлое, и в будущее, — спокойно произнес старший, — Ты точно в собор?

— В собор. На причастие, — Андрей сухо сглотнул. — Хочу заодно изучить свитки.

— Тебе бы не помешало, — собеседник поправил оружие. — Ты недавно обратился?

— Пять циклов назад, — на ходу выдумывал Андрей, чувствуя, как ладони увлажнились.

— Пять циклов назад, — повторил за ним старший. — Я тогда тоже одного обратил в нашу веру. Но он еще боится в собор идти. Значит, вера невелика. А ты — молодец.

— Я вообще через два цикла в собор пошел, — похвастался молодой.

— Это не показатель веры, — вступил в разговор третий.

— А что показатель?..

И к облегчению Андрея они стали спорить о том, как определить истинно верующего. Он постарался незаметно для других вытереть сырые ладони о куртку и сосредоточил внимание на беседе — как и предупреждал проводник, была она глупой и хвастливой. Верующие спорили ни о чем и обо все сразу, постоянно перескакивая с одной темы на другую. Андрей про себя назвал их идиотами, копируя мышление своего проводника, который все это время старался незаметно идти параллельно группе на два этажа ниже. Стоя возле шахты лифта, Михаил услышал глупейший вопрос Андрея про возраст вселенной,

рукой закрыл лицо и покачал головой. Он вдруг начинал осознавать то, что Андрей был совершенно не готов к походу в собор и ему захотелось откупорить очередную бутылку с серебрянкой.

14. Тьма может быть светом!

Они шли до самого вечера, болтая без умолку ровно о том, о чем предупреждал Михаил. Андрей уже забыл, когда шел так медленно и беззаботно — это напоминало прогулку его безалаберного сына с приятелями после уроков. Паломники сделали лишь одну остановку и даже не стали закрывать на замок дверь их ячейки. Опасностей гигахруща для них будто бы и не существовало. Ближе к семи они увидели мелькающий вдали свет — это была первая из нескольких других групп паломников, которые шли той же дорогой. Со временем их становилось все больше и больше, и чем многочисленнее становился поток, тем тише звучали голоса верующих в Черного Бога. Когда часы показали девять, Андрей шел в сплошном потоке людей, освещенных светом десятков фонарей. Почти никто ничего не говорил.

В какой-то момент путешественники стали выключать фонари — под потолком появились зарешеченные лампы, окрашивающие стены и полы коридоров полосами тусклого свечения. Хотя покинуть бесконечные территории безлюдной тьмы должно было принести облегчение, его почему-то не было. Андрей молча шел в окружении безмолвных незнакомцев навстречу неизвестности. Стены украшали символы Чернобога и цитаты из писаний. Андрей внимательно их читал, пытаясь либо запомнить, либо хотя бы понять, что те говорили, но мозг отказывался обрабатывать информацию.

Они увидели первых стражников собора — одетые во все черное с характерным символом на груди уродливые мужчины с омертвелыми кусками плоти на руках и лице встречали паломников лицами, полными недовольства и подозрения. Они внимательно вглядывались в идущих мужчин и женщин, из-за чего верующие опускали взгляд.

Уже на самой границе собора паломники попали в широкий и необычно высокий коридор — весь исписанный цитатами из писаний с торжественными черно-красными флагами на колоннах, под каждым из которых стоял вооруженный стражник. В конце его над входом был нарисован большой черный лик с глазами, которые, казалось, светились. Лицо с массивным лбом и широкими скулами расплывалось черной краской по стене и перетекало в текст на стенах. Андрей заворуженно смотрел прямо в глаза лику, который казался все более живым по мере приближения.

Зайдя в дверь в конце этого коридора, он очутился в помещении поменьше, где уже не было той мрачной торжественности. Та уступила место деловой организованности — несколько стражников, не церемонясь, распределяли паломников на несколько потоков, направляя их в один из четырех проходов. Андрея пихнули налево и тот попал в совсем узкий проход, который даже для одного человека был тесен. Он прошел несколько шагов и уперся в стоящего впереди мужчину. Спустя несколько секунд кто-то другой встал позади него. Они стояли в плотной очереди, которая двигалась каждые тридцать-шестьдесят секунд. Андрей делал всего пару шагов и вновь вынужден был ждать. Когда, наконец, пришла его очередь, молчаливый чернобожник впустил Андрея в небольшую комнату, где, как оказалось, несколько человек принимали на хранение оружие, которое паломники имели при себе. Регистратор деловито заполнил бланк, куда вписал фамилию, имя и отчество Андрея, его адрес, тип автомата, количество магазинов и спросил, было ли еще у Андрея оружие. Услышав отрицательный ответ, тот присвоил бланку порядковый номер, щелкнул печатью и предоставил талон с номером в обмен на все оружие и амуницию. Андрей нерешительно отдал все, что у него было и сделал шаг в сторону, держа в руке кусок бумаги.

— Что встал? — грубо обратились к нему. — Двигай дальше!

Один из регистраторов собрал в охапку несколько автоматов с подсумками и направился к двери, расположенной позади столов регистрации. Андрей лишь на секунду заглянул внутрь, но увиденное поразило его — то был оружейный склад с длинными ящиками, в которых стояли винтовки и автоматы. Только то, что он успел заметить, тянуло на сотню единиц вооружения.

На выходе из помещения его всего прощупали и проверили содержимое вещмешка.

— Двигай! — его толкнули в спину.

Не оборачиваясь, он пропустил другого верующего, и последовал за ним. Вскоре он вновь попал в медленно идущий поток людей. Мужчины и женщины двигались нестройными рядами по пути, который определяла стража чернобожников. Андрей рассматривал помещения, которые, как и везде, почти ничем не отличались. Все те же бетонные стены, но с религиозными цитатами; те же потолки, но с характерными лампами, затянутыми в решетки или расположенные крестами; те же двери, но с малопонятными надписями и закорючками. Больше всего впечатляли флаги, висящие в некоторых местах над входом или на несущих колоннах. Андрей не мог вспомнить, чтобы видел подобную ткань — плотную, толстую и окрашенную в глубокий черный цвет с ярко-красным символом Черного Бога. В гигахруще этого цвета естественным образом сторонились — его и так было слишком много во тьме необитаемых этажей, а здесь он был главным.

Вскоре поток вновь стал делиться — стоящие возле лестницы стражники направляли людей в разные стороны. Кто-то шел дальше по коридору, другие вниз по лестнице, а Андрею указали наверх. Он поднялся на три этажа выше и попал на почти обычный жилой этаж, который отличался от его собственного лишь чернобожными украшениями. Пришедших туда паломников распределяли по ячейкам, в которых, в отличие от обычных, не было никакой мебели кроме длинной скамьи и трехэтажных нар, сделанных из досок, труб, старых листов, мебельных щитов и прочих отходов. Половина всей ячейки, рассчитанная на человек двадцать, к его приходу уже была занята. Мужчины и женщины без особого интереса оглядели Андрея, пока очередной регистратор заполнял свой бланк, переписывая информацию с талона.

— Ложись туда, — указал ему молодой регистратор с черной щекой. — Мешок свой оставь там же. Не надо его везде с собой таскать.

Андрей кивнул и стал залезать на указанное место. Не снимая ботинок, он лег на жесткие нары и сложил руки на груди, уставившись глазами в потолок. Казалось, что его вели на убой, который состоится, если не сегодня, то в самое ближайшее время.

Кто-то в комнате закричал, переворачиваясь на нарах; двое мужчин на скамье вели очередные бесконечные споры о вселенной; женщина под Андреем закашляла; кто-то открыл банку концентрата. Знакомый звук немного отвлек его — живот недовольно заурчал. Он оперся на локоть, залез в вещмешок и достал пакет концентрата. Есть лежа было неудобно, поэтому он переместился на скамью и стал медленно сосать подслащенную пасту, попутно рассматривая присутствующих. Все они были разного пола, возраста и состояния здоровья. Андрей пытался угадать, кем работают эти люди в гигахруще — один мог быть его коллегой по заводскому цеху; другой был похож на кладовщика, который выпустил Андрея с Михаилом; две тихие женщины в углу напоминали то ли домохозяйек, то ли уборщиц. Пустеющий пакет издал характерный звук, привлекая внимание дежурного чернобожника.

— Не смей здесь мусорить, — грубо кинул он, — весь мусор складывай в туалет.

Андрей покорно кивнул, прошелся до мусорки и залез обратно. На часах было десять двадцать. В последующие полчаса к ним подселили еще пять человек, затем регистратор в своей грубой форме кратко объяснил правила пребывания в соборе и выключил свет, оставив дверь в коридор открытой. Там прогуливался вооруженный чернобожник ответственный за порядок на этаже. В темноте Андрей слушал тихие разговоры соседей по нарам, думал о грядущем и никак не мог уснуть, чувствуя волнение. Однако усталость взяла свое и вскоре он погрузился в сон.

Утром их разбудили просто включив везде свет. Ворочаясь и бормоча, люди принялись вставать со своих мест. Вскоре образовалась очередь в туалет. Чтобы не тратить время в бессмысленном ожидании, Андрей решил поесть и уже хотел открыть банку, как вдруг его прервал бородатый сосед по нарам.

— Ты чего, браток? Appetit перебеешь! — хриплым голосом произнес он. — Нас скоро кормить будут.

Смущенный Андрей медленно убрал еду обратно в сумку.

— В первый раз в соборе? — Андрей кивнул. — А я уже раз в третий сюда прихожу. Хорошо у них тут. Даже лучше, чем у нас на заводе. И кормят вкуснее.

— Чем кормят? — попытался поддержать разговор Андрей.

— А сам увидишь, — собеседник улыбнулся. — Скоро принесут.

Через двадцать минут действительно принесли завтрак. Андрей удивился, когда увидел чернобожника с огромной тяжелой тарой, которую тот нес, выгнувшись назад. Он не без труда поставил ее на пол и громко вздохнул. Люди тут же стали собираться вокруг нее и садиться вокруг еды. Они набирали в руку дымящуюся теплом массу и с блаженным видом клали ее себе в рот. Не скрывая любопытства, Андрей наблюдал за приемом пищи и чувствовал, как притягательный запах наполнял комнату. Люди на полу удовлетворительно хмыкали и стонали.

— Ты чего там ждешь, браток? — обратился все тот же бородатый мужчина. — Ай-да к нам.

Люди потеснились, принимая нового человека в свой круг. Андрей опустился на пол и нахмурился — тара представляла собой огромную сковороду, сделанную из куска трубы большого диаметра с приваренным дном и ручками.

— Угощайся, браток! А то без тебя съедим, — он улыбнулся нестройными зубами.

Андрей протянул руку вперед и неуверенно погрузил пальцы в пищевую массу. Она приятно грела кожу. Достав небольшой кусок, он поднес его к носу и почувствовал вкусный сладкий запах с нотками свежеприготовленного мяса. Не веря собственному обонянию, он положил липкую массу в рот, который тут же наполнился слюнями из-за приятного сладковатого вкуса. Слегка пожевав ее, он удостоверился, что та действительно содержала мясо. На несколько секунд он замер, вспоминая истории о чернобожниках и не были ли они каннибалами.

— Правда вкусно? — спросил бородач.

— Да, — Андрей потянулся за добавкой. — Очень!

— Все для братьев! — чавкая продолжил мужчина. — Все для истинно верующих!

Через десять минут самодельная сковорода была настолько чистой, что ее можно было не мыть. Люди выскабливали малейшие остатки блюда и, причмокивая, облизывали пальцы. Пришедший чернобожник забрал сковороду, и все стали куда-то собираться.

— Ну что, браток? Пойдем помолимся?

— Где? — растерянно спросил Андрей.

— Как где? — мужчина по-доброму улыбнулся. — В главном зале, конечно.

Негромко беседуя, люди стали выходить по двойкам и тройкам, присоединяясь в коридоре к десяткам уже идущих на службу. Тонкими ручейками они текли в одну сторону, образуя все больший и больший поток, направляемый служителями в черных одеждах. Спустившись на несколько этажей вниз, Андрей шел среди сотен, а когда зашел в главный зал, дыхание перехватило от невероятного количества людей, уже стоящих в огромном помещении метров тридцать высотой. Он задрал голову, удивленно рассматривая пустое заводское помещение, очищенное от оборудования. На несущих колоннах висели длинные черные флаги, стены были покрыты рисунками с незнакомыми сюжетами, а с длинных вертикальных ламп под потолком падал красный свет, пугающе окрашивая лица людей. У противоположной от входа стены громоздилось огромное черное кресло, возвышающееся над людьми метров на пять. А за ним стояла непонятная конструкция, состоящая из десятков или даже сотен труб разного диаметра. Андрей прищурился, пытаясь лучше рассмотреть непонятную конструкцию. Ее назначение было непонятно, но она тоже состояла из обычных труб, которые их завод каждый день изготавливал в большом количестве.

На полу были начертаны параллельные линии с перекрестиями, на которые надо было вставать, чтобы сохранять порядок. Люди становились стройными рядами, глядя друг другу в затылок.

— Вот это да... — протянул кто-то рядом, глядя на трон и трубы.

— Это что, — слышался знакомый голос бородатого мужчины, который все это время шел рядом с Андреем, — вот начнется, тогда увидите. И услышите. И почувствуете...

— Что? — поинтересовался Андрей.

— Благодать, — коротко ответил бородач и, зажмурившись от предвкушаемого удовольствия, улыбнулся.

Огромное помещение постепенно наполнялось мужчинами и женщинами. Повсюду люди перешептывались или тихо о чем-то переговаривались. Гул постепенно увеличивался с приходом новых людей. Когда зал почти полностью наполнился, вдруг прозвучала команда.

— Молчать! — разнеслось над верующими, и гул тут же прекратился.

Закрылись двери, ведущие внутрь. Наступило молчание. Над головами верующих появился человек в черном одеянии, медленно поднимавшийся вверх по ступеням к трону. Продолав полпути, он повернулся и оглядел присутствующих.

— Тьма может быть светом! — его голос разлетелся по залу. — Черный Бог — наша тьма! — после каждого предложения он выдерживал многозначительную паузу. — Пусть тьма изведет нам грехи! Пусть Черный Бог вернет вам путь ко вселенной! Внутри вас есть место только для Него! Наполнив себя Им, мы наполняем себя вселенной! Очистите душу! Отбросьте грехи!

По толпе пронесся шорох людей, складывающий руки в замок на груди. Андрей посмотрел на соседей, которые сложили ладони и, закрыв глаза, опустили голову. Он тут же повторил за ними. Несколько тысяч людей в зале слегка покачивались, пуская волны по огромной толпе. Стоял едва уловимый звук того, что тысячи губ безмолвно молились, очищая себя от грехов. В это же время Андрей чувствовал, как по лбу катиться капля пота от напряжения. Он со страхом ждал продолжения службы.

— Тьма может быть светом! — повторил проповедник на ступенях. — Черный Бог — наша тьма! Мы проникнемся тьмой! И ощутим благодать!

Андрей вздрогнул, услышав громкий звук, внезапно наполнивший зал. Один грозный рев заглушал другой, уступая место третьему. Он слегка приоткрыл глаза, чтобы подсмотреть за окружающими, которые уже стояли с бездумными лицами, взирая на трубы. Те поочередно производили могучие, всепоглощающие звуки, соединяющиеся в мелодию. Андрей почувствовал, как его пробивает дрожь от мощной музыки, вылетающей из высоченных труб. Он уже больше ничего не слышал кроме этих звуков, что давили его своей силой, поднимали над полом своей красотой, оглушали могуществом, отупляли силой звука и вызвали в груди странное, доселе невиданное чувство, из-за которого хотелось глубоко дышать, закрыть лицо, бежать, упасть, закричать... Ряды снова пришли в легкое движение из-за того, что люди ощутили движение воздуха — такое редкое для гигахруща явление. Оно шло среди людей, обволакивало и ласкало открытые части тела. Кто-то засмеялся от радости, остальные молча наполняли легкие прохладной свежестью.

Андрей смотрел на трубы, на черные флаги, на изливающие красный свет лампы. Одно начало наплывать на другое — флаги мешались с лампами, трубы заползали на потолок, люди сливались воедино, и все-все куда-то плыло. Он крепко зажмурился и потряс головой, но когда открыл, мир перед глазами пришел в движение и ему начала открываться вселенная. Бетон стал прозрачным, стены пришли в движение, лестницы вдали сжимались и разжимались словно гармошка, люди в ячейках пестрили огнями, красными порезами светились самосборы... Все мельчало, отдалялось, крутилось, мешалось, заливало черным и сквозь путешествие по вселенной — в ее прошлое и будущее — звучали громopodobные, тихие, режущие разум, убаюкивающие слова:

— Внутри нас есть место только для Него!

— Пусть Черный Бог вернет нам путь ко вселенной!

— Наполнив себя Им, мы наполняем себя вселенной!

— Тьма может быть светом!

— Черный Бог — наша тьма!

— Черный Бог... — повторял Андрей, чувствуя, как его голос разносится по вселенной. — Внутри меня есть место только для тебя.

В какой-то момент все перед глазами стало терять очертания, сливаться в одну сплошную черноту, сквозь которую проступал лик божества.

15. В поисках знаний

Постепенно чернота блекла, стены теряли прозрачность, голоса умолкли, и перед глазами медленно появлялись старые грязные доски, местами прогнившие насквозь. Андрей чувствовал боль во всем теле, которую усиливало жесткое ложе. Он лежал в гостевой ячейке при свете коридорных ламп.

— Ну как, браток? Почувствовал благодать? — зазвучал знакомый голос где-то рядом.

— Я видел... — его голос хрипло оборвался и Андрей прокашлялся. — Я видел вселенную. И Черного Бога. Он говорил со мной.

— Значит, была благодать!

— Я видел гигахруц, — продолжал Андрей, — весь гигахруц со стороны. Вселенную! Прямо всю.

— Мы тоже видели. Все видели! — лица собеседника не было видно, но его голос улыбался.

— Видел людей... — закрыв глаза, продолжал он.

В памяти возник образ гигахруца, который отдалялся от него, словно он смотрел на картинку, и в каждой ячейке светились люди. Мужчины, женщины, дети. Андрей открыл глаза, вспомнив что-то. Что-то важное, чего в благодати не было.

— Дети, — прошептал он и захотел резко встать, однако получилось лишь дернуться.

— Ты чего, браток?

— Мне надо в... — слово вылетело из головы. — В библиотеку! Мне надо свитки прочитать!

— Тише-тише! В библиотеку ходят только послушники.

— Мне надо, — повторил он. — Хочу! Знания!

— Всем нужны знания, и будут! На вот, лучше подкрепись!

Андрей повернул тяжелую голову и увидел прямо перед собой бородатое лицо. Мужчина протянул ему наполовину полный тюбик и даже открыл для него колпачок. Тот ватной рукой схватил тюбик и приложил его к губам, пытаясь высосать оттуда пасту. Затянув лишь маленькую змейку еды, он закашлял и стал искать воду. Бородач, словно читая его мысли, сам поднес ко рту Андрея бутылку воды и дал ему сделать несколько глотков.

— На сегодня хватит знаний, — заботливо произнес мужчина, — ты спи, отдыхай. А то весь день скакал и прыгал.

— Кто? — с бездумными глазами спросил Андрей.

— Ты, конечно, — собеседник улыбнулся. — Можно сказать, насилу уложили.

— Меня?!

— Тебя, тебя. Ну все, отдыхай.

Бородатое лицо исчезло, и Андрей дернул рукой, словно пытался поймать собеседника, чтобы тот остался. На несколько секунд им овладела идея встать с нар, но все тело отдавалось бетоном, и он быстро оставил попытки пошевелиться. Неизвестно который был час и сколько времени он лежал, уставившись в одну точку перед собой. Снова и снова он вспоминал те волшебные чувства, которые подарил ему большой молитвенный зал. Воспоминания плавно перетекли в сон, где он тоже видел гигахруц, вселенную и лик божества.

Когда свет включился, Андрей продолжал лежать на нарах без движения ровно до того

момента, когда его соседи начали рассаживать полукругом на полу. Он повернул тяжелую голову и, ощутив в желудке тянущую боль, тут же стал неловко шевелить руками, ногами и головой, чтобы спуститься с нар. Когда ему это удалось, в дверях появился чернобожник с посудиною, из которой тянуло сладким запахом. Андрей бухнулся в полукруг, бесцеремонно растолкав собравшихся. Когда сковорода оказалась на полу, круг тут же замкнулся, и люди стали жадно вырывать оттуда куски еды. Никакой степенности и вежливости предыдущих суток более не осталось. Кто-то засовывал в посудину обе руки, стараясь захватить побольше и потом пихал себе эту массу в рот, инстинктивно боясь, что ему или ей достанется меньше. В этот раз чернобожник даже не стал уходить — стоя возле двери, он с широким оскалом наблюдал, как жадные оголодавшие люди запихивали в себя еду. Через минуты три сковорода была как и в прошлый раз абсолютно чистая. Люди водили руками по пустому дну, в надежде собрать хоть что-то и облизывали пальцы.

Когда дежурный чернобожник ушел, люди еще какое-то время сидели на полу, а потом начали медленно расползаться по своим местам. Андрей остался единственным, кто не пошел лежать.

— А что, вы куда? — спросил он. — Пойдемте на молитву!

— Эх, браток, сегодня молитва только вечером. Сейчас — отдыхать.

Будто надломленный, он сидел, безвольно свесив голову, и погружался в собственную мысленную кашу. В определенный момент перед глазами вновь возникло лицо сына.

— Какой сегодня день? — он поднял лицо, пытаясь найти бородатого мужчину.

— Пятый, — ответил тот с нижних нар.

— Мне надо в библиотеку, — жарко произнес Андрей. — Я хочу знания!

— Туда не ходят паломники, — послышался спокойный ответ.

— Но мне надо! Я хочу познать вселенную, — он приложил руку к сердцу. Его красные глаза горели. — Мне нужны свитки.

— Только для послушников...

— Нет, — Андрей вскочил. — Я для Черного Бога! — и направился к выходу.

— Погодь, погодь! Куда пошел? — бородач поднялся со своего места. — Ну пойдём спросим. Может и пустят. Да только кто ж туда ходит из паломников... — уже по пути из ячейки говорил он.

Андрей проследовал за мужчиной в коридор, где стоял дежурный стражник. Бородач как можно более доходчиво пытался объяснить туповатому на вид чернобожнику желания Андрея, на что тот просто мотал головой и говорил «Нет», но вид возбужденного паломника и его несвязанная речь, в которой присутствовали все такие дорогие для адептов культа слова, все же убедили его. Он немного подумал и проводил их до лестницы, где рассказал старшему об Андрее. Тот сначала принялся ругаться и тоже отправлял его обратно, но и он поддался благодатному говору неизвестного паломника. Бородач затем вернулся в ячейку, отправив Андрея путешествовать дальше одному. Его путь до библиотеки прошел еще через несколько чернобожников, каждый из которых был важнее предыдущего.

По итогу он оказался в помещении, которое напоминало обычный учебный класс, только вместо схем и графиков на стенах висели флаги и написанные на старой бумаге выписки из священных писаний. Когда Андрея усадили за стол, над ним навис престарелый чернобожник.

— О чем хотите узнать? — глухо спросил тот.

— Хочу знаний! — отозвался Андрей. — Я в келье рассуждал о вселенной, — за него

сами собой говорили слова Михаила, — чтобы ощутить благодать. Хочу узнать о вселенной.
— Что конкретно? — тот повел бровью.

Андрей тупо уставился на библиотекаря, не понимая вопроса. Когда до него дошло, он ответил:

— О возрасте вселенной. О бесконечности.

Его собеседник развернулся и ушел в другое помещение через заднюю дверь. Вскоре он вернулся с тонкой брошюрой листов в десять и аккуратно положил ее перед читателем.

— Покажи руки, — приказал тот.

— Вот! — он резко вытянул их перед собой, заставив мужчину скривиться.

— Читай аккуратно. Страницы не мусоль, — на этих словах он развернулся и пошел к своему месту. — Привели идиота...

Будто механически заведенный, Андрей склонился над бумагой и принялся читать. В тексте один за другим шли непонятные слова, которые он вроде бы знал, но никак не мог понять их связь друг с другом. Прочитав предложение, он начал с начала. Через минут десять он закончил страницу, но совершенно не помнил, что только что прочитал. Раз за разом он изучал одни и те же отрывки, но понять что-либо было невозможно. Лишь дойдя до слова «вселенная», он отвлекся и погрузился в приятные воспоминания, которые привели его к лику сына. Он вздрогнул и резко поднял голову. Библиотекарь заметил это движение, но лишь покачал головой и вернулся к своим делам. Андрей покрутился — в читальном зале кроме него были еще пара совсем молодых ребят, которые усердно что-то читали. Он прищурился в попытке получше рассмотреть их лица. Среди них не было Коли, да и Саши, кажется, тоже. Он вновь склонился над брошюрой и сделал вид, что читает, думая о том, как искать детей. Он внезапно ощутил сначала одиночество, затем бессилие и, наконец, жуткий упадок сил. Внутри него будто оборвалась нить, которая заставляла его думать и действовать. Он закрыл глаза и положил ладони на лицо.

Силы внезапно вернулись к нему так же быстро, как и ушли. Он поднял голову и повернулся на стуле к тем молодым ребятам.

— Вы уже послушники? Или еще готовитесь?

Парни бросили на него смущенные взгляды и ничего не ответили.

— Здесь нельзя болтать, — послышался строгий голос, — это читальня.

— Извините! — искренне сказал Андрей, приложив руку к груди. — Я просто смотрю на них и завидую. Они смогут познать вселенную лучше меня.

Библиотекарь закатил глаза.

— Сохраняй тишину! — он повысил голос.

— Хорошо! Ладно...

Андрей продолжил чтение, пытаясь вникнуть в суть строк, но так и не смог ничего понять. Отдельные предложения несли какой-то смысл, но их значение не добавляло ничего нового тому, что за пару дней до этого ему объяснил Михаил. Вселенную надо было чувствовать в молитвенном зале, а не познавать через старые истрепавшиеся буклеты.

— Вы уже чувствовали благодать? — вновь нарушил правила Андрей.

Один из ребят оторвался от чтения и коротко кивнул.

— А Черного Бога видели?

Тот молча дал утвердительный ответ.

— С меня хватит, — прозвучал раздраженный голос библиотекаря.

Он быстрым шагом вышел из комнаты, оставив дверь открытой. Пользуясь моментом,

Андрей продолжил.

— Вы долго здесь?

— Ну так, — парень пожал плечами.

— Еда здесь вкусная. Нравится здесь?

— Хорошо, — коротко отвечал тот.

— А много вас таких молодых?

— У нас в келье десять человек.

— И у нас столько же, — ответил второй, до этого молчавший.

— Почему только вы здесь? — Андрею нравилось, что разговор начинал складываться.

— Остальные на кухне или ферме, — сказал первый.

— Или на постах, — добавил второй.

— Вы уже стали послушниками? Или только готовитесь? — повторил Андрей изначальный вопрос.

— Готовимся только.

— Сегодня вечером будет посвящение.

— Волнуетесь, наверное? — мужчина улыбнулся.

— Немного.

— Да, немного волнительно.

— Ведь вы же будете... — он подбирал слова, пытаясь вспомнить, что обычно говорят церковники. — Принимать...

— Кровь и слезы, — закончил за него один из парней.

— То есть до этого еще не было?

— Нет, это потом. Это на посвящении.

— Это хорошо, — озвучил свои мысли Андрей, смутив собеседников. Те переглянулись и один пожал плечами. Мужчина в это время продолжил. — А в ваших кельях... Там есть мальчик, которого зовут...

Его прервало появление библиотекаря, за которым следовал один из тех стражников, указавший путь в читальный зал.

— Этот идиот нарушает тишину! — престарелый мужчина указал пальцем на нарушителя. — Вон!

Андрей хотел было оправдаться, пустив в ход магию заветных чернобожных слов, но его тут же прервал стражник, схвативший того за плечо и с силой поднявший на ноги. Без лишних слов он толкнул его в сторону выхода. Путь обратно до жиличейки с паломниками был намного быстрее, чем путь в библиотеку. Чернобожики недовольно хмыкали друг другу, передавая гостя собора и подгоняли тычками нарушителя тишины.

Вскоре его втолкнули в ячейку, где почти все паломники лежали на нарах. Они бросили ленивый взгляд на Андрея и тут же потеряли к нему интерес. Один лишь бородач улыбнулся и спросил:

— Ну как, набрался знаний?

— Нет, — буркнул Андрей и с грустным лицом мотнул головой.

Он сел на скамью, сложив руки на животе и стал думать о том, как ему найти сына. В проходе бродил стражник, который одним своим видом каждый раз усиливал тоску и бессилие.

— Да ты не переживай так, — прозвучал знакомый голос с нар, — до вечерней молитвы осталось всего несколько часов. Там знаний наберешься.

От упоминания молитвы Андрей тут же возбудился и почувствовал, как по телу разливается приятное чувство. Мысли о сыне улетучились.

16. Когда боги играют

Несколько томительных часов он провел в непрекращающемся ожидании следующей службы. То, что постоянно тревожило раньше, больше не приходило на ум. В голове Андрей прокручивал кадры пережитой благодати и, сам того не замечая, он стал вплетать в размышления о своей жизни те понятия, которые еще недавно считал смешными. Ему не хватало терпения дождаться объявления на сбор на очередную службу — он сидел на полу, затем на скамье, переместился на нары, походил по ячейке и часто смотрел на часы, удивляясь тому, как медленно иной раз может течь время.

— Да не суетись ты, браток, — успокаивал его знакомый, — скоро все будет. Минут тридцать всего осталось. Посиди, наберись сил.

Однако это «скоро» не наступило. В коридоре послышались шаги и вскоре дверь в ячейку полностью распахнулась, явив в проходе трех вооруженных чернобожников. Андрей как раз вышел из туалета и застыл напротив нар, застигнутый врасплох. Он сразу понял, что пришли за ним. Один из пришедших оскалился, подошел и со всей силы ударил Андрею в живот, отчего тот скрючился, но упасть на пол ему не дали — двое других тут же подхватили его под руки и буквально поволокли куда-то. Удар был такой силы, что все внутри сжалось, и Андрей долгое время чувствовал боль от любой попытки пошевелиться. Когда острое чувство в животе стало слабеть, он тут же стал жалеть о том, как вел себя в библиотеке. Тогда это казалось смелым и оригинальным, но, зная, кто его тащит и зачем, Андреем сначала овладело раскаяние, затем отчаяние

Его протащили по нескольким лестницам и коридорам и бросили на пол в комнате, где стены, пол и потолок были полностью выкрашены в черный цвет. Послышался звук ключей и открываемого замка. Его снова взяли под руки и затолкали в клетку, рассчитанную на одного человека, в которой нельзя было ни сидеть, ни нормально стоять — была она узкая и низкая. Держась за ушибленное место, Андрей загнанным взглядом посмотрел на пленителей — один, видимо, старший стоял напротив и скалился, а двое его подчиненных стояли чуть позади с серьезным видом.

— Сегодня примем новых послушников, — произнес старший, — а завтра избавимся от шпионов и предателей, — закончив, он улыбнулся еще шире, представляя себе казнь.

Андрей огляделся вокруг — помещение было аналогично тому церковному, из которого Андрею удалось бежать. Там тоже были потолочные краны с крюками, на которых вешали людей или целиком клетки, которых в этом помещении было несколько штук. В углу стояла еще одна большая, рассчитанная человек на десять. Как и в церковном гараже, здесь была яма в полу, но шире — Андрей догадался, что ее увеличили под размер одиночной клетки. А к яме вели трубы с огромного бака из толстого металла в углу. Он сразу вспомнил разговор с Михаилом и его передернуло.

— Ну что, уродец, — сказал главный, — ты там, скорее всего и окажешься. Посмотрим, что с тобой сделает целая бочка Его слез.

— А что я сделал? — негромко спросил Андрей.

— Ты нам сам расскажешь, что ты сделал, — затем начальник обратился к подчиненным. — Досмотрите его вещи.

Один из подчиненных отошел к столу возле стены, где уже лежал вещмешок Андрея, и стал выкладывать и осматривать все предметы оттуда. Когда сумка оказалась пуста, он

потряс ей, чтобы окончательно проверить.

— Что там?

— Концентрат, противогаз, фонарь и все.

— Ты уверен?

Старший подошел к столу, оттолкнув подчиненного и сам все осмотрел.

— Действительно.

Затем приблизился к Андрею и, продев руки сквозь решетки, стал лазать по карманам.

— Стой, не двигайся, урод! — приказал чернобожник и вскоре достал из одежды пленника талон из комнаты хранения и сложенное в несколько раз письмо Михаила. Талон он отдал другому подчиненному. — На, сходи в гостевую оружейку, забери его вещи.

Когда младший убежал, старший развернул сложенную бумагу и стал читать послание сыну, при этом довольно ухмыляясь и бросая злой взгляд на пленника.

— Тебе для ванной, — он мотнул в сторону ямы, — даже говорить ничего не надо. Этой писулькой ты уже сам все объяснил, — он помахал бумагой. — Хотя с тобой будет время поработать, расскажешь нам еще что-нибудь интересного.

Андрей хотел было оправдаться, что письмо не принадлежало ему, но он вовремя одумался и лишь опустил взгляд. Вскоре поняв, что терять ему было нечего, он слегка осмелел.

— А что такого? — поинтересовался Андрей.

— Что? — не понял чернобожник.

— Что такого я там написал, что заслужил вон это, — он тоже дернул головой, указывая на яму.

— Что написал?! — удивился чернобожник. — Так давай я тебе зачитаю!.. — он вновь обратился к бумаге и стал выборочно цитировать письмо. — «Чернобожики — слабые и сломленные люди», «Черный Бог — самозванец и никакой не бог, а простой человек, которому повезло пережить погружение в черную слизь», «их благодать — это всего лишь распыленная в воздухе слизь», — он дочитал до конца послание и на последней цитате стал кривляться. — «дорогой мой сын, одумайся. Последуй за этим человеком, чтобы мы снова были вместе». — он поднял взгляд. — «то от кого, кстати? Не ты ведь писал?

— От друга.

— От какого? Как зовут?

— От близкого, — Андрей проигнорировал второй вопрос.

— Ну ладно, — послышался злорадный смешок, — скоро ты будешь более разговорчивым.

Старший чернобожник подошел к столу с инструментами и стал демонстративно точить ножи, иногда поглядывая на Андрея, которого передернуло от явного намека. Вскоре вернулся второй подчиненный с автоматом и подсумками, положил их рядом с вещмешком и опустил на железный стул рядом со своим товарищем. Они с безразличным видом сидели возле выхода, пока их старший наполнял помещение лязгом металла. Так прошло несколько минут, за которые Андрей успел растерять остатки смелости и вновь отдаться во власть страха и упадочничества.

Послышался тихий сигнал терминала связи. Отложив инструмент, старший чернобожник подошел к аппарату и щелкнул клавишами. Послышалась чья-то тихая речь из динамика.

— Да, — непривычно учтиво отвечал чернобожник, — да, он здесь. Привели его в

комнату пыток. Нет, ничего не говорил. Мы пока с ним не работали. Ничего интересного не нашли кроме письма. Он не говорил, но, кажется, кандидату в послушники. Написано «Саша». Да, конечно, — в следующий момент, в голосе послышалось волнение, — Он сам придет сюда? Я понял... Да... Понял.

Щелкнув клавишей для окончания сеанса, чернобожник медленно повернулся к Андрею, затем обратился к подчиненным.

— Дальше я один, возвращайтесь в келью.

Те переглянулись и без лишних слов направились к выходу. Оставшись наедине с Андреем, чернобожник задумчиво приложил ладонь к подбородку, бросая на пленника странный взгляд.

— Тебе выпала честь... Уникальная возможность... — он подбирая слова. — Увидеть вблизи... Поговорить... Мы сейчас увидим и поговорим с Ним. — он буквально выдохнул последнее слово.

— С кем? — грустно спросил Андрей.

— С Черным Богом, — лицо его выражало благоговейное слабоумие.

— То есть с его сыном? — наивно поинтересовался мужчина.

— На яму ты себе уже заработал, — непонятно усмехнулся чернобожник, — поэтому за такое кощунство тебя нет необходимости осуждать.

Он стал быстро ходить по комнате, наворачивая круги. Иногда он останавливался возле столов и трогал ножи, гвозди, вещи Андрея, но тут же их откладывал и продолжал шагать. В томительном для чернобоженника и пугающем для Андрея молчании прошло еще минут десять.

Когда дверь открылась, старший вздрогнул и отошел на несколько метров к столам, чтобы стоять одинаково далеко и от Андрея, и от входа. Внутрь зашел мужчина в длинном черном одеянии с символом чернобоженников на груди и, взглянув на него. Андрей даже успел разочароваться, приняв того за верховное божество. Однако тот открыл нараспашку дверь и согнулся в поясе. Другой чернобожник тоже поклонился. Через несколько секунд свет из коридора померк — в дверном проеме показался великан. Под два метра ростом и широченный в груди он закрывал своим телом почти весь проход. Передвигая крепкими мускулистыми ногами, он без всякой спешки зашел внутрь, каждым своим движением показывая силу. Андрей округлил глаза, рассматривая вошедшего — он был абсолютно голый и весь черный. Руки, ноги, грудь, живот, лицо, губы, глаза и даже волосы отдавали чернотой, которой могли позавидовать безлюдные области гигахруща. И сложен он был так, словно сошедший с плаката по анатомии человек без кожи, но раза в два больше — каждая мышца выделялась на черном теле отблеском или сиянием. Смотри снизу вверх на вошедшего, Андрей не мог назвать его про себя ни человеком, ни даже существом. Он действительно был богом. Черным Богом.

Дверь скрипнула и чернобожник возле двери, не разгибаясь, закрыл дверь, погружив помещение в абсолютную тишину. Слово за гипнотизированный Андрей смотрел в глаза Чернобогу, пытаясь отыскать там зрачки, но на фоне остальной черноты это было невозможно. Великан тоже рассматривал заточенного в тесную клетку жалкого пленника и вдруг улыбнулся, показав черные же зубы. Внезапно оба чернобоженника устремились к выходу и вскоре скрылись за дверью. Хотя черные губы не двигались, теперь и Андрей услышал его голос — такой же глубокий и сильный, как те трубы из молитвенного зала.

— Человеческие эмоции давно стали мне в основном чужды. Но когда увидел тебя в

церкви, я, признаться, обрадовался.

— Меня? — сдавленно прошептал Андрей.

— Тебя, — великан еще шире улыбнулся. — Гигахрущ населяет бесконечность людей.

Думал, совпадение, просто похож. Но нет, это ты.

— Наверное, вы перепутали, — лепетал пленник.

Черный Бог, улыбаясь, молча смотрел на Андрея.

— Вселенная сама притягивает нужных людей друг к другу, — он выдержал паузу. —

Так расскажи — зачем ты так стремился попасть к нам?

Андрей не мог оторвать взгляда от гипнотических черных глаз. Он почему-то продумывал ответ и каждое слово, хотя все было и так очевидно. Чернобог улыбнулся.

— Понимаю. Пришел сюда за своим сыном, — слова заставили Андрея вздрогнуть. — Любимый сын пропал. И ушел к чернобожникам. Только сам ты этого не видел. А с чего взял, что он у нас?

— Ликвидаторы сказали, — послышался тихий ответ.

— Ликвидаторы, — повторил Чернобог. — Послушники дьявола. Запутывают паству, уводят у вселенной, — он остановился на несколько секунд. — И вновь я переживаю человеческое чувство. Интерес. Я не помню, когда испытывал это в последний раз. Как ты думаешь, зачем они тебе это сказали?

— У меня сын пропал. Коля, — не думая, отвечал Андрей. — Они сказали, что он к вам ушел. Подался в чернобожники.

— Но у нас нет твоего сына, — с улыбкой в голосе ответил великан, — и никогда не было.

— Как?.. Мне же сказали... Вы уверены?

Послышался грозный раскатистый смех.

— В словах Чернобога нельзя усомниться, — словно вспоминая стих, произнес тот. — Кто усомнился, потонет в грехе, — он сделал паузу. — Любого другого я бы тут же раздавил за такой вопрос. Но тебя прощаю. По старой памяти.

— Но мне же сказали...

— Воля богов человеку непостижима, — перебил его Черный Бог. — Когда боги лишь играют людьми, те рассуждают о благодати. А ты даже себя самого не помнишь.

— Помню, — искренне удивился мужчина. — Андрей меня зовут.

— И кто же ты, Андрей? Откуда пришел? Кем будешь?

— Я на трубопрокатном работаю, сам с блока...

Его перебил смех, заполонивший все сознание, будто смеялись внутри головы одновременно из настоящего, будущего и прошлого. Ничего кроме смеха он не чувствовал.

— Какой страстный интерес ты во мне пробудил и тут же его растоптал. Ничего святого, Андрей Викторович, ничего святого! — гремел голос в голове. — А я уж надеялся, что мы поговорим о делах минувших.

— О каких? — преодолевая чужой смех в голове, выдавил из себя Андрей.

— О сотворении вселенной, — голос улыбался. — Что ты там просил в библиотеке? Свитки о бесконечности? Возрасте вселенной? — в голове вновь загрохотал смех.

Андрей сначала мотнул головой, пытаясь погасить причину шума в голове, но, понимая всю бесполезность этого, принялся кивать головой.

— А письмо ты, значит, принес... — великан не договорил, ожидая услышать мысли пленника, — сыну Михаила. Нашего дорогого предателя, которого уже почти поймали. Нет,

до пищеблока он не дойдет. И что там в письме?.. Забрать Александра обратно, — вновь послышался смех. — Умиляет, как, казалось бы, умный человек может в это поверить. Ладно Михаил. Его разум отравлен долгими гигациклами в ликвидаторах и алкоголем. Но ты? Самосбор никого не щадит. Даже лучших из лучших.

— Где мой сын? — прошептал Андрей.

— Твой сын во вселенной, — улыбаясь ответил Черный Бог.

— Что это значит? Где конкретно? — его почему-то передернуло от холода.

Черный великан молча смотрел на пленника с ничего не выражающим ликом. Затем он повернулся к двери, где показался чернобожник в длинном одеянии — тот в глубоком поклоне лишь на секунду возник в проеме и сразу закрыл дверь.

— Когда боги играют... — послышалось в голове.

Медленно ступая по бетонному полу, Черный Бог подошел к терминалу и совсем по-людски щелкнул клавишами. Андрей никак не мог понять, чем его завораживала эта сцена. Великан молча работал с клавиатурой, слышались тихие сигналы из писклявых динамиков. Он совсем по-человечески мотнул головой и посмотрел через плечо на пленника. Закончив с терминалом, он выключил экран и приблизился к Андрею. Глядя снизу вверх, пленник испытал очередную волну страха, робости, волнения при виде этого нечеловеческого великана с вытесанными из черного бетона черепом, скулами, широкой грудью.

— Сама вселенная требует от меня сохранить тебе жизнь, — послышалось в голове.

— Почему? — выдавил Андрей.

— Если боги благосклонны, они сами тебе это объяснят.

Дверь открылась и в комнату вошли те двое чернобожников — один остался у двери в поклоне, а второй с опущенной головой обогнул по дуге своего верховного владыку, трясущимися руками открыл клетку и так же быстро отошел к стене. Андрей медленно выполз из клетки, опасаясь слишком приблизиться к Черному Богу. Он сделал несколько шагов в сторону, глядя в пол.

— Я дарю тебе жизнь, — послышался спокойный голос. — Собирай свои вещи и беги отсюда, не оглядываясь. В третий раз ты от нас не уйдешь. Я тебе это обещаю, Андрей Викторович.

Пленник еще несколько секунд стоял на том же месте, а потом его словно подтолкнули и он мелкими шажками побежал к столу и принялся собирать свои пожитки в вещмешок, нацепил на себя пояс с подсумками, перекинул на спину пустой автомат и взялся за бумагу с посланием к сыну Михаилу. Держа ее в руках, он обернулся к Черному Богу, который все так же стоял посреди комнаты.

— А можно... — робко начал Андрей. — Можно Сашку забрать?

— Сашка с вами не пойдет, — послышался спокойный ответ.

— Можно он хотя бы прочитает письмо от отца?

— Я позволю тебе это. Только потому что ты напомнил мне, что такое умиление чьей-то наивной глупостью.

Чернобожник, открывший клетку, тут же побежал к выходу и скрылся за дверью. Не прошло трех минут, как на она вновь открылась и в комнату вошел молодой парень — сын Михаила — и застыл, глядя на свое божество с открытым ртом. Затем молча повернулся к Андрею и взял письмо. Морщась и кривя рот, тот быстро прочитал послание своего отца и покачал головой.

— Мне противно, — пробормотал Сашка, — что я — его сын. Мне даже бумажку эту

противно держать, — он выпустил письмо из рук, уронив его на пол.

Великан неслышно для других обратился прямо к будущему послушнику, отчего тот расплылся в благодатной улыбке, опустился в глубоком поклоне и устремился к выходу. Андрей аккуратно подобрал письмо и, скомкав, убрал его в карман на животе.

— А все же можно, — он не знал, позволительно ли было ему говорить, — можно Сашка пойдет с нами? Он — еще ребенок, ничего не понимает.

Внезапно все присутствующие в комнате люди схватились за голову, почуввав резкую раздирающую боль. Словно стих зазвучали громopodobные строки.

— В словах Чернобога нельзя усомниться! Кто усомнился — потонет в грехе!

Комнату наполнил душераздирающий крик, бульканье, хрипота. Подкошенный жуткой болью, Андрей упал на пол. Корчась от страшных мучений, Андрей приоткрыл глаза и увидел, как недалеко от него чернобожник давился собственной кровью и держался за глаза, из которых текла густая алая жидкость. Внезапно он вытянулся словно струна и обмяк. Под ним увеличивалась темная лужа. Другой чернобожник в рясе дрожал, прижимаясь лбом к полу.

— Беги, Андрей Викторович, — вещал спокойный голос, — и молись, чтобы никогда меня больше не встретить.

Пленник вскочил на ноги, стараясь не смотреть на мертвеца, и засеменил к двери. Живой чернобожник с перекошенным от мучений лицом встал и открыл ему дверь. Уже в проеме Андрей остановился, вновь услышав пугающий голос в голове.

— А на твой вопрос я все же отвечу. Наша вселенная — ровесник твоего сына.

Андрей медленно повернулся и посмотрел Черному Богу прямо в бездонные черные глаза, которые пугающе блеснули. Словно ужаленный, он натянул ремень автомата и быстрым шагом, переходящим в бег, бросился по коридорам и лестницам к выходу из собора в сопровождении стражника.

17. Обман

Когда он пересек границу собора и двинулся вдоль тускло освещенных зарешеченными лампами коридорам, Андрей почувствовал, как страх улетучивается, давая место новому набирающему силу чувству — обиде, которая все более мешалась со злостью. Когда последний пост чернобожников был позади, он вытер крупные капли слез в глазах, снял автомат, пристегнул фонарь, магазин и передернул затвор. Он отдалялся от собора в темных коридорах безлюдного гигахруща, держа автомат у пояса и палец на курке. Ему хотелось увидеть в круге света Михаила и тут же расстрелять его. Он не вслушивался в темноту, не обращал внимания на пустые ячейки по сторонам, ибо им завладела единственная цель — добраться до брошенного пищеблока и повстречать проводника. Следуя старым указателям, он очутился возле искомой двери и посветил в каждую сторону. Полминуты спустя послышался знакомый голос.

— Ау! Андрей! — тот посветил в сторону, откуда шел звук. — Это я! Опустит оружие, я сейчас выйду.

Буквально заставив себя, Андрей опустил ствол, наблюдая за тем, как вдалеке появляется силуэт Михаила, который быстрым шагом приближался к нему. Подойдя ближе, проводник с удивлением посмотрел на злое лицо с красными глазами. Неожиданно мужчина поднял автомат, взяв проводника на прицел.

— Сука! Мразь! — закричал Андрей. — Ты с самого начала обманывал меня!

— Эй, ты чего, спокойнее! — негромко ответил Михаил.

— Руки! Убери руки от оружия!

— Хорошо, хорошо! Ты только тише! — он показал обе ладони. — Здесь нельзя орать! Тут повсюду чернобожники и...

— Сука! — Андрей сделал несколько шагов к Михаилу, чтобы точно не промахнуться. — Ты обманул меня!

— Как я тебя обманул? — в голосе не было страха, тот говорил спокойно, холодно глядя на компаньона.

— Ты сказал, что Коля у чернобожников в церкви!

— Я не говорил такого, — после некоторых раздумий сказал Михаил, пытаясь вспомнить, что он мог сказать. — Ты сам пришел ко мне, помнишь? И сказал, что сын пропал. Что он у чернобожников. А я лишь сказал, что все новообращенные идут в ближайшую церковь. Ту, в которой мы побывали. Помнишь?

Ствол нацеленного автомата дрожал. Андрей с ненавистью взирал на проводника, пытаясь достать из памяти совсем недавние разговоры, которые путались и терялись после пережитого в молитвенном зале.

— Это ты мне сказал, что он у чернобожников, — повторил Михаил, — а я лишь сказал, что он должен быть в церкви. Я тебе не врал. А теперь опусти автомат, — он стал опускать ладони.

— Руки! Держи их наверху! — приказал Андрей.

— А священник в церкви сам послал нас сюда. Ты должен помнить? Он сказал, что Саша и Коля — здесь, в соборе.

Андрей очень боялся, что Михаил его в очередной раз обманывает и, даже вспомнив обстоятельства разных разговоров, он прогонял их в голове вновь и вновь. Наконец, он

понял, что Михаил не врал как минимум в этом вопросе и опустил автомат, показав красное от обиды и ненависти лицо. Михаилу хватило бы одной секунды, чтобы всадить пулю в того, кто только что держал его под прицелом, но вместо этого он сказал:

— Ты, идиот, своим криком весь гигахрущ сюда сейчас стонишь. Пойдем отсюда быстрее! И убавь яркость фонаря!

Они быстро последовали до ближайшей лестницы и стали плутать в местных коридорах. Михаил несколько раз остановился, слушая темноту. Через несколько минут они добрались до безопасной ячейки и закрыли за собой дверь. Андрей к тому моменту понимал, насколько глупо он поступил и чувствовал стыд.

— Там не было Коли, — первый начал он, — и в церкви его не было. Он даже не у чернобожников.

— С чего ты взял? — сквозь зубы спросил проводник — теперь уже он чувствовал себя под контролем злости.

— Мне Чернобог сказал. Я говорил с ним. И он мне сказал, что моего сына у них не было.

В злых глазах появилось сомнение, Михаил покачал головой.

— На молитву ходил?

— Ходил. Вчера утром.

— И вселенную видел, и с Богом разговаривал, да?

— Видел вселенную вчера, — суетливо отвечал Андрей, — и Бога видел вчера. А разговаривал с ним сегодня.

— Видел ведь трубы над тронем? Это орган называется — они через трубы воздух прогоняют, который мешают с дисперсной слизью. Черной слизью. Вы там все обдолбались самосбором, — он скривил губы. — Вот ты и говорил с Богом.

— Нет, — после раздумий ответил Андрей. — Вчера, может быть, да, а сегодня — нет. Меня взяли там и отвели в комнату пыток, в клетку посадили. А потом пришел Он. Весь черный, здоровенный, под потолок ростом, даже глаза черные. И говорил он... — он боялся озвучить мысль. — Говорил со мной, не открывая рта. И с другими также. Они слышат, а я нет. И еще он... Одного чернобожника убил — тот просто упал и истек кровью. Мне кажется, он его своей мыслью. А меня он отпустил.

Чем дальше говорил Андрей, тем сильнее опускались брови на глаза Михаила. Вспоминая свой опыт молитв в главном зале и того, что на их глазах делал Чернобог, он понимал, что собеседник, скорее всего, не врет и говорит то, что видел уже в относительно трезвом состоянии. Но последние слова перечеркнули достоверность.

— Отпустил тебя, да? — с усмешкой на лице произнес Михаил. — С чего это?

— Я не знаю. Он говорил со мной. Как-будто уже видел меня раньше и знает. И по отчеству меня назвал — Андрей Викторович.

— Он умеет в голову залезать.

— Я так и понял, но я, кажется, не думал о своем отчестве. Да и зачем мне о себе по отчеству думать?

— Ну-ка, расскажи все по порядку с самого начала и не суетись, — приказным тоном произнес Михаил.

Андрей как мог в деталях поведал ему всю историю с того момента, как их заселили в ячейку до того, как Черный Бог выпустил пленника из клетки. Тот внимательно слушал рассказ и почти не прерывал его вопросами. Когда Андрей закончил, Михаил сохранял

молчание, думая о том, что услышал.

— Так где может быть мой сын? — произнес Андрей.

— Я откуда знаю? Ты сказал, что он из дома убежал? Говоришь, пришел домой...

— Да, домой из пищеблока, а на моем этаже самосбор и дверь открыта.

— Постой... — Михаил вновь нахмурился. — Ты раньше не говорил про самосбор.

— Разве? — Андрей вновь окунулся в воспоминания, но мысли путались друг с другом. — На пути в ячейку был сигнал самосбора, и я укрылся выше. А когда пришел, дверь была открыта, там везде кровь и следы самосбора. И ликвидаторы их жгли. А потом мне их старший сказал, что Коля с Сашкой общался, а Сашка к чернобожникам ушел. И мой сын тоже.

— А когда ушел то?

— Ну вот когда я за концентратом ходил.

— До или после самосбора? Они не сказали?

— Нет, — глупо ответил Андрей, хлопая ресницами.

— А ты и не спросил?

— Нет...

— А может он и не ушел никуда, а на самосбор решил глянуть?

— Да нет, я же его учил...

— Учил-не учил, — перебил его Михаил, — а люди каждый день открывают, чтобы с иными во время самосбора поговорить, — он несколько секунд строго глядел на Андрея, но потом поменялся в лице. — Вообще странно, конечно.

— Что именно?

— Что тебе не сказали, когда он ушел — до или после. Или во время, — он задумался. — Пацана в любом случае можно было выловить, потому что далеко он уйти не мог. Может его самосбор забрал?

— А они откуда могут знать?

— У тебя терминал есть? — со вздохом спросил Михаил.

— Конечно, я же тебе писал.

— Все терминалы в жиличках подсоединены к гермодвери. Ликвидаторы знают с точностью до секунды, когда твой сын открыл дверь.

Михаил завис на несколько секунд, думая о том, что ему только что сказали и обрывках беседы с черным божеством.

— А зачем они... А почему они...

— Я не знаю! — рявкнул Михаил. — Ты мне лучше скажи, где мой сын?

Андрей похлопал себя по карманам и молча достал скомканное послание Сашке. Он думал о том, что ответить.

— Ну?! — почти закричал проводник. — Ты забыл?! Забыл ведь!

— Нет, — Андрей сухо сплотнул, — я спросил у Черного Бога. Попросил, чтобы Сашку отпустили со мной.

— И что?! — Михаил начинал терять контроль над эмоциями.

— Он сказал... — губы Андрея дрожали. — Что Сашка... остался там. В церкви. В соборе его не было.

— Ты врешь!.. — прошипел в ответ разъяренный мужчина.

— Нет! Они прочитали это письмо! И знали, что ты рядом с собором прячешься. Сказали, что вот-вот тебя поймают. И даже поняли, кому письмо. Но Черный Бог сказал, что

Сашка там — в церкви.

— Проклятье! — Михаил схватился за волосы. — Да ведь ее под зачистку... Он не сказал, церковь всю уничтожили или нет?

— Не говорил... — Андрей опустил руку со скомканным посланием и отвел взгляд.

— Проклятье! — вновь выругался Михаил. — Видать, они, наконец, решили взяться за чернобожников. Сначала церковь, потом собор.

— А что собор?

— Я тебя пока ждал сегодня утром, услышал звук двигателя и гусениц. Подошел поближе, понял, что ликвидаторы. Подогнали технику. То ли к блокаде готовятся, то ли к штурму. Я думал, не дождусь тебя.

— А сейчас они где? — спросил удивленный Андрей. — Когда я уходил, там все было тихо.

— Не знаю. Может, готовятся. Им надо оцепить собор. В любом случае нам здесь нельзя задерживаться.

Михаил, заметно нервничая, ходил по комнате из угла в угол. Затем резко сел на стул и обхватил голову руками.

— Проклятье... Это же было в прошлом цикле. Там уже все побывали... — вслух рассуждал он. — Почему сразу туда не сходил? Упущение... — Михаил несколько секунд просидел молча, потом резко спросил. — Сколько еды у тебя осталось?

— Не помню, — Андрей начал стягивать лямки вещмешка.

— Не смотри! Не надо! — он отмахнулся. — На пару дней и у меня хватит, а там, если что, поголодаем. Это даже полезно.

С этими словами он вскочил и вновь стал беспокойно расхаживать по комнате. Потом остановился и впился взглядом в собеседника.

— Сейчас пойдем напрямик в церковь. По тоннелю.

— По какому тоннелю? — Андрей почувствовал укол страха.

— Между церковью и собором тянется автомобильный тоннель. Он отсюда этажей на двадцать ниже. Прямой путь до церкви. Сэкономим полдня минимум.

— Это же крайне опасно, — с испуганным лицом произнес мужчина, — а если самосбор? Он там все зальет!

— Каждые пару сотен метров там технический выход на близлежащие этаж. У нас будет время подняться и найти укрытие.

— Это безумие!

— Это действующий тоннель. По нему чернобожники осуществляют связь с постами на нижних этажах. Поэтому опасности там не больше, чем в этих коридорах.

С недоверием в глазах Андрей смотрел на проводника, который предлагал пойти навстречу самосбору. Он еще раз сухо сглотнул.

— Я согласен идти с тобой, — неуверенно начал он, — но при одном условии.

Михаил остановился и медленно поднял глаза на собеседника. Бывалому проводнику очень не нравилось, когда ему ставили условия. Тем более такие мелкие люди, как его собеседник.

— Я согласен пойти в церковь. За твоим сыном. Но только если ты пообещаешь... помочь в поисках моего.

Невозможно было понять, о чем думал Михаил в те несколько секунд молчания, за которые в его глазах промелькнули сразу несколько мыслей. Что бы то не было, он кивнул.

— Договорились, — он еще раз кивнул. — Я помогу. А теперь надо идти.

— Но сейчас, — Андрей проверил часы, — почти двенадцать! Мы не будем ждать утра?

— Нельзя. Ликвидаторы сейчас создают кордон вокруг собора. Если прождем — можем не выйти.

— Но тоннель они тоже заблокируют?

— Несомненно. Но мы пройдем несколько блоков отсюда и только потом спустимся. Там их быть не должно. Собирайся на выход! — снова раздавались приказы. — И не вздумай открыть рот без дела! Тут сейчас все кишит чернобожниками и ликвидаторами.

Они покинули ячейку и быстрым шагом двинулись в сторону тоннеля. В походке, движениях и жестах Михаила ощущалось напряжение. Он часто останавливался, внимательно слушал темноту, оглядывался и менял направление, если ему что-то не нравилось. Андрей, хоть ничего не слышал, но полностью доверялся опытному проводнику. Иногда он чувствовал страх от неизвестности и мыслей о том, что сейчас на этих этажах идет подготовка к полномасштабной бойне. Но гораздо больше его голова была занята недавним разговором с Черным Богом, встречей с Александром и мыслями о том, почему он соврал тому, кто вел его по бесконечным этажам темного гигахруща.

18. Крики в тоннеле

Один лишь Михаил знал, куда они идут — мужчины то поднимались, то опускались, шли вперед, возвращались и делали крюк. Выжидали на лестничных площадках и перекрестках коридоров, вслушиваясь в происходящее вдали. Андрей действительно услышал мерный гул работающего двигателя откуда-то издалека и представил себе технику, которую ликвидаторы гнали по узким коридорам. Через пару часов волнообразного пути они вышли на лестницу и пошли прямо вниз этажей на десять, затем прошли еще несколько минут по коридору и оказались возле тонкой железной двери с желтым знаком на ней — черным треугольником и опоясывающим его сверху полукругом.

— Пришли, — прошептал Михаил и взялся за ручку.

— Подожди, — остановил его Андрей. — Сколько отсюда идти до церкви?

— К вечеру точно придем.

— Я не выдержу, — признался мужчина. — Я голоден и очень устал. Мне надо выспаться.

Михаил недовольно поморщился и огляделся, затем махнул рукой. Они укрылись за гермодверью и оба поочередно скинули вещмешки, чтобы достать еду. Когда Андрей открыл пакет концентрата, Михаил положил перед ним красную таблетку.

— Когда доешь, съешь это. И обязательно запей большим количеством воды.

— Что это?

— Поможет тебе бороться с усталостью в течение минимум 12 часов. Спать не захочешь.

С недоверием покосившись на таблетку, Андрей взял ее в руку и покрутил.

— Другого выхода нет, — объяснял Михаил. — Ждать нельзя.

Они быстро поели минут за пять и, собираясь в путь, проводник дал последние инструкции, которые совершенно не радовали Андрея.

— Тоннель — опасное место. Если наткнемся на чернобожников, в особенности их машину — сразу стреляем и отходим до технического выхода. В случае самосбора то же самое. Всегда держим в голове ближайшую дверь наверх. Если самосбор зальет тоннель, придется обогнуть через верхний этаж. Будет дольше, но безопаснее.

— А если он целиком его зальет?

— Просто надо будет дольше идти.

— А монстры? — Андрей боялся этого вопроса. — Там есть обезьяны или кальмары?

— Кого там только нет, — совершенно спокойно ответил Михаил и улыбнулся, не понимая, какие чувства вызывает внутри собеседника. — Поэтому ухо остро, максимум внимания на то, что происходит спереди, сзади и по бокам.

За время пути от собора у Андрея накопилось изрядное количество вопросов и тем, которые он хотел обсудить с Михаилом, но тот не дал ему такой возможности, указав на выход. Они вернулись до двери со знаком тоннеля и открыли дверь. Мужчины спустились по редкой для гигахруща лестнице, в которой было всего две двери — одна вверху, вторая в самом низу с несколькими площадками между ними. Перед нижней дверью Михаил постоял с минуту, оценивая опасность, потом потянул ручку и они попали в тоннель.

Андрей впервые в жизни был в подобном месте. Метров шесть в ширину и четыре в высоту тоннель тянулся бесконечно в обе стороны, насколько позволял видеть свет фонаря.

Разделенный пополам белой полосой, он позволял двигаться машинам в обоих направлениях, а со стороны двери была зона для людей на небольшом возвышении по сравнению с дорожным полотном. Идя за Михаилом, Андрей светил под ноги, рассматривая темные полосы от колес, оставленные неизвестным транспортом. Его проводник в это время не терял времени — он водил светом фонаря по стенам и потолку. Там вдоль всего тоннеля тянулись трубы вентиляции и, кажется, воды, связки проводов и крепления неработающих ламп. Выход на верхний этаж можно действительно было встретить каждые метров двести или триста. Помимо них, встречались двери побольше — метра три в высоту, наверное, для машин. Но все они были закрыты, а Михаил обращал на них внимание только если те были приоткрыты. Еще реже встречались перекрестки, которые ровно перпендикулярно упирались в тоннель, являя такие же бетонные дали по обе стороны.

Примерно через час ходьбы оба мужчины вздрогнули, услышав далекий звук, донесшийся эхом из глубины тоннеля за ними. Они оба направили свет фонарей в сторону, откуда пришел этот далекий грохот. Чувствуя, как колотится сердце, Андрей с ужасом вглядывался в темноту. Полминуты спустя Михаил просто повернулся и, ускорившись, продолжил путь.

— Оружие к бою, — негромко сказал проводник и сам перевел автомат в режим готовности.

Он оглядывался каждые двадцать-тридцать шагов, высматривая сзади движение, но ничего кроме обволакивающей тьмы там не было.

— Смотри! — со страхом в голосе прошептал Андрей, указав на автомобильную дверь впереди — одна створка была выгнута наружу с рваными следами когтей. — Что за чертовщина?

— Заткнись, — скомандовал проводник, освещая поврежденные ворота.

Сзади вновь слышались звуки, но уже другие — оттуда шли возня, шорохи, какой-то писк и все это было далеко, но эхо, повторяющее одно и то же несколько раз, вселяло ужас. Андрей вдруг вспомнил видео игру его сына и монстров, которых можно было встретить на экране телевизора.

— Мой сын играл в «Ликвидаторов»... — начал он, планируя спросить проводника о размере чудовищ, которые могут обитать в таких пространствах.

— Заткнись, идиот, — прошипел Михаил и вновь оглянулся. Прямо в тот момент они услышали нарастающий рев нескольких нечеловеческих голосов, эхом преследующих путников. — Проклятье...

— Что? — Андрей побежал вслед за проводником. — Что там?

— Обезьяны! — на бегу отвечал Михаил. — Стая обезьян, черт бы их побрал!

Он первым бежал по тоннелю, останавливаясь каждые метров тридцать, чтобы осветить пространство позади. Андрей сначала повторял за ним, но он и так отставал от Михаила, поэтому он стал просто бежать, пока его спутник проверял наличие погони. Хор голосов вновь оглушил страхом — такой одновременно человеческий и нечеловеческий он проник под одежду и прикоснулся к мокрому телу.

— Быстрее, сука, быстрее! — поторапливал Михаил. — Осталось метров пятьдесят.

Андрей чувствовал, как тяжелеют ноги от страха и усталости, как бешено стучит сердце.

— Не успеем!.. — прошипел мужчина, грязно выругавшись матом.

Уже был слышен топот лап и рык обезьян, преследовавших добычу. В свете фонаря показалась дверь наверх.

— Не успеем... — повторил Михаил, но уже более обреченно. — Придется их встретить! — выпалил он и остановился. Вдалеке уже появились стремительные очертания чудовищ. — Прижмись к стене! Когда подойдут, стреляем!

Они вскочили на бордюр и прижались к стене, направляя дула автоматов в темноту, которая медленно рождала стаю обезьян. Одна, вторая, третья... Их было больше десяти и уже сверкали их тупые бездумные глаза. Послышался крик одной обезьяны, который подхватили еще несколько. До них оставалось метров сто. Потная рука дрожала. Михаил опустил на колено.

— Слышь, идиот! — громко и четко обратился он к спутнику. — Не пальни мне в голову! Обратный отсчет пошел! Пять... Четыре... Три... — он вдруг осекся.

До обезьян оставалось метров сорок, когда позади стаи послышалось еще что-то. Еще один рык, но не обезьяний, а более глубокий, громкий. И топот. Но уже более тяжелых ног, которые тяжело стучали по бетонному покрытию.

— Стой, не стреляй! — приказал Михаил.

Андрей ощутил дрожь в пальце на курке, которую тяжело было контролировать. Хотелось выжать курок до упора и расстрелять мерзких существ. Но Михаил, убрав автомат от плеча, наблюдал за обезьянами, которые бежали параллельно стенам и даже не думали атаковать двух человек. За несколько секунд они достигли путников, но продолжили бежать дальше, попутно издавая пугающие крики.

— Они убегают!.. — Михаил замолчал на мгновение. — Проклятье! Бежим!

Он вскочил и, развернувшись, налетел на Андрея. Тут же выругался и, не оборачиваясь, побежал вслед за обезьянами. Второй мужчина на ватных ногах бросился вдогонку, тяжело дыша. Разрыв между ними увеличивался, а тяжелые удары чьих-то ног сзади наоборот приближались. По тоннелю вновь разлетелся ужасающий гортанный рык. Обезьяны в свете мелькающего фонаря ответили недружным криком. Михаил уже достиг заветной двери и положил руку на ее ручку. Андрей слышал, как двигались конечности монстра. Дверь открылась. Осталось метров десять. Семь. Пять. Михаил исчез внутри, оставив проход открытым. Три. Два. На последнем издыхании Андрей буквально залетел внутрь оставив проход открытым и, чувствуя резкую боль в груди, споткнулся и рухнул на пол. С лицом, изуродованным страхом, он набрал в легкие воздуха, приготовившись кричать, и обратил обреченный лик к выходу. Безумных размеров чудовище грохотало ударами ног, готовясь разорвать жертву.

Оно лишь на мгновение промелькнуло в проходе, заслонив собою вид тоннеля и умчалось дальше в погоне за стаей обезьян, чьи крики еще доносились эхом с полминуты. Громыканье неизвестного чудовища становилось все тише и тише, пока не смолкло совсем. Андрей выдохнул и распластался на полу, пытаясь восстановить дыхание. Тяжелые вздохи становились легче, чаще и мужчина вдруг залился тихим истерическим смехом. Сверху послышались шаги по ступеням. Когда Михаил спустился вниз, его спутник с мокрыми штанами нелепо шевелил конечностями и тихо всхлипывал. Автомат лежал рядом с ним, направленный фонарем на открытый проход. Перешагнув через тело, Михаил аккуратно выглянул в тоннель, огляделся, затем закрыл дверь и посмотрел на Андрея.

— Ну что, нюня, обоссался? — спокойно спросил тот. — Придется внеочередной привал устраивать. Вставай давай! У меня, кажется, успокоительное было.

19. Великая Хтоня

Сидя в ячейке прямо над тоннелем, Андрей смотрел на руки, которые дрожали все меньше и меньше после того, как он принял таблетку. Спокойствие возвращалось к нему после нервного срыва, когда даже подъем по лестнице показался непреодолимым препятствием. Михаил буквально затащил его на верхний этаж и скинул на пыльный диван в одной из комнат. Засунув в рот своему спутнику таблетку, он насильно залил воды, отчего Андрей поперхнулся и брызнул водой из носа. Минут через десять он уже был способен сам подняться с кровати и предпринял попытку встать.

— Сиди пока, — скомандовал Михаил, сидя на стуле напротив. — Рано еще. Минут десять надо подождать.

— Ладно, — тихо ответил Андрей и прилег обратно, вспоминая обстоятельства недавней встречи с соседями людей по гигахрущу. — Кто это был там?

— Большой который?

— Да.

— Я не успел разглядеть, как следует, — буднично ответил Михаил, — но, судя по месту обитания и размерам, и тому, как передвигается, напоминает минотавра.

— Минотавр? Что это?

— То, что ты видел, идиот, — огрызнулся Михаил. — Здоровенная и опасная тварь. Нам повезло, что он повстречал стаю обезьян. Нас бы он размотал по бетону без всяких усилий, — он призадумался. — Я помню, читал отчет от первых живых свидетелей после встречи с этой тварью. Из усиленной разведывательной группы в двадцать человек осталось двое. Такое чудище вот этим, — он приподнял автомат, — не возьмешь. Нужно тяжелое вооружение. Поэтому в автомобильные и железнодорожные тоннели без гранатометов лучше не соваться. Собственно после первых свидетелей мы и стали выходить в дальние вылазки с чем-нибудь помощнее.

Андрей на несколько секунд задумался.

— А почему мы пошли без гранатометов?.. — тихо спросил мужчина.

— Чтобы дойти быстрее, — огрызнулся Михаил, повысив голос.

Его компаньон несколько минут лежал молча, понимая, что спросил глупость. Потом решил возобновить разговор, чувствуя напряженное молчание.

— Ты был в этих тоннелях?

— Конечно, был. Когда в ликвидаторах служил, мы в каких только местах не бывали.

— И там есть машины и поезда?

— Машины есть, но немного. Их ликвидаторы используют.

— А поезда?

— Тоже есть. Но с ними та же ситуация — их не так много.

— Так значит, и правда есть такие пути, которые через весь гигахрущ идут.

— Ага, — ухмыльнулся Михаил, — и ведут они к выходу из гигахруща, — заметив, как на него посмотрел собеседник, он уточнил. — Это шутка. Я на начальных и конечных станциях не бывал, поэтому не могу сказать. Но сомневаюсь, что они полностью пронизывают гигахрущ. Даже у магистральных лифтов есть нижний и верхний этаж в пределах общежития, а потом надо до нового лифта идти.

Лежа на диване, Андрей представлял нити, идущие сквозь блоки и этажи, которые

тянулись бесконечно высоко и далеко.

— Почему их не используют? — вдруг спросил он.

— Я же сказал, что их используют.

— Нет, не ликвидаторы. А, например, мы с тобой?

— Их мало, — повторил Михаил. — И, я думаю, есть сложности с обслуживанием и топливом для них. Поэтому люди больше на своих двоих.

— Можно было бы сесть здесь в машину или поезд, — мечтал Андрей, — и через десять минут оказаться там, где надо. А не идти целый день.

— Ага, — на лице собеседника возникла кривая улыбка, — чтобы полный поезд людей заехал прямиком в самосбор. И оттуда прямиком в заводскую печь, чтобы ликвидаторы не теряли сотрудников при зачистке, — он усмехнулся. — Да и потом, думаешь таких как мы — путешественников — много? Или по-твоему жители гигахруща туда-сюда путешествуют? Бред какой! — он снова усмехнулся. — Хватит мечтать! Время идти!

— Куда?

— В церковь.

— По тоннелю?! — в глазах Андрея появился ужас.

— По тоннелю, где еще?

— Но ведь там же этот... — он пытался вспомнить название чудовища. — Огромный!

— Там огромный, а здесь поменьше, — уже стоя отвечал Михаил. — Там — минотавр, здесь — обезьяны, грешники, щупальца, а над всем этим — Великая Хтоня.

— Что за Великая Хтоня? — переспросил Андрей, еще не отошедший от последней встречи.

— Ну, помнишь, ты читал дневники там на заставе? Он еще писал о том, как дрожали стены, а потом отправили вниз разведгруппу, а там — тоннель то ли тридцать, то ли пятьдесят метров в диаметре? Вот это и была Великая Хтоня. Огромный червь, который пожирает гигахрущ и ничего после себя не оставляет.

— Его видели? — спросил Андрей с округленными глазами.

— Нет, — поправляя лямки ответил проводник. — Кто же его увидит, если он по десять этажей сжирает? Бетон, железо — все жрет. Думаю, людей он даже не замечает. Говорят, рано или поздно Великая Хтоня весь гигахрущ сожрет и ничего больше не останется.

Лежа на диване, мужчина уставился в потолок, представляя себе монстра такого размера, что за раз может съесть целый блок и почувствовал, как по телу бегают мурашки. Поиски его собственного сына — то, что было главной целью его жизни — вдруг показались такими же незначительными, как пылинка на столе, а недавние чернобожники вдруг стали такими близкими и понятными людьми. Он вспомнил черного великана, который общался с ним силой мысли.

— Михаил, — начал Андрей.

— Ну?

— Ты думаешь, Черный Бог сможет остановить Великую Хтоню?

Его собеседник сначала усмехнулся, а потом впервые за все время рассмеялся так, что Андрей начал опасаться за него. Через полминуты Михаил успокоился и утер глаза.

— Ребенок сможет остановить минотавра, как думаешь? Вот и с Чернобогом также, — он серьезно взглянул на лежащего. — Потому что никакой он не бог.

— Но ведь он... — начал Андрей, вспоминая то необъяснимое, на что был способен великан с черными глазами. Пока тот подбирал аргументы, заговорил его проводник.

— Ты мне помнишь, что рассказывал про пыточную? Как он там подошел и по терминалу стал стучать. Думаешь, боги используют клавиатуры, чтобы быть на связи?

Его собеседник слегка поразмыслил и даже усмехнулся от обозначенного факта и того, что это не пришло ему самому на ум. В тот момент в соборе Андрей все еще находился под сильным действием черной слизи и не смог сразу понять, что его зацепило в той сцене с терминалом.

— Пожалуй, нет, — наконец ответил Андрей. — Не используют.

— Вот и я о том же. Это просто огромный мутант, который пристрастился и приспособился к черной слизи. А все эти способности... В гигахруще и не такое увидишь, — он некоторое время помолчал. — Я же говорил тебе, что у них там все так. Не жиличейка, а келья, не книга, а свиток. Вот и здорового мутанта считают богом, потому что он может тебе в голову залезть и силой мысли убить. А по факту обыкновенный урод, — заключил Михаил. — Который своих прихлебателей последствиями самосбора подкармливает и обещает вселенную. Чушь все это. Я поэтому от них и ушел.

— А Великая Хтоня — это что? — спросил Андрей в надежде услышать такое же простое объяснение, которое бы успокоило его воображение и страхи.

— А Великая Хтоня... — начал было проводник и задумался. — Это начало конца. И напоминание о том, что всех и вся рано или поздно сожрут, — он недолго молчал с задумчивым видом, затем добавил. — Хотя, может, ее и не существует вовсе.

— Подожди, а как же дневник ликвидатора? И та запись про тоннель?..

— Так черт его знает! — Михаил раздраженно отмахнулся. — Может и нет ее. А Хтоню выдумали, чтобы как-то объяснить эти дыры в гигахруще. Видано ли: возвращаешься домой после смены, а там вместо твоего блока дыра зияет в десять этажей! Кто на такое способен? Только Великая Хтоня.

Комната погрузилась в тишину. Пару минут спустя Михаил встал со своего места и жестом указал спутнику делать то же самое.

— Руки у тебя проши, так что время выходить, — он наблюдал за тем, как Андрей без всякого желания медленно поднимается. — Ну быстрее! Полдня так кряхтеть будешь.

Вскоре они вновь шли по автомобильному тоннелю вниз. Они останавливались возле каждой двери, чтобы прислушаться к тому, что лежало впереди. Никаких признаков обезьян или минотавра не было. Над ними иногда завывали протяжным гулом вентиляционные трубы, из-за чего Андрей тормозил проводника и указывал на потолок. Но Михаил лишь отмахивался от испуганной физиономии спутника. Километры бетонной дороги тянулись монотонно, лишь изредка прерываясь перекрестками и гаражами с указанными на них номерами и выцветшими табличками организаций..

Через несколько часов после встречи с минотавром им на глаза попался автомобиль. Михаил хотел просто пройти мимо, но Андрей попросил его подождать — то была первая машина в его жизни. По отдельности он видел колеса, двигатель, даже несколько кабин на переработке вторсырья, но вживую — нет. Он обошел технический артефакт, заглянул в синюю кабину и залез в деревянный кузов, где стояли несколько давным-давно опустошенных ящиков. Посветив фонарем, он прочитал наклеенную на стенку деревянного ящика надпись «Осторожно! Хрупко! Доставить в НИИ».

— В НИИ Слизь везли! — оповестил равнодушного спутника Андрей. — Интересно почему на таком низком этаже?

— Пошли давай, исследователь! — бросил Михаил и, не дожидаясь ответа, зашагал

дальше.

Когда часы показали два часа дня, в тоннелях вновь возникли непонятные звуки, шедшие откуда-то из глубины, поэтому Михаил принял решение подняться на этаж выше и устроить привал. Когда безвкусная паста из пластикового пакета оказалась в желудке, проводник дал Андрею еще одну красную таблетку.

— На всякий случай, чтобы на полпути не лишиться сил, — объяснил Михаил и сам закинул себе в рот одну такую же.

Отдыхая за кухонным столом при свете фонаря, Андрей осматривал помещение заброшенной кухни, где не осталось совершенно никаких следов человеческой жизнедеятельности. Он вспомнил предыдущие остановки и им вдруг овладела жестокая тоска от осознания того, что гигахруц тянулся одинаковыми бетонными стенами и перекрытиями, и все вокруг было одно и то же. И было это все бесконечным. Он вздохнул, думая об этом и обратился к проводнику:

— Так ты думаешь, у гигахруца есть границы?

— Не знаю, — сухо ответил Михаил и мотнул головой. — Мне об этом не сообщали.

— Но ведь он должен быть. Есть ведь конец комнаты, конец коридора, лестницы. У всего есть конец.

— Ты меня этой чушью не грузи, — он отмахнулся. — А то дойдем до разговоров о небе и солнце.

— Так ты думаешь, их нет?

— Я их не видел, вот что я думаю, — грубовато отреагировал Михаил. — Ты вот их видел?

— Нет, — Андрей призадумался, — но ведь откуда-то это взяли? Кто-то, значит, видел когда-то и небо, и землю.

— Ага, — собеседник сначала ухмыльнулся, а потом продолжил с серьезным видом. — Кто-то знает кого-то, кто слышал, что на его прошлой работе был сосед человека, в ячейке которого было окно, откуда это все было видно. Слышали, знаем. Ты брось эти мысли — вот мой тебе совет. Ты только что из собора, но еще не понял, откуда все эти вселенские мысли растут?

Андрей вспоминал молитву и то, что с ним было всего на второй день пребывания в соборе, когда он, пускай, ненадолго начал мыслить категориями и понятиями чернобожников. И пока тот думал, его напарник продолжил.

— Тебе просто тяжело от того, что жизнь идет сутками — одни, вторые, третьи, седьмые. Цикл! Первый, второй, третий... Гигацикл! А перед глазами одни серые стены, монотонный труд и никаких перспектив. И все это сопровождается болью, утратами. Сегодня твой сосед умер, завтра сослуживец, послезавтра члена семьи что-нибудь убьет. Я читал об этом в ликвидаторских пособиях. Ничего нового нет, организм стареет, болезни лезут, смерть неизбежно приближается. Поэтому человек начинает искать выход из этой ловушки в том, чего нет, — он ненадолго остановился. — Вот сейчас я поднажму и окажусь на верхних этажах, где жизнь лучше. А если избавлюсь от безбожных мыслей и приму Чернобога, то жизнь станет благодатью. А где-то там, через сто стен вообще есть выход, где нет тусклых ламп, а ярко светит солнце, — на последнем слове он ухмыльнулся. — Жить надо здесь. И способы жить надо тоже искать здесь.

— Тебе сколько гигациклов? — спросил Андрей, из-за чего на лице собеседника появилось недовольство.

— Сорок пять, кажется. Я не помню. А что?

— Я просто говорил с Чернобогом, — он вспомнил их беседу, — и он мне сказал про возраст вселенной. Он сказал, что она — ровесник моего сына. То есть ей шестнадцать лет.

— И что? — он вновь поморщился.

— Просто мне стало интересно, — он путался в мыслях. — Сколько вселенной и гигахрущу действительно лет. Я сначала про три гигацикла в дневнике ликвидатора прочитал, потом Черный Бог мне сказал про...

— Сказать он тебе мог, что угодно, — поморщившись, перебил его Михаил. — Они все там мастера душить простых людей. Потом, он мог это сказать образно. Ты ведь ищешь сына? Вот он и намекнул, что вся твоя жизнь — это сын, а ему шестнадцать.

— Мы пока с тобой шли, я пытался вспомнить, — Андрей будто бы не услышал ответа, — прошлые гигациклы. Я могу вспомнить, когда Коля был поменьше. Когда я еще мог катать его на плечах по коридору. А все, что до этого — я не помню. Лишь смутные картинки. Ничего конкретного. Но я встречал людей, скажем, у нас на работе. Которые помнят свое детство. И могут рассказать о том, что было двадцать-тридцать гигациклов назад. А я — нет. И многие, с кем я говорил, не помнят. Отдельные эпизоды из прошлого. Но не могут сказать, когда точно оно было. Ты вот, например, помнишь, что было десять гигациклов назад?

— Я был рабочим на заводе.

— Что за завод?

— Второй бумагоделательный на триста двадцатом.

— А потом что?

— Устал от скуки, перешел в ликвидаторы.

— Ну ладно. А что было двадцать гигациклов назад, ты помнишь?

— Тоже на заводе работал.

— Это точно?

— Скорее всего. Где ж мне еще быть?

— Ну, а детство свое ты помнишь? — не унимался Андрей.

— Что-то помню, — он на секунду умолк, глядя исподлобья, затем раздраженно махнул рукой. — Да отстань ты! Заладил, черт тебя побери! Сколько гигациклов? Десять? Двадцать? — он передразнивал Андрея. — Не устал еще?

— Да я просто хочу понять...

— Я тебе вот что скажу, как бывший ликвидатор! — прервал его Михаил. — Ты замкнулся на этом вопросе о времени. А я вот, что читал: время — это абстракция. Его нет. Гигахрущ есть, а времени — нет. Стены и лестницы стоят, но в них нет никаких минут, часов и циклов. Это просто мы, люди, такое выдумали для удобства, чтобы знать, когда и что делать, — в голосе звучало сильное раздражение, — поэтому времени не придавай никакого особого значения. И о гигациклах не думай. От этого люди с ума сходят. Партия даже декрет издала о том, чтобы все электронные часы в обязательном порядке проходили модификацию.

— Какую? — Андрей округлил глаза.

— Дай сюда свои часы, — он помахал пальцами.

Андрей несколько секунд подумал и нерешительно снял часы.

— Смотри, показывает время, да? — Михаил показал собеседнику циферблат, затем нажал на одну кнопку. — Вот эта настраивает, правильно? — потом нажал на другую

кнопку. — Вот эта секундомер включает, да? — щелкнул на третью. — Вот эта будильник устанавливает. — он нажал на последнюю, но ничего не произошло. — А вот эта что делает?

— Не знаю, она никогда не работала, — Андрей развел ладони в стороны.

— А дело в том, что раньше эта кнопка указывала сутки, циклы и гигациклы. Но это почему-то было причиной душевных расстройств. Поэтому такую возможность убрали. Сейчас часы с указателем гигациклов не найти. А если и есть такие, то их никому не показывают. Я слышал, что иногда их продают по цене нового автомата, но сам даже никогда такие не видел.

Он вернул часы удивленному собеседнику и нервно потер свои ладони.

— Ну и разговоры ты заводишь! — выпалил он. — Аж выпить захотелось!

Михаил покопался в своем вещмешке, достал оттуда бутылку, полную серебрянки и хлопнул ею об стол. Скрестив руки с локтями на столе, он смотрел на жидкость, в которой мелькали яркие серебристые искорки. Покрутив в ладонях бутылку, он просветил напиток в луче фонаря и все-таки убрал ее обратно. Андрей облегченно наблюдал за последними манипуляциями.

— Утомил ты меня! — живо продолжил Михаил. — В тоннеле даже не смей ко мне обращаться, уяснил?

Андрей утвердительно кивнул. Они собрались и продолжили путь.

20. Претенденты на власть

Шорохи, стуки и крики из глубины тоннеля заставляли напряженно озираться, останавливаться и вслушиваться в невидимый мир бесконечного гигахруща. Андрею казалось, что после каждой такой остановки Михаил слегка ускорялся и через пару часов одежда на спине была насквозь мокрая. Андрей даже не думал заикнуться о привале, потому что чувствовал, как по мере приближения к церкви менялось настроение его проводника. Он становился хмурее, задумчивее, а в глазах мелькала злоба.

В определенный момент Михаил, не говоря ни слова, зашел в открытую дверь технического выхода и проследовал наверх. Андрей испуганно огляделся, ожидая увидеть опасность, но тоннель вокруг них дремал тишиной. Последовав на лестницу, он закрыл дверь и понял, почему они свернули с прямого пути — на стенах красовались символы чернобожников. Они поднялись на этаж выше, прошли по коридору и пошли еще на несколько этажей вверх. Там они нашли безопасную ячейку и закрылись внутри гермодверью. Взглянув на часы, Михаил заговорил:

— Сейчас половина десятого, — он скинул рюкзак на кухонный стол, — самое подходящее время для визита на кладбище.

— Кладбище? — переспросил Андрей, стоя возле ванной комнаты в свете собственного фонаря.

— Если церковь ликвидирована, то там сейчас кучи трупов, — мрачно ответил проводник.

— Ночью туда не опасно идти?

— Нет, как раз наоборот, — одновременно он доставал из вещмешка концентрат. — Стервятники с верхних этажей сюда приходят в дневное время, они самые опасные. Хотя все равно стоит быть на чеку. А падальщики из серой зоны предпочтут пропустить нас. Хотя... — он на секунду оторвался от вещмешка. — Есть еще те, кто охотится на падальщиков. Вот их надо точно бояться.

— Это кто? — поинтересовался Андрей, сухо сглотнув.

— Всякие. Которые могут переварить пожирателей мертвечины, — безэмоционально ответил проводник. — Не хочу тебя пугать. Если встретим, потом расскажу. А пока ешь, пей, отдыхай.

Андрей молча кивнул, чувствуя, как внутри просыпается страх — тупой и обволакивающий. Первая встреча с обезьянами сделала его смелее, но минотавр, которого он успел едва разглядеть, придавил желание и готовность сталкиваться с чем-то или кем-то неизвестным. Пробыв пару минут в мрачных раздумьях, он встряхнул головой, отгоняя навязчивые мысли и принялся есть. Однако скоро на место пугающих образов неведомых тварей пришло лицо того, кого Андрей повстречал в Соборе. Вспомнив лицо Саши, он замер на мгновение и перевел взгляд на занятого едой Михаила.

— Зачем они, — Андрей остановился, чувствуя, как его голос предательски задрожал. — Зачем они зачистили церковь?

— Может, не зачистили... — грубо ответил Михаил.

— Но могли?

— Могли, конечно, — он несколько раз кивнул, глядя на открытую консервную банку. — Это было бы логично.

— Почему?

— Все почему, да почему! — резко отреагировал проводник. — Ты точно на заводе работаешь?

— Да, трубопрокатном, — искренне удивился Андрей.

— Потому что чернобожники в последние гигациклы слишком усилились. Поговаривают, что они могут пойти на переворот в гигахруще. На жилых этажах. И установить там свою власть.

— А я ведь... — вспоминал Андрей. — Я когда пришел в собор, там сотни людей были и все вооружены. В комнате хранения и автоматы и пистолеты.

— И гранаты, и пулеметы, — продолжил за него Михаил. — Они — очень серьезная угроза для партии. Видать, верхушка решила действовать.

— Хотят уничтожить чернобожников?

— Если не полностью, то хотя бы проредить их паству.

— И ты говоришь, что ликвидаторы собирались штурмовать собор?

— Думаю, да, — с едой за щекой отвечал Михаил. — Они даже технику не поленились притащить. Может просто оцепить собрались, чтобы не пустить паломников обратно. Не знаю.

Андрей молча оценивал ситуацию, представляя, что может случиться с сыном Михаила, который остался там. Зачистка собора была бы лучшим вариантом для него, чтобы проводник не узнал о сказанной лжи.

— Сколько этих чернобожников в гигахруще? — продолжил Андрей.

— Тысячи и тысячи. Десятки тысяч, — спокойно ответил Михаил. — Целая армия.

— Почему ликвидаторы с ними ничего не делают?

— Я могу только догадываться, — загадочно произнес проводник.

Его любопытный собеседник все ожидал, когда тот продолжит, но в итоге заговорил сам.

— Ну так, почему же? Их можно было бы отловить всех по одиночке. А когда они все вместе, да еще вооруженные.

— Серьезное оружие у них только в пограничных блоках, — Михаил покачал головой, — а внутрь им сейчас, видать, еще тяжело будет пробираться. А если по одиночке, как ты говоришь... — он задумался. — У вас на заводе сколько человек работают?

— Где-то двести.

— Ну вот представь, что будет, если из этих двухсот в один момент не станет двадцать или тридцать.

— Но не может же их быть... — начало было Андрей.

— Так много! — скривился проводник, закончив предложение за собеседника. — А их как раз так много и есть. Может не конкретно у вас, но их очень много. Видать, стало слишком много, вот и зачистили церковь, — он остановился на несколько секунд и добавил: — Или не зачистили.

— Наверное, производству бы очень туго пришлось, — через полминуты заговорил Андрей, представив потерю десятой части его коллег. — Может даже встало бы на некоторое время.

— Вот поэтому чернобожников и не трогают. Во всяком случае умеренных верующих, — он поставил на стол пустую банку и открыл воду. — Можно даже позволить им сходить в собор разок-другой за гигацикл. А вот с послушниками и священниками —

дело другое. Их поголовье надо сокращать, чтобы не натворили чего.

— Ты сможешь узнать, что они сделали с собором? — в ответ послышалось утвердительное хмыканье. — Когда?

— Может даже в церкви. Если там остались целые терминалы.

Андрей вдруг почувствовал легкое головокружение от нахлынувшего на него волнения.

— Что там в терминалах?

— Не знаю, — он отпил из бутылки. — Записи. Видео. Пересыльные списки. Сеансы связи. Отчетность. Точно не знаю, надо будет посмотреть.

Они провели несколько минут в молчании. Проводник размышлял о том, что могло произойти с его сыном, а Андрей в это время ерзал на стуле оттого, что его вранье могло быть вот-вот раскрыто.

— Церковь на несколько этажей вверх, — нарушил тишину проводник. — Там действуем так же, как и прежде. Будь внимателен и осторожен. Прикрываешь мне спину, поэтому осматривайся периодически. Пойдем!

Чувствуя волнение и пульсацию в висках, Андрей смотрел на гермодвери, пустые ячейки, коридоры, лестницы, надписи на стенах, оборванные провода, знаки чернобожников и буквы блоков на стенах. Меньше чем через час они оказались на входе в церковь. Мужчины спокойно шли по центру коридора навстречу двум красно-черным флагам, висящим по обе стороны от двери. Охраны нигде не было, как не было и освещения, хотя лампы под потолком висели целыми. Из глубины церкви слышалось тихое цыканье, словно кто-то ходил на когтях, но Михаил не обращал на это внимания, уверенно двигаясь внутрь. Они шли сквозь жилые блоки, освещая пустые ячейки, в которых еще недавно кто-то жил. Было видно, как люди собирались в спешке — в комнатах на полу лежали опрокинутые стулья, разбитые банки и стаканы. Они обошли несколько блоков и стали подниматься наверх, попутно проверяя этажи.

Первые люди появились на четвертом этаже после входа. На стенах лестницы чернели пулевые отверстия, а прямо перед выходом в коридор распластались несколько трупов в неестественных позах с раскиданными руками и ногами. В груди, ногах, голове зияли дырки со следами запекшейся крови. Чувствуя мандраж, Андрей разглядывал перекошенные лица мертвецов, которые уже набухали и источали отвратительный запах смерти. Михаил при этом действовал деловито — быстро оглядывал тело и, если требовалось, двигал голову ногой, дабы рассмотреть лицо. Чем дальше они шли, тем больше становилось трупов, тем сильнее становились запах гниения. Последовав примеру проводника, Андрей надел противогаз, заглушающий смрад. Почти каждое тело было уже изъедено — подгрызено, покусано, с оторванными конечностями. Падальщики, чуя приближение людей, разбегались в разные стороны и прятались в коридорах и на лестницах. Пропустив мимо себя мужчин, они возвращались к трапезе. В свете фонаря Андрей видел их силуэты — двух- или четырехногие, с редкой шерстью или абсолютно голые, блестящими глазами, совсем мелкие и до метра в длину — они выглядывали из-за угла или наблюдали за опасными существами из глубины гигахруща. Повсюду виднелись следы крови от прошедших боев — пулевые отверстия, черные пятна взрывов с раскиданными конечностями чернобожников, а в одном месте им пришлось делать крюк из-за закупоренного коридора — кто-то кинул пеногранату, заблокировавшую то ли вход для ликвидаторов, то ли выход для церковников. Огромный бетонный шар с неровными, расходящимися в разные стороны лучами, занимал весь коридор от пола до потолка. К удивлению Андрея оружия у трупов совсем не было — его собрали

либо ликвидаторы, либо уже поживившиеся тут стервятники с жилых этажей гигахруща.

Андрей периодически наблюдал за тем, как Михаил тщетно пытается найти среди убитых собственного сына. В попытке подыграть и помочь ему в поисках, он осветил худое тело в углу коридора, которое явно принадлежало подростку — тот был похож на потерянного сына. Михаил почему-то не обратил на тело никакого внимания.

— Ты не заметил? — как можно более тихо спросил Андрей в противогазе. — Вон там лежит.

— Кто?

— Ну... — он пытался подобрать корректные слова. — Там парень молодой.

— Ты думаешь, это Саша? — проводник повернулся, тяжело глядя на собеседника.

— Да, — он сглотнул, вспоминая встречу в соборе, — похож.

— У него же лица не видно, — он мотнул головой в сторону мертвеца. — Откуда тебе знать?

— Там молодой лежит... — чувствуя накатывающий страх, ответил Андрей. — Может он?

— Не, — Михаил мотнул головой. — Мой — выше, — затем повернулся и продолжил путь. Потом тихо добавил. — Не отвлекай меня. Следи за тылом.

Андрей продолжил движение молча, упрекая себя в том, что открыл рот. Страх возобновился, когда в дверном проеме мелькнул поврежденный терминал. Михаил на секунду осветил его и двинулся дальше, проверяя темные помещения.

Блок за блоком, этаж за этажом, они проверили почти всю церковь, побывали в пыточной, библиотеке и оружейной комнате. Повсюду были следы боя, разбросанные и объеденные тела чернобожников, гильзы на полу, черные пятна взрывов, разбегающиеся падальщики и уничтоженные корпуса терминалов связи. Чем дальше они шли, тем спокойнее становилось Андрею — никаких зацепок на след Саши не было. Михаил, кажется, тоже немного просветлел, не найдя среди более чем сотни убитых своего отпрыска.

Когда часы показали двенадцать, они закончили беглый осмотр помещений и проводник решил вернуться в самый центр церкви. Они попали в кабинет главного священника, где еще за пару циклов до этого восседал Артем Павлович. Тот, видимо, остался в живых, потому что его тела они не нашли. Кабинет располагался в обычной жилой ячейке, но напоминал комнату командира заставы ликвидаторов — поперек помещения стоял большой стол с раскиданными по нему и вокруг него бумагами. Михаил зашел внутрь и жестком приказал Андрею остаться снаружи.

— Смотри по сторонам, — тихо произнес тот. — Контролируй оба конца. Я пока здесь посмотрю.

Повесив автомат на плечо, он стал быстро перебирать сохранившиеся бумаги, открывать ящики, поднимать записки с пола. Закончив со столом, он обошел кабинет, внимательно изучил перерезанные провода терминала связи и вышел в коридор.

— Нашел что-нибудь? — подавляя волнение, спросил Андрей, который больше волновался за возможную информацию на бумагах, чем темноту и звуки вдали.

— Ничего, — он разочарованно помотал головой. — Ничего интересного.

— А терминал?

— Его забрали ликвидаторы, — он немного подумал. — Или мразь по имени Артем Павлович.

— Где он? — шепотом поинтересовался Андрей.

— Не знаю. Скорее всего в соборе. Либо ушел в другую церковь.

Михаил с минуту стоял молча, уставившись в пятно света собственного фонаря. Андрей в это время думал, что сказать такого, чтобы вновь не допустить ошибку.

— Где Саша? Он с Артемом Павловичем?

— Трудно сказать, — Михаил пожал плечами. — Сам сейчас об этом думаю. Сомневаюсь, что он бы потащил с собой молодняк в собор. Хотя не исключено, — он поднял на собеседника задумчивый взгляд.

— А посты? — спросил Андрей. — Может он ликвидаторов встречал?

— Нет, — он мотнул головой. — Он не умеет обращаться с оружием, его бы не отправили. Там одно из двух... — он вновь погрузился в мысли. — Либо эвакуировался в другую точку чернобожников. Либо... его взяли ликвидаторы. Хотя мне бы сообщили, наверное. Странно все это.

— Зачем он ликвидаторам?

— Как зачем? — после нескольких секунд молчания ответил проводник. — На коррекцию. Или утилизацию.

Андрей не стал больше ничего спрашивать, а лишь стал дожидаться дальнейших действий Михаила. Тот еще с минуту молча стоял на том же месте, прогоняя в голове какие-то мысли. Затем, будто очнувшись, взглянул на Андрея и мотнул головой в сторону выхода.

— Пойдем. Тут больше нечего ловить.

Покинув помещения, исписанные цитатами из священных книг и изуродованных кровью и пулевыми отметинами, они двинулись в сторону жилых этажей. Вскоре после выхода они сняли противогазы и шли с покрасневшими от резины лицами. Действие таблеток давно закончилось и Андрей чувствовал, как на него все сильнее давили усталость и желание спать. С другой стороны он ощущал легкость от того, что его легенда сохранилась. Глядя вслед проводнику, он позволил себе улыбнуться — он не представлял, как бы искал Колю один.

Оставшееся время до утра они провели в ячейке недалеко от стояка-выхода на жилые этажи. Когда гермодверь закрылась, Андрей сел на старый диван и заглянул в вещмешок — еды не осталось. Он хотел было попросить у проводника, но тот сидел на стуле в углу с таким видом, будто пытался решить важную задачу. На удивление, тот не стал доставать бутылку с алкоголем. Разглядывая Михаила, Андрей уснул, но через несколько часов пробудился от звука будильника на часах. Проводник все так же сидел в углу и, казалось, даже ни разу не пошевелился. Андрей достал бутылку воды, вылил ее в ладонь и протер затекшее уставшее лицо. Шевелиться от проделанного пути было тяжело из-за тяжести в ногах и спине. Обтерев лицо рукавом, он почувствовал на себе взгляд Михаила. Тот смотрел из угла красными от усталости глазами. От продолжительного взгляда Андрею стало не по себе — Михаил будто-бы чувствовал, что его обманули.

— Чего? — прервал тишину Андрей.

Проводник не ответил сразу. Все так же сверля взглядом собеседника, он молчал.

— Мне надо будет навести справки, — наконец произнес он. — По поводу атаки на церковь и выживших. Потом решим, что делать дальше.

— А мне? Что мне делать с Колей?

— Я уже говорил. Свяжись со службой ликвидаторов. Спроси у них, когда точно открылась гермодверь. В зависимости от их ответа будем думать, — он вновь задумался. — Автоматы оставим здесь под ванной.

— А если украдут?

— Купим новые. Ты это... Талоны не трать особо. Очень скоро они могут вновь понадобиться. Либо на оружие, либо на информацию. Уяснил? — его собеседник кивнул. — Возвращаемся на жилые этажи и живем дальше как обычно. Ходи на работу, глупости не делай.

— Какие, например?

— Любые. Языком не трепли, — в голосе послышалась злость. — А то знаю я вас. Пороху нюхнете и в героев превращаетесь!..

— Нет, я не буду! — поспешил заверить его Андрей.

— Поднимаемся наверх, дальше идем порознь, — продолжил инструктировать Михаил. — Вопросы есть? — собеседник немного подумал и отрицательно помотал головой. — Тогда давай сюда автомат. Спрячем его. А дальше на выход.

Спустя полчаса Андрей с уставшим видом одиноко брел по освещенным коридорам гигахруща навстречу работникам и служащим, которые почти не обращали внимания на мужчину с вещмешком. Глядя на других обитателей общежития, Андрей вдруг поймал себя на мысли, что эти незнакомые лица почему-то навевали на него еще большее одиночество, чем пустые неосвещенные коридоры серой зоны. Перед глазами возникло лицо сына. Поправив лямку, он ускорился.

21. Особо важное лицо

Закрыв гемродверь своей ячейки, он обессиленно рухнул на диван. Просидев несколько минут, он вдруг почувствовал стойкий вонючий запах, на который до этого совершенно не обращал внимания. Он не мылся неделю и вся одежда пропиталась потом, который местами оставил на одежде белые разводы. Надо было сходить в душ, но его давили усталость, недосып и новое чувство глубокого отчаяния. Эффект от черной слизи, которую он вдыхал в молельном зале собора, постепенно сходил на нет и та легкость, которую даровала отравы из самосбора, тоже пропадала. На место ей приходило сильное чувство упадничества — будто все пропало и ничего нельзя было изменить. Сам того не понимая, он морщился от негативных мыслей, которые густой кашей заняли его разум. Закрыв глаза, он отключился на несколько часов.

Когда его веки поднялись, мышцы и голова болели, словно он перепил серебрянки. Медленно встав, он направился в ванную комнату и там стянул с себя грязную одежду и залез под еле теплую воду, которая желтоватыми потоками смывала с него последствия похода длинной почти в цикл. Андрей оставил лежать грязную одежду на полу, не имея сил поднять и замочить ее. Из зеркала на него смотрело уставшее небритое лицо с синяками под глазами. Он смочил лицо водой и принялся за бритье.

Через десять минут он стоял полностью свежий — умытый, побритый и в чистой одежде — рядом с терминалом связи. Включенный экран горел тусклым светом, который выделял темные буквы меню. В списке служб гигахруща на первом месте стояли ликвидаторы. Глядя на их логотип, Андрей никак не мог определиться, что им написать. Размышляя над текстом сообщения, он решил позвонить. Щелкнув несколько раз по клавиатуре он вновь завис, не решаясь нажать кнопку вызова. Сердце в груди стучало из-за волнения и, вероятно, усталости. Наконец, послышался очередной щелчок и гудки вызова. Ответили почти сразу. На экране высветилось желтоватое окошко с размытым силуэтом в противогазе.

— Дежурный ликвидатора на связи. Слушаю! — послышался металлический голос из динамиков.

— Здравствуйте! — напрягая голос, поздоровался Андрей, словно мужчина на том конце провода плохо его слышал. — У меня сын пропал. Во время самосбора. Я ушел до пищеблока, а когда пришел — его нет.

— Когда пропал? — загремел голос ликвидатора. — В вашем блоке не было самосбора.

— Был, но давно. Как давно это было? — спросил он сам себя. — Вы проверьте. У вас должно быть написано.

— Ждите, — отрезал дежурный и отключил камеру.

На экране возникли логотип ликвидаторов и надпись «Ожидайте возобновления сеанса связи». Андрей протер лицо ладонью и неожиданно ударил себя по лбу.

— Дурак!.. — сквозь зубы прошипел мужчина. — Надо было завтра позвонить. В голове каша...

— Все верно, — вдруг отозвался терминал. На экране вновь был дежурный. — Смирное Николай Андреевич покинул жилую ячейку, — он зачитывал справку с собственного экрана, — и отправился в неизвестном направлении, — ликвидатор остановился, пропуская информацию, которую не следовало разглашать. — Его данное местонахождение

неизвестно. Считать без вести пропавшим.

Наступила пауза. Андрей плохо понимал, что ему хотели сказать.

— Что вас интересует? — зазвенели динамики.

— Мне интересно знать... — он собирался с мыслями. — Мне хочется знать, когда он точно ушел. Понимаете, я ушел ненадолго, до ближайшего пищеблока. Потом самосбор. А когда пришел, его нет. Так вот, вы бы не могли сказать, когда дверь точно открылась — до или после самосбора? Когда мой сын точно ушел? Покинул ячейку?

Дежурный на том конце провода замолчал на несколько секунд, затем буркнул:

— Ожидайте!

И вновь на экране возник логотип службы ликвидаторов. На этот раз ждать пришлось дольше. Андрей покорно стоял возле терминала, ожидая вновь увидеть дежурного, но его все не было. Он оперся на корпус устройства, закрыл глаза и глубоко вздохнул. Экран загорелся.

— Я вас слушаю, — послышался голос из противогаза.

Андрей тут же распрямился, глядя на экран. Это был ликвидатор, но уже другой — смотрел он сверху вниз, словно камера была установлена на столе, за которым тот сидел. И сам ликвидатор был крепче. Андрей нахмурился, вспоминая того здорового командира, который пришел к нему после исчезновения Коли.

— Я вас слушаю! — голос стал жестче. — Что вас интересует?

— Здравствуйте! — чувствуя еще большее волнение, отозвался Андрей и принялся такими же рубленными фразами объяснять свой вопрос. Когда он закончил, на том конце вновь повисла тишина.

— Почему вы ставите под сомнение официальный отчет?

— Я не ставлю! Просто мне интересно... — он чувствовал, будто ходит по краю. — Когда точно ушел Николай. Весь во время он не мог уйти — его бы убил самосбор. А если до или после, то он не мог далеко уйти, — в памяти всплывали аргументы Михаила, — и, может быть, есть возможность проследить, куда он ушел? — его собеседник молчал, поэтому Андрей продолжил. — Просто понимаете, я пообщался с друзьями Коли и посмотрел его вещи. И я подумал, что он не мог уйти к чернобожникам.

Ликвидатор смотрел в камеру большими круглыми линзами и молчал, даже когда житель гигахруща прекратил говорить.

— Ждите! — уже привычно ответил сотрудник службы и изображение исчезло.

Андрей взглянул на часы, чтобы засечь продолжительность паузы, но рамка видеосвязи почти сразу возникла вновь.

— Житель гигахруща, — обратился к Андрею все тот же «большой» дежурный, — не покидайте ячейки до прибытия ликвидаторов. Они придут к вам в самое ближайшее время.

Ошарашенный мужчина не успел ничего спросить. На экране горела надпись «Сеанс связи окончен» с нарисованным логотипом службы.

— Что я такое сказал?.. — пролепетал испуганный Андрей.

Схватившись за голову, он отступил от терминала и стал ходить по комнате, вспоминая то, что говорил дежурным. Взглянув на свой вещмешок, он оцепенел на несколько секунд, затем стал быстро разбирать его, распахивая вещи по разным местам. Самым последним остался пистолет. Держа его в ладонях, Андрей думал о том, куда его можно было спрятать. Через минуту он уже ползал на полу в ванной, пытаясь засунуть оружие так, чтобы его не было видно снизу. Он встал, отряхнулся от пыли и вернулся в комнату. Взмолванный он сел на диван и стал дожидаться прихода ликвидаторов. В голове крутились два слова —

коррекция и утилизация.

Андрей посмотрел на часы — с момента звонка прошло уже пять минут и, казалось, в любую секунду гермодверь могли высадить, чтобы сделать с ним самое ужасное. Он даже боялся встать с дивана, предчувствуя, что это может усугубить ситуацию. В томительном ожидании прошло еще несколько минут. Мужчина думал о том, что можно будет говорить, а чего нельзя. Вруном он был не очень опытным и легенду требовалось продумать намного лучше, чем с Михаилом.

Прошло еще десять минут, но никто почему-то не приходил. Андрей сделал над собой небольшое усилие и встал. На ватных от волнения ногах он дошел до кухни, готовый в любое мгновение тут же вернуться до двери, и выпил там стакан воды. Чувствуя, как она тут же вышла обратно с потом, он налил себе еще один стакан.

По прошествии получаса после звонка волнение начало постепенно отступать и Андрей даже подумал перезвонить ликвидаторам, чтобы уточнить, когда же их ждать. Но по итогу решил этого не делать. Он вновь сел на диван и стал покорно дожидаться представителей службы.

Еще через полчаса его начала вновь одолевать усталость и сонливость. На волне тревожных мыслей о приходе ликвидаторов, он начал постепенно засыпать. Однако в тот момент, когда его веки сомкнулись, в дверь несколько раз сильно постучали, отчего сердце в груди стало тяжело и часто биться.

— Откройте! Служба ликвидаторов! — прогремел чей-то громкий голос из-за гермодвери.

Он буквально за две секунды оказался возле замка и, совершенно не думая, отпер дверь. Она тут же распахнулась и внутрь ступил высокий ликвидатор — сильной рукой он оттолкнул хозяина внутрь комнаты.

— Сядь! — приказал тот.

Андрей сам не свой опустился обратно на диван, наблюдая за тем, как ликвидатор осмотрел комнату и широким шагом пошел на кухню. Затем он открыл дверь в ванную, отчего стало еще страшнее. Однако в следующую секунду он вернулся к открытой гермодвери, в проеме которой хозяин ячейки заметил еще пять вооруженных ликвидаторов готовых в любой момент зайти внутрь.

— Чисто! — отрапортовал старший в коридор и обратил закрытое противогозом лицо к Андрею, встав возле двери.

Послышались чьи-то неторопливые шаги и вскоре показался уже знакомый человек, которого Андрей видел всего лишь раз и в этом же самом коридоре. На пороге стоял невысокий полный мужчина в костюме с портфелем в руке. Он взглянул на хозяина ячейки, улыбнулся и заговорил высоким почти женским голосом:

— Смирнов Андрей Викторович, я так понимаю? — последовал короткий кивок. — Ну здравствуйте!

Человек с портфелем сделал несколько шагов вперед и ликвидатор тут же закрыл за ним гермодверь. Партократ с улыбкой на лице оглядел комнату и направился к противоположной стене.

— Шторы! Недешевое удовольствие! — он потянулся свободной рукой к материи. — А за ними у нас, конечно же... — он отдернул сначала одну сторону, затем другую, оголив рисунок на бетоне. — Небо! И трава! И солнце! — торжественно обозначил тот и посмотрел сначала на хозяина, затем на бойца отряда. Указывая пальцем на рисунок, он продолжил. —

А я ведь говорил им, что такое надо запрещать. Да! Запрещать! Потому что подобное может когда-нибудь вырасти в культ подобный чернобожному. Правильно я говорю, Андрей Викторович?

— Что? — переспросил хозяин дрожащим голосом. Упоминание чернобожников породило в нем подозрение, что они все знали.

— Да не дрожите вы так! — усмехнулся мужчина с портфелем и указал на дверь. — Они здесь для защиты особого важного лица. Меня, то есть. А зовут меня Константин Павлович. Звездин Константин Павлович.

— Очень приятно! — Андрей кивнул, ерзая на диване.

— Вот откуда вы этому научились, а? — партократ указал на рисунок на стене.

— Не помню, — он пожал плечами. — Рассказал кто-то.

— Ага... — улыбнулся Константин Павлович. — И решили себе намалевать на стене, да?

— Красиво просто, — он боялся поднять взгляд.

— Красиво... А что это вообще такое, вы знаете?

— Ну да, — в течение нескольких секунд Андрей пытался вспомнить, не опасно ли было озвучивать подобные мысли вслух. — Небо и земля. И солнце. Если выйти из гигахруща, там можно это увидеть.

— Выйти, да? — усмехнулся гость. — А выход где?

— Не знаю, — он вытер вспотевшие руки о штаны.

— Хм... — Константин Павлович внимательно посмотрел на хозяина. — Может вы нам когда-нибудь и покажете этот выход. А пока что нам известно, м?

— На данный момент выход не обнаружен, — процитировал по памяти Андрей.

— Все верно. Выход не обнаружен, — в глазах партократа на секунду показались нотки грусти. — Ну а пока выход ищут, мы к вам по вполне конкретному вопросу. Позвольте, я сяду? — он указал на стул.

— Конечно-конечно! — закивал Андрей и хотел было пригласить и ликвидатора, но его внушительный вид и куча оружия, висевшего на поясе и груди, остановили хозяина.

Мужчина в костюме взял стул и перенес его на середину комнаты, чтобы сесть прямо напротив Андрея. Он тяжело опустился на сидущку, отчего стул скрипнул, затем поставил портфель себе на колени. Константин Павлович несколько секунд просто разглядывал хозяина и иной раз на устах его мелькала улыбка. Затем он ненадолго закрыл глаза, принял серьезный вид, достал из портфеля лист бумаги и, вновь посмотрев на Андрея, заговорил.

— Это соглашение о неразглашении информации, — он потряс листком с напечатанным текстом. — Вы его подпишите после того, как мы поговорим. Потому что говорить будем о том, что большинству знать не следует, — он взглянул на текст и продолжил. — Потому что мы каждый день сталкиваемся с тем, что жители гигахруща умирают, либо пропадают, либо, так скажем, видоизменяются. Поэтому в иных случаях нам проще сказать, а жителям полезнее услышать факты, которые не всегда являются правдой. Понимаете, о чем я?

— Не совсем, — Андрей поерзал.

— Ну вот, скажем, самосбор заливает этаж и чей-то родственник не успевает дойти до гермодвери. Ну там черная слизь, мгновенные мутации, утрата человеческой природы и прочее, — он вновь посмотрел на листок. — Но еще до прибытия группы зачистки этот родственник успевает уйти в серую зону. Вот потом и думай, что лучше сказать: что ваш

родственник мутировал в чудовище и сейчас бродит где-то в серой зоне. Или соврать во благо. И выдать свидетельство о смерти, чтобы те не тешились надеждами. Или не вздумали идти его искать. Теперь понятнее?

— Да, — Андрей пытался унять дрожь в руках. — Только ведь... Как Коля мог уйти в серую зону? Тут ведь повсюду...

— А я сейчас не о вашем сыне говорил, — прервал его Константин Павлович. — Это я вам просто наглядно проиллюстрировал.

— А что же... Что же мой сын? Где он?

— С сыном вашим ситуация сложилась похожая, — он аккуратно кинул на диван соглашение. — Но менее однозначная и гораздо более сложная.

Партократ открыл портфель, достал оттуда папку и принялся что-то читать, попутно объясняя.

— Самосбор, к счастью или сожалению, я не знаю, — он перевернул лист, — задел ваш этаж только по касательной. Основной ущерб пришелся на два этажа выше. А у вас так — пустяки.

— А как же... — тихо начал Андрей, — те смерти? Там ведь кто-то умер.

— Умер, да, — покачал головой Константин. — Но в целом это ерунда. Так вот, ваш сын по какой-то причине открыл гермодверь и вышел в коридор, подвергнув себя влиянию самосбора.

Андрей почувствовал, как кружиться голова. Слова отдавались в сознании ударами.

— Мы это немного поздно поняли. То есть то, что в вашей ячейке кто-то был. И мы упустили парня, — он перевернул очередной лист с печатным текстом. — Он подвергся мутации, но не такой разрушительной, как обычно. И, вероятнее всего, ушел через пятисотый этаж в серую зону.

— Зачем? — его глаза увлажнились.

— В Содружество, — Константин Павлович бегал глазами по тексту. — Я думаю, вы слышали о них?

— Содружество? Да, конечно, — Андрей вытер слезу на щеке. — Но почему?

— Мутантов тянет туда, — спокойно ответил партократ. — Если человек подвергся умеренной мутации и людское естество не сильно изуродовалось, они тянутся туда, к себе подобным.

Картинка перед глазами кружилась, эмоции теснили одна другую — горькая скорбь соседствовала прямо рядом с непонятной тусклой надеждой.

— Почему вы сказали, что он ушел к чернобожникам? — тихо произнес Андрей.

— Не хотели вас опечаливать.

— Но ведь... — он собирался с мыслями. — Разве содружество сильно отличается от чернобожников?

— Сначала мы и правда подумали, что он ушел к ним, — важный гость развел ладонями, шелестя бумагой. — На месте не получилось определить точно. А потом решили вас не тревожить. Зачем хоронить сына дважды?

— Почему хоронить? — в голосе послышалась обида. — Ведь он жив.

— Формально — да, — не глядя на хозяина отвечал Константин Павлович. — Но, повторюсь, он подвергся мутации. Даже если внешне он сохраняет абсолютное сходство с Николаем, по сути это другой человек. Он может даже не узнать вас при встрече.

— Но ведь... — по щеке катилась слеза. — Значит, он жив?

— Нет, фактически он мертв, — он плюнул на пальцы, чтобы перевернуть лист. — Он мертв, Андрей Викторович. Мы, честно говоря, думали сказать, что ошиблись с анализами останков в коридоре и выслать вам свидетельство о смерти сына. Но ваш вопрос о том, когда Николай покинул ячейку... Почему вы решили вообще нас спросить об этом?

— Я просто подумал... — он вытер глаза. — Что это может как-то прояснить ситуацию.
— Ну и как, прояснило?

Андрей рассматривал абсолютно безучастного партократа, который тем самым вел себя вызывающе. В тот момент хозяин ячейки прекрасно понимал, за что многие ненавидят партию.

— Я вижу, у вас больше никого не осталось, — не дождавшись ответа, продолжил Константин Павлович. — А характеристика с места работы просто замечательная. Поэтому, — он оторвался от бумаги и посмотрел на хозяина, — предлагаю вам пополнить ряды ликвидаторов. Отправьте заявку по терминалу, указав причину — потеря родственников. Рассмотрим вашу заявку во внеочередном порядке. Хотя решение, конечно, непростое. Поэтому подумайте. Спешки никакой нет.

Он зашелестел бумагой, закрыл папку и убрал ее в портфель.

— Вопросы у вас имеются?

— Наверное, нет, — после некоторой задержки ответил Андрей. Немного подождал и продолжил голосом, который задрожал от чувств. — Какие тут вопросы?

— Мало ли! — на губах появилась почти издевательская улыбочка.

Партократ встал со стула, подошел к хозяину, кинул листок на диван, и положил свой портфель, крепко держась за него, на колени Андрея. Затем достал из нагрудного кармана ручку и протянул хозяину дома.

— Возьмите бланк, — он кивнул на лежащий на диване лист, — и подпишите.

Едва дрожащей рукой Андрей положил бланк на портфель, не читая, подписался под печатным текстом и протянул ручку обратно.

— Вам, конечно, надо было ознакомиться, — сказал Константин Павлович, убирая бумагу в портфель. — Но общий смысл вам, я думаю, понятен. Пусть другие думают, что сын ваш у чернобожников. Или просто погиб. А про содружество вы никому не говорите. И не думайте о нем. Николай умер. На этом стоит остановиться.

Слова доносились до разума Андрея будто через толщу бетона. Он плохо понимал, что происходит и о чем говорит этот человек, который направился к выходу. Ликвидатор уже готов был открыть дверь, как вдруг Константин Павлович остановился и обратился к хозяину.

— А насчет вступления в отряд ликвидаторов вы обязательно подумайте! Нам требуются такие ответственные и активные сотрудники. В конце концов, — он улыбнулся, — может быть именно вы найдете выход из гигахруща. И откроете нам всем небо и солнце.

Он несколько секунд смотрел на сине-зеленую картину на стене, затем усмехнулся и покачал головой.

— До свидания, Андрей Викторович! Берегите себя!

Щелкнул замок гермодвери. Сначала вышел партократ, за ним ликвидатор и дверь снова захлопнулась.

Чувствуя, как по щекам катились соленые слезы, Андрей закрыл глаза и тяжело вздохнул. Вопросы, которых не было в присутствии толстяка, вдруг стали один за другим

просачиваться в утомленное сознание. Он встал и прошелся до двери, чтобы запереть ее.

— Зачем?.. — послышался в пустой комнате его тихий шепот. — Зачем они?..

Он переживал сразу несколько сильных эмоций, которые опустошали и без того слабое тело и разум. Андрей покачал головой, выключил свет и в темноте добрал до дивана, шаркая ногами. Упав на мягкую поверхность, он поднес руку ко рту и, глядя в темноту перед собой, стал медленно погружаться в безумие навязчивых мыслей.

22. До боли знакомый голос

Утром на терминал пришло новое сообщение. Андрей прочитал несколько предложений от прораба — тот интересовался состоянием и спрашивал, когда Андрей планирует вернуться на завод. Время положенного отпуска прошло и в то самое утро он должен был надеть привычную робу и встать за станки. Он долго смотрел на экран, обдумывая текст ответного сообщения, но в итоге написал другому человеку. «Привет, как здоровье? Нужно срочно удивиться» — отправил он Михаилу. Ему не терпелось получить ответ, поэтому Андрей проверял терминал каждые пять-десять минут. Он не мог спокойно есть, сидеть, умываться и постоянно прерывался на то, чтобы посмотреть на экран возле двери. Ворох беспокойных мыслей кружился в голове, замыкаясь сам на себе. Андрей чувствовал, как изводит свою психику, постоянно думая об одном и том же. Он словно запутался в фактах и догадках, и жаждал, чтобы кто-то другой помог ему разобраться, найти выход и подсказать направление. Единственным таким человеком был Михаил. Андрей больше не боялся его и ощущал не только проводником по безлюдным просторам гигахруща, но и величайшим союзником, способным помочь в поисках сына.

— Что этот проклятый партократ мне наплел?.. — разговаривал сам с собой Андрей, расхаживая по жилой ячейке. — Если он жив — он жив. Как он может быть мертв? Проклятый партократ!.. Теперь ясно, почему вас так ненавидят. Мерзкий лжец!

Ближе к обеду терминал издал короткий звук, означающий новое сообщение. В тот момент Андрей сидел за кухонным столом и, услышав сигнал, бросил ложку и буквально побежал до аппарата. Он несколько раз перечитал короткое сообщение, которое гласило «Приходи сегодня в девятнадцать».

— Чего так долго? Проклятье!.. — негодовал Андрей, глядя на часы.

Он думал было ответить Михаилу, поэтому стоял возле терминала еще минут пятнадцать, но так ничего и не отправил. Следующие несколько часов он все так же маялся — наворачивал круги, сидел на диване и кухне, тщетно пытался уснуть, включил телевизор, послушал прогнозы и новости, вновь попытался уснуть, поставив себе будильник, но вместо этого лишь крутился на старом диване.

Когда часы показали ровно семнадцать, Андрей открыл гермодверь и направился в сторону Михаила. На пути он встречал все больше и больше людей, которые возвращались с рабочей смены. В какой-то момент он поймал себя на мысли, что по-новому воспринимает серые коридоры и лестницы, в которых бывал несметное количество раз. Он двигался и озирался, будто за углом или спиной могла притаиться смерть, словно шел он не по безопасным этажам, охраняемым отрядами ликвидаторов, а серой зоне, где царили тьма и хаос. Даже мужчины и женщины казались другими — отдалившимися и чужими.

Он специально не пользовался лифтами, чтобы прийти к назначенному времени и после двух часов ходу чувствовал усталость в мышцах, которые не восстановились после путешествия к собору и обратно. Он не знал, сколько надо будет идти до территории Содружества, но понимал, что его тело может не выдержать. Надежда была на спасительные таблетки от проводника.

В восемнадцать сорок он поднимался по лестнице, ведущей прямо к блоку Михаила. Тяжело переставляя ноги, он крепко держался за поручень, чувствуя, что может упасть. Полные сил прохожие молча огибали Андрея, некоторые недовольно шипели, когда

наталкивались на живую преграду. За пять этажей до необходимого блока он посмотрел на часы и решил передохнуть прямо там же. Оперевшись на стену, он сполз на ступени и дал ноющим ногам отдых. Долгая прогулка немного прочистила мозг и ему стало думать легче. Не обращая внимания на подчас злые высказывания со стороны, Андрей закрыл глаза и стал по-новому переваривать информацию.

Оставалось всего пять минут до встречи и, предприняв усилие над собой, мужчина встал и двинулся вверх по ступеням. Поднявшись всего на один этаж, Андрей замер на месте и прислушался. Где-то вдали он услышал знакомый голос или, вернее сказать, ноты, которые о нем напоминали. Будто музыка издалека они шли откуда-то из глубины этажа, постепенно становясь громче. Андрей закрыл глаза, пытаясь понять хотя бы отдельные слова, но речь была неразборчивой. Ему будто шептали, но так далеко, что требовалось подойти ближе. Мужчина бросил взгляд наверх, куда ему надо было идти, но все же сделал шаг навстречу голосу. Медленно ступая по типовому коридору, он двигался мимо жилых ячеек и прислушивался. Голос то становился громче, из-за чего Андрей замедлялся, то затихал, заставляя идти дальше.

В один момент ему стало казаться, что он достиг источник голоса. Андрею чудилось, что он может различать отдельные слова. Встав посередине коридора, он смотрел перед собой, пытаясь разобрать речь невидимого собеседника. Рядом лязгнул замок и открылась гермодверь. Изнутри слышались голоса.

— Я только туда и обратно, — произнес мужчина в проеме. — Минут тридцать.

— Не задерживайся, — отозвалась женщина из жилищечки.

Он встретился взглядом с местным жителем и несколько секунд мужчины с интересом разглядывали друг друга. Внезапно они оба почуяли специфический запах, заливающий весь коридор. Андрей пугливо огляделся и понял, что делать. Еще до того, как вспыхнули красные лампы под потолком, а бетонные норы наполнились звуком тревоги, путник бросился внутрь открытой двери, заталкивая внутрь хозяина ячейки.

— Стойте! — закричал кто-то из коридора. — Дайте к вам зайти!

Игнорируя крики, Андрей потянул на себя дверь, но его стал отпихивать другой мужчина.

— Да стойте вы! — над самым ухом кричал хозяин. — Пусть зайдет! Время есть!

Путник несколько секунд бездумно боролся за право закрыть дверь, но сдался, когда кричащий снаружи тоже потянул за ручку. Проход увеличился и внутрь пролез еще один человек.

— Там еще двое бегут! Подождите!

Отойдя на несколько шагов вглубь ячейки, Андрей нетерпеливо ждал, когда гермодверь наконец захлопнется. Кровь била в висках, отсчитывая мгновения до того, как этаж залетит самосбором. Звук топота снаружи увеличивался и вскоре внутрь залетели еще один молодой мужчина и его спутница. Проход закрылся, щелкнул замок. Хозяин ячейки молча посмотрел на вынужденных гостей и несколько секунд отдельно разглядывал Андрея.

— Присаживайтесь! — дружелюбно произнес тот, указывая на кушетку и несколько стульев.

Взволнованные гости поблагодарили хозяина и распределились по местам. Стоять остался лишь Андрей. Находясь в нескольких шагах от двери, он вслушивался в происходящее за дверью. Ему казалось, что знакомый голос не прекращал говорить.

— А вы чего не садитесь? — произнес хозяин.

— Я не хочу, — Андрей мотнул головой. — Я лучше постою.

В глазах мужчины промелькнуло подозрение. Он оглядел странного гостя и встал возле двери, контролируя выход и периодически глядя на Андрея. Тот бегал глазами по железному полотну, полу и хозяину — взгляд его был рассеянным, но иногда он будто светлел и становился ясным. В такие моменты Андрею казалось, что он четко слышит Его голос, хотя что конкретно оставалось неясным. Хозяин сделал шаг ближе к замку, опасаясь незнакомца — тот выглядел не в себе и мог попытаться открыть выход к самосбору, который уже заливал этаж. Оттуда доносились странные пугающие звуки. И Андрей это понял. Хоть его и захлестывало волнение от общения с сыном, в этот раз он ничего никому не говорил, а лишь внимательно слушал, стараясь даже не двигаться, чтобы не перебивать шорохом одежды речь, идущую из ниоткуда.

Время для Андрея растягивалось до бесконечности из-за желания выжать до капли каждый момент, когда звучала речь пропавшего сына. Сам того не понимая, он улыбался и кивал, когда вновь доносился знакомый голос — он что-то шептал, но иногда резко становился громче, будто кто-то выкручивал тумблер. Но в следующее мгновение затихал. В такие моменты Андрей вздрагивал и это заметили уже другие гости. Хозяин ячейки взглядом указал на странного гостя и двое других мужчин встали, готовые в любой момент наброситься на безумца. Но тот стоял смирно и никуда не двигался, впитывая в себя каждый звук, слышимый ему одному.

Через двадцать минут из коридора послышался шум тяжелых ботинок, приказы и шум огнеметов, которые полностью заглушили тихую речь. Ликвидаторы производили зачистку этажа. Сделав несколько шагов в сторону ближайшего свободного стула, Андрей рухнул на него, словно все эти двадцать минут без перерыва взбирался по лестнице. Он громко выдохнул и закрыл лицо руками. Присутствовавшие переглянулись и пожали плечами.

Еще через полчаса тревожные фонари погасли, оповещая жителей блока о том, что угроза миновала. Хозяин проверил информацию на терминале, затем аккуратно открыл дверь и выглянул в коридор, где уже никого не было. Гости медленно направились к выходу, благодаря мужчине за возможность переждать опасность. Один лишь Андрей молча прошел мимо и, чувствуя слабость в ногах, направился к Михаилу.

На лестнице ему пришлось сделать еще одну остановку, потому что ликвидаторы не давали подняться людям выше. Несколько человек смирно дожидались разрешения, пока сверху доносились крики и плач. Минут через десять кто-то сверху дал приказ постовым пропустить всех и Андрей пошел дальше. На искомом этаже, он пропустил отряд ликвидаторов и попал в коридор, где жил Михаил. Недалеко от его ячейки на полу сидела женщина и захлебывалась собственным плачем. Раскачиваясь из вперед-назад, она рыдала — иногда безмолвно, иногда оглушая местных жителей своим криком. По красному лицу катились слезы. Она прикладывалась к темному пятну на полу и сжимала пальцы, словно там лежал кто-то. Мужчина, стоящий на коленях подле нее, сжимал ее за плечи и пытался успокоить. Завороженный Андрей с полминуты наблюдал за сценой, пока его не прервал голос уже знакомого мужчины с седыми волосами из ячейки напротив жилища Михаила.

— Не смотрите вы так, — тихо обратился тот к путнику. — Это бестактно.

Андрей вышел из оцепенения и, все еще глядя на пару людей, приблизился к приоткрытой двери.

— Что случилось? — поинтересовался он, догадываясь об ответе.

— Она сестру потеряла, — шепотом ответили ему. — Представляете, не успела всего

пары метров пробежать и все. Самосбор.

— А как?.. Что с ней?..

— Нас о таком в известность не ставят, — собеседник покачал головой. — Но кричала она — ой-ой-ой. Кровь в жилах стыла. Не могу себе представить, что сейчас чувствует эта женщина.

— Мутация?

— Наверное, мутация.

— Ликвидировали?

— Конечно, — он еще сильнее понизил голос. — Дочиста. А вы, значит, снова к ним в гости.

— Да, снова, — ответил Андрей, вдруг почувствовав на себе нежелательное внимание.

— Ну тогда хорошего вам визита! — попрощался собеседник и закрыл дверь.

Стараясь не смотреть на скорбящих людей, он отошел к двери напротив и несколько раз громко постучал. Через полминуты дверь открылась и Андрей ступил внутрь.

23. Документы

Елена поздоровалась и непривычно оглядела его. В ее глазах не было страха или отчаяния, которые Андрей видел в их первый визит. В этот раз же она заинтересованно рассмотрела гостя и с искрою радости в глазах ушла на кухню. Ее супруг сидел в углу на письменном столе и разглядывал какие-то бумаги. Рядом стояла бутылка с серебряной жидкостью, но, кажется, еще непочатая.

— Приветствую, — негромко поздоровался Андрей. — Сильный самосбор был?

— Сильный, — мрачно ответил Михаил, не глядя на гостя. — Стреляли и жгли.

— Там соседку убили.

— Я слышал. Красивая была деваха.

— Не успела добежать?

— Нет. Самосбор снова не по расписанию. Опять эти гниды обманули, — он указал на телевизор. — А ты что-то быстро. Тоже застал его?

— Да. На несколько этажей ниже переждал. Но там было слабее — только слизь пожгли.

— Чего там встал? — Михаил мотнул головой в сторону кровати. — Садись.

Андрей скромно сел на угол и провел рукой по выцветшей красной накидке, которую, по всей видимости, сделали из старого флага. Хозяин все так же был поглощен чтением бумаг.

— Надо поговорить, — почти прошептал гость. — Наедине получится?

— А что там у тебя? — Михаил обратил взор на собеседника.

— Я позвонил ликвидаторам, — еле слышно произнес Андрей. — Спросил про сына. И они приходили ко мне. И с ними был... партократ.

Михаил раздраженно хмурился, пытаясь услышать то, что ему говорили. На последнем слове он поменялся в лице — сначала он казался удивленным, но вскоре в глазах появилась усталость.

— Елена! — он почти сорвался на крик. Когда в поле зрения возникла супруга, он продолжил уже спокойным голосом. — Выйди куда-нибудь на час.

Женщина кивнула, взяла сумку и молча покинула ячейку. Андрей проводил ее удивленным взглядом — она казалась совершенно другой по сравнению с тем, когда он видел ее в первый раз.

— Ну и что там? — поинтересовался Михаил.

Андрей принялся в деталях рассказывать ему визит ликвидаторов во главе с Константином Павловичем. Хозяин почти не перебивал и внимательно слушал, отложив бумаги в сторону.

— ...и я подумал, — говорил Андрей. — Зачем они сказали, что он у чернобожников, а сейчас у Содружества. Этот партократ, — он поморщился, — говорит, что он по сути мертв. Почему они просто не сказали, что он погиб? Во время самосбора, скажем. Или у чернобожников.

— Черт их разберет, — со злостью в голосе ответил Михаил. — Я сам не понимаю, что у верхушки на уме. Может, действительно ошиблись. На вот.

Хозяин протянул гостю один из листов с напечатанным на электронном устройстве текстом. Андрей взял в руки бумагу и заинтригованный принялся читать — это была

выписка из официального документа, но без номера, упоминания организации или имен. Дочитав до конца, он принялся заново, иногда бормоча текст вслух.

— ...по словам Смирнова А.В он вышел в ближайший пищеблок, когда произошел самосбор... по возвращении его сын Смирнов Н.А. отсутствовал... команда ликвидаторов номер... произошла ошибка по причине смены оперативного состава... первоначальная идея... культ чернобожников... Впоследствии из оперативных источников... проверка данных... — в какой-то момент его голос стал громче. — Поскольку открытие двери произошло после начала самосбора, который в данном блоке имел относительно умеренный характер, можно сделать вполне определенный вывод, что Смирнов Н.А. претерпел мутации, не повлиявшие кардинальным образом на его внешний вид. Судя по отчетам № 12/745 и 14/745, вероятнее всего, еще до прибытия отряда ликвидаторов он двинулся в направлении блока Л, предположительно в район этажей 510–525, откуда имеются незаконные выходы в сторону Содружества. Дополнительная проверка не выявила точного маршрута движения Смирнова Н.А, поскольку записи камер видеонаблюдения и данные иных средств контроля не сохранились ввиду прошедшего срока хранения данных... — он поднял взгляд на Михаила. — Это у тебя откуда?

— Старые знакомые поделились. На вот еще.

Взяв новый лист, Андрей принялся читать еще одну выдержку из документа, которая в данном случае была уже о нем.

— ...Смирнов А.В. характеризуется на работе сугубо положительным образом... — вновь забормотал Андрей. — Взысканий и предупреждений не имеет... Инцидент от 05.12.16... — он оторвался от чтения. — Это что? Ноль пять двенадцать шестнадцать?

— Внутренняя мера отсчета времени у ликвидаторов и партократов.

— А что она означает?

— Сутки, циклы, гигациклы.

— Шестнадцать... — задумчиво повторил Андрей и через несколько секунд продолжил чтение. — ...самосбор в блоке... пропажа сына Смирнова Н.А... имело тяжелые психологические последствия, — голос стал громче, — которые проявились во время следующего самосбора на месте постоянной работы жителя... утверждал, что слышит голос сына... потерял самообладание... пришлось применить физическую силу... Последующая проверка и опрос на месте не подтвердили присутствия иных во время самосбора... предположительно, вызвано расстройством психики... установить наблюдение.

Он еще раз перечитал выписку из документа.

— Установить наблюдение? — он обратился к Михаилу. — За мной следят?

— На заводе должны следить, чтобы ты каких-нибудь дел не наделал.

— Откуда у тебя это?

— Я же сказал — по старой дружбе дали.

— Это же из документов? Из каких?

— Первая из отчета по самосбору и потерям в твоём блоке. Вторая — с завода.

— У них так по каждому самосбору?

— Конечно. Ведут сбор точной информации. У них там, — он показал пальцем вверх, — есть отдел сбора и учета данных. Какие-то невероятно мощные компьютеры стоят и анализируют происходящее в гигахруще.

— В Содружестве тоже?

— Вряд ли. Хотя точно утверждать не стану. Содружество — отдельное государство,

там у них свои законы, и власть партии и ликвидаторов туда не распространяется.

— И все, кто там живут — мутанты?

— Да. В большинстве, — он продолжал крутить в руках бутылку, но несмотря на вечерний час, почему-то еще ни разу не отпил.

— Как они относятся к людям? Я имею ввиду, немутантам.

— Как ты к ним, так и они к тебе.

— То есть, мы можем к ним прийти? — с надеждой в голосе произнес Андрей. — Я хочу найти сына.

— Мы можем к ним прийти, — ответил Михаил со странной интонацией, которую ранее Андрей не слышал. Словно он утомился отвечать на одно и то же.

— Так ты мне поможешь до них добраться? — продолжал Андрей, чувствуя сильное волнение.

— Я помогу тебе до них добраться, — в той же странной манере ответил собеседник, глядя на бутылку серебрянки.

Андрей несколько секунд сидел молча, не зная, что сказать. Все получалось слишком просто.

— Так сколько я тебе должен за это? — он потряс выписками из отчетов.

— Нисколько. Пускай, это будет подарок.

— Ладно. Спасибо, — он удивленно поднял брови и немного подумал. — Сколько надо будет талонов на дорогу до Содружества? Кстати, сколько до них идти?

— Три дня пути при хорошем раскладе. Про талоны забудь, я все организую, — похожее на переутомление спокойствие и щедрость Михаила начинали пугать.

— Нет, ну как? — озадачился Андрей. — Я ведь потом буду должен. Не хочу быть в должниках, — на ум приходили истории о том, как невозможно было расплатиться с бандитами. Стали вновь закрадываться сомнения относительно Михаила.

— А ты и не будешь. Потом поможешь мне с моим сыном тоже.

— Ты что-то выяснил про него? — задав вопрос, Андрей задержал дыхание от напряжения.

— Да, прояснилось слегка, — он закрыл глаза ладонью и потер лицо. — У ликвидаторов он.

Андрей едва не выдал свое напряжение громким выдохом оттого, что почувствовал огромное облегчение.

— Они его там, в церкви взяли? — он сглотнул.

— По всей видимости.

— А как ты будешь его доставать? У ликвидаторов.

— Я это позже решу. После того, как отведу тебя до Содружества.

— Они, кстати, предложили мне идти работать в службу ликвидаторов, — Андрей задумался. — Может, я устроюсь туда и потом тебе помогу.

— Поможешь, — ответил Михаил с сарказмом в голосе.

В комнате повисла неловкая для Андрея пауза. Ему хотелось что-то сказать, но на ум ничего не приходило. Он заметил еще два листа, лежащих на письменном столе.

— А на тех бумагах что?

Михаил будто проснулся и посмотрел сначала на Андрея, потом на бумаги. Открыв ящик стола, он положил их внутрь.

— Не твое дело, — буркнул хозяин и вновь взялся за бутылку. Он с громким звуком

откупорил ее, но вместо глотка лишь наполнил легкие испарениями серебрянки и закрыл пробку. — Выходим завтра. К восьми утра чтобы был здесь. Набор тот же, что и в прошлый раз. Пистолет можешь не брать.

— Мы через нижние этажи пойдём?

— Нет, сразу наверх. Пойдем через те же лазейки, где был твой сын.

— А как же автоматы?

— Забудь про автоматы. Оставь все на меня.

Он вновь закрыл лицо рукой, словно его мучила головная боль. Андрей с полминуты сидел, размышляя о том, что его ждет. Затем в памяти всплыло недавнее происшествие. Он немного подумал, стоило ли ему говорить об этом.

— Михаил, — произнес Андрей, — как думаешь, если мой сын стал мутантом, он может говорить со мной? Через самосбор?

Хозяин квартиры медленно убрал руку от лица и перевел на собеседника отрешенный взгляд, будто совсем забыл о его присутствии. Он нахмурился.

— Чего?

— Ты думаешь, мой сын может со мной говорить через самосбор? Я слышал его голос. На заводе в первый раз. И час назад. Еще до того, как нижние этажи залило. Мне кажется, он предупредил меня. Не дал мне пойти на этот этаж, чтобы я не умер.

Михаил разглядывал Андрея то ли с недоверием, то ли с сочувствием. Он непонятно хмурился и кривил губы.

— Ты помешался, — произнес хозяин ячейки. — На фоне потери единственного сына.

— Но ты ведь работал в ликвидаторах. Мутанты всякое умеют. И передавать мысли на расстоянии. Даже чернобожники, помнишь?

— Могут, когда видишь урода. Максимум через стену. Голоса в самосборе — это иные.

— Но ведь отчет! — Андрей взял в руки бумагу. — Тут же сказано...

— Ты хотел открыть дверь там, на заводе? — перебил его Михаил.

— Да, но...

— Это иные, — заключил мужчина и махнул на собеседника рукой. Не давая тому возобновить спор, он продолжил. — Ты уходи сейчас. А завтра в восемь утра будь здесь. Бумаги оставь. И до завтра.

Смущенный Андрей еще несколько секунд оставался на месте, не понимая, что надо уходить. Затем закивал головой, встал и направился к выходу.

— До завтра! — уже перед дверью произнес Андрей и вышел.

Елена все это время прогуливалась вдоль ко коридору туда-сюда и, когда дверь открылась, она тут же направилась к собственной ячейке. Андрей остановил на ней свой взгляд, размышляя о том, насколько сильно поменялись настроения этих людей. Она кивнула ему на прощанье и слегка улыбнулась. Уже после того, как гермодверь закрылась, Андрей какое-то время думал об обитателях ячейки, из которой он только что вышел. Затем пожал плечами и направился домой.

24. Конец всего

Утром следующего дня Андрей почти бежал за Михаилом, быстро шедшим на двадцать-тридцать метров впереди него. В очередной раз для конспирации они шли отдельно, чтобы прохожие не разглядывали двух мужчин с вещмешками за спиной. В этот раз Михаил особо не церемонился и Андрею несколько раз показалось, что он потерял своего проводника на однотипных развилках или лестницах. Чувствуя замешательство неопытного спутника, Михаил давал о себе знать громким кашлем или другими звуками, понятными другому мужчине.

Сначала для Андрея было загадкой, куда они идут, потому что Михаил в то утро был так же угрюм и не проявлял никакого желания говорить. Но, увидев на стене цифру триста семьдесят, к нему пришло понимание. Вскоре они оба стояли перед исписанной оскорблениями дверью. Казалось, что с их прошлого визита здесь появилось еще несколько десятков надписей. Михаил бесцеремонно заколотил в дверь ногой. Из ячейки послышались причитания.

— Открывай, старый черт! — себе под нос выругался Михаил.

— Кто там? — послышался знакомый голос.

— Это Михаил! Поговорить надо!

— Какой Михаил? Не знаю таких!

— Старый черт! — тихо произнес мужчина. Затем сказал уже громче. — Надо проконсультироваться. У нас талоны есть.

Человек в ячейке стал что-то тихо бурчать себе под нос и через некоторое время открыл дверь. Михаил раздраженно распахнул ее во всю ширь, из-за чего Макар чуть не вылетел в коридор, держась за ручку. Проводник толкнул хозяина, грубо схватил Андрея под локоть, запихивая его внутрь, и зашел сам. Макар хотел было начать возмущаться в своей старческой манере, но, когда перед глазами в руках проводника появились талоны, тот замолчал. Михаил, гипнотизируя хозяина, наглядно пересчитывал заветные бумажки.

— Тридцать... — замороженно произнес Макар.

— Все твое, — Михаил вручил талоны. — Мне нужна информация.

— Какая? — худой старик сжимал в ладонях подношение, прижимая их к груди.

Мужчины оглядели жилье безумца. В этот раз на полу уже были разложены несколько десятков листов бумаги, соединенные одним большим рисунком. Судя по лежащим там же карандашам и ручкам, путники прервали процесс создания то ли карты, то ли плана.

— Что делаешь? — Михаил кивнул в сторону бумаг.

— Что делаю?.. — тот словно забыл о собственном занятии. — Наношу самосборы на карту среднего сектора.

— Откуда они тебе все известны? — на лице проводника возникло сомнение.

— Пользуюсь их данными, — Макар подошел к телевизору в углу и погладил его словно живого. — Партия дает нам все, что нужно.

— Ты по прогнозам судишь? Они же часто ошибаются.

— Ошибаются, но... — он приложил руку к бороде и на несколько секунд забылся. — Но... Но...

— Что «но»? — разбудил его Михаил.

— Ошибаются, но, мне кажется, я понял алгоритм построения прогнозов по

самосбору, — оживился Макар. — Они все равно выстраивают их по уже имеющимся самосборам. Пытаются найти рабочую модель, при помощи которой можно было бы с большой долей вероятности определить, где зальет в следующий раз.

— Зачем это тебе? — уже с искренним интересом спросил проводник.

— Как зачем? — Макар впился костлявыми пальцами себе в волосы. — Как зачем? Да можно же...

На этих словах он кинулся в самый центр разложенных на полу листов и буквально упал на колени. Затем принялся водить пальцем по линиям и ярким отметкам.

— Я пытаюсь выстроить рабочую модель прогнозирования. Скорректировать их модель, — он указал пальцем вверх. — Если определить принцип возникновения самосборов, можно вычислить...

Он схватил несколько карандашей и принялся выкладывать их несколькими линиями на бумаге. Макар суетливо водил ими по своим заметкам, бросая на Михаила безумный взгляд.

— Там есть несколько волн, — он стал медленно пододвигать друг к другу два карандаша, — которые в определенный момент сходятся вместе, — Макар схватился еще за два и пододвинул их к уже перекрещенным карандашам, — и вот с этими тоже. Возникает самосборное явление! — он поднял округленные донельзя глаза.

— И что?

— А то! — он внезапно отбросил лежащие перед ним карандаши и положил туда худое предплечье. — Что определенное количество простых самосборов всегда ведет к их усилению. Связь не прямая, но, судя по их анализу, — он вновь указал пальцем свободной руки в потолок, — самосборы неминуемо идут к их усилению. Как мелкие самосборы происходят в точке встречи разных волн, так и большие волны образуются в результате мелких самосборов и потом находят друг на друга, — он положил на бумаги второе предплечье, повел его в сторону первого, перекрестил руки и поднял глаза. — А там...

Его взгляд вновь стал бездумным, будто он забыл свою мысль. Михаил покорно ждал продолжения, но Андрей не выдержал тишины.

— Что там?

Макар медленно сфокусировал на нем взгляд и стал меняться в лице, словно только обнаружил, что кто-то был в его жилище кроме Михаила. Он нахмурился, вглядываясь в лицо и стал сам себе кивать.

— Самосборные явления более высокого порядка, — непривычно спокойным голосом наконец ответил Макар.

— Редемптивный? — спросил Михаил.

— Редемптивные самосборы, да, — старик продолжил кивать. — Или веерные. Или хтонические. Я пока далек от полного понимания. Еще не до этого! — он вновь засуетился и махнул рукой. — Над этим я обязательно поработаю позже! Но... — он приложил руку к бороде, — их тоже можно будет предсказать. Судя по всему, отдельный тип самосбора происходит ввиду определенных изменений в качестве волн и накопленному в них потенциалу.

Ползая по полу, Макар стал аккуратно собирать в стопку бумаги и письменные принадлежности. Когда пол очистился, он положил заметки на телевизор, затем сразу же извлек другую стопку и принялся в ней что-то искать. Вскоре он вновь оказался на полу и раскладывал в нужном порядке уже другой план, но все с теми же линиями, черточками, пометками и надписями. К удивлению Андрея его проводник терпеливо наблюдал за

манипуляциями хозяина ячейки и даже не думал повышать на него голос, ругаться или проявлять недовольство каким-либо иным способом. Наблюдая за Макаром, любопытный Андрей вновь не выдержал молчания и спросил:

— Что за хтонический самосбор? Никогда о таком не слышал.

Старик на секунду поднял взгляд, чтобы разглядеть источник вопроса. Затем принялся скрещивать пальцы, карандаши, руки и что-то тихонько бормотать.

— За простыми приходят веерные, за веерными обязательно хтонические, — он тряс руками. — Только о них никто не рассказывает, потому что такой самосбор ничего после не оставит. Вообще ничего. Люди, бетон, монстры, даже другие самосборы — все уходит в небытие!

— Вы о Великой Хтоне? — не понимая суетливого объяснения Макара, спросил Андрей. — Это гигантский червь такой?

— Червь? — впервые за время их знакомства на лице Макара появилась улыбка. Он глядел на Андрея как на главного глупца в ячейке. — Червь?! — вновь спросил он и залился пугающим смехом старого безумца, от которого стало не по себе.

Истерика Макара затянулась и Михаил, переместив на пол бумаги с ближайшего стула, опустил на него и поставил рядом сумку. Отдаваясь в полный плен психического расстройства, хозяин ячейки упал на спину и принялся укрывать себя собственными бумагами. Так прошло несколько минут, пока Макар не успокоился и постепенно пришел в себя. Внезапно он принял сидячее положение, облакачиваясь на худые руки. Встряхнув головой, он трусливо оглядел гостей.

— Я предполагаю, — медленно начал он. — Что скоро простые самосборы усилятся. И мы вступим в новый этап. Весь гигахруц... и общежитие в том числе... захлестнут веерные и редемптивные самосборы. Затем придут хтонические. Мир, как мы его знаем, перестанет существовать. Полежут монстры. Из всех щелей. Полеется мрак. А потом придет ничто!

Вновь наступило молчание, в этот раз более напряженное. Андрей чувствовал, как по спине бегает мурашки. Михаил же все это время сидел со спокойным безучастным лицом.

— Когда это будет? — спросил он.

— Что? — Макар бросил на гостя безумный взгляд.

— Новый этап когда будет?

— Не знаю пока. Но я это обязательно рассчитаю. Может быть, совсем скоро.

— Что совсем скоро? — Михаил понял, что его не поняли и уточнил. — Рассчитаешь скоро или новый этап скоро?

— И то, и то! — почти закричал Макар.

С этими словами он перевернулся, встал на колени и стал ползать по записям, выискивая какую-то одному ему понятную информацию.

— А хтонические когда начнутся? — поинтересовался Андрей.

— После веерных, конечно, — послышался ответ старика.

— До них еще долго?

Хозяин ячейки проигнорировал вопрос. Он был слишком занят поиском нужных линий, черточек и заметок на своих записях. Михаил поднял уставший взгляд на Андрея, затем обратился к хозяину.

— Макар, мы к тебе по делу, — он несколько секунд наблюдал за стариком, который не обратил на него внимания. — Макар!

— Что?.. — пугливо отозвался тот.

— Дело к тебе есть!

— Какое? — уже более осознанно произнес тот.

— Мы сейчас идем на пятисотый этаж. Оттуда направляемся в сторону Содружества, — он говорил четко выговаривал слова, чтобы его точно поняли. — Нам необходимо по пути заглянуть куда-нибудь. Меня в данный момент интересуют места категории А. В частности А-три. Можешь подсказать, как нам туда идти?

— Пятисотый. Содружество, — Макар закрыл глаза, чтобы погрузиться в собственные мысли. — Как там было... Не помню точных координат...

Он быстро собрал разложенные бумаги и вскоре на полу оказалась новая карта. Старик водил по своим заметкам пальцем и что-то тихонько себе говорил.

— Вы так и не сказали мне положения тех точек, что я просил. Поэтому неточно.

— Давай неточно. Там, если что сориентируемся. Только запиши на бумаге.

— Хорошо! Хорошо! Сейчас сделаю!

Через полминуты Макар уже сидел на полу с тетрадкой и делал там какие-то пометки, периодически глядя на план гигахруща. Вскоре он вырвал листок и протянул его Михаилу. Тот нахмурился, изучая заметки, но, не сказав ни слова, сложил листок и убрал его в нагрудный карман.

— Вы точки то проверьте! — сказал Макар. — Я напишу номера!

— Да я помню! — отмахнулся Михаил. — Пока времени нет на это. Там пару циклов займет обход.

— Но мне надо делать расчеты! Я не смогу определить сроки начала нового этапа!

— Определишь, конечно, — успокаивал его Михаил. — Куда ты денешься? По телевизору, вон, определишь. Ты же сказал, что они там всем делятся.

— Но мне нужны точные данные. Мне надо сделать это быстрее их.

— Зачем?

— Как зачем?

— Ну определишь ты начало нового этапа. И что дальше? Сделать-то мы все равно ничего не сможем, так?

— Как не сможем? — Макар на несколько секунд задумался. — Мы все равно должны знать, что будет. Можно сказать им, наверху, — он указал пальцем в потолок.

— Больно им нужно это знать, — негромко произнес Михаил. Он встал и закинул на спину вещмешок. — Пойдем мы, Макар. Спасибо за помощь! В скором времени, может, придем снова.

— А талоны? Талоны дайте! — нелепо затребовал хозяин ячейки.

Михаил окинул его недовольным взглядом, вспоминая, что расплатился с ним авансом сразу после того, как они вошли. Он оглядел комнату в попытке найти место, куда Макар мог их положить. Затем махнул рукой, достал из кармана несколько штук и протянул их безумцу. Тот схватил бумажки и начал их пересчитывать.

— Выходи! — скомандовал проводник Андрею и покинул ячейку следом за ним.

В течение десяти минут они шли порознь с дистанцией в пару десятком метров, чтобы не привлекать внимания. Вскоре Михаил остановился возле лифта и вызвал дребезжащую кабину. Андрею не терпелось оказаться один на один с проводником, чтобы спросить у него о том, что он только что слышал. Когда тесная кабина закрылась и поехала вверх, мужчина заговорил.

— Ты когда-нибудь работал с верным самосбором?

— Приходилось пару раз в ликвидаторах, — послышался спокойный ответ.

— Тяжело было?

— Тяжелее, чем обычно. За первым самосбором приходит второй. Как правило, более сильный. Может быть и две, и три волны.

— А редемптивный случалось видеть?

— Командир нашего отряда говорил, что мы однажды под такой чуть не попали. А так, если не знать места, то не поймешь, что редемптивный самосбор произошел. Часть гигахруща перестраивается — те же коридоры, лифты, ячейки, но в новом порядке.

— С людьми что?

— По-разному, — сухо ответил Михаил.

— А что за хтонический? Такое видел?

— Не знаю я, что за хтонический самосбор. Старик, видать, на волне безумия выдумал что-то свое, — он обратил на собеседник взгляд, полный сомнения. — Ты же слышал, что он еще ничего не рассчитал, не вычислил. Откуда он про мрак и бездну взял, я не знаю. Видать, остатки ума постепенно теряет.

Андрей вдруг понял, что мог спросить у Макара то, что тревожило его в последнее время и на несколько секунд он стал размышлять о возможности сходить к нему еще раз. Желательно одному.

— Откуда ты вообще его знаешь? — спросил Андрей.

— Давно когда-то познакомились.

— В ликвидаторах?

— Нет, — он ответил с такой интонацией, чтобы дать понять, что дальнейшие расспросы ни к чему не приведут.

— Что за точки, о которых он говорит?

К сожалению для Андрея тусклая кабина с грохотом остановилась и распахнула свои двери. Мужчины продолжили свой путь в привычном порядке — вперед шел Михаил. На несколько метров позади него двигался Андрей. Пройдя несколько блоков, проводник вновь остановился возле очередного лифта. Когда они оказались внутри, Андрей задал тот же вопрос.

— Что за точки, о которых он говорит?

Михаил поморщился от назойливых вопросов спутника и сначала думал просто нагрубить ему. Но потом все же ответил.

— В серой зоне раскиданы места, в которых есть ценные вещи. Оружие. Информация. Артефакты. Макар умеет высчитывать расположение этих мест.

— Что за места? — заинтриговано спросил Андрей.

— Склады, заставы, заводы, НИИ...

— Тебе зачем это все?

Проводник медленно повернул голову и продемонстрировал собеседнику крайне недовольную физиономию.

— Да я что? — попытался оправдаться Андрей, чтобы не испытывать на себе злость Михаила. — Ты сказал, грузчиком работаешь.

— Какой же ты идиот... — негромко ответил Михаил, качая головой. Через несколько секунд он все же объяснил. — На складе ничего не зарабатываешь. Приходится ходить в серую зону, чтобы кормиться.

Подумав несколько секунд, Андрей поменялся в лице, словно его настигло озарение.

— Так вот, откуда у тебя столько денег на серебрянку.

Михаил лишь кивнул, одарив спутника уничижительным взглядом.

— Интересное что-нибудь видел?

— Смотря что для тебя интересное. Там столько всего, что не рассказать.

Бегая глазами из стороны в сторону, Андрей думал о том, что можно было бы спросить у проводника, но почему-то ничего конкретного в голову не приходило. В уме крутились разрозненные мысли и он никак не мог связать их с опытом Михаила. Вскоре тот заговорил сам.

— Нам тут недалеко осталось. Остаток пути надо будет проделать на своих двоих. Идем как и прежде. Только дистанцию выдерживай побольше. А то слишком уж очевидно получается.

Андрей молча кивнул, продолжая думать о вопросах проводнику. Когда двери открылись, мужчины вышли в пустой коридор с темно зелеными стенами и продолжили путь уже порознь. Размышляя об услышанном, Андрей разглядывал помещения гигахруща, представляя разные типы самосборов. Вот его заливают черной слизью. Вот приходит еще один мощнее — с чудовищами и ядовитым туманом. Внезапно налетает третий и пришедшие ликвидаторы оказываются запертыми в неожиданном лабиринте неизвестных коридоров. Наконец, приходит последний и уничтожает всех и вся — жителей, ликвидаторов, стены, телевизоры, чудовищ, монстров, бетон... Гигахрущ постепенно исчезает во тьме небытия. На смену бетонному нечто приходит абсолютное ничто.

Окунувшись с головой в фантазии и переживания, Андрей так накрутил себя, что остановился посередине коридора с открытым ртом, представляя, что может произойти в будущем, если верить Макару. Он дернулся, выходя из оцепенения. Мужчина вдруг понял, что Михаил ушел далеко вперед и бросился бегом за ним.

25. Осколок былого

В полдень они стояли недалеко от главной проходной очередного завода, где требовалось встретить местного работника. Пока они ждали его, Михаил нетерпеливо проверял время, а Андрей рассматривал темные пятна на стене под потолком. Судя по очертаниям, там когда-то висели ордена и медали, присвоенные заводу. Но, как и в случае с трубопрокатным заводом Андрея, их сняли неопределенное время назад, видимо, потому что никто не мог объяснить, что они значили и даже что на них было изображено. Вглядываясь в силуэт на стене, он пытался вспомнить, что на них могло быть нарисовано. Сейчас это почему-то очень интересовало Андрея, хотя он годами проходил мимо подобных орденов на месте своей работы и никогда не задавался подобным вопросом. После того как ордена и медали сняли со стены и отнесли то ли на переработку вторсырья, то ли куда-то наверх — версии относительно их судьбы разнились — Андрей даже не сразу заметил их пропажу.

Мимо него прошел заводчанин с респиратором на лице. Хотя тот ничего не произнес, Михаил последовал за ним, а затем и Андрей. Они молча шли вдоль стен, на которых тянулись связки труб и проводов. Несколько раз свернув за угол, они вышли к железной двери со знаком «Не входить», которую молчаливый заводчанин открыл своим ключом. Впустив Андрея с Михаилом внутрь, он запер дверь и также молча пошел дальше по узкому коридору, чье пространство было занято все теми же связками труб и проводов. Через пару минут, он остановился возле люка в полу, зазвенел связкой ключей и отпер большой замок на петле люка. Потянув ручку на себя, он со скрипом открыл проход вниз к невысокому тесному проходу, где уже лежали два одинаковых комплекта — полная сумка, автомат и подсумок, полный магазинов.

— Провизия, оружие, медикаменты — все по нормативу, — впервые заговорил человек в респираторе. — Идете в ту сторону, поворачиваете на втором ответвлении и до конца. Там такой же люк и вы в серой зоне.

— Проверять стоит? — сквозь зубы спросил Михаил.

— Можете проверять, конечно, — заводчанин пожал плечами, — но я вам ничем не могу помочь, если что не так. Что дали, то передал.

Михаил прыгнул вниз, сел на одно колено и стал проверять сумки и оружие. Андрей смотрел то на проводника, то на мужчину в респираторе, который равнодушно смотрел на манипуляции внизу. Через полторы минуты Михаил закрыл сумки, одел на пояс подсумок, второй кинул вверх Андрею. Вытянувшись в полный рост, Михаил стоял так, что его голова была на одном уровне с ногами Андрея.

— Тесный проход, — прокомментировал Андрей. — На полусогнутых придется идти.

— Какой есть, — отозвался заводчанин, — мы в таких каждый день ползаем.

— Самосбор часто заливает? — спросил Михаил.

— Нет, в таких узких очень редко. Может, — задумался заводчанин, — гигацикл назад, если не больше. Так что здесь спокойнее, чем там. Вам объяснили, когда идти обратно?

— Да, — буркнул мужчина внизу.

— Я обхожу каждые четыре часа, работаю каждые третьи сутки, — все равно напомнил мужчина в респираторе. — Если выйдете не в мою смену, могут быть проблемы, поэтому лучше подгадать. Или искать другую лазейку.

— Поняли, — Михаил кивнул, затем обратился к Андрею. — Ты там готов? Давай вниз!

Проводник исчез в узком проходе, освобождая место для Андрея. Тот спустился вниз, аккуратно одел сумку и взял автомат с уже пристегнутым магазином и установленным фонарем. Оружие было покрыто ровным слоем краски, нигде не было видно ни сколов, ни царапин, а фонарь, хоть и был меньше, но давал больше света.

— Удачи! — послышался голос сверху, затем люк закрылся.

Согнувшись в коленях и поясице, Андрей следовал за Михаилом. В такой позе он начал быстро уставать, поэтому периодически останавливался и пытался тянуться.

— Не задерживайся! — грубо поторопливал его Михаил.

— Оружие совсем новое что ли?

— Новехонькое, — не поворачиваясь, ответил проводник. — Давно такое в руках не держал.

— Дорого стоит? — Андрей начал думать о талонах.

— Раза в два дороже тех, что мы внизу оставили.

— И фонарь какой-то необычный.

— Это ликвидаторский.

— Откуда ты все это достал?

— Сам как думаешь? — ответил Михаил вопросом на вопрос, заставив собеседника замолчать.

Следуя инструкции заводчанина, они повернули на нужном ответвлении и прошли до конца узкого технического хода, где располагался выход в серую зону. Михаил сначала приоткрыл люк, чтобы проверить помещение, затем уже полностью его распахнул и ловко вылез. Когда Андрей оказался там же, они закрыли лаз и двинулись вдоль узкого коридора, который был точь-в-точь похож на тот заводской, из которого они пришли. В конце также была тонкая железная дверь, а за ней пустой темный коридор.

В этот раз Михаил не казался таким уверенным в своих действиях. Сначала он шел быстро, не смотря на цифры и буквы на стенах, но скоро стал делать короткие остановки, во время которых доставал из нагрудного кармана согнутый в несколько раз листок, чтобы проверить правильность пути. Они то шли вверх, то спускались вниз. Несколько раз им пришлось вернуться и сделать крюк. Было видно, как Михаил становился все более раздраженным из-за того, что дорога давалась ему не так просто. В какой-то момент, он не стал убирать бумагу обратно в карман, а держал ее всегда в левой руке и периодически сверялся с заметками. Хотя Андрею было интересно, он не решился задавать вопросов, потому что предполагал, что закончится это агрессией и привычными оскорблениями.

Темный безлюдный гигахрущ иногда отзывался далеким скрежетом, стуком или непонятными звуками, которые были то ли криками, то ли чьим-то зовом. Проводник останавливался на несколько секунд, затем продолжал путь. Андрей же чувствовал более сильное волнение, глядя на не до конца уверенного проводника. В какой-то момент он понял, что Михаил в этот раз был похож на человека, которую хотелось поскорее закончить нелюбимую работу.

Они шли больше шести часов, но Андрей не решался остановиться или обратиться к раздраженному напарнику. Тот, казалось, разобрался с направлениями и под вечер шел, уже не глядя на бумагу. В тот момент, когда Андрею уже было тяжело держать темп Михаила, тот наконец решил сделать привал. Остановившись возле пластиковой карты на стене, он провел пальцем по списку помещений.

— Проклятый гигахрущ! — выругался Михаил. — Пришли наконец!

Они двинулись вдоль по коридору, в конце которого была открытая дверь с бойницами. Миновав ее, они вышли в другой коридор и зашли в ближайшую ячейку с гермодверью. Внутри Михаил скинул вещмешок возле обеденного стола, достал оттуда пачку концентрата и принялся жадно ее сосать. Андрей сел рядом с проводником и тоже достал еду.

— Это тоже заставка? — спросил Андрей, закончив прием пищи.

— Нет, — глотнув воды, ответил проводник. — НИИ.

— НИИ Слизи? — это был единственный научно-исследовательский институт, который знал Андрей, да и, наверное, подавляющее большинство жителей гигахруща.

— Альтернативной энергии.

— Ого! — он никогда не слышал подобного словосочетания. — Чем они занимаются?

— Занимались, судя по всему, — Михаил бросил скептический взгляд. — Тут нет никого.

— Ну да, — Андрей не дождался ответа. — Чем они занимались?

— Альтернативной энергией, наверное, — в голосе проводника нарастало раздражение. — Я не ученый, чтобы тебе тут все рассусоливать.

Чтобы не провоцировать злость, Андрей перестал на некоторое время задавать вопросы, но потом все равно продолжил разговор.

— Ты не устаешь так постоянно ходить по гигахрущу?

— Волка ноги кормят, — дежурно ответил Михаил.

— Что такое волк? — поинтересовался Андрей, впервые услышав такое слово.

— Чудовище такое мохнатое. Размером с человека, но двигается на всех четырех и почти постоянно бежит. Говорят, может загонять жертву несколько дней.

— Ты его видел?

— Нет, ни разу, — Михаил мотнул головой и начал что-то вспоминать. — Видел подобных вроде обезьяны, но волка нет. Думаю, это просто миф.

— Мы пока с тобой ходили по хрущу, я задумался, — продолжал Андрей, — что они все тут едят? Здесь же ничего нет. Пустые коридоры.

Михаил скривился, глядя на назойливого собеседника. Хотелось просто послать его к черту, но что-то подсказывало ему, что Андрей все равно станет допытываться до всякого рода бессмыслицы не здесь, так в другом месте. Вздохнув, проводник принялся за объяснения.

— Минотавр ест обезьян. Те едят людей и крикунов. Крикуны жрут крыс и мышей. Те едят насекомых и грибы.

— Какие грибы?

— Обычные. Зеленушки, бетончики, чернушки.

— Интересно, — Андрей открыл рот от удивления. — Что за грибы такие бетончики? Никогда не слышал о них.

— Ты чего? Первый день здесь? — с плохо скрываемым презрением ответил Михаил, снял с автомата фонарь и провел лучом света по полу, остановив яркое пятно в дальнем углу. — Вон там бетончики.

— Где? — удивленный Андрей снял свой фонарь и направился туда, куда указывал проводник. — Нет тут ничего.

— Ты присмотрись, дубина, — спокойно ответил Михаил и установил фонарь обратно.

Смущенный мужчина водил ярким лучом по полу, пытаясь найти среди пыли и бетонной крошки грибы. Он даже сел, чтобы лучше рассмотреть пол и провел по нему

ладонью. К его удивлению часть камней не поддалась и осталась на том же месте. Он взялся за один такой двумя пальцами и аккуратно потянул, отрывая его от пола. Андрей тут же ощутил специфический запах и покрутил камешек в руке. Тот оказался мягким и при нажатии выделял капельки бесцветной влаги.

— Это и есть бетончик? А выглядит как обычный камешек! — он удивлялся будто ребенок. — Такие и в обитаемой части есть?

— Есть, но их стараются убирать. Они бетон разрушают.

— А ты еще говорил про другие грибы...

— Они на эти похожи, — объяснял Михаил, — только бетончики — серые, а зеленушки — зеленые и растут в сырых местах. Если труба, скажем, протечет.

— А чернушки?

— Самые редкие. Они после самосбора могут появиться. На слизи или трупах. Эти самые опасные. Хотя их тоже едят.

— Кто?

— Крысы, мыши, насекомые. Постепенно приспосабливаются. Я когда начинал службу в ликвидаторах, такого еще не было. А потом эти твари постепенно приспособились.

— А люди их едят? — Андрей вернулся за кухонный стол и установил фонарь на автомат.

— Вообще это запрещено, потому что они ядовитые. Но бетончики давно стали собирать. Зеленушки тоже, только их отваривать надо. Про поедание чернушек я тоже слышал, но это больше чернобожники и всякие любители пообщаться напрямую со вселенной.

— Интересно... — пробормотал Андрей, раздумывая над услышанным.

Михаил с полминуты сидел молча, затем, поморщившись, задал вопрос.

— Ты что, действительно о таких не слышал?

— Нет, — Андрей с глупым видом покачал головой.

— Ты вообще из нашего мира? Как можно такие вещи не знать?

— Да я просто... — мужчина задумался. — Я на заводе все время проводил. А если не на заводе, то с сыном. Может что проглядел.

— Зато про небо с солнцем почему-то не проглядел, — раздраженно пробурчал Михаил.

Андрей хотел было ответить, но проводник отмахнулся, достал из кармана бумагу и начал что-то на ней искать. В этот момент из коридора послышался слабый звук, будто кто-то хлопнул ладонью по полу. Андрей вздрогнул и взялся за автомат, затем перевел взгляд на проводника. Тот, сохраняя невозмутимый вид, убрал бумагу и тоже взял оружие.

— Пойдем проверим, что там.

Михаил шел уверенно, не оглядываясь назад, и хотя звук не повторился, он шагал по коридору, будто точно знал, куда идти. Они покинули жилой блок и двинулись по длинному проходу до распахнутых деревянных дверей. Внутри тянулся еще один коридор, но необычный: на полу лежали куски ковровой дорожки, все двери были деревянные и не было видно ни одной железной. Михаил шел мимо изъеденных и изгрызенных снизу дверей, освещая таблички рядом с косяками. Андрей шел за ним и тоже читал золоченные буквы на красном фоне под толстым прозрачным пластиком.

— Старший сотрудник... — шептал вслух Андрей. — Младший сотрудник... Руководитель отдела физики... Заведующий отдела точных вычислений...

— Заткнись! — сквозь зубы процедил Михаил, но через полминуты вновь подал

голос. — Кажется, звук шел отсюда.

Он осветил табличку на стене и лучом фонаря проверил помещение. Затем медленно зашел внутрь. Андрей последовал за ним, прочитав «Руководитель отдела химических последствий Кузнецов П.А.». Михаил в это время осмотрел кабинет, заглянув под деревянный стол и проверив ряд шкафов, в которых пылились папки.

— Все чисто, — дежурно произнес он. — Видать, ошибся.

Проводник еще раз провел лучом света по стенам, обитым деревянными панелями и фоторамкам. Андрей сначала проверил коридор, но никого там не обнаружил.

— А если самосбор? Где прятаться?

— Вернемся обратно, — тихо ответил Михаил.

— Но до туда минуты три идти. Успеем?

— У нас другого варианта нет.

Ему совершенно не нравилась перспектива задерживаться в таком месте, но проводник сохранял спокойствие и Андрею не оставалось ничего другого, кроме как присоединиться к изучению рамок на стене. Помимо торжественных грамот, адресованных отделу химических последствий за вклад в научное дело, там еще были персональные грамоты его руководителю Кузнецову Павлу Алексеевичу.

— Видать, вот и руководитель, — произнес Михаил, постучав по стеклу фоторамки. — На каждом фото есть.

Андрей приблизился к стене, чтобы получше рассмотреть того, на кого указал проводник. На фотографии стояли несколько улыбающихся человек в белых халатах. Посередине выделялся их руководитель — высокий, очень крепко сложенный мужчина лет тридцати с квадратными скулами. На фоне других тот смотрелся просто великаном и почему-то пугал Андрея своим видом. Он убрал свет фонаря, чтобы исключить блики и попытался посмотреть на фото под разным углом. Затем начал рассматривать другие фотографии, где тот же человек стоял с другими людьми — где-то в костюмах, где-то в халатах или рабочей одежде. Андрей чувствовал, как по телу побежали волны страха, отчего в руках появилась дрожь.

— Ты чего? — поинтересовался Михаил, заметив перемену настроения его спутника.

— Это же... — Андрей смотрел испуганно. — Ты его не узнаешь?

— Нет, а должен? — он еще раз присмотрелся к руководителю отдела.

— Это же Чернобог! Это с ним я разговаривал в соборе... Только здесь он еще человек, кожа светлая. А там он весь был черный.

— Чернобог? — он несколько секунд разглядывал фотографии. — Я его так близко никогда не видел. Хотя по внешним признакам...

— Кузнецов Павел Алексеевич, — Андрей прочитал вслух имя на ближайшей грамоте. — Руководитель отдела химических последствий.

Чувствуя, как волнение охватывает его, он еще раз пробежался глазами по фотографиям и оглядел кабинет. Он сначала сделал несколько шагов в сторону шкафов, полных папками и книгами, но затем обратился к столу. Андрей сел на скрипящий стул, открыл верхний ящик стола и достал оттуда несколько папок.

— Что ты там думаешь найти?

— Не знаю... — с дрожью в голосе ответил Андрей. — Что-нибудь. Я хочу понять.

— Что понять?

— Не знаю.

Михаил нахмурился, глядя за суетливыми движениями напарника и вернулся к изучению фотографий. В это время Андрей читал название папок, открывал их, бегло изучал названия документов — на бумагах значились отчеты, анализы, ответы на запросы, официальные уведомления, сопровождаемые цифирными и буквенными индексами. В них разобраться было невозможно и он просто откладывал их в сторону. Так он быстро просмотрел две папки и принялся за третью с надписью «Отправить» на ней. В ней лежало несколько листов бумаги с подписью и печатью. Увидев знакомые слова, Андрей тут же принялся читать текст.

«Директору НИИ альтернативной энергии Победоносцеву К.А.
От заведующего отдела химических последствий Кузнецова П.А.

Последние несколько недель мой отдел проводит вполне успешное изучение образцов материала 14–17, которые среди сотрудников отдела получили обозначение „черная слизь“. Ход и результаты исследований и экспериментов были отправлены мною ранее — отчеты за номером 75.12 и 75.34. К собственному сожалению вынужден отметить, что несмотря на явный прогресс в исследовании и перспективность разработки материала, наши заявки остаются неудовлетворенными. В очередной раз прошу:

1. утвердить заявки за номером 367, 370 и 372.

2. выделить моему отделу время для исследований в камере ФУП-4, а также на время исследования подчинить мне работников отдела практических разработок альтернативной энергии.

3. подчинить мой отдел напрямую Победоносцеву К.А.

24.05.87Кузнецов П.А.»

Андрей быстро перечитал текст сообщения еще раз и посмотрел на другие неотправленные сообщения, которые, хоть и были связаны с первым, но никакой информации не несли. Он еще раз посмотрел в верхний ящик стола, затем открыл второй, где на самом верху лежала толстая тетрадь в твердой обложке. Достав ее, он начал бегло читать первые страницы. Пока Андрей был занят изучением документов, Михаил внимательно смотрел на фотографии людей в халатах и костюмах. Одна заинтересовала его больше других — он снял ее со стены и повернулся к напарнику. Затем начал смотреть то на Андрея, то на фото.

— Этот Чернобог!.. — послышался громкий голос из-за стола. — Никакой он не бог! Он занимался исследованием черной слизи!

Оторвавшись от тетради, Андрей посмотрел на Михаила, который все еще держал в руке фоторамку. На несколько секунд повисла пауза.

— Ты чего так на меня смотришь? — спросил Андрей.

Со странным выражением лица Михаил открыл рот, намереваясь что-то сказать, но не издал ни звука. Он застыл, словно прислушиваясь к темноте. В следующие мгновения Андрей ощутил тот самый запах, который заставлял сердце биться быстрее, подготавливая тело к быстрым и решительным действиям.

— Самосбор начинается! — прошипел проводник и бросился на выход. — Быстро!

Андрей вскочил со стула и побежал за напарником, но тут же встал и оглянулся на кипу

документов. Он схватил со стола папки с тетрадью, но документы стали вываливаться под ноги, а сами папки выскальзывать из рук. Андрей метался на месте, не решаясь оставить их там же.

— Сука! — донесся голос Михаила. — Где ты там пропал?!

Мужчина бросил папки с вываливающимися документами на стол и, взяв с собой лишь тетрадь, кинулся бежать. Запах становился все сильнее и отчетливее. Михаил стоял со злобным видом на выходе из НИИ, но не сказал ни слова, а лишь бросился по коридору в сторону защищенных ячеек. Гнилостный смрад обволакивал бегущих, подгоняя их ужасом. Андрей с трудом перебирал тяжелыми ногами, пытаясь догнать проводника. Они влетели в жилой блок и Андрей чуть не упал на повороте. Из помещений научного института послышался целый рой звуков — шипение, шелест, стрекотание, протяжный резкий вой. Самосбор начался. До двери оставалось еще несколько метров. Михаил был уже там. Андрей чуть было снова не упал, но крепкие руки проводника буквально закинули его внутрь. Гермодверь закрылась, щелкнул замок. Что-то ударило по металлу с той стороны.

Мужчины тяжело дышали после опасного спринта. Они встретились взглядом и Михаил с силой ударил Андрея в живот, отчего тот скрутился и упал на бетонный пол.

— Сука! Урод! — кричал на него проводник. — Ты нас убить решил?!

Переполненный злостью, он послал еще один удар ботинком в живот поверженному. Андрей издал глухой звук, чувствуя, как от боли ему сперло дыхание. Пытаясь успокоиться, Михаил ходил по ячейке, извергая ругательства и проклятья на лежащего Андрея. Тот с закрытыми глазами елозил по полу, пытаясь найти положение, при котором боль приглушалась лучше всего. Через несколько минут она начала отступать. Послышался характерный бутылочный звук и несколько глотков. Андрей наблюдал за тем, как проводник заливал в себя серебряную отраву, чувствуя, как им овладевают обида и злость. Однако он перевел взгляд на толстую тетрадь на полу и негативные эмоции тут же улетучились. Не без труда он стал подниматься на ноги, чтобы сесть куда-нибудь и прочитать записки руководителя научного отдела.

26. Дневник руководителя

Он оглядел комнату, полную двухэтажных железных кроватей со стоящими между ними тумбочками. На нескольких спальнях местах все еще лежали матрасы, правда изъеденные и дырявые во многих местах. Андрей опустился на ближайший из них и пододвинул тумбочку, так чтобы та стояла между ног наподобие стола. На кухню он опасался идти, потому что там уже сидел Михаил, который уединился, вероятнее всего, чтобы не видеть причину своей злости. Он иногда что-то негромко говорил, ругался и отпивал из бутылки — были слышны удары стекла по деревянной поверхности. Из-за гермодвери почти ничего не доносилось. Сначала там был непонятный шум, удары, но затем все стало стихать. Вместе с этим стихали и удары сердца в груди.

Андрей скинул рюкзак и поставил автомат рядом с кроватью так, чтобы фонарь давал достаточно света для чтения. Он открыл твердую обложку и начал изучать записи. В своей массе они представляли собой рабочий блокнот, куда его обладатель делал заметки, чтобы что-нибудь не забыть. Красивым мелким почерком одна за другой следовали напоминания, которые начинались со слов «отправить», «заполнить», «передать», «предъявить», «исследовать», и тому подобное.

«Заказать реагенты в отделе снабжения», говорила одна запись.

«Напомнить завсклада о бракованной партии», говорила другая.

Кузнецов вызывал ощущение ответственного руководителя, который полностью контролировал работу собственного отдела и старался не забыть о самых мелких вещах. Рядом с каждым напоминанием стояла галочка, как знак о выполнении того или иного задания себе самому. Однако другие записи ясно показывали еще одну его характерную черту. Простые заметки о повседневных делах иногда сменялись маленькими откровениями о работе отдела или НИИ.

«Новая практикантка напутала колбы с образцами и чуть было не завалила эксперимент. Будь моя воля, выкинул бы ее из НИИ с соответствующей характеристикой. К сожалению, Фадеев выгородил ее перед руководством. Неслыханная глупость. Такие дуры не должны работать в науке».

В другой записи досталось уже Фадееву.

«Победоносцев никак не может понять, какую скотину он поставил на место заместителя. Фадееву надо в колхозе работать, чтобы сидел и пересчитывал свиней. Для экспериментальной деятельности нужна воля и мужество, коих у него нет».

Один за другим он проходил оскорбительной критикой по практикантам, научным сотрудникам, заведующим другими отделами и прочими нерадивыми сотрудниками. Все они обвинялись в глупости, тупости, нерасторопности, необразованности и отмечались соответствующими эпитетами.

На пятой странице автор поставил на полях восклицательный знак, обведенный в треугольную рамку.

«Четвертая модель ФУПа наконец-то заработала! Судя по первым испытаниям, установку удалось стабилизировать и время работы увеличилось. Впускная и производственные способности по сравнению с прошлыми версиями — небо и земля!»

— Небо и земля... — замороженно произнес Андрей и продолжил чтение.

«Сегодня одни за другими прибыли несколько делегаций. Одна из них от военных. Все

очень ждут и надеются на улучшение результатов. Хотел поговорить с ними о своих наработках, но не получилось».

«ФУП-4 дает отменный результат. Наверное, он и будет считаться прорывным. Уверен, многие потомки станут считать нынешний год началом новой эпохи в истории человечества. Наверное, стоит признать, что Победоносцев заслужил свою должность».

Увидев слово «год», он хотел поинтересоваться его значением у Михаила, но тот все еще недовольно бурчал на кухне, поэтому Андрей решил повременить. Ряд следующих заметок вновь напоминал сделать, утвердить, заказать, отметить, провести или сделать что-либо еще. На седьмой странице автор вновь пустился то ли в критику, то ли в жалобы.

«Победоносцеву стоит задуматься о руководящем составе. Сегодняшние испытания отложили на завтра из-за перебоев в электроснабжении и некачественного материала. Завпотеха стоит отправить в отпуск. Он больше думает о своей беременной жене, чем о деле. Нельзя же таскать свои личные проблемы на работу. Ярославцеву я бы тоже снял. Она не в первый раз предоставляет бракованный материал».

«Не хватало своих идиотов, прислали еще одного из партии. Ходит везде и сует свой нос. Сразу видно, что ничего не понимает».

Несмотря на недовольство, автор на следующих страницах восторгался результатами работы и исследований.

«Результаты работы с ФУПом дают все более обнадеживающие результаты. За несколько минут удастся с небольшими изменениями воспроизвести тестовые материалы твердотельных и даже жидких образцов. Задумываются о подключении живой материи. Учитывая уже имеющиеся проблемы, думаю, что нас ждут веселые дни. Отдельно радуется количеству и качеству химических последствий. Черные капли на образцах стали заметны невооруженному глазу. Их состав все так же вызывает вопросы — химические компоненты лишь на треть совпадают с изначальными материалами. Также непонятна природа токсического характера капель. Несмотря на очевидные перспективы для исследования, Победоносцев видит в этом побочный эффект и не проявляет должного внимания. В любом случае явный прогресс меня радует».

С этого момента упоминание черных капель становится чаще и в иных случаях, хоть и не упоминаются, но понятно, что говорит автор о них.

«Собрали очередную партию материала. Направил в отдел обеспечения заявку на средства защиты седьмого класса. Четвертый класс, по всей видимости, не обеспечивает полной защиты от токсических испарений. Вчера на головную боль жаловались три лаборанта, сегодня во время исследования Ципкова потеряла сознание прямо над микроскопом. Странно, что на меня подобного эффекта не произвело. Предполагаю, дело в более высокой массе тела, иммунитете или общей тренированности. Стоит обратить на это внимание. Дополнительная почва для исследований».

«Гость из партии вновь интересовался моими делами. Его улыбка действует мне на нервы».

На следующей странице вновь восклицательный знак, обведенный в треугольную рамку.

«Как я и думал, черная слизь обладает мутагенным свойством. Уже первый эксперимент подтвердил его способность к кардинальному изменению биологической ткани в самый короткий срок. Сразу перешли к высокоорганизованной форме жизни. Первые десять мышей умерли все. Из двадцати следующих только три выжили, но все они показали восхитительные качественные изменения. Две демонстрировали повышение силовых и

скоростных качеств, третья показала ускоренную регенерацию после намеренного травмирования — порезы зажили буквально на глазах. Также обращает на себя внимание тот факт, что у выживших на теле и органах обнаружены черные пятна некроза. Удивительно, но на жизнедеятельность мышей это никак не повлияло. Внешне мертвая ткань каким-то образом продолжает выполнять свои функции. Требуется повторить опыт. Контролировать дозировку».

Далее Кузнецов описывал результаты экспериментов с мышами, которые по его словам приносили все больше плодов. Количество мертвых подопытных хоть и медленно, но снижалось, а качество мутации возрастало. Потом он снова срывался на критику.

«Победоносцев никак не может понять, что черная слизь представляет наибольший интерес и перспективность. Никакие другие химические последствия ФУПа не обладают теми же результатами. Все они — мертвые брызги, когда черная слизь позволяет изменять живую плоть прямо на глазах. Он намекнул то ли на мою отставку, то ли на необходимость сворачивания исследований. Пусть этот старый осел идет к черту».

«Видимо из-за разговора со мной Победоносцев провел встречу с руководителями отделов. Снова говорил о решении всех проблем человечества и невиданных перспективах развития технологии ФУПа. Наивный старик уверовал в сказку?»

«Сегодня приходила комиссия военных, но об их приходе мне сообщили уже после того, как они ушли. Думаю, Фадеев и Победоносцев специально сделали так, чтобы я избежал контакта с ними».

«Вчера испытания вновь отложили по причине некачественных материалов. Я не знаю, что мне сказать, чтобы Ярославцеву поменяли. Иногда мне кажется, что она это делает специально».

«Сбои в электропитании второй раз за неделю. Будь моя воля, пустил бы завпотеха на исследования вместо мышей».

«После двух минут работы ФУПа весь комплекс заглох по причине перегрузки сети. Когда старый осел найдет нормального человека? Думал обратиться с этим вопросом к пиджаку из партии, но передумал».

«Фадеев игнорирует уже вторую мою заявку. До сбора нового материала меня не допустили, а черную слизь в итоге уничтожили в печи. Идиоты».

Андрей с интересом изучал по заметкам работу исследовательского института. Кузнецов все чаще жаловался на некачественную организацию, при этом не забывая отмечать прогресс в исследованиях с пресловутым ФУПом. Что это такое, нигде указано не было и Андрей вновь посмотрел в сторону кухни, где сидел Михаил, но опять же не решился к нему обратиться. Как он понял из записей, буква У означала устройство, а П была первой буквой фамилии изобретателя — Победоносцев. Буква Ф представляла собой загадку, ответ на которую не удавалось найти на последующих страницах.

В какой-то момент авторский тон стал более раздраженным и грубым.

«Тупой осел думает только о морковке перед собой и не замечает очевидного».

«Если б не такое количество идиотов в институте, мы бы уже достигли большего».

«Пиджак снова лезет ко мне с вопросами».

«Безмозглый халат снова игнорирует мои заявки».

Подобные комментарии не содержали фамилий или должностей, но Андрей уже примерно понимал, о ком тот говорил. Далее заметки стали короче и менее информативными.

«Снова отказ на заявку. Думаю, надо действовать неофициально».

«Испытание прошло успешно. Догадки подтвердились».

«Стою на месте из-за бюрократических проволочек».

«Кажется, пиджак догадывается о моих опытах».

«Прислали министерскую проверку».

«Ощущение, что я — единственный, кто понимает, куда надо идти».

Андрей перелистывал тетрадь, в которой он понимал все меньше и меньше. Обычные заметки-напоминания переполнялись непонятными индексами и названиями, а личные заметки приобретали все менее ясный вид. Казалось, что разум Кузнецова переполнялся высокомерием и ненавистью по отношению к коллегам.

«Притащил сюда свою беременную жёнушку», «не додумалась проверить материал на аппарате», «снова отличился скудоумием», и много-много похожего.

В самой середине тетради был нарисован еще один восклицательный знак, занимающий половину страницы.

«Никто не может объяснить, что произошло. Либо перегруз электроснабжения, либо внутренний сбой самого ФУПа. Установку отключили почти сразу, но первоначального заряда хватило. Работает автономно. Сотрудники вне камеры переживают потерю памяти. Пришлось все объяснять, как детям. Не понимаю, где мы сейчас. Выхода из института не найти. На их месте новые помещения, которые полностью повторяют уже имеющиеся. Запасной выход тоже пропал. Выхода наверх нет. Окон нет».

«Работа с ФУПом приостановлена до выяснения текущих обстоятельств. После сбора всех сотрудников произвели перекличку. Все опрошенные к данному часу не могут вспомнить простейших вещей. Кроме тех, кто были в защитной камере. Некоторые научные и технические сотрудники отсутствуют. Где они — непонятно».

«Победоносцев планирует ввести чрезвычайное положение, хотя таких полномочий у него нет».

«Всех сотрудников ознакомили с командой на самостоятельный сбор в заранее установленных местах. Приходится учить их всех заново».

«Откуда взялись эти партийные толстопузы, мне не ясно. Лучше бы их не было. Один единственный пиджак был невыносим, а сейчас их десяток. Постоянно рыщут здесь».

«Сегодня обнаружил черную слизь на запасной лестнице».

«Черную слизь видели уже в нескольких местах. Производим ее сбор».

«Материала уже так много, что Победоносцев при науськивании Фадеева отдал приказ об уничтожении излишков. Идиоты».

«Они так заняты расследованием, что почти позабыли про меня. Самое время для самостоятельной работы».

«Эксперименты продвигаются успешно».

«Очередные успехи».

«Все идет, как я и задумал».

«Мышей больше нет. Думаю, любой смелый исследователь понимает, что надо делать».

Записки оканчивались еще одним треугольником с восклицательным знаком, за которым ничего не следовало. Андрей аккуратно пролистал оставшиеся страницы в тетради и обнаружил на задней обложке конверт, с вложенными туда фотографиями. Там лежало три карточки, на каждой из которых красовался автор — Кузнецов Павел Алексеевич. На одной он в костюме стоял на фоне необычной красивой лестницы с высокими деревянными

дверями с бумагой в руках. На скуластом лице сияла довольная улыбка. Свет на фотографии был удивительно яркий, словно где-то по диагонали от него сияли десятки ламп, из-за которых Кузнецов отбрасывал четкую черную тень. На другой тот же человек сидел по пояс голый и опирался на длинную железную палку с дисками на концах. Андрей долго рассматривал широкую грудь и крепкие плечи Кузнецова и в конце подтвердил для себя, что это был Чернобог, но еще не окрашенный слизью в цвет самосбора. На последней Павел Алексеевич сидел в том самом кабинете, где нашли эту тетрадь. С легкой улыбкой на лице, он глядел в фотоаппарат, держа в руках лист бумаги. Андрей убрал фотографии и закрыл тетрадь, погружаясь в размышления.

Несколько минут спустя в комнате появился Михаил. С бездумным маслянистым взглядом он прошел мимо Андрея, кинул на пол вещмешок, поставил автомат и бухнулся на матрас на свободной койке. Он сделал глоток, высоко запрокинув почти пустую бутылку.

— Что такое год? — поинтересовался Андрей.

— То же самое, что гигацикл, кажется, — проводник свободной рукой протер лицо.

— А неделя?

— Цикл, — после паузы ответил тот. — То же самое, что цикл.

— Это научный язык? Научные термины?

— Не знаю, — он слегка закачался и прилег. — Мне все равно.

— А откуда знаешь?

— Просто знаю, — он глянул на него с ухмылкой полной отвращения. — Ну ты зануда.

— Ты слышал когда-нибудь о ФУП?

— Когда дерьмо чье-нибудь увидишь, говоришь фу, — он закрутился на койке, заставляя пружины скрипеть.

— Да не. ФУП! Эф у пэ. Три большие буквы.

Михаил молчал несколько секунд, вспоминая знакомые аббревиатуры.

— Не помню такого, — устало выдавил из себя проводник.

— Я так понимаю, У и П это устройство Победоносцева. А первую букву я не понимаю.

— Идиот, — пьяница махнул рукой, — отстань от меня! Дай отдохнуть!

Оставаясь лежать на матрасе, он вылил в себя остатки алкоголя, пустив по подбородку и щекам тонкие струйки. Затем потряс пустой бутылкой и, размахнувшись, запустил ее в сторону другого мужчины. Стекло тара ударились о железный бортик кровати и со звонким звуком разлетелось по комнате, обдав Андрея кучей мелких осколков. Тот схватился за щеку, чувствуя кровавый порез. Михаил прищурился пьяными глазами.

— Я надеюсь, попал? Попал... — он довольно улыбнулся. — Жаль, что так мало.

Затем стал вновь скрипеть на кровати, пытаясь отвернуться от Андрея. Тот же с непониманием и обидой в глазах держался за щеку.

— Сколько сейчас? — вновь послышался голос Михаила. — Сколько сейчас времени?

— Почти девять, — тихо ответил Андрей.

— Так, значит это... — проводник производил подсчеты времени. — Поставь будильник на шесть. Завтра надо выйти рано. Чтобы поскорее добраться. До этого... чертового... Содружества...

Слова становились все реже и тише, пока он не замолк. Послышалось глубокое мерное дыхание, которое иногда прерывалось скрипом железной койки. Андрей еще несколько минут сидел там же, держась за рану на щеке. Затем, проверив отсутствие кровотечения, пошел на кухню, чтобы принять порцию концентрата. Держа в одной руке пластиковый

тубик, другой он переворачивал страницы дневника и искал новые вопросы и ответы к ним.

27. Туда нельзя!

После двенадцати мозг отказывался воспринимать информацию и мысли в голове настолько спутались, что Андрей решили идти спать. В голове звенели одни и те же слова и фамилии, среди которых он знал только одну — Кузнецов. Заняв свободный матрас, он моментально уснул, но, как и просил Михаил, будильник запиликал в шесть часов. Андрей продрал глаза, потянулся и тут же встал. Его проводник распластался на кровати, выдыхая стойкий запах перегара. Он подошел к двухъярусной кровати и с силой затряс ее, чтобы разбудить пьяницу. Через несколько секунд лежащий мужчина недовольно заворчал, но Андрей не останавливался.

— Да что ты делаешь?.. Прекрати уже!..

— Вставай! Шесть утра! Как ты просил! — со злостью выговаривал Андрей.

— Ну все-все... Встаю...

Андрей отошел на пару шагов и контролировал, чтобы Михаил поднялся. Первым делом тот стал вслепую искать на кровати бутылку и по мере того, как к нему приходило понимание об ее отсутствии, он становился все бодрее.

— Проклятье! Где она...

— Ты вчера ее разбил, не помнишь?

Проводник на секунду застыл, глядя на Андрея, и громко выдохнул. Затем сел на кровать, потирая лицо.

— А что за царапина у тебя на лице?

— Осколком от бутылки.

Михаил вновь замолчал, пытаясь вспомнить предыдущий день.

— Ах, да-да!.. Я еще пнул тебя разок, — сказал он. — Но ты заслужил. Понятливее надо быть.

— С чего это я заслужил?

— Потому что надо делать то, что я говорю, — голос моментально стал злее. — Мы с этого начинали. Или ты забыл?!

— Нет, — после некоторой паузы ответил Андрей, понимая глупость своей обиды.

— Сколько у меня там еще осталось?.. — самого себя спросил Михаил, открыв сумку. Покопавшись там, он кивнул сам себе. — Еще есть, это хорошо. Знаешь, я ведь раньше не пил совсем. Хочешь расскажу, откуда это пошло? Ты ведь любишь все знать, постоянно вопросыки задаешь.

— Ну, — ответил Андрей, понимая, что историю он услышал бы при любом ответе.

— В первый свой гигацикл в ликвидаторах пошли мы как-то на зачистку промзоны, — он поднял красные глаза на бледном лице. — А нас всегда учили держать дистанцию, не отходить слишком далеко. В порыве зачистки совсем об этом забыл, отдалился от группы и понял это только когда позади меня возникли твари. Спереди — твари, сзади — твари, повсюду туман и слизь. Я их жгу, они с другой стороны заходят, я туда огнем, они сзади прут. Ты, идиот, пока не окажешься в похожей ситуации, не поймешь, что значит умереть в мыслях. То есть, ты вроде как живой, но уже распрощался со всеми, кого знал. Когда стреляй-не стреляй, уже знаешь, что конец тебе. Я в угол забился, оттуда остатками огня плевал, чтобы уродов отгонять. Индикатор в красную зону перешел. Уже гранату приготовил для себя, — он на несколько секунд замолчал, то ли вспоминая, то ли для пущего

эффекта. — Потом отряд мой все же пробился ко мне. Спасли.

— И что? — послышался спокойный голос. — В чем смысл истории?

— А то, что я прийти в себя не мог, даже таблетки не помогали. Мне уже потом рассказывали, что после спасения несли меня под руки до самой казармы, потому что я был полностью без сил. А там влили бухла в рот, чтобы уснул. Я потом три дня пил в лазарете, чтобы забыть этот... смертный ужас. Я только позже понял, почему командир нас за все наши косяки бил кулаками и ногами. Чтобы мы через боль запомнили, что нельзя нарушать приказы. Нельзя нарушать инструкции.

— Я это понимаю.

— Ты если бы понимал, урод, так вчера сразу за мной пошел, а не в бумажки свои полез! — он кричал. — Ты думаешь, мне сильно надо тебя из дерьма вытаскивать? В другой раз я тебе в морду плюну и выпутывайся, как хочешь! Я понятно сказал?!

— Понятно, — сухо ответил Андрей, чувствуя себя школьником.

— С дороги свали! — сказал Михаил, встав с кровати.

Шатающейся походкой он пошел в туалет, бурча себе что-то под нос. Затем вернулся за мешком и переместился на кухню. Пряча взгляд, Андрей последовал за ним, чтобы принять пищу. Михаил, не стесняясь, отрывивал и, причмокивая, высасывал остатки концентрата, затем залил в себя воды.

— Хорошо! — отозвался он. — Что там в бумажках? Нашел что-нибудь интересное?

— Там все интересное, но не все понятно. В общем, Чернобог — никакой не бог. Звать его Кузнецов Павел Алексеевич.

— Это ты мне вчера уже сказал.

— Он руководил отделом в НИИ. Они проводили эксперименты с каким-то аппаратом. Называется ФУП-4. Слышал когда-нибудь?

— Ни разу. Что это?

— Из записок не ясно. Я так понял, У — это устройство, П — Победоносцева, а 4 — это версия аппарата. Что такое Ф не указано. Ты какие помнишь слова на Ф?

— Фабрика. Фаза, — вспоминал Михаил. — Файл. Факт.

— Надо что-то научное. Эти я сам вчера вспомнил.

— Фрезеровщик! — произнес проводник и комично выпучил глаза. Андрей не сразу понял, что тот кривляется.

— Смешно.

— А что ты хочешь? Я ученый по-твоему?

— Нет, но я думал... — Андрей остановился на полуслове. — В общем, на этот ФУП вроде как большие надежды возлагали. Но я не понял, что он делает. А еще он у них черную слизь выделял.

— Зачем? — Михаил нахмурился. — Ее и так полно.

— Не знаю. Но этот Победоносцев проводил с ней эксперименты, когда был еще человеком. А потом у них авария произошла с аппаратом. Какая — я не понял. Но потом у них начался этот самосбор... — он пытался вспомнить название, — при котором этажи перестраиваются.

— Редемптивный?

— Да! У них пропали выходы из НИИ. И им пришлось остаться там.

— А потом что?

— Не знаю. Но, кстати, Кузнецов у себя в заметках упомянул небо и землю. Что,

думаешь, это значит?

— Я откуда знаю? Дай глянуть на тетрадь!

С некоторой задержкой — он подумал о том, что Михаил мог испортить записки — Андрей достал дневник и положил на стол перед Михаилом. Тот, нахмурившись стал читать. Или, вернее сказать, пытаться читать, потому что всем своим видом показывал, что давалось ему это с трудом. Он осилил первую страницу, но на середине второй раздраженно хлопнул обложкой тетради, закрыв ее.

— Чушь какая-то! Ни черта не понятно! Убери ее. Потом, может, почитаю.

— Нам бы туда вернуться. Я хотел еще его записки посмотреть.

— Вернуться... — повторил Михаил, что-то вспоминая. Затем, округлил глаза. — Там же самосбор был!

Он резко поднялся и в несколько шагов оказался возле гермодвери. Приложившись ухом к железу, он пытался определить уровень опасности.

— Что там? — поинтересовался Андрей, встав рядом. — Слышно что-нибудь?

— Как будто-бы нет. Видать, все там осталось.

— Так нам получится туда сходить?

Михаил отстранился от двери, глядя на собеседника исподлобья. Однако в считанные секунды его злость отступила, сменившись каким-то непонятным разочарованием или тоской. Он закрыл глаза и дернул головой.

— Пойдем туда, но аккуратно, — он вновь смотрел на Андрея с ненавистью. — При первой опасности — назад. Ослушаешься — пропадай! Я больше с тобой сюсюкаться не буду.

Через несколько минут они надели противогазы, вышли в коридор и медленно двинулись назад в НИИ. Михаил шел медленно, плавно опуская ногу, чтобы не издавать никакого шума. Андрей пытался ему подражать, но все равно время от времени давал о себе знать то хрустнувшим камешком, то шорохом плотной рабочей одежды. По мере приближения к коридору с ковровой дорожкой, Михаил становился напряженнее. Он часто останавливался, прислушиваясь, и досконально проверял каждое смежное помещение. Повсюду появлялись пятна черной слизи, грибы разных цветов и пыль, в свете фонаря казавшаяся розовой.

В какой-то момент проводник остановился и простоял так с полминуты. Затем таким же медленным плавным ходом двинулся назад, не сводя с тьмы перед собой фонарного луча. Андрей не сразу понял, что ему требовалось делать то же самое. Он вдруг ощутил жуткое напряжение, отчего, казалось бы, простой шаг назад давался с огромным трудом. Он боялся упасть, оступиться, затем по спине побежали мурашки от страха того, что позади кто-то есть. Андрей было дернулся, чтобы обернуться, но остановил себя, не будучи уверенным, что это требовалось. Михаил приблизился к нему, заставляя идти быстрее. Это возвращение до лестницы казалось бесконечным, хотя на часах прошло всего две минуты. Наконец Михаил повернулся, приложил палец к подбородку, закрытому противогазом, и указал вниз. Они медленно спустились, освещая путь в обе стороны.

На три этажа ниже Михаил поднял противогаз, еще раз внимательно прислушался и тихо сказал:

— Туда никак нельзя. Мы там навсегда можем остаться.

— Что там? — спросил Андрей, тоже сняв резиновую маску.

— Щупальца. Их там несколько.

— Что за щупальца? — задал он вопрос, уже предполагая ответ.

— Ну эти... Кальмары. Люди с щупальцами вместо рук.

— Как ты понял? — спросил Андрей и понял, что хочет пить из-за моментально пересохшего рта.

— По звуку. Пошли отсюда.

— Подожди... — Андрей прогонял в голове мысли и не решался попросить проводника.

— Что там? Быстрее говори!

— НИИ на нескольких этажах. Пойдем на другие посмотрим. Я хочу узнать про эти эксперименты.

Михаил яростно оскалился, показывая неровный ряд желтых зубов, его глаза налились откровенным безумием.

— Если они там, то и на других этажах тоже! — он выдавливал из себя злой шепот. — Мы здесь, чтобы в сыщиков играть?! Или мы за твоим сыном идем?!

Собеседник несколько секунд стоял молча, раздумывая над вопросами.

— Да, конечно, — тихо ответил Андрей, в очередной раз осознавая собственную глупость. — Пойдем.

— Спустимся на несколько этажей ниже, чтобы обогнуть эту дрянь! Прикрываешь тыл. И слушай внимательно! Эти твари очень тихие.

Он закрыл лицо противогазом и они продолжили движение вниз. Миновав еще три пролета, они вышли в обычный коридор гигахруща с облезлой краской на стенах и рядом гермодверей различной степени целостности. Сохраняя полное молчание, они шли вперед уже быстрее, не тратя много времени на проверку помещений.

Через несколько минут Михаил вновь остановился, проверяя темную даль светом фонаря. Тридцать секунд спустя они продолжили путь, но медленнее. Когда под ботинком Андрея хрустнул камешек, они снова остановились. Андрей чувствовал, как взмокла кожа на лице под резиной. Что-то явно намечалось. Он вспомнил про тыл и медленно повернулся, чтобы проверить происходящее сзади. Он вздрогнул, услышав крик.

— Эй, там! — это был голос Михаила. — Ты кто?

За крепкой спиной проводника Андрей не сразу увидел того, к кому тот обращался. Андрей сделал шаг в сторону и почувствовал, как руки начали дрожать. Вдалеке виднелся силуэт человека. Он медленно шел по направлению к путешественникам, держа руки на груди.

— Отзовись! Э! — громче повторил Михаил и сделал два шага влево так, чтобы стоять с Андреем у разных стен.

Человек впереди словно ничего не слышал, но слегка ускорил ход и опустил руки, которые почему-то были настолько длинными, что доставали пола. Черный силуэт резко метнулся по направлению к ним. Послышались выстрелы. Михаил один за другим выпускал в бегущего на них человека пули. К нему присоединился Андрей. Попадая в незнакомца, пули вырывали ошметки плоти, разбрызгивали темную кровь. Но тот становился все ближе и уже тянул щупальца в сторону жертв. Выстрелы гремели один за другим. Уже была видна широкая черная пропасть рта с грязным оскалом, тупые выпуклые глаза, присоски на многометровых отростках. Когда между ними оставалось метров пять, Михаил дал по чудовищу очередь из оставшихся в магазине патронов. Пули прошли точно по центру снизу вверх так, что последние выстрелы продырявили голову в нескольких местах. Монстр тут же рухнул на бетонный пол, разбрызгивая повсюду черную кровь. Почувствовав на щеке брызги,

Андрей принялся суетливо стирать гадость с лица. Тело пришельца растекалось по поверхности, будто у него не было костей и быстро теряло форму человека.

Осветив разорванную голову трупа, Андрей даже слегка наклонился пониже, чтобы лучше разглядеть глаза чудовища. Те были полностью черные с мелькающими внутри них разводами, словно в черную слизь капнули серебрянки. Едва различимые искорки сливались в туманные очертания и гуляли внутри глаза облачком, словно плавали в воде. Завороженный Андрей даже открыл рот, наблюдая за смертельной красотой.

Пока Андрей с оцепенением разглядывал тварь, Михаил быстрыми отработанными движениями уже поменял магазин.

— Отступаем! — громко скомандовал он. — Перезарядись! Я смотрю туда, ты в обратную сторону! Не беги! Контролируй дистанцию!

У перепуганного мужчины не сразу получилось перезарядить автомат. Сначала он не мог попасть пальцем на кнопку, затем открыть подсумок и засунуть туда пустой магазин. Затем возникли сложности, чтобы вставить новый. Все казалось или слишком большим, или маленьким, или неудобным.

— Что ты там колдуешь?! Быстрее! — подгонял Михаил.

Наконец у него получилось и он направил фонарь в обратную сторону.

— Если увидишь людей, дай знать! — командовал проводник.

Они быстро дошли до лестницы и стали спускаться вниз. И еще вниз. И дальше вниз. Чувствуя угрозу за каждым поворотом, Андрей сбился со счета этажей.

В какой-то момент Михаил направился вглубь гигахруща до ближайшей ячейки. Когда дверь закрылась, они не стали как обычно устраивать привал. Михаил прямо возле двери снял противогаз, отпил воды и протянул бутылку Андрею.

— Видел, какие опасные твари? Словно боли не чувствуют. Стреляешь в него, а он прет напролом.

Андрей сделал несколько жадных глотков и вернул воду.

— Почему ты сразу не стал стрелять? Ведь было понятно...

— Что понятно? — перебил его Михаил. — Когда стало понятно, я выстрелил. А до этого... — он задумался со злым оскалом.

— Но ведь мы читали там на заставе. Что можно стрелять, — пытался объяснить Андрей.

— В тех, кто проявляет агрессию! Во всех нельзя просто так стрелять, — раздраженно объяснял проводник. — Мы сейчас в Содружество придем. Там у каждого второго по щупальцу. Или еще какому отростку. Тоже стрелять во всех будешь?

Андрей молча слушал собеседника и не отвечал на вопросы, которые явно были риторическими. Михаил еще раз отхлебнул из бутылки и убрал ее в сумку.

— Возможности здесь оставаться нет. Мы на них все патроны переведем и сами тут останемся. Сейчас выходим и быстро идем туда, — он указал направление рукой. — Надеюсь, так низко щупальца не забрались.

Уже взявшись за ручку замка, он на секунду остановился и задумался.

— Ты пойми... Мне самому это тяжело принять, — он помотал головой. — Но в гигахруще не всё то человек, что с руками и ногами. И не всё то монстр, что с щупальцами и шерстью.

Михаил странно посмотрел на Андрея и распахнул дверь. Они продолжили путь. Сначала Андрею было крайне волнительно. Повстречавшись с одним таким чудовищем, он

ожидал увидеть новых тварей за каждым поворотом и постоянно держал тьму под прицелом. Но Михаил шел быстро, уверенно и со временем это спокойствие передалось и его напарнику. В какой-то момент Андрей опустил автомат до пояса и понял, что страх отступил.

Проводник по какой-то причине больше не сверялся с бумажкой, а искал путь сам. Они миновали блоки, использовали лестницы, прошли мимо нескольких заброшенных заводов. Михаил все так же внимательно слушал тьму и руководствовался непонятными Андрею знаками и фактами. Гигахрущ иногда отдавался щелчками, хрустом, порой вдали слышался крик. В иные моменты, услышав или увидев что-то, Михаил останавливался или замедлял шаг, а затем менял направление. В другие он продолжал идти, словно ничего не произошло. В какой-то момент Андрей представил, какое безлюдное расстояние отделяло их от обитаемых этажей и ему стало страшно. Он мотнул головой, пытаясь отогнать пугающие мысли, и сделал несколько быстрых шагов вперед, чтобы быть ближе к тому, кто указывал ему путь в тьме.

28. На пути в Содружество

Ячейка за ячейкой, блок за блоком, этаж за этажом они шли сквозь гигахрущ, не считая времени и пройденного расстояния. Содружество было где-то там впереди и это единственное, о чем по пути думал Михаил. Ему не было интересно, что творится в других блоках и этажах, если это не представляло опасности. Опыт бывалого разведчика, обходчика и проводника подсказывал ему, что задаваться вопросами о тьме было чревато. Андрей же, будучи в какой-то мере пионером этих бесконечных пространств, постоянно думал о том, что он видел или слышал от Михаила, либо о том, что издавало звуки и запахи где-то там, куда не проникал свет фонаря. В голове был целый рой мыслей, которые наслаивались одна на другую, мешались, заставляли размышлять до одури. Иногда возникало ощущение нереальности происходящего — Андрей ловил себя на том, будто проснулся и оказался посреди неизвестного нечто. В другие моменты он наоборот словно засыпал и оказывался во сне, где приходилось бесконечно идти, и не было ни конца, ни края этим пыльным безлюдным коридорам.

Они шли весь день без остановок и перерывов. Таблетки делали свое дело — притупляли чувство голода, усталости, заставляли передвигать каменеющие от усталости ноги. Ближе к вечеру Андрей попросил еще одну, но Михаил лишь мотнул головой. Когда они очутились за гермодверью заброшенной (или никогда не используемой) ячейки, Михаил скинул сумку, медленно опустился на чью-то кровать и облегченно выдохнул. Достав консервную банку, он вскрыл ее ножом и принялся потреблять содержимое, используя нож в качестве ложки. Андрей в это время лежал и потирал мышцы на ногах.

— Ты чего не ешь? — спросил Михаил.

— Я пока не голоден.

— Голоден-не голоден, а есть надо. Доставай концентрат.

Превозмогая усталость, Андрей принял сидячее положение и тупо уставился на вещмешок, до которого было лень тянуться. В то время, как его проводник успел окончить одну банку и открыть вторую, Андрей просто сидел на краю койки. Он все думал о том, что тревожило его разум во время похода и думал, как будет логичнее начать разговор.

— Как часто здесь бывают самосборы? Я о серой зоне говорю.

— Как и у нас на обитаемых этажах, — ответил Михаил. — Никакой разницы нет.

— Я просто подумал... — он остановился. — Здесь же нет ликвидаторов, которые уничтожают последствия самосбора, так?

— Ну?

— Я думаю за все эти циклы и гигациклы серая зона должна была бы уже превратиться в сплошной сгусток черной слизи и кишачих монстров. Почему здесь все пусто?

— Черную слизь либо едят, либо она сама высыхает, — безэмоционально ответил проводник. — А монстры разбредаются кто куда.

— И что потом?

— Умиранут рано или поздно. Или живут какое-то время, пока не натыкаются на тех, кто посильнее.

— Это вам в службе так объясняли? — никак не унимался любопытный Андрей.

— Нет, — он мотнул головой. — Ничего такого нам не говорили. Они вообще мало о чем говорили.

— Кто «они»?

— Руководство. Начальство. Партия.

— Вас совсем не учили?

— Учили, конечно, — Михаил кивнул с деловым видом, выковыривая еду из банки. —

Как с оружием обращаться, виды монстров. Но о многих вещах ни слова.

— Почему так? Они же говорят нам о всяком в программах.

— Только то, что положено знать жителям.

— И рассылают информацию по стендам, — продолжал Андрей. — Даже самосборы предугадывают.

— Вот именно, что предугадывают. Гадают то есть, — Михаил недовольно поморщился. — Ничего конкретного они не знают. А только делают вид.

— Зачем?

— Чтобы власть сохранить, конечно же. Создают видимость того, что знают, что делают и куда нас ведут. А на самом деле здесь внизу, — он обвел рукой бетонные стены, — иногда все более понятно, чем там наверху.

— Ты их не любишь?

— Кого? — Михаил оторвался от еды.

— Ну этих, которые сверху. Партию. Партократов.

— За что мне их любить? — он криво ухмыльнулся. — Пока мы здесь штаны на заднице рвем, чтобы банку тушенки себе позволить, они наверху там жируют. Тебе они что ли нравятся? — не глядя на собеседника, спросил Михаил.

— Нет, — он несколько секунд подумал. — Тем более, после встречи со Звездиным. Но мой бригадир, скажем, всегда с таким уважением о них отзывается. Говорит, что они нашу жизнь лучше делают.

— Кому как, видимо, — Михаил продолжал поедать содержимое банки. — Не припомню, чтобы они мою жизнь сделали лучше.

— Ты был там наверху?

— Нет, конечно, — проводник усмехнулся. — Туда черни вход закрыт. Там местечко для лучших из лучших.

— Этот партократ Звездин, которого я встретил, не был похож на лучшего из лучших. Только разве что толстый он. И в костюме.

— А я тебе о чем? Отожрался на мясе.

— Думаешь, они его часто едят?

— Конечно. У них там свои мясофермы. И едят они не консервы, как мы, а свежее мясо.

— Это ты сам видел?

— Нет, но говорят. И охотно в это верю.

Они некоторое время молчали, пока Андрей вновь не заговорил.

— Ты говорил, что партия уничтожает чернобожников, потому что те претендуют на власть. А с Содружеством что? С ними они тоже воюют?

— С ними нет, никогда такого не слышал. Они слишком далеко и, судя по агентурной работе, не стремятся распространить власть в обитаемых блоках.

— Почему?

— Ты знаешь, кто живет там? — Михаил обратил на него пристальный взгляд.

— Мутанты.

— Общался когда-нибудь с ними?

— Только с этими... чернобожниками. В Содружестве тоже все такие уроды?

— Сложный вопрос, — он мотнул головой. — Я там не был. Но мутант может выглядеть как самый обычный человек — без черных пятен или щупалец. Но он мутант.

— А ты общался с ними?

— Было дело. По службе. Устраняем самосбор, обходим ячейки и где-нибудь попадается мужчина или женщина — ведет себя странно, смотрит будто сквозь. А потом оказывается человек попал под самосбор и мутировал.

— Как вы это понимаете? — Андрей нахмурился. — Если внешне никаких перемен нет. Если без черных пятен и щупалец...

— А ты пообщаешься, сразу поймешь. В них пропадает человечность что-ли. В гигахруще все только и думают о том, как бы себе мяса достать или ковер в ячейку. Или занавески, — Михаил вновь посмотрел на собеседника. — А мутанты — нет. Им до этих мелочей никакого дела нет. И даже не притворяются. Как бы выше оказываются привычных нам дел. Потом начинают забывать про порядок, дисциплину, субординацию. Подчиняться не хотят.

— В этом и заключается вся мутация?

— Конечно, нет. Мутации приводят к изменению физиологии, мышления. Иногда появляются способности, невысказанные для простых людей.

— Читать мысли? — спросил Андрей, затем добавил. — Или передавать мысль на расстоянии?

— Вроде того, — он кивнул и сделал глоток. — Или бежать без усталости несколько часов. Или поднимать других людей, словно те весят килограмм пять.

— Что вы с ними делали в службе?

— Задерживали. Доставляли в блок изоляции.

— А потом? — ему почему-то было страшно из-за ответа, который он ожидал услышать.

— Как обычно с изолированными — либо коррекция, либо утилизация.

— Их получилось корректировать?

— Нет, мутация необратима.

— Значит всегда утилизация?

— Наверное, да, — Михаил призадумался и через несколько секунд добавил. — Точно не могу сказать, конечно. Я никогда не видел их после помещения в изоляцию. Что с ними делали дальше, мне точно неизвестно. Там другой отдел этим занимается.

Андрей сидел молча две минуты, представляя себе бедных мутантов, неотличимых от людей, которых умерщвляли просто потому, что тем не повезло оказаться под самосбором.

— Почему так? Зачем утилизировать? Тебе не кажется это... — он пытался подобрать слово, — бесчеловечным.

— Учитывая то, что они перестали быть людьми — нет.

— Но ведь ты сказал, что внешне они неотличимы от людей, — он вспоминал о сыне. — Зачем их утилизировать? Почему не оставить жить?

— Я же сказал, — недовольно поморщился Михаил, — они нарушают порядок. Попробовал бы ты с такими трубы производить у себя на заводе, понял бы, о чем речь.

— Можно ведь просто их отпустить...

— Так может и отпускают, — перебил его проводник. — Мне точно неизвестно. Учитывая то, что мутанты по сути сколотили свое государство на просторах серой зоны, может их провожают до границы, а там они как-то сами.

— Мой сын убежал, — задумчиво произнес Андрей. — Видимо, боялся, что его утилизируют.

— Тебя, кстати, тоже подозревали в мутации, скорее всего, — Михаил проигнорировал то, что сказал собеседник. — Там, конечно, написали, что у тебя психическое расстройство на фоне потери сына. Но, судя по моему опыту, это по факту подозрение в мутации.

На полминуты ячейка погрузилась в тишину.

— Значит, меня тоже могли...

— Конечно, — спокойно ответил Михаил. — Если бы продолжил дурить, то да.

Они вновь замолчали. Проводник в это время достал из мешка очередную бутылку с алкоголем, открыл ее и сделал несколько глотков. На этот раз Андрей был настолько погружен в мысли, что даже не заметил этого.

— Ты мне сказал там, что не всё то человек, что с руками, и не всё то монстр, что с щупальцами, — вспомнил Андрей. — Что ты имел ввиду?

— То и имел, — собеседник пожал плечами. — Что не надо стрелять во всех подряд бездумно.

— Странно, — произнес Андрей.

— Что странно? — заинтересовался Михаил.

— То, что ты сказал — странно.

— Почему это? — он отпил из бутылки.

— С одной стороны, ты говоришь не стрелять сразу в тех, кто не выглядит как человек. С другой, равнодушно относишься к судьбе мутантов, которых задержали в общежитие.

— Нет в этом никак странности, — тут же ответил мужчина и тут же добавил. — Но мне лень тебе это объяснять. Я устал.

После нескольких минут молчания Андрей вновь нарушил тишину своими вопросами.

— Когда мы придем к Содружеству, — начал он, — как мы туда попадем? Пройдем охрану и вообще? Думаешь, они поймут, что мы — не мутанты?

— Я думаю, проблем не будет. — коротко ответил проводник.

— Почему?

Михаил громко вздохнул и приложился к бутылке. Андрей только в тот момент заметил, что его собеседник вновь налегает на серебрянку и понял, что дальнейший разговор вряд ли будет складываться нормально.

— Потому что они мутанты, а мы — люди. Главное руки подальше от оружия держать.

— Думаешь, легко там будет найти Колю?

— Не знаю, — он безразлично пожал плечами. — Может быть.

Его поведение и взгляд становились замедленными, поэтому Андрей, так и не приняв концентрата, вновь лег на кровать, думая о сыне. Ему на грудь упала таблетка, которую кинул проводник.

— На-вот, прими. Чтобы уснуть быстрее. Завтра встаем в шесть. Снова идем весь день.

На душе было тяжело от мыслей о мутантах и сыне, которого могли утилизировать, будто тот был отработанным материалом. К своему неприятному удивлению, Андрей вдруг стал понимать логику Михаила и ликвидаторов, какой бы бесчеловечной на первый взгляд она не была. Оправдание приходило на ум само собой, но он пытался отмахиваться от него как от канализационных мушек.

Следующие сутки вновь прошли в бесконечных лабиринтах гигахруща. Шли они молча и даже когда останавливались, ни о чем не разговаривали. Михаил лишь делал свое дело, а

Андрей был полностью занят мыслями о том, что им предстоит. Чувство радости от скорой встречи с сыном могло тут же уступить место безысходности. Та в свою очередь сменялась надеждой, которую вскоре замещала тянущая тоска. Темные глубины гигахруща отзывались своими привычными криками, стонами, стуком и шелестом. Михаил профессионально огибал опасные места. За день ходьбы они дважды уклонились от самосбора, чувствуя едкий запах и замечая розовую пыль вдали на конце луча фонаря.

Уже под вечер случилось то, что путники и ликвидаторы запоминают на всю оставшуюся жизнь. Быстро шагая по очередному коридору, они оба почувствовали легкую вибрацию и странный гул вдали.

— Что это? — пренебрегая правилами, спросил Андрей.

Михаил сначала не ответил. Они дошли до ближайшей лестницы, где проводник прислушался к тому, что происходило на других этажах.

— Кажись, там наверху железнодорожная ветка.

— Поезд?! — удивленно уточнил мужчина.

— Хотя мы вроде должны быть еще далеко от нее.

Вибрация и гул вскоре пропали и путники шли в полной тишине. Очень скоро Андрей вдруг поймал себя на мысли, что и гигахрущ погрузился в небывалую тишину. Не было слышно ничего, что обычно тревожило людей.

В какой-то момент Михаил, видимо, тоже это понял и остановился. Они оба, чувствуя напряжение, пытались определить хоть малейшие признаки жизни вокруг, но совершенно ничего не было слышно. Они словно попали в какой-то пузырь. Ни говоря ни слова, Михаил пошел дальше, но уже медленнее и осторожнее. Следуя примеру проводника, Андрей, упер приклад автомата в плечо и периодически оглядывался. Они ощутили странный едкий запах. Он совсем не был похож на самосборный, но, попадая в нос, заставлял их морщиться. Один за другим они одели противогазы.

Андрей не сразу обратил внимание на то, что заметил Михаил. Лучи фонарей, рассекающие тьму, вдруг стали в ней таять и становится все короче и короче. Андрей вздрогнул, осознав это, но не решился ничего спрашивать у более опытного проводника. Аккуратно переставляя ноги, они старались не издавать ни единого звука. Коридор обрывался тьмой, в которой ничего не было видно. Метров за двадцать до конца, они оба заметили рваный бетон с торчащей оттуда арматурой. Вдали, во тьме что-то блеснуло. Чем ближе к краю они приближались, тем все более напряженно они шли. Михаил повернулся и несколько секунд рассматривал пространство за ними. Затем опустил автомат и, оперевшись на стену, прошел последние три метра. Через несколько секунд так же поступил Андрей, который чувствовал, как у него перехватывает дыхание.

Стоя у самого края, они освещали пустое пространство светом, казалось бы, мощных фонарей, которых здесь явно не хватало. Перед ними пролегал идущий по диагонали огромный тоннель, стены которого пестрили внутренностями жилых ячеек, коридоров, лестниц, трубных стояков и шахт вентиляции. Они разглядывали оборванные конструкции из бетона и металла. Андрей впервые видел гигахрущ вот так, со стороны, будто препарированное животное на хирургическом столе. Таким видом гигахрущ угнетал своим величием и размахом. Света фонаря едва хватало, чтобы увидеть противоположную сторону тоннеля, а то, что лежало справа и слева, тонуло в непроглядной тьме. Было слышно, как Михаил сухо сглотнул, рассматривая внутренности гигахруща. На смену всеобъемлющей замороженности постепенно стал приходиться ужас от мыслей о том, кто или что могло

проделать такую громадную дыру.

Будто услышав знакомую эмоцию, из глубины гигахруща нечто издало то ли рык, то ли стон. Шедший из самых черных далей, он звучал сначала будто жалобно или недовольно, но быстро становился громче и громче. Жалобности и недовольства совсем скоро не осталось. Все, что можно было описать человеческими эмоциями исчезло. Его и ором то было нельзя назвать, ни криком, ни стоном. Это просто был мощный гул, которым Нечто давало о себе знать всему гигахрущу. Этот звук был настолько сильным, что с оборванных панелей бетона посыпались камни и пыль. Путники чувствовали, как их накрывает леденящим ужасом от этого звука, ноги стали ватными. Непроизвольно, они сделали несколько шагов назад.

Внезапно стало тихо. Гигахрущ вновь погрузился в молчание. Но страшный гул еще некоторое время стоял в голове путников. Они оба застыли на месте, не решаясь ничего делать. Руки и ноги отказывались двигаться. Михаил и Андрей стояли так неизвестно сколько, переживая встречу с неизвестностью. Наконец, проводник медленно повернулся к напарнику и несколько секунд смотрел на него молча. Ничего не говоря, он еще раз осветил громадный тоннель, развернулся и тихо пошел назад.

Через метров пятьдесят он остановился, чтобы снять с себя противогаз. Когда Андрей закончил со своим, они встретились взглядом. Михаил глядел на него ничего не выражающим лицом. В глазах его не было страха, лишь пугающая пустота, словно могущественный крик из глубин гигахруща забрал все, что у него было внутри. Тихим шепотом, стараясь не потревожить Нечто, он обратился к спутнику.

— Вот тебе и Великая Хтоня.

29. Не всё то монстр, что с щупальцами

Они покинули ячейку, где провели ночь и двинулись дальше. Несколько часов они шли по безлюдным пространствам гигахруща, пока они увидели на стене рисунок — нарисованный черной краской автомат был обведен в красный круг и перечеркнут толстой линией.

— Это предостережение Содружества, — объяснил Михаил. — Мы скоро вступим на их территорию. Оружие у них запрещено.

— Что мы им скажем? Как объясним наш приход? — Андрей чувствовал, как его снова охватывает волнение.

— Как есть, так и скажешь, — недовольно отреагировал проводник. — Так и так, ищу сына. К вам пришел, потому что сказали, что он у вас.

Они шли еще около часа, встречая на своем пути знаки зачеркнутых пистолетов, гранат и прочего оружия. В какой-то момент Андрей понял, что им не требовалось искать путь — они шли по заранее проложенной в гигахруще дороге. Все ответвления были замурованы бетоном или железом, поэтому свернуть не туда не получилось бы. Вскоре они увидели и знак Содружества — три узких треугольника, обведенных сначала в шестигранник, а затем и в круг. Андрей остановился, чтобы рассмотреть эмблему, но проводник рыкнул на него и они продолжили путь.

Вдали темного коридора показался свет. Приближаясь к его источнику, Михаил поставил на предохранитель автомат и закинул его за спину. Андрей хоть и без особого желания, но последовал примеру спутника. Они медленно шли навстречу свету. Свернув за угол, они попали в длинный коридор, равномерно освещенный потолочными лампами. Длинный, метров пятьдесят, он имел всего одну дверь на другом конце. Путники направились к ней, периодически оглядываясь.

Внезапно дверь стала беззвучно открываться, заставив Андрея и Михаила оцепенеть. В проеме показались два высоких силуэта. Они были похожи на людей, но руки, ноги, туловище и даже голова были вытянутые. Существа расположились по разные стороны двери, оставив проем открытым. Мужчины переглянулись.

— Ну давай, иди, — негромко сказал Михаил.

— А чего я? — возмущенно ответил Андрей.

— Твой сын, ты и иди.

Сказав это, проводник схватил напарника под локоть и с силой толкнул мужчину навстречу входу. Андрей недовольно оглядел Михаила, постоял в нерешительности несколько секунд и медленно пошел навстречу молчаливым существам. За ним последовал Михаил. Приблизившись к стражам, они увидели, что их кожа вся была покрыта рисунком, словно представляла из себя чешую. На лицах осталось мало человеческого — приплюснутый маленький нос с черными провалами ноздрей, широкий рот почти от уха до уха и непропорционально маленькие круглые глаза. Андрей вдруг понял, что любопытно пялился на существ и отвел взгляд, предполагая, что те могут посчитать это за грубость. Остановившись метров за пять от них, он прау раз кивнул головой в знак приветствия, не зная, что сказать. Он потоптался на месте, чувствуя одновременно страх и растерянность. Ничего не говоря, один из стражников указал открытой ладонью на дверь. Боясь, что этот знак мог означать что-то другое, Андрей не решался войти.

— Ну? — зашипел сзади Михаил. — Чего встал? Иди! Тебе же показали.

Проводник с силой толкнул напарника навстречу стражникам. Последние метры казались самыми страшными из-за существ, нависающих над Андреем. Однако, он переступил порог железной двери и оказался на территории Содружества. Мужчина обернулся, чтобы посмотреть, как заходит сначала Михаил, а затем молчаливые стражники. Те, пригнувшись, зашли обратно и так же беззвучно закрыли толстую дверь. Андрей с интересом наблюдал за каждым их движением и продолжал глядеть, даже когда существа встали по обе стороны от двери.

— Не пялся ты так! — прошипел проводник. — Пойдем дальше.

— Я думал у них спросить, — также шепотом отвечал Андрей. — Спросить про сына.

— Там где-нибудь спросим. Они не выглядят особо разговорчивыми.

В глаза тут же бросилась отличия Содружества от остального гигахруща. Стены там были выложены из больших бетонных блоков с замазанными чем-то неровными щелями. Этим же материалом заделывали стыки межэтажных бетонных плит, тоже неровных, словно их напильвали вслепую. Однако помещения не вызывали ощущения неряшливости. Наоборот, аккуратные связки проводов и труб, идущих вдоль стен, придавали коридорам и лестницам такой вид, словно за ними постоянно ухаживали. Не было тут ни мусора, ни грязи, ни чего-то еще так присущего гигахрущу. Андрей пытался понять эту разницу, как вдруг округлил глаза и обратился к проводнику.

— Где гермодвери? Тут их нет!

— Не шуми ты так! Я тоже заметил. Может, дальше есть.

Они шли по помещениям, которые как-будто были похожи на остальной гигахрущ, но во всем отличались. От стен, выложенных из бетонных блоков, до самих коридоров и лестницы, которые были короче обычных, но с потолками выше. То, что можно было считать жилыми ячейками, закрывалось дверьми, сделанными из старого дерева или металла, но они не увидели ни одной, за которой можно было бы спрятаться от самосбора. Они повстречали несколько местных жителей — одного, похожего на стражников и пару человек, которые внешне совершенно не были похожи на мутантов. Андрей даже думал обратиться к ним, но те прошли мимо них, словно видели их каждый день и не считали нужным даже окинуть взглядом. Михаил пожал плечами в ответ на удивленный взгляд напарника и они пошли дальше, совершенно не зная куда идти.

За очередным поворотом Андрей встал как вкопанный, заметив человека на другом конце коридора. Вместо левой руки у того была щупальца, которая ходила вниз и вверх, будто жила своей жизнью. Ладони инстинктивно потянулись к автомату за спиной.

— Руки! — прозвучал командный голос Михаил из-за спины. — Оружие не трогай!

— Там кальмар! — полушепотом испуганно сказал Андрей.

— Вижу я, что кальмар. Но бояться его не стоит. Мы не в серой зоне, — он ткнул напарника в спину. — Двигай!

Чувствуя слабость в животе из-за страха, Андрей двигался навстречу мутанту с щупальцем. Уже издалека он понял, что это был не полноценный кальмар. Невдалеке стоял пожилой человек с блестящей лысиной и венком седых волос вокруг нее. Морщинистое лицо украшала густая серо-желтая борода. Никаких черных глаз или хищного рта, способного поглотить голову человека, не было. Как минимум в тот момент.

— Приветствую вас, путники! — произнес мутант и изобразил на лице улыбку. — Меня зовут Степан. Меня прислали встретить вас и проводить до нужного места.

Андрей остановился метров за пять до кальмара, опасаясь приближаться ближе. Михаил встал позади, потому что вид отростка, который, казалось, жил отдельно от его хозяина, также не внушал ему доверия. Мужчины переглянулись.

— Меня Михаил зовут, — он нарушил молчание.

— А меня Андрей, — с недоверием в голосе произнес тот.

— Пусть вас не смущает моя конечность, — он с улыбкой взглянул на щупальце. — Самосбор наказал меня за нерасторопность.

— Кто вы? — спросил Михаил.

— Вы спрашиваете о моей должности? — в ответ утвердительно хмыкнули. — У меня ее нет. Отправили встречать именно меня, потому что я на данный момент лучше всех могу поддерживать общение с людьми.

— Вы? — проводник удивленно поднял брови, косясь на отросток с липучками.

— Как бы странно это не звучало, но да, — и вновь Степан постарался изобразить улыбку.

— Но мы видели там... — Андрей указал пальцем через плечо, подбирая слова. — Там были люди. Без...

— Я понимаю, о чем вы. Но с этими людьми вы бы не смогли общаться. Они могут говорить на том же языке, использовать те же слова, но понять вас не смогут в полной мере. Как и вы их. Слишком сильно они изменились под влиянием мутации.

— А вы, значит, нет? — Михаил все еще с недоверием смотрел на щупальце.

— Я сильно изменился внешне, но по мышлению я гораздо ближе к вам, чем любой другой мутант, насколько бы человечным он не выглядел. Поэтому прошу вас не бояться меня. И прошу проявить терпение. Я проведу вас к совету.

— Что за совет? — поинтересовался проводник. — Ваше руководство?

— Наверное, в вашем понимании они являются нашим руководством. Но я бы рассматривал их как просто лучших из лучших.

Вспомнив о партократии, Андрей бросил на Михаила взгляд полный скепсиса. Будто почувствовав это, Степан продолжил.

— Они обладают лучшими способностями или знаниями. Они чувствуют мир лучше всех остальных. Поэтому к ним все прислушиваются.

— Я так понимаю, лучших из лучших у вас тоже не выбирали? — с кривой ухмылкой спросил Михаил. — Они сами себя выбрали?

— Выбор в нашем случае связан с объективными обстоятельствами, а не личным предпочтением. Я понятно выражаюсь?

— Не совсем, — после некоторой паузы признался Андрей.

— Возможно, вы поймете это при встрече. Прошу вас за мной.

Его щупалец извился в воздухе, будто приглашая гостей следовать за Степаном. Он развернулся и исчез в двери. Переглянувшись, мужчины последовали за ним. Они неспешно брели по коридорам Содружества, разглядывая стены и двери.

— С какой целью вы пришли к нам? — поинтересовался Степан.

— У меня сын пропал, — смущенно начал объяснять Андрей. — Он попал под самосбор и ушел к вам. Он умеет общаться на расстоянии. Я слышал его голос в общежитии.

Седобородый мутант оглянулся на собеседника, но ничего не сказал.

— Как его зовут? — спросил тот.

— Николай. Коля. На меня очень похож, только выше и худее.

Андрей ожидал услышать что-нибудь в ответ. Что Степан знал Колю. Что он был в Содружестве. Что им наконец дадут увидеться. Но их престарелый проводник молчал.

— Почему у вас нет гермодверей? — Михаил решил взять инициативу в разговоре. — У вас тут что, самосбора не бывает?

— Бывает, конечно, но не такой, как у вас. Вы ничего не слышали о Содружестве?

— Слышали что-то. Но про отсутствие гермодверей — нет.

— Вы попали сюда по длинному коридору. Мы называем его мостом. Это своего рода труба, которая соединяет гигахрущ с городом.

— Городом? — Михаил нахмурился.

— Да, так мы называем территорию Содружества. Потому что она находится отдельно от гигахруща — между ним и городом находится пустое пространство, где мы выстроили защиту от самосбора.

— Очень интересно, — пробормотал Михаил. — Вы же сказали, что самосборы бывают? Защита работает вообще?

— Работает, — Степан оглянулся и медленно кивнул. — Мне тяжело подобрать слово, которое бы точно отразило сущность этой технологии. Самосбор происходит, но благодаря нашим усилиям он направляется в пустоту и все последствия тоже остаются там.

— Это, конечно, очень интересно. Странно, что у нас такое не сделали. Не хотите поделиться секретом?

— Здесь никакого секрета нет, — спокойно ответил Степан. — Мы сообщали об этом вашим руководителям. К сожалению, для того, чтобы выстроить систему защиты по нашему образцу, вам придется разрушить всю обитаемую область гигахруща, чтобы на его месте создать нечто подобное нашему городу.

— Зачем? Нельзя просто выделить под эту пустоту пару этажей или пустых блоков?

— К сожалению, нет, — Степан покачал головой. — Мне сложно объяснить вам все нюансы технологии. Понимаете, давным давно здесь произошел сильнейший взрыв, который полностью уничтожил все помещения и перекрытия в радиусе ста этажей. Из осколков и остатков поврежденного гигахруща мы собрали некое подобие кокона с внешней и внутренней стеной. Мы экспериментировали с черной слизью и добились того, что самосборы не доставляют нам почти никаких забот. Напротив, мы живем за счет них.

— Как это? — спросил заинтригованный Андрей.

— В приграничных к пустоте комнатах есть слизесборники. Мы используем черную слизь для производства еды, энергии и медикаментов.

— Вы потребляете черную слизь? — его голос взметнул вверх от удивления.

— Конечно, в этом нет ничего такого. Мы подвергаем ее глубокой переработке, поэтому она совершенно безвредна для нас.

— А для людей? Немутантов? — послышался голос Михаила.

— Для них прием подобной пищи может быть чреват.

— Что насчет медикаментов?

— Они в определенных случаях могут помочь немутантам. Но мы почти не пользовались ими для, — он оглядел спутников и улыбнулся, — нормальных людей.

— Может, стоит сообщить партии? — Михаил продолжал расспрос.

— Мы сообщали вашим руководителям о результатах нашей работы, но они не проявили большого интереса. Даже в тех вопросах, где мы явно вышли вперед.

— Если б мне сказали про таблетки из черной слизи, меня бы это тоже не

заинтересовало.

— Я вас прекрасно понимаю, — произнес Степан. — Поэтому мы не лезем к вам.

— А к вам наши руководители не лезут?

— Давным-давно они проявляли к нам интерес и даже агрессию. Они подозревали нас в готовящихся атаках и захватнической политике. Говорят, санкционированные убийства изолированных мутантов начались, потому что они считались шпионами Содружества, — он вновь растянул губы в улыбке.

— Почему вы улыбаетесь?

— Потому что это смешно. Люди судят всех по себе и считают, что если они засылают к нам шпионов, то и мы должны заниматься чем-то подобным.

— Хотите сказать, вы этого не делаете? — с недоверием в голосе спросил Михаил.

— Нет, конечно. Действия вашего руководства продиктованы желанием более крепкой власти. А для подавляющего большинства из нас власть — чуждое чувство.

— Тем не менее, у вас есть «лучшие из лучших». Они по-вашему не власть?

— Нет, — Степан продолжал вести их по коридорам города мутантов, периодически взмахивая щупальцем. — Власть подразумевает насилие. Власть изолирует несогласных и ведет к переработке. Ведь вы это так называете? Даже отсутствие власти, а лишь ее желание приводят к тому, что одно мыслящее существо калечит или убивает другое. Наш совет лишь объясняет членам Содружества лучший путь. Никаких привилегий они не имеют. А их статус вызван, как я уже говорил, объективными обстоятельствами.

Какое-то время они шли в полной тишине. На этот раз Андрей лишь слушал, а думал и говорил Михаил. Вновь зазвучал его голос.

— А если случится так, что вам прикажут делать то, чего вы не хотите?

— Вы человек и мыслите, как человек. У нас нет приказов. И нет того, что бы мы не хотели делать. То есть... — Степан задумался. — Если что-то требуется, вопроса о личном желании или нежелании не возникает.

— Ну вот, например, вам скажут «Иди и умри за Содружество». Неужели вы пойдете и не поставите... — Михаил задумался, чем заменить слово «приказ», — эту необходимость под сомнение?

— Ведь у вас есть ликвидаторы. Думаете, они ставят под сомнение необходимость умирать? — не услышав ответа, Степан продолжил. — Он может подумать об этом, но высказать вслух подобную мысль будет наказуемо, не так ли? В этом и выражается наличие власти. В Содружестве необходимость отдать жизнь во благо города будет так же естественно, как и то, что мы берем от нашего общества все необходимое для поддержания этой жизни.

— Вы похоже на колонию насекомых, — на лице Михаила вновь заиграла злая ухмылка.

— Если вам так будет угодно, — Степан слегка взмахнул щупальцем. — Сравнение с низкой формой жизни для нас не оскорбительно. Они как и мы пытаются выжить в крайне агрессивной среде. Кстати, и вы тоже. Думаете, ваше общество похоже на колонию насекомых?

Андрей взглянул на Михаила, ожидая, когда тот ответит. Тот сначала нахмурился, затем поднял брови, готовясь что-то сказать, но лишь протер ладонью лицо. Полминуты спустя он заговорил.

— Пожалуй, да, похоже, — к собственному неудовольствию признался Михаил.

— Я рад, что вы это признаете, — он несколько секунд шел молча, затем продолжил. —

Помимо того, что вы страдаете от чувств и власти, нас отличает еще один важный момент. Мы пытаемся подстроиться под этот мир и берем от него все, что он дает. В свою очередь ваше общество отторгает этот мир и старается уничтожить все, что кажется непонятным.

— Вы о чудовищах, которые порождает самосбор? — Михаил покосился на щупальце.

Внезапно Степан остановился, отчего Андрей подумал, что тот обиделся на слова Михаила. Престарелый мутант повернулся к собеседнику.

— О каких чудовищах вы говорите? — его лицо вновь расплылось в натянутой дежурной улыбке, будто он пытался изображать человеческие эмоции. — Вы говорите о людях?

Михаил в очередной нахмурился от неожиданного вопроса, скоро в глазах заиграла злость. Он сам не понимал, почему эта беседа заставляла чувствовать себя на волоске от того, чтобы не взорваться.

— Самосбор не порождает людей, — как можно более спокойно ответил он.

— Почему вы так в этом уверены? Вы точно знаете?

Простояв так несколько секунд, Степан не стал дожидаться ответа, а продолжил вести мужчин по коридорам, сложенных из бетонных блоков.

— Скажите, — впервые за долгое время подал голос Андрей, — вы тоже лучший из лучших в Содружестве?

— Нет, я обычный рядовой член общества. Просто я наилучшим образом подхожу для того, чтобы общаться с вами.

— Откуда вы знаете все, что нам рассказали? Вы звучите как образованный человек.

— Во мне говорит весь город, — не поворачиваясь к собеседнику говорил Степан. — Любой другой сказал бы вам то же самое. При возможности коммуникации, естественно.

— Как так получается? — Андрей задумался. — С вами ведут просветительную работу?

— Нет, — престарелый мутант погрузился в мысли. — Хотя можно сказать и так. Просветительная работа. Только это не так, как у вас. Вы ведь используете школы и собрания. И еще у вас есть терминалы, объединенные в общую электронную сеть. Нам всего этого не надо. Если вы живете в городе, то понимание всего необходимого придет само собой.

— Не понимаю, — честно признался Андрей.

— Они тут могут отправлять мысли и читать их, — донесся недовольный голос Михаила.

— Все верно, — Степан вновь обернулся и кивнул Михаилу. — Я никак не мог подобрать нужные слова, чтобы объяснить такую простую вещь. Спасибо.

— Всегда к вашим услугам, — с сарказмом отозвался любитель выпивки.

Они молча шли по городу мутантов, встречая на пути существ, которые внешне были неотличимы от людей или имели незначительные различия в виде наростов, пятен и лишних конечностей. Бывали и подобные тем, кого мужчины встретили на входе в Содружество, или обезьян — с такими же длинными руками и ногами, но разумным взглядом. Степан породил у обоих путешественников странные чувства — первоначальный страх быстро исчез, за ним пришел интерес, но в конце разговора оба человека ощущали себя будто-бы опустошенными. Старый седовласый мутант с пятнистой блестящей лысиной и щупальцем вместо руки казался намного сильнее и мудрее, чем когда они его только встретили. И предстоящая встреча не предвещала ничего приятного.

Повернув в очередной коридор, они прошли до широкого дверного проема с двумя

створками.

— Вот мы и пришли, — сказал Степан.

Он открыл дверь и щупальцем пригласил путников войти.

30. Пешка станет ферзем

Побывав в церкви и соборе чернобожников, Андрей ожидал увидеть в помещении совета нечто удивляющее, поражающее, запоминающееся или как минимум отличное от всего остального — яркие краски, флаги, пугающие цепи, монументальные фигуры, или хотя бы огромные пространства столь редкие для Гигахруща. Однако внутри была обыкновенная комната, которая, пожалуй, не превышала размера обычной жилой ячейки, если бы там не было стен. Все те же бетонные блоки с контрастной замазкой, два ряда обычных ламп под потолком. Никаких колонн, флагов, картин или цитат. Помещение могло удивить, но не своей помпезностью, а скорее наоборот — скромностью и простотой.

Однако, зайдя внутрь, Андрей тут же ощутил трепет из-за пяти мутантов, сидящих в ряд прямо напротив дверей. Мужчина окинул их всех быстрым взглядом, опасаясь останавливаться на ком-либо слишком долго. Крайний слева был похож на стражников с длинными руками и ногами, покрытыми чешуей. Только, судя по очертаниям, это была самка. Назвать ее женщиной Андрею бы не пришло в голову, особенно на контрасте со следующим членом совета. Она напоминала обычного человека, от которого ее отличали только абсолютно черные глаза, словно залитые жижой из самосбора. Следующие два члена совета были мужчинами. Один из них был стариком с отсыхающими руками, которые скорее напоминали кости с висящей кожей. Другой же сидел на стуле, обхватив его за спинку и ножки всеми своими конечностями, которые хоть и напоминали человеческие, но были гибкими словно щупальца. Последний член совета напоминал побывавшего в сильном пламени человека — весь черный с облезавшей хлопьями кожей он, скорее всего, не мог двигаться самостоятельно, потому что восседал на кресле, прикрученном к платформе на колесиках. Лоб мутанта обхватывал ремень, привязанный к подголовнику так, чтобы держать голову прямо. Когда Михаил с Андреем зашли, все члены совета сидели неподвижно подобно статуям. И лишь крайний правый постоянно шевелился, подрыгивая черными конечностями.

Путники были так заморожены видом мутантов, что не заметили, как Степан подтолкнул их вперед своим щупальцем, чтобы те не стояли в проходе. Закрыв дверь, он встал чуть позади Андрея с Михаилом.

— Совет просит у вас согласия на то, чтобы общаться напрямую, — сказал престарелый мутант.

— О чем вы говорите? — спросил Андрей, попеременно глядя на восседающих перед ним существ.

— Общаться напрямую, — повторил Степан. — Отправлять вам их мысли и читать ваши напрямую.

— Я не согласен, — грозно произнес Михаил. — Не хочу, чтобы мне лезли в голову.

— Я бы тоже не хотел, — последовал примеру напарника Андрей. — Они могут общаться голосом?

— Нет, это не представляется возможным, — старик с щупальцем покачал головой. — Тогда я буду служить их голосом. Им вы можете говорить напрямую. А их мысли буду озвучивать я. Так будет понятнее и нам, и вам.

Андрей обвел взглядом совет мутантов, которые, за исключением почерневшего, даже не шелохнулись. Они лишь молча взирали на гостей Содружества.

— Наши имена остались в прошлом, — вещал Степан. — Поэтому представляться членам совета нет необходимости. Но нам бы хотелось узнать ваши имена.

— Смирнов Андрей Викторович, — смущенно представился тот.

— Некрасов Михаил Сергеевич, — грубым голосом отозвался второй.

— Вы пришли сюда за сыном, — продолжал Степан. — Откуда вы знаете, что он у нас? Андрей стоял с открытым ртом, глотая воздух, потому что не знал, с чего начать. Он уже хотел было сказать, чтобы мутанты сами просмотрели его мысли и память, но ему помог Михаил.

— Да говори, как есть. Чего там мямлишь? — сказал проводник.

— У меня сын попал под самосбор, — стал обрывисто объяснять Андрей. Он столько раз пересказывал эту историю, что, казалось, ее уже все слышали. — И убежал из дома. Потом я с ликвидаторами общался. Там человек из партии был. Он сказали, что Коля — сын мой — к вам ушел. Он мутантом стал, как вы. Может мысли на расстояние посылать. Я его там слышал, у нас. Он со мной разговаривал издалека.

На несколько секунд в зале совета повисло молчание.

— Как вы до нас добрались?

Андрей обвел взглядом мутантов и посмотрел через плечо на Степана, совершенно не ожидая, что они вот так поменяют тему.

— Вы не использовали кратчайшие пути. Ни на прямой дороге, ни на железнодорожной ветке вас не было.

— Это Михаил объяснит, — сказал растерянный Андрей. — Он нас вел.

— Мы шли через нижние этажи, — послышался недовольный голос.

— Почему вы шли там?

— Напрямую опасно идти. На железной дороге самосборы. А прямым путем я не доверяю. Слишком привлекательное место для бандитов.

— Вы шли через помещения НИИ? — спросил Степан.

— Да, мы там были, — ответил Андрей, не дождавшись молчаливого Михаила.

— Что вы там видели?

— Да там... — он завис, снова собираясь с мыслями.

— Да говори уже, как есть, — снова прорычал проводник. — Мы ничего секретного не делали.

— Там ковер, двери деревянные, еще в кабинете были, — неуверенным голосом отвечал Андрей, вспоминая самое первое, что приходило в голову.

— Чей кабинет?

Во время разговора Андрей переводил взгляд о одного мутанта на другого. Ему хотелось понять, с кем из них они ведут беседу. Казалось, что Степан озвучивает мысли того обожженного справа, потому что перед очередным вопросом он ерзал на своем кресле, смотря на гостей Содружества одним глазом из-под нависающей брови с хлопьями отслаивающейся кожи.

— Руководителя, — он почему-то волновался назвать его имя. — Кузнецов Павел Алексеевич его зовут.

— Вы знаете, кто это?

— Мне кажется, да, — он отводил взгляд, ожидая следующих вопросов, но Степан сохранял молчание. — Я думаю, я встречал его лично. И даже общался. Это Чернобог. Он возглавляет церковь и люди ему поклоняются.

— Что еще вы там узнали?

— Я читал его записи. Он вел дневник. Он писал о том, как работал в НИИ. Они изучали черную слизь. Я могу вам дать его дневник, если хотите.

— Вы знаете, что на месте нашего города когда-то была часть того НИИ?

— Нет, я не знал.

— Мы располагались всего в двухстах метрах от них. Но волею гигахруща нас раскидало в разные стороны.

— Здесь тоже изучали, — он пытался вспомнить название института, — альтернативную энергию?

— Да, здесь была часть того комплекса. В нем располагалась одна из энергетических установок, питавшая НИИ. Потом здесь случилась авария и взрыв. На руинах старого мира мы построили новый.

Андрей то смотрел на членов совета, то отводил взгляд на пол. Он абсолютно не понимал, зачем все это говорили и спрашивали. Его интересовало совершенно другое. Он пару секунд собирался с мыслями.

— Где мой сын? Смирнов Коля. Я могу его увидеть?

— Вы проделали долгий интересный путь, Андрей Викторович, — они вновь поменяли тему. — Вы верите в богов?

— Нет, — он раздосадовано мотнул головой. — Не верю.

— Тогда кто же создал этот мир, если не они?

— Не знаю, — в голосе звучало раздражение. — Гигахрущ вечен. Всегда был, всегда будет. Так говорят.

Обгоревший мутант снова зашевелился в своем кресле, выкручивая ноги и руки.

— Ничего вечного нет. У всего есть начало и конец. Даже у гигахруща. Так сколько гигациклов хрущу, как вы думаете?

— Мне сказали... Кузнецов сказал, что ему ровно столько, сколько моему сыну. Значит, шестнадцать, — он сначала ждал их реакции, но затем добавил. — Это верно?

— В какой-то степени. Время относительно. То, что для вас может быть шестнадцатью гигациклами, для других — вечность.

— Опять загадки, черт побери, — тихо выругался Михаил.

— Так сколько же лет гигахрущу? — Андрей бегал глазами по мутантам, восседающим в совете. — Вы скажете нам?

— Прошлое не столь важно, сколько будущее. Лучше скажите нам, Андрей Викторович. Вы хотите найти сына. А что дальше? Вы бы хотели найти выход из гигахруща?

— Я хочу найти сына для начала. Потому что это реально, — мужчина сам удивился своей решимости. — А выход из гигахруща еще никто не видел.

— И все же. Ведь это мечта для тысяч гигахрущевцев. Если не миллионов.

— Я бы хотел.

— Зачем?

— Не знаю, — Андрей молча смотрел на мутантов, но понял, что от него ждут развернутого ответа. — Хочу выйти отсюда. Хочу увидеть небо и солнце. Хочу увидеть землю. Хочу, чтобы сын их увидел. Они есть? Они существуют?

— Что насчет остальных людей? — они вновь проигнорировали Андрея.

— А что насчет них? — совершенно не понял мужчина.

На полминуты в зале совета повисло молчание. Андрей все ждал, когда ему ответят, но

затем, опустив взгляд, стал думать, как самому отреагировать на их вопрос.

— Вы бы не хотели показать выход отсюда остальным людям? — подсказали ему.

— Я не думал об этом, — честно ответил мужчина. И вновь пауза. И снова он понял, что от него ждут чего-то еще. — Может быть, показал бы. Я не знаю. Если я выйду, так пусть и другие. Мне не жалко.

— Вы скажите, как отсюда выйти, если такие умные, — все тем же недовольным голосом предложил ей Михаил. — А то, может, вам известно, как выбраться из гигахруща?

— Андрей Викторович, вы когда-нибудь играли в шахматы? — вновь поменяли тему они.

— Да, конечно. У меня были шахматы. Играл в них с Колей. Он — мой сын...

— Что происходит с пешкой, когда она достигает конца поля?

— Она становится ферзем, ладьей или слоном, — он пытался вспомнить правила. — Или конем.

— Боги сейчас разыгрывают партию шахмат, — своим привычным голосом говорил престарелый мутант. — Когда вы дойдете до конца поля, то станете совсем другой фигурой.

— Какие боги? Какие шахматы? — послышался Михаил. — Это вы называете «понятнее»? Что вы несете? — хамил он без всякого стеснения.

— Да. Что за боги? — внезапно поддержал его Андрей. — Я уже слышал об этом. От Чернобога. По фамилии Кузнецов.

— У каждого мира есть свои создатели. У истоков гигахруща тоже стояли вполне конкретные боги. Иной раз они совсем не похожи на таковых. Например, я.

— Кто я? — Андрей переводил взгляд с одного мутанта на другого.

— Вы знаете кто.

Крайний справа выкручивал дрожащие руки и дергал привязанной головой. Андрей встретился взглядом с глазом, пугающе торчащим из-под приподнятой брови.

— Да, вы правильно смотрите. В прошлой жизни меня знали как Ярославцева Екатерина Михайловна.

— Ярославцева... — повторил Андрей, чувствуя, что уже где-то слышал ее фамилию. — Вы ведь работали с Кузнецовым!

— Все верно. Он и сделал меня тем, что вы сейчас видите.

— Что он сделал? — голос его стал живым, энергичным.

— Испытал на мне свою технологию. Когда он еще был человеком, а не бездушным чудовищем. Хотя души у него, наверное, никогда не было.

— Что вы там делали? Это вы изобрели черную слизь?

То, что когда-то было Екатериной Михайловной вновь зашевелилось. Она то выпрямляла дрожащие пальцы, то резко впивалась ими в подлокотник, и дергала головой.

— Я боюсь сообщать вам слишком многое, чтобы не испортить шахматную партию. В конце концов игра интересна только при условии, что ее финал неизвестен. Боюсь, что вам просто надо идти дальше. Путь вам укажут сверху. А все, что надо, вы уже увидели и слышали.

Он несколько секунд стоял спокойно, слушая мерную речь Степана, но затем зубы стали медленно оголяться в безумном оскале.

— Кто укажет? О чем вы говорите? Где мой сын? Дайте мне увидеть Колю! — почти закричал Андрей.

— У нас нет вашего сына, — все тем же спокойным голосом вещал Степан. — И

никогда не было.

— Но ведь мне сказали! Что он у вас! Здесь! Он стал мутантом! Он общался со мной!

— У нас нет ни одного члена общества, который бы мог отправлять мысли так далеко.

И мы ни об одном таком даже не слышали.

— Но ведь его залил самосбор! Он стал мутантом! Я слышал его голос! Он разговаривал со мной!

— Значит, он был где-то неподалеку, — спокойно ответили ему. — Мы, может быть, смогли бы сказать больше, если вы открыли свой разум.

— Я открываю свой разум! Лезьте в меня! Скажите мне, где мой сын!

— А в мой не смейте, — слышался недовольный Михаил.

В зале совета воцарилось молчанье, прерываемое лишь громким дыханием Андрея, который со слезами на щеках смотрел на мутантов. Прошло не больше минуты, когда черное тело Екатерины Михайловны вновь зашевелилось полумертвыми конечностями.

— Я давно забыла вкусы чувств и эмоций, — заговорил Степан. — Но если бы я могла, то сейчас бы переживала самую горькую грусть, зная, что вас ждет в будущем. Вы не просто так встретили этого человека. И не просто так пришли сюда. Все это очередные ходы шахматной партии...

— Которую разыгрывают боги, да? — перебил Андрей. — Где мой сын?!

— Ваш сын в самосборе, — слышался сухой короткий ответ.

— Что это значит? — спросил мужчина, тяжело дыша от нахлынувших на него чувств.

— Возвращение на Олимп всегда сопровождалось трагедией. Больше мы вам ничего не можем сказать. Прощайте!

— Что?.. — только и успел сказать Андрей, почувствовав, как его сжимают вокруг талии.

Степан обхватил щупальцем тело мужчины, открывая при этом дверь. С неожиданной силой он буквально выкинул Андрея из зала, а вскоре к нему присоединился Михаил, который злобно оскалился из-за прикосновения щупальца. Когда мутант ослабил хватку, на его лице не было ни единого намека на агрессию. Степан стоял с таким видом, будто только что встретил путников. Он закрыл дверь и перекрыл вход своим телом.

— Вас следует идти на выход из города, — четко обозначил он и указал рукой направление.

Мужчины еще с полминуты стояли напротив входа в зал совета — один со злостью, второй со слезами на щеках. Щупальце Степана извивалось в воздухе, как-будто намекая на то, что они в любом случае окажутся у выхода. В довершение к его сильной конечности в дальнем конце возникли еще несколько силуэтов, молчаливо поддерживающих своего соплеменника. Проводник был зол, но совершенно не имел желания вступать здесь с кем-либо в конфликт.

— Ладно, пойдем, — сквозь зубы произнес Михаил и хлопнул напарника по спине.

Тот не сразу сдвинулся с места, так что пришлось крепко сжать его за оба плеча и буквально толкнуть в ту сторону, куда указал Степан. Покинув коридор, престарелый мутант обогнал мужчин, чтобы те следовали за ним. На обратном пути путники погрузились в размышления и совершенно не обращали внимания на город мутантов.

Очень скоро совсем незаметно для себя они добрались до выхода из Содружества и вышли из своих дум, только когда перед глазами появились силуэты молчаливых стражников с чешуйчатой кожей. Степан остановился метров за двадцать до них.

— Удачи вам на обратном пути! — пожелал он и словно на прощанье взмахнул щупальцем.

— Мне вот интересно, — начал Михаил, — почему вы не забрали у нас оружие при встрече с вашим руководством? А если бы мы решили устроить там пострелушки?

— Если бы вы только подумали об этом, то умерли раньше, чем потянулись за автоматом, — ответил Степан и снова примерил на себе улыбку, которая сейчас казалась особенно пугающей. — У вас еще есть вопросы?

— Нет, — сказал проводник и направился в сторону выхода.

Андрей сделал несколько шагов за ним, но потом остановился, немного подумал и обернулся к жителю Содружества.

— У меня есть вопрос. Вы слышали наш разговор про НИИ. В этом институте был аппарат, название которого начиналось с буквы Ф, — он подумал о том, как лучше спросить. — Аппарат назывался ФУП — какое-то там устройство Победоносцева. Что может стоять за первой буквой? Это может быть связано и с тем, что было здесь до взрыва.

Степан молча выслушал вопрос человека, затем закрыл глаза и слегка повернул голову, будто пытался услышать голос откуда-то из глубины Содружества. Через несколько секунд он открыл веки.

— Ф означает фрактальный. Фрактальная установка Победоносцева.

Андрей простоял молча несколько секунд, пытаясь запомнить совершенно новое для него слово. Затем стал думать о том, что еще можно было узнать.

— Вам пора идти, — прервал его размышления Степан. — Прощайте!

— Чего там встал?! — рявкнул Михаил у уже открытых дверей, ожидая Андрея. — Пойдем отсюда!

Мужчина с красными от слез глазами в последний раз оглядел стены и жителей города мутантов и направился на выход.

31. Железное чудовище

Они прошли длинный коридор, ведущий из города мутантов в гигахрущ через невидимую для путников прослойку из пустого пространства, защищающего Содружество от самосборов. Когда тот закончился, они перекинули оружие на плечо и сняли с предохранителя, оставив висеть автоматы возле пояса. Первое время они шли расслабленно, будто гуляли на обитаемых этажах. Мутанты давным-давно заделали все ответвления от дороги в их город и осветили путь, поэтому можно было не опасаться внезапного нападения.

Как только стражники закрыли дверь, Михаил оглянулся и стал негодующе бурчать.

— Проклятые мутанты, — прошипел тот. — Пару лет назад вы бы у меня поплясали под дулом. Старый черт! Вздумал трогать меня своим мерзким отростком! Урод!

Андрей почти не слушал бессильную ругань проводника, будучи полностью погруженным в размышления.

— Гниды самосборные! Жаль, что вас не поставят в очередь на зачистку...

— Зачем они снова солгали? — перебил его напарник. — Зачем сказали, что он здесь?

— А черт его разберет! — не думая, бросил Михаил.

— Или это мутанты солгали? — Андрей остановился и оглянулся в сторону входа в Содружество. — Может нам вернуться?

— Я обратно не пойду, — грубо отрезал проводник. — Хочешь — иди. Но я двигаю обратно, — он молча удалялся от города мутантов, но потом тоже остановился и посмотрел на Андрея. — Ну что ты там встал? Пошли!

— Я говорю, может они солгали? Может быть, Коля у них? Просто они не хотят его отдавать?

Послышался громкий вздох негодования. Михаил подумал о чем-то несколько секунд и вернулся к Андрею.

— Я этих уродцев презираю, но не думаю, что они бы стали тебе врать. Если бы твой сын был у них, они бы, скорее всего, сказали тебе прямо. Что так, мол, и так — да, он у нас, но его не отдадим. Потому что такой парнишка и нам будет полезен.

— Ты уверен? — Андрей обратил на него взгляд, полный надежды.

— Да, уверен. Ты же видел, что они по-другому думают.

— И что? Ты же слышал, что они начали говорить загадками. Или не говорить вообще. Что значит «ваш сын в самосборе»? Как это понимать?

— Они — мутанты, — раздраженно бросил Михаил. — Они потребляют продукты из черной слизи. Чего ты ждешь от существ, которые родились в самосборе и постоянно подкрепляют себя его остатками? Пойдем и спросим у чернобожников, что они думают.

— Но ведь...

— Никаких «но ведь», — прервал его проводник. — Мутанты не станут с тобой говорить еще раз. Я даже не думаю, что они откроют тебе дверь. Хотя можешь попробовать. Но я направляюсь обратно.

Сказав это, он развернулся и прогулочным шагом двинулся по дороге из города мутантов. Андрей еще с полминуты стоял в раздумьях, не решаясь уйти. Но затем быстро направился вслед за проводником. Вместе они молча дошли до конца освещенной зоны и, как только яркие потолочные лампы остались позади, включили фонари, присоединенные к автоматам. Они продолжали двигаться в такой же расслабленной манере.

— Что мне сейчас делать? — спросил Андрей. — У чернобожников Коли нет, в Содружестве тоже. Где его искать?

— Не знаю, — равнодушно бросил Михаил.

— Почему тот партократ соврал? Думаешь, он специально это сделал?

— Не знаю. От этих пиджаков можно чего угодно ждать. Может, действительно решили, что он ушел к мутантам. Глянули на время открытия гермодвери и сделали вывод, что сынка твоего самосбор захлестнул. А поскольку его остатков не обнаружили, сказали, что парнишка убежал к мутантам. Они же не ссылались на записи, свидетелей, информаторов?

— Нет, кажется. Просто сказали, что Коля ушел к мутантам. И что иногда они не говорят правду, чтобы не сильно волновать людей.

— Ну вот, может они и неправду сказали, чтобы тебя не волновать, — проводник пожал плечами. — Может подумали сказать тебе про Содружество, не догадываясь, что ты туда пойдешь. Я не знаю.

— Странно, — Андрей почесал голову. — Какую там правду можно скрывать? Проще всего было сказать, что он умер и его чудовища сожрали.

— Ты знаешь, — резко начал Михаил, остановившись. На лице его играла злость, — мне, честно говоря, уже надоело слышать твои «А как, а почему, а зачем, а где, а что». Сыт по горло твоими расспросами и твоим сыном. Все — нет его, он ушел! Испарился! Пора бы это принять! Надо обратно идти, домой возвращаться. Там будешь думать, что делать дальше. Пиши ликвидаторам, ищи своего партократа и с ним рассуждай о судьбе сына. Меня это не касается! Мне своего искать надо!

Закончив гневную тираду, он продолжал злобно смотреть на спутника. Затем молча повернулся и продолжил путь, но уже своей привычной походной скоростью. Удивленный взрывом эмоций Андрей вновь молча провожал взглядом проводника, но затем бросился за ним бегом. Почти поравнявшись с Михаилом, он думал, что сказать.

— Как ты будешь искать сына?

— Обращусь к ликвидаторам, — после паузы ответил Михаил. — Они его вернут.

— Ты уверен, что они его вернут? — сам того не осознавая, с волнением в голосе спросил Андрей.

Михаил не ответил, а лишь отмахнулся от назойливого спутника и поправил ляжку автомата. Хотя они все еще шли по дороге Содружества, он сделал вид, будто не может больше говорить. Андрей шел позади и думал о том, как сорвал и какие могли быть последствия для него в будущем. Жили они относительно далеко друг от друга, никогда не пересекались и не имели общих знакомых кроме собственных сыновей. Поэтому, думал Андрей, даже если обман вскрыется, ему не придется ничего объяснять. А если Михаил придет разбираться, то в сумке всегда лежал готовый к применению гаечный ключ.

Они шли в полной тишине несколько часов. Дорога в город мутантов закончилась и они снова двигались сквозь тихие безлюдные помещения гигахруща, пугавшего их всевозможными звуками. В какой-то момент они открыли узкую дверь, ведущую на лестницу с двумя пролетами. Андрей почувствовал неладное, но не решился озвучить мысли вслух. Однако, когда они прошли через дверь внизу, он встал как вкопанный, оглядывая место, куда они попали.

— Стой! — прошептал он. — Михаил!

— Ну что?! — злобно ответил тот, тоже шепотом.

— Это же... Железная ветка.

— Да, ну и что?

— Ты сам говорил, что здесь опасно идти. Ты что, хочешь идти по тоннелю?

— Это кратчайший путь!

— Стой! — повторил Андрей.

— Да что, черт бы тебя побрал? — раздраженно ответил проводник, но остановился.

— Она используется?

— Да, ликвидаторами.

— Здесь можно ходить?

— Формально нет, но мы услышим приближение поезда и, если что, спрячемся. Тут как и в автомобильном тоннеле каждые сколько-то метров технический выход. Если самосбор начнется, нам туда же надо будет.

— Как понять, что поезд едет?

— Хтоню помнишь?

— Да.

— Поезд — как Хтоня. Только меньше и движется по рельсам, — он указал на рельсы. — Поезд издали слышно. Ни с чем не перепутаешь. Пошли.

Он махнул рукой и двинулся вдоль стены тоннеля, который и правда напоминал автомобильный, но был уже раза в два. Прямо посередине лежали деревянные шпалы, поверх которых тянулись блестящие металлические рельсы. По обе стороны от них располагалась пешеходная зона. По стенам тянулись кабели, а под потолком висела длинная кишка вентиляции. Михаил смело шел вдоль железной дороги и лишь изредка освещал потолок, да смотрел назад. Андрей, хоть уже и побывал в одном тоннеле, почему-то очень переживал. То ли сказались слова проводника о том, что там было опасно, то ли в памяти маячила встреча с гигантским существом, которое могло жить только в таких больших помещениях. Плюс он помнил то, о чем учили всех жителей гигахруща — чем больше пространство, тем выше была вероятность самосбора.

Каждые четверть часа им на глаза попадались технические станции — небольшие углубления в стене длиною в пару жилище. Они вызывали интерес у Андрея, несмотря на то, что мало чем отличались друг от друга — на каждой было одна или пара дверей, скамейка, какие-то ящики и информационные стенды. Ему хотелось подойти, изучить что там было, но Михаил уверенной быстрой походкой не позволял ему это делать. Поэтому они шли вперед и останавливались только в случае тревожных звуков.

Когда на часах было семнадцать, Михаил остановился, чтобы прислушаться. Через несколько секунд он присел на одно колено и дотронулся до рельса. Затем пригнулся к земле и прислонил к металлу ухо. Андрей с удивлением наблюдал за действиями проводника, который вскоре вскочил на ноги и бегом направился дальше. Его спутник, не долго думая, пустился вслед за ним. Тишину гигахруща нарушало их тяжелое дыхание. Через две минуты они достигли технической станции и вбежали по ступеням на платформу. Михаил дернул одну закрытую дверь и побежал к другой, та тоже не поддалась. Между ними стояла тележка с наваленными деревянными коробками. Проводник нервно оглядел ее и подошел к краю платформы. Откуда-то издали нарастал шум.

— Боюсь, не успеем, — сказал Михаил, ощущая на себе испуганный взгляд Андрея. — До техвыхода на успеем. Я надеюсь, они не будут здесь останавливаться. Спрячемся за тележкой.

Он подвинул ее так, чтобы длинная часть тележки была параллельна краю платформы, переставил ящики, чтобы скрыться за ними и указал Андрею сесть рядом с ним. Шум становился все сильнее и пугающее, нарастал стук железных колес о стыки рельс. Михаил сидел с напряженным лицом, крепко сжимая автомат с выключенным фонарем. Андрей же поймал себя на мысли, что задерживает дыхание, будто едущий поезд мог их услышать. Все вокруг заполняли звуки железной махины, мчавшейся по тоннелю, построенному только для нее. Удары, гул сотрясали пространство. Из глубины тоннеля появился свет, озаряющий безлюдную территорию. Он становился все ярче и ярче так, что даже платформа сияла электрическим светом. С открытыми глазами полными ужаса Андрей приподнялся над коробками, чтобы самому увидеть железного монстра. Оно возникло лишь на пару секунд. Слепив мужчину ярким светом фонарей, поезд с чудовищным грохотом промчался мимо станции на огромной скорости и стал так же стремительно исчезать в глубине тоннеля, унося с собой электрический свет и звуки бьющихся о рельсы железных колес. Сам того не ведая, Андрей выпрямился во весь рост и медленно, будто замороженный, приблизился к краю платформы, чтобы посмотреть на красные и желтые огни, исчезающие в глубине гигахруща.

— Идиот, — выругался Михаил, заставив Андрея вздрогнуть от неожиданности, — если б они увидели тебя, нам пришлось бы туго.

Он поправил оружие, спустился с платформы по ступеням с другой стороны и направился дальше по тоннелю. Андрей догнал его.

— Это ликвидаторы? — тихим голосом спросил он.

— Да, они.

— Куда они едут?

— Не знаю, — Михаил пожал плечами. — Может, на дальние заставы. Наш отряд с железной дорогой дел не имел.

— Интересно... — пролепетал Андрей, представляя себе, куда мог направляться поезд. — Они часто ездят?

— Не знаю, — уже раздраженно ответил проводник. — Сам сегодня увидишь.

До ночи их миновал еще один поезд, наверное, тот же самый, потому что ехал он в обратную сторону. На этот раз увидеть его не удалось, так как путники воспользовались техническим выходом и прождали несколько минут на лестнице. Грохочущий состав промчался мимо и исчез в темноте. Михаил взглянул на часы и сначала намеревался продолжить путь, но, поразмыслив, махнул рукой и пошел вверх. Там они нашли безопасную ячейку, чтобы провести в ней ночь.

Памятуя о том, что сказал Михаил после выхода из Содружества, Андрей не решался говорить с ним на отвлеченные темы. Но их совместное путешествие близилось к концу и он чувствовал, что может никогда больше не поговорить с этим человеком, который знал о гигахруще намного больше рядового жителя.

— А все же, — неуверенно начал Андрей, — куда мог ехать этот поезд? Ведь обитаемая часть расположена компактно, так? Что там на другом конце ветки?

Держа в руках уже открытую бутылку алкоголя, Михаил молчал, глядя в стену перед собой. Сначала Андрей думал, что тот решил просто проигнорировать назойливого спутника, но проводник в какой-то момент заговорил.

— К нам как-то перевели паренька, который служил на центральной станции в обитаемой зоне. Звали его Роман, кажется. Они эту станцию называли вокзалом. Там у них

были два поезда и ремонтный отсек. Роман нес службу не на самом поезде, а в отряде охраны — стоял на въезде вокзала или охранял прилегающие помещения. Машинисты поезда и мобильные группы были из отдельного подразделения и с ними нельзя было контактировать. То есть официально было запрещено общаться с группой кроме как по экстренным вопросам. Скажем, если на путях перед вокзалом самосбор с чудовищами. Так вот Роман рассказывал, что поезда ездили каждый день. То в одну сторону, то в другую. Иногда оба поезда покидали станцию одновременно. Иногда увозили с собой груз, а приезжали без него, другой раз уезжали пустыми, а приезжали с полной грузовой платформой. Видел он и партократов. Те тоже куда-то ездили. Иногда отсутствовали по нескольку суток, иной раз даже циклов. А потом возвращались обратно.

— Неужели он ни разу не поинтересовался? — спросил замороженный рассказом Андрей.

— Я же говорю, что это было запрещено. За один вопрос тебя бы пинком оттуда выбросили. Или ликвидировали.

— У них были самосборы в тоннеле? Ты про минотавра от Романа узнал?

— Нет, про минотавра я от другого узнал, — Михаил попытался вспомнить имя давно погибшего человека. — Не важно, от кого. Самосборы на вокзале были и особо мощные. На самой станции был расквартирован усиленный отряд ликвидаторов, поэтому работали там очень оперативно. Не надо было ждать как в жилых ячейках иной раз по два или три часа. Зазвучала тревога, активная фаза самосбора прошла, тут же выскакивает отряд и сразу в несколько стволов сжигает, стреляет, зачищает вверенную территорию. Говорит, у них норматив был — после открытия гермодвери на ликвидацию самосбора на вокзале отводилось пятнадцать минут. Потом можно было сразу запускать поезд. Или принимать.

— А в тоннелях как?

— В тоннелях у них проблем, вроде как, не было особых. Поезд относительно герметичен, поэтому они просто проезжали сквозь самосбор, если он попадался на их пути. А погань всякую просто сбивали — сколько там тонн весит это чудовище? Такому ничего не страшно. Но на всякий случай с обеих сторон устанавливали пулеметы и гранатометчика ставили. Роман, правда, рассказывал один случай... Он его хорошо запомнил, потому что поезд выехал в начале его смены, а еще до завершения вернулся обратно. Морда у поезда вся смятая, развороченная, стекла повыбиты, часть экипажа мертва. Это поезд на ремонт отправился, другой на пути. Туда садиться усиленный отряд ликвидаторов и снова уезжает в темноту. Вернулись через несколько часов. Поезд тоже поврежден, хоть и не так сильно, пять трупов привезли.

— Что это было? — Андрей сухо сглотнул.

— Не знаю я, — раздраженно бросил Михаил. — Кто тебе там скажет? Думаешь, они там трещат обо всем, как я с тобой?

Он сделал глоток и обтер губы, вспоминая что-то.

— Кстати, вооруженные экспедиции они тоже отправляли. Роман рассказывал, что как-то раз видел целых два усиленных отряда в двадцать человек каждый. Уехали куда-то на целый цикл. Когда вернулись, каждый отряд сократился на половину. И куча раненных, покалеченных, боекомплект почти израсходован. Куда они уезжали на такой долгий срок, мне бы самому очень хотелось узнать. Это учитывая то, что поезда, видел, как быстро ездят? Это не на своих двух.

— А куда, и правда?

— Не знаю, — уже спокойно ответил Михаил. — Единственное, о чем я догадываюсь — это связь с Содружеством. Думается мне, партия держит какую-то связь с мутантами.

— Зачем?

— Зачем, почему, как, когда, с кем, — начал дразнить его проводник. — Опять заладил!.. Не знаю я зачем. В следующий раз у своего пузатого партократа спроси. Может, объяснит тебе что-нибудь. Потом и мне передашь.

Михаил открыл бутылку и сделал еще несколько глотков. Несколько минут они провели в тишине, пока Андрей не заговорил снова.

— У тебя есть какие-нибудь знакомые, которые могут мне помочь с поиском сына?

— Как тебе можно помочь? — равнодушным голосом спросил Михаил.

— Сказать, где он может быть. У тебя же есть связь в ликвидаторах. Может они там смогут что-нибудь сказать или достать информацию.

— Вся информация, которую я мог достать, я тебе уже показывал.

— А что насчет мутантов и того, что они сказали?

Проводник задумался и весело усмехнулся.

— Я даже не знаю, как их спросить об этом, — он покачал головой и продолжил уже другим голосом, кривляясь. — В общем, мне сказали, что пропал пацан. А кучка мутантов намекнула, что он сейчас с самосбором. Не подскажешь, где он сейчас? — он продолжил уже обычным голосом. — Мне так надо сказать? — он вновь задумался. — Слушай, а ты не думаешь, что эти уроды просто намекнули тебе мягко, что сын твой — того. Умер. Может они тоже не хотели тебя сильно волновать? Ты же, вон, любишь поплакать.

— Не знаю. Может и так, — грустно ответил Андрей. Затем он с полминуты не мог решиться, задавать вопрос или нет, но все же озвучил его. — Слушай, почему ты так зло о мутантах отзываешься? Они ведь тебе ничего не сделали.

— Они уроды. Вот и все.

— Но ведь ты сам говорил про чудовищ и людей. И я подумал, что ты к ним относишься нормально. То есть, не так, как к монстрам.

Михаил мотнул головой, показывая недовольство из-за того, что его вынуждали думать. Сначала он хотел просто огрызнуться, но потом посмотрел на Андрея и решил все-таки высказаться. Алкоголь располагал его к откровенности.

— Меня мутанты бесят. Даже не из-за видимых мутаций. А того, что происходит у них в голове. Но я за время работы в ликвидаторах понял одну вещь — они приспособляются к жизни быстрее и лучше нас. Я в какой-то момент осознал, что боюсь их. Не из-за чтения мыслей или щупалец. А потому, что они могут нас вытеснить.

— Ты же, кажется, говорил, что они в общежитие не лезут.

— Не лезут. Я о том говорю, что мы, люди, можем умереть под самосборами. Полностью исчезнуть. А они останутся жить.

— Да как так? — Андрей чувствовал, как по спине бежали мурашки. — С чего бы это нам умирать?

— Так ведь всякое происходит, — Михаил поболтал жидкостью в бутылке. — Самосборы сильнее становятся. Чудовища тоже как-будто умнее. Многие проблемы у нас не решаются. А потом смотришь на мутантов — они из мусора себе скорлупу на сто этажей соорудили. И весь самосбор направляют на поддержание своей жизни. И, как ты видел, успешно.

— Ну и что? У нас же тоже есть защита. И еда, и энергия, — Андрей как мог защищал

немутировавших людей гигахруща.

— А то... — он несколько секунд думал, — что они — новая ступень развития людей. Тебе так не кажется?

Ячейка снова погрузилась в молчание. Андрей прогонял в голове увиденное, пытаюсь связать это с вопросом проводника. Его кольнула неудобная мысль о том, что тот мог быть прав. Внезапно Михаил заговорил.

— Спроси у своего партократа, — деловым тоном начал он, — может и скажет чего. А то отправили тебя непонятно куда, а сынка там и нет твоего. Или это... — он задумался. — Запишись в ликвидаторы. Они же сами тебя пригласили. Там, может, и выведаешь чего. Во всяком случае, это будет явно дешевле того, что могу предложить я. Да и вряд ли я тебе еще чем-то помогу.

Он сделал несколько громких глотков и обтер рот.

— А теперь надо спать. Завтра надо будет идти полный день.

32. Куда уходят гигахрущевцы

Гигахрущ словно благоволил путникам не следующий день. Тьма молча расступалась под лучами фонарей, пропуская путников вперед. Бесконечная бетонная даль железнодорожного тоннеля почти не издавала звуков и за несколько часов пути Михаил ни разу не остановился или обернулся, чтобы проверить и прислушаться. Было удивительно идти вот так минута за минутой, час за часом, не встречая никого и ничего. Михаил же думал о своем и по ходу пути становился все более оптимистично настроенным. Не было ни чудовищ, ни самосборов, омрачающих их путь. Возникало ощущение, будто гигахрущ решил облегчить дорогу путникам за все те испытания, которые выпали на их долю в предыдущие циклы. Даже поезд, который должен был регулярно использовать железный путь, не появился вновь, хотя Андрей этого так желал. В нескончаемо длинном бетонном тоннеле два черных силуэта уверенно шли в свете собственных фонарей.

Пробыв на ногах более шести часов, Михаил решил сделать привал. Им попалась очередная техническая станция и он решил дернуть дверь, которая должна была быть закрыта. Однако к его удивлению, тонкая железная дверь лязгнула старыми петлями и открыла вход внутрь. Он осветил длинный коридор с несколькими аналогичными тонкими дверьми и одной единственной гермодверью в дальнем конце. Приготовив оружие, Михаил проверял каждое помещение — внутри были кабинеты, склады с полками и лестница наверх. Это было похоже на контору трубопрокатного завода. Ничего опасного или достойного внимания там не было, поэтому они быстро шли по коридору. Дойдя до конца, проводник проверил петли, замок и отворил вход в небольшое убежище для работников давным-давно не действующей организации.

Когда гермодверь закрылась, он осмотрел комнату с несколькими скамьями, скинул вещмешок на пол и сел в дальнем конце.

— Нам везет! — в голосе Михаила почти что можно было услышать радость. — Такое редко бывает. Если так пойдет и дальше, то к семи утра будем у завода. Там останется дожидаться обходчика и все.

— Тебя не удивляет, что в тоннеле так тихо? — с настороженностью спросил Андрей. — Так долго идем и ничего не произошло.

— Удивляет, конечно. И радуется, что не надо бегать, стрелять, прятаться. Проклятый гигахрущ! Как он меня порой утомляет! Вообще сейчас надо быть настороже.

— Почему?

— Поговорка старая есть — затишье перед бурей. Если слишком тихо и спокойно, значит скоро будет что-то очень плохое.

— Что такое бурей?

— Буря, — поправил его Михаил. — Самосбор по-старому.

Он открыл вещмешок, проверил запасы и достал обед.

— Если бы мы пошли через нижние этажи, то пришлось бы поголодать день-два. А так все идет банка в банку. Бутылка к бутылке, — он достал из сумки емкость с серебряной жидкостью, потряс ею с улыбкой на лице и убрал обратно в рюкзак.

— Что потом будешь делать, когда вернешься домой? — поинтересовался Андрей, уже думая о том, что будет после завершения их пути вместе.

— Обращусь к ликвидаторам, постараюсь вернуть сына. Когда придурок домой

вернется, устройю ему взбучку, — он вновь расплылся в широкой улыбке и подмигнул. — А потом сгоняю за автоматами, которые мы спрятали внизу. Надо продать их. Кстати, ты не пропадай, твою долю я отдам.

Андрей сидел на скамье напротив и смотрел под ноги, думая об оружии и талонах, которые можно было выручить.

— Ты оставь их себе, — сказал он, думая о дальнейшем сотрудничестве с Михаилом. — За то, что отвел меня в Содружество.

— Как хочешь, — Михаил пожал плечами. — К мутантам я тебя не за талоны повел. Так что твою долю я могу вернуть.

— Почему повел? — спросил Андрей, но, увидев, как проводник задумался, продолжил. — Просто так решил помочь?

Михаил чуть не подавился едой, услышав это, и громко засмеялся. В зубах были видны куски размокшего концентрата, отчего мужчина приобрел крайне неприглядный вид. Андрей слегка опешил из-за такой реакции, думая о том, что сказал.

— Что смешного?

— Как что? — Михаил продолжал издавать смешки. — Много ты знаешь людей, которые просто так прут на другой конец гигахруща, а? Хотя, может, такие и есть где-то. Идиоты.

— Так почему? — не унимался Андрей.

Словно прогоняя улыбку, Михаил дернул головой и постепенно стал серьезным. Он выдавил очередную порцию в рот, залил воды и сглотнул получившуюся массу. Проводник бросал на Андрея странные взгляды, думая над ответом.

— Смотрю я на тебя, Андрюша, и удивляюсь, почему такому идиоту как ты столько чести. Другому бы на твоём месте давно уже брюхо вспороли. Или полакомились бы мозгами. А ты все живой и счастливый. Из церкви ушел, — он поднял руку и принялся загибать пальцы. — В соборе побывал. Даже с верховным дегенератом чернобожников умудрился поболтать, — чем дальше он говорил, тем злее звучал его голос, тем сильнее мохнатые брови наползали на глаза. — И даже мутанты в Содружестве собрались, чтобы на твои слезы посмотреть. Я вчера у них в городе ни черта не понял из того, что эти уроды говорили. А сегодня гляжу на тебя и думаю, что Боги действительно решили сыграть в неведомую чертову игру. И ты, маленькая глупая пешка, отчего-то идешь по полю вперед. И нет еще никого, кто бы прострелил тебе голову. Или откусил ногу. Почему, Андрюша, м?

Застигнутый врасплох едким монологом, Андрей сидел молча, ожидая продолжения, но Михаил уставился на спутника и молчал.

— Не знаю я, — тихо ответил тот.

— И я тоже не знаю, — Михаил усмехнулся. — Не знаю, почему я должен был тебя везде водить. В начале хотел тебя просто обменять на Сашку. Обменять как кусок мяса. Потом повел тебя в собор, чтобы опять же сынку своего достать. А в Содружество не могу сказать, зачем тебя повел. Не могу. Потому что, если скажу, то сам стану мясом. И сына своего никогда не увижу.

— Ты о чем? — Андрей водил широко открытыми глазами по лицу собеседника. — Ты чего такой злой? Какое мясо? Почему?

— Я еще не злой, поверь мне, — зло прошипел мужчина. — Лучше ничего больше не говори.

Михаил достал из сумки бутылку и откупорил ее в столь необычный час. В любой

другой день Андрей бы запротестовал, но сейчас ему казалось, что мутная жидкость с яркими искорками могла его успокоить. Проводник взглянул на алкоголь, сомневаясь в правильности действия, но все же прикоснулся к горлышку губами и стал вливать в себя содержимое. За раз он опустошил целую треть бутылки и, оторвавшись от нее, закрыл рот обратной стороной ладони. Андрей молча наблюдал за тем, как мужчина менялся буквально на глазах. Злость уходила, глаза мутнели и движения становились медленнее. К счастью, он закрыл крышку и убрал остаток серебрянки в сумку. Несколько минут они сидели молча. Михаил успокоился и даже не смотрел на спутника.

В какой-то момент Михаил громко вздохнул и лег на скамейку, подложив руки под голову.

— Главное сына вернуть, — уже подобревшим голосом начал он. — А дальше — посмотрим. Может, брошу эти скитания и устроюсь на завод. Или подпольный магазинчик открою на нижних этажах. Связи и возможности есть. А сейчас главное сына вернуть. И оружие продать. Отдам твою часть. Или ты сказал, что тебе не надо? А, и ладно! Главное тебя больше не видеть.

— Михаил, что я такого сделал?

— Ничего ты не сделал, — проводник широко махнул рукой. — Ничего.

В ячейке наступила тишина. Андрей больше не решался ничего спрашивать и лишь про себя задавался вопросом, отчего Михаил так резко отреагировал на, казалось бы, простой вопрос. Он прогонял в памяти самые разные эпизоды из их путешествия и никак не мог найти то, что могло бы стать причиной такого отношения. Михаил в это время лежал на скамье с глупой улыбкой на лице и пританцовывал ногами. Минут через двадцать он неловко принял сидячее положение и потер лицо.

— Надо идти, — негромко оповестил он и встал. — А то к утру не успеем.

— Ты пьян. Куда идти? — неуверенно запротестовал Андрей.

— Идти домой. Идти навстречу сыну, — говорил Михаил, одевая сумку.

— Ты полбутылки выпил, — в голосе звучал испуг. — Как мы пойдем?

— Так и пойдем, — проводник взял в руки автомат. — Как раньше шли, так и сейчас пойдем.

— Это небезопасно.

— Безопасно-небезопасно, — передразнил собеседник. — Если хочешь — оставайся. Я ухожу.

Михаил подошел к двери и, не прислушиваясь к происходящему за гермодверью, что он всегда делал, открыл замок и распахнул выход. В его походке появилась заметная тяжесть. По коридору разносились звуки шагов. Андрей взял автомат и двинулся за ним. Ему хотелось переубедить проводника, чтобы они остались, пока тот не протрезвеет. Но спор бы неминуемо перерос к ругань, а кричать в тоннеле было чревато. Он все же догнал Михаила и как можно более тихо начал говорить.

— Это опасно. Ты даже идешь громко. Как ты будешь там прислушиваться?

— Отстань, зараза, — он дыхнул перегаром. — Просто заткнись и не попадайся мне на глаза.

— Это опасно... — повторил Андрей, но на последнем слогe осекся.

Михаил сделал замах и, не глядя, отправил открытую ладонь в собеседника. Андрей в последнее мгновение увернулся от летящей в лицо угрозы. Остановившись, он несколько секунд смотрел на уходящего вдаль проводника. Михаил дошел до выхода на пути и скрылся

в темноте. Андрей обежал за ним. Выбежав на платформу, он спустился по ступеням и последовал за Михаилом.

Всего несколько метров спустя он вновь остановился и оглянулся. Тяжелая поступь Михаила перебивала какие-то звуки. Андрей нахмурился, пытаясь понять, что ему послышалось. Он осветил пустой тоннель в обе стороны и обратил взгляд на проводника, который блаженно ступал по деревянным шпалам, периодически запинаясь. Андрей закрыл глаза, вслушиваясь в темноту. Какой-то шорох издалека, совсем тихий, но устойчивый. Даже не шорох, а чей-то шепот. Непрерывный и неразборчивый. Шепот не одного, а нескольких. Не нескольких, а многих. Шепчущих голосов очень быстро стало так много, что они сливались в единый поток, будто по трубе лилась вода. И среди этого постоянного потока начал вырисовываться отдельный голос. Он то становился громче, то вновь затихал, возвращаясь к общему хору. Но этот шепот становился все отчетливее. И вот уже были понятные отдельные слова.

Андрей открыл испуганные глаза и посмотрел вслед проводнику. Он несколько секунд боролся со страхом быть слишком громким.

— Михаил! — закричал Андрей, отчего это имя разнеслось эхом в темноту. — Михаил! Проводник обернулся.

— Ты чего орешь, идиот?! Сюда сейчас вся живность сбежится! — таким же криком ответил ему Михаил.

— Самосбор! Сейчас будет самосбор! Надо вернуться!

Силуэт мужчины вдали слегка покачивался.

— Если боишься идти, оставайся тут! — закричал тот пьяным голосом. — Мне все равно!

— Я не боюсь! — он несколько секунд молчал, думая, говорить или нет. — Мне сын сказал! — и уже тише. — Я Колю слышал.

Его собеседник ответил не сразу.

— Ты врешь. Или ты правда тронулся умом. Тебя надо на переработку отправить.

Сказав это, он по-старинке махнул рукой и продолжил путь. Андрей посмотрел ему вслед, оглянулся, чтобы осветить тоннель и вновь посмотрел на отдаляющийся силуэт. Сплошной ворох чьих-то голосов возрастали и вместе с ним в голове все громче звучали короткие, но ясные предостережения. Он повернулся и короткими неуверенными шажками побежал обратно в убежище. На лестнице он остановился и хотел было вновь предупредить проводника, но после недолгих раздумий двинулся дальше. Уже открывая тонкую металлическую дверь, он почувствовал тот характерный запах, никогда не предвещавший ничего хорошего. Смерд ударил ему в нос, придав ускорение Андрею. Что было сил он бросился в дальний конец коридора, убегая от грядущей смерти. Добежав до двери, он дрожащими руками потянул на себя дверь, втиснулся в проем и хотел было закрыть ее, но внезапно остановился. Тяжело дыша, он смотрел в широкую щель на дальний конец коридора. Прошло всего несколько секунд, как оттуда послышался Михаил — он бежал по бетонному полу тоннеля в сторону убежища. В тьме замелькал свет его фонаря. Кажется, он споткнулся. Выругался. Вот он заскочил по ступеням и кинулся через платформу. Андрей вздрогнул, ощутив, что запах добрался до гермодвери. Он сжал холодную ручку замка. Вонь становилась все невыносимее. В проеме напротив возник бегущий силуэт.

— Стой, сука! Подожди! — злобно прокричал Михаил.

Все еще тяжело дыша, Андрей прищурился — за его проводником в свете фонаря

мерцали розовые искры. Смрад начинал кружить голову. Самосбор наступал. Он потянул дверь на себя.

— Стой, сука! — уже верещал обезумевший мужчина. — Еще есть время!

Розовый туман буквально ввалился огромной непрозрачной массой в узкий дверной проем, толкая перед собой мерзкий запах смерти. Уже слышались голоса, вой, рокот самосбора. Где-то в его глубине шли или ползли мерзкие твари. Времени больше не было. Или было?

С предательской дрожью в руках, Андрей резко потянул дверь на себя.

— Стой! СТОООООООООИ!

Скрипнули петли, хлопнула дверь, щелкнул замок. Послышались громкие шаги и удар тела о железное полотно гермодвери.

— ОТКРОООООЙ!! СУКАААААА!! — он несколько секунд барабанил по двери руками и ногами. — ОТКРООООЙ!! СУКАААААА!!! АААААААА!!!

Раздирающий крик разносился по коридору, проникая за гермодверь. Очень скоро он перешел на сплошной вой, просачивающийся в убежище прямо Андрею в голову. Он отпрянул от двери, бросил автомат и закрыл уши руками.

— АААААААААА!!! — доносилось оттуда.

Андрей надавил на голову так сильно, как только мог. Но он все равно слышал этот звук, который постепенно становился нечеловеческим. Человек не мог так долго кричать. Но он кричал беспрерывно. Разрывая собственные легкие и гортань, разрушая грань в мозгу Андрея, защищавшую его от безумия. Обессиленный он упал и подтянул колени к груди, все еще держа руки на ушах. Он слышал этот вой. Слышал, как в дверь снова ударили, но уже не человек. Кто-то или что-то скребло металл когтями или зубами или чем-то еще.

— Нет. Уйди, — лепетал Андрей. — Уходи.

Но это что-то за дверью не уходило. Оно кричало и корябало дверь.

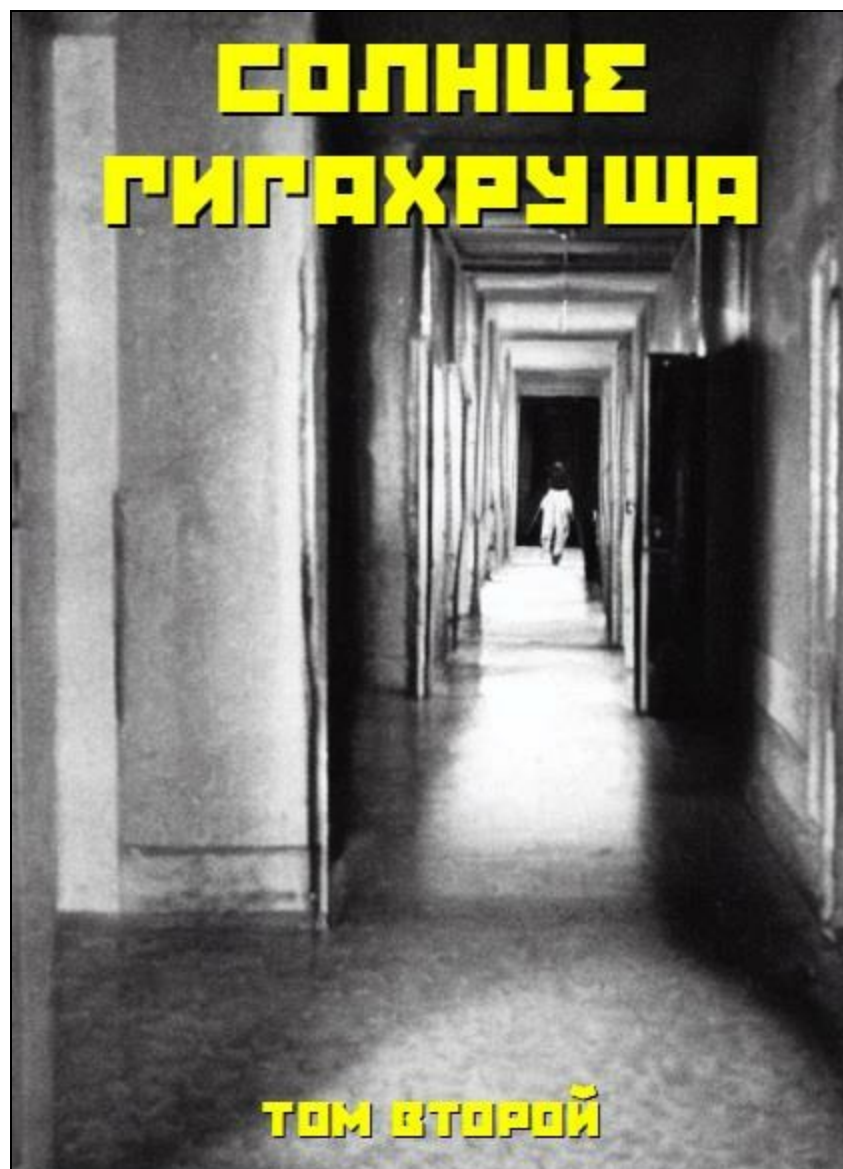
— Уходи, — продолжал Андрей, стараясь изгнать вой из своей головы. — Уходи.

Он лежал на полу, перекатывался с боку на бок, вжимал ладони в уши, шептал, умолял.

Внезапно крик оборвался. Он даже не поверил этому, боясь убрать руки от головы. Но вскоре он освободил уши. Из-за двери ничего не было слышно. Но этот жуткий крик оттуда все еще стоял эхом в голове, будто бился о стенки черепа. Андрей несколько раз ударил себя в попытке избавиться от этого, но тщетно. Он расслабил мышцы и растекся по полу словно дохлый кальмар. На лице была некрасивая кривая улыбка и пустые глаза, словно их ему вставили от мертвого человека.

Лежа там, он думал о Михаиле. О том, как тот обманул его, пытаясь обменять на собственного сына. Как какое-то мясо. О том, как оскорблял его и несколько раз ударил. О том, как кинул в него бутылку. О том, как напивался и орал. О том, как этот человек напился в середине дня и пошел в тоннель. О том, как не послушал его, не поверил. О том, как тяжело тот бежал из-за серебряного яда в желудке и крови. Андрей думал о том, как оправдать себя и свою трусость. Он пытался найти оправдание закрытой перед самым носом Михаила двери. Он думал о себе, о Коле. О поисках единственного сына, потерянного где-то в гигахруще. Он вспоминал технику безопасности. Вспоминал тех, кто бы закрыл дверь, не раздумывая. Он пытался избавиться от этого гадкого склизкого чувства, что обволакивало его будто последствие самосбора и ело, ело, ело его. Грызло его душу, обсасывало его личность словно костяные останки. И ничто не помогало избавиться ему от чувства вины за содеянное. И что-то кричало в нем отголоском пропавшего в самосборе человека.

**СОЛНЦЕ
ГИГАРУША**

ТОМ ВТОРОЙ

33. Возвращение в пустоту

Он не считал времени, сколько провел лежа на полу. Будто уснув с открытыми глазами, он уставился в одну точку на выкрашенной в синий цвет стене, которая освещалась пятном фонаря, лежавшего рядом. Андрей сложил руки на груди словно подстреленный зверек и единственным признаком жизни было редкое моргание. Он даже не заметил, когда самосбор прекратился и в коридоре стало совсем тихо. Не было ни стуков, ни ударов, ни скрежета по металлу. Гигахруц вновь погрузился во тьму, перемешанную с гнетущей тишиной.

В какой-то момент тело больше не могло терпеть холода и жесткости бетона, подавая в мозг все более настойчивые сигналы. Будто проснувшись, Андрей дернулся, огляделся и попытался подняться на ноги. Его качнуло и в последний момент перед падением он выставил руку, чтобы не упасть. Держась за скамью, он смотрел перед собой, наблюдая, как все кружиться. Когда картинка стабилизировалась, он медленно убрал ладонь и выпрямился. Несколько шаркающих шагов принесли его к гермодвери. Он приложил ухо к металлу и прислушался. Ничего не было слышно. Полная тишина.

Он поднял с пола автомат и уже готов был отпереть замок, как вспомнил о противогазе. Со слабостью в руках он открыл сумку и достал оттуда средство защиты. Когда мир сузился до круглых окуляров, он приготовил автомат и открыл гермодверь. Луч фонаря осветил длинный коридор с черными пятнами слизи и круглыми шляпками самосборных грибов, тонувших в остатках тумана. Медленно ступая в сторону тоннеля, Андрей держал автомат наготове. Показалась пустая платформа. Возникли очертания вентиляции под потолком. Он приблизился к краю платформы и, не проверив обратного направления, двинулся в нужную сторону. Когда кожа под резиной стала гореть, он стянул противогаз и небрежно закинул его обратно в сумку. Он шел, не считаясь с усталостью, не вслушиваясь в тьму. Андрей просто переставлял ноги, чтобы добраться туда, куда его вел уже исчезнувший проводник.

Шаг за шагом, час за часом он шагал тьме навстречу, incapable ее достигнуть. Он не оборачивался на звуки, не запоминал расстояние до технических выводов, не проверял внезапное движение в углу остановок. Андрей просто шел.

Когда вдалеке послышался шум и вибрация, его глаза чуть приоткрылись. Он мечтал увидеть в луче света высокие силуэты жадных до плоти обезьян или несущегося на него минотавра, который в прошлый раз не дал себя рассмотреть. Вместо этого появился гул, все нарастающие удары колес и несколько ярких точек света. Из тьмы гигахруца на него надвигался поезд, несущийся с огромной скоростью. Поняв, что идет навстречу, Андрей улыбнулся и опустил автомат. Затем он и вовсе убрал с него руки, оставив болтаться на ремне. Уже был отчетливо виден квадратный силуэт, круглые фонари, блеск фронтальных стекол, когда мужчина поднял свои руки, будто шел навстречу старому другу и рассмеялся со слезами на глазах. Он хотел встретить эту железную гроыхающую машину объятиями. Та была все ближе и ближе, поэтому Андрей закрыл глаза и растянулся в широкой улыбке.

К его удивлению, поезд пронесся мимо и, когда он хотел исправить свою ошибку, сделав шаг в сторону, огромная грохочущая машина уже миновала его. Он запнулся о рельс и упал, больно ударившись грудью и рукой. Повернув голову, Андрей наблюдал за отдаляющимся поездом.

И вновь он лежал, не считая минуты и, может быть, часы. Покрывившись от боли, он нашел удобное положение и распластался на путях, ожидая возвращения железного монстра.

Когда Андрей понял, что его не будет, он с трудом поднялся на ноги, взял автомат и продолжил идти вперед. Сначала он шел по шпалам, потому что боялся пропустить поезд. Но потом, устав от того, что идет слишком медленно и постоянно запинаясь, переместился на бетонную дорожку вдоль стены. Шаг за шагом, час за часом он брел в полном одиночестве.

Когда картина перед глазами постепенно закружилась, он не понял, что теряет сознание и безвольно рухнул на пол. Дальнейшее он помнил урывками и осколками мутных воспоминаний. Яркий свет и несколько людей в противогазах, склонившихся над ним. Воздух, бьющий в лицо, и мерное жужжание двигателя прямо над ухом. Собственные ботинки, скользящие каблуками по гладкому полу и чьи-то руки, которые его тащили. Еще несколько людей в противогазах и эхо их разговоров.

— ...сообщили о постороннем...

— ...выдвинулись навстречу... нашли без сознания... удостоверение личности отсутствовало...

— ...обнаружили при нем автомат... абсолютно новый...

— ...проверили по базе... с хранения...

— Отправили запрос?

— ...из седьмого отдела... связались... представитель будет здесь...

— ...осмотр и первая помощь...

Затем, кажется, боль от укола и снова прохладная ласковая тьма.

Когда Андрей стал медленно приходить в себя, что-то монотонно пиликало над ухом. Он медленно открыл веки и огляделся. Стены из белого кафеля, серая аппаратура на тумбе рядом, бутылка с прозрачной жидкостью над головой и тянущийся от нее провод, который заканчивался иглой в вене. Он хмыкнул и приподнял голову. Нам нем лежало синее покрывало в крупную белую клетку. Почти сразу деревянная дверь распахнулась и внутрь зашла молодая женщина в белом халате.

— Я вижу, вы проснулись? — доброжелательно сказала она. — Как себя чувствуете?

— Где я? — слабым голосом произнес Андрей.

— В медблоке, конечно. Вас привезли сюда вчера ночью в очень плохом состоянии.

— Я был в тоннеле... — ему требовалось усилие, чтобы вспомнить простейшие слова. — Я шел по тоннелю... Свет...

— Свет в конце тоннеля. Или коридора, — она щелкнула клавишами на аппаратуре. — Видимо, вам было совсем плохо, раз вы видели такое. Сильное отравление. Вы случайно не попали под самосбор? — она достала медицинскую карту из пластикового кармана на стене.

— Был. Попал, — он откашлялся.

— Последствия самосбора, по всей видимости, — она продолжила читать. — Но сейчас у вас все в порядке. Требуется восстановление. Я думаю, пару дней еще потребуется. К вам скоро придет доктор и он скажет точно. А пока мне надо поставить вам укол.

Вскоре он вновь погрузился в небытие. В медблоке Андрей большую часть времени находился без сознания. Он открывал глаза, рассматривал одиночную палату, затем короткое общение с медсестрой или врачом, укол и снова сон. Даже когда его глаза были открыты, он плохо воспринимал действительность и никак не мог связать воедино то, что он видел перед собой с пугающими воспоминаниями.

В определенный момент он понял, что стоит в приемной медблока напротив медсестры, которая буквально впихивала ему какую-то сумку.

— ...мы пришлем вам на терминал справку. Перешлите ее на место работы. Двое суток вам еще надо полежать у себя, а потом можете возвращаться к нормальной жизни. Да возьмите же наконец сумку, — он улыбнулась.

— Что за сумка? — Андрей слышал свой собственный голос, будто говорил кто-то другой.

— Ваша, конечно, — ей наконец удалось впихнуть ему сумку. — Лифт прямо в конце коридора. Едете до вашего этажа, а там, думаю, вы доберетесь сам. Если что, спросите кого-нибудь.

— Какой у меня этаж? — он нахмурился, пытаясь вспомнить. — И ячейка? Я все позабыл...

Медсестра еще раз улыбнулась, достала блокнот, где написала этаж, блок и ячейку, вырвала лист и засунула его в нагрудный карман Андрею.

— Я для вас все указала! Не потеряйте записку! А теперь прошу вас идти, потому что у меня много работы! Поправляйтесь!

Она развернула мужчину и буквально вытолкала его за порог медблока. Шаркая подошвами по полу, Андрей медленно шел в указанном направлении. Зеленые стены коридора сменились коричневыми панелями в дребезжащем лифте с западающими железными кнопками. Он достал бумажку, нашел нужную кнопку на панели и покатил вниз.

Выйдя на своем этаже, он двинулся в сторону своего блока, постоянно сверяясь с бумажкой, потому что нужная буква упорно выскакивала из головы. Он хотел даже попросить помощи у прохожих, но те обходили стороной пугающего мужчину с блуждающим взглядом. Он им казался то ли пьяницей, то ли безумцем.

Почти час спустя он попал-таки в свой блок, но блуждающее безумие в глазах только усилилось, когда он увидел знакомые стены. Еще возле лестницы появились темные пятна, обколупавшаяся штукатурка, отверстия и бурые разводы на полу. Почему-то было больше людей, чем обычно. Его толкнул незнакомый плотный мужчина с чемоданом. Сосед с озабоченным лицом кивнул ему при встрече, но ничего не сказал. Его собственный коридор было тоже изуродован еще не вычищенными следами недавнего боя.

Андрей удивленно поднял брови, глядя на свою гермодверь. Та была открыта и пара мастеров в черных масках проводила ремонтные работы — один использовал сварочный аппарат на петлях, другой заделывал дыры между стеной и железной рамой двери. Неподалеку стояли несколько человек, один из которых, завидев Андрея, махнул ему рукой и отделился от группы.

— Андрей, здоровенько! Ты где пропадал? Тут видишь, что творится?

— Привет, — тихо сказал Андрей, оглядывая свою дверь. Затем перевел взгляд на соседа. — Что тут произошло?

— Вчера ночью чернобожники тут бунт устроили, — тараторил мужчина, стараясь поделиться всем, что знал. — Убили несколько человек, провода связи пообрывали, но кто-то успел сообщить ликвидаторам. Они к тебе и еще нескольким людям вломились. Тут бой был, стрельба стояла, взрывы! Мы думали, тебя убили, а ты живой! Повезло! Где был сам?

— Да я гостил... — он с трудом выдумывал легенду, чувствуя головокружение. — У друга на четырехсотом.

— Вот повезло! А представь, если б здесь ночевал, то все — пиши пропало! И, вон, смотри, как оперативно работают! Дверь тебе уже почти поставили...

Сосед безостановочно что-то говорил, но Андрей его уже не слушал. Он с тревогой в

глазах смотрел на поврежденную гермодверь и думал, было ли это просто совпадением или к нему пришли специально. В ответ на поток слов он закивал и, вяло махнув на прощанье рукой, направился в свою жилищечку. Мастер, заделывающий дыры, подозрительно оглядел странного мужчину, но без вопросов пропустил того внутрь. Андрей сел на диван и уставился в неработающий телевизор. Когда ремонтные работы закончились, мастера проверили герметичность двери и работу замка — несколько раз открыли и закрыли гермодверь. На вопрос, не желает ли хозяин ячейки проверить работу, ответа не последовало, поэтому ремонтники просто ушли, прикрыв дверь. Андрей бы, наверное, так и уснул, сидя на диване с открытым входом, но, уже засыпая, его передернуло от внезапной мысли, что чернобожники могут прийти вновь. Он встал и щелкнул замком.

Ночью его тревожили сны о гигахруще и самосборе. Он вновь шел по бесконечным коридорам, но уже один. Кричал в пустоту и звал сына. Казалось, что тот был где-то совсем рядом — за ближайшим поворотом или на соседнем лестничном пролете. Андрей слышал его голос и задорный смех, но увидеть его не получалось. Зато он прекрасно видел чудовищ в темноте, которые наблюдали за ним из-за угла и, словно дразня, демонстрировали свои извивающиеся щупальца с черными присосками. Кроме кальмаров и так похожих на людей обезьян Андрей видел еще одну пугающую картину — лицо Михаила, которое то вырисовывалось на стене, то появлялось в темноте, то возникало прямо рядом с ним, как будто проводник хотел что-то прошептать ему на ухо. Вместо шорохов и постукиваний темнота разрывалась криком «Стой! Открой! Еще есть время!» Андрей беспокойно просыпался, видя перед собой родную ячейку, а когда вновь засыпал, сон продолжался на том же самом месте и казалось, что ночной кошмар надо было обязательно досмотреть до конца.

Пробудившись утром, он чувствовал себя измятым, уставшим и все еще не отошедшим то ли от пресловутого отравления самосбором, то ли от медикаментов, которые влили в его тело. Он умылся холодной водой и, посмотрев на свое серое отражение, понял, что ему просто необходимо было вернуться к нормальной жизни. Без темных коридоров, чудовищ и вечного страха оказаться слишком далеко от гермодвери.

Андрей покопался в шкафу, оделся в чистую рабочую одежду и, даже не проверив терминал, пошел на трубопрокатный завод, словно он и не прекращал там работать. Он ощущал почти что радость, оказавшись в нестройном потоке рабочих и служащих, направляющихся на свои предприятия. Стоя в переполненном лифте, он чувствовал тепло чьих то плеч и спин, отчего ему самому становилось тепло на душе, а на лице проскальзывала искренняя улыбка. Знакомый вахтер на пропускном пункте махнул Андрею рукой и открыл турникет. Миновав короткий коридор, он зашел на производственную зону и тут же погрузился в шум работающих станков. Оказавшись в родной среде, ему стало еще лучше.

Он встал напротив главного прохода, рассматривая грохочущие механизмы, и ждал, пока в поле зрения появится Порфирий Сергеевич. К его удивлению бригадир появился, но это был не его старый знакомый, а совершенно новый человек. Молодой мужчина лет тридцати заметил Андрея, приблизился к нему и, перекрикивая промышленный шум, заговорил.

— Вы кто такой? — закричал незнакомец в форме бригадира.

— Смирнов Андрей! Я тут работаю наладчиком.

Бригадир достал планшет с бумагами и стал проверять списки рабочих. Он вел пальцем

по таблице, пока не нашел нужную фамилию.

— А, да! Вас официально уволили! Вы не получили уведомление на терминал?

— Как уволили? — искренне удивился Андрей. — Я не получал. То есть, я не проверял еще.

— Да, вас уволили. Вы слишком долго отсутствовали и не отвечали на сообщения. Поэтому нам пришлось взять на ваше место другого работника.

— А вы кто? Где Порфирий Сергеевич?

Незнакомый мужчина обернулся, проверив, что в производственной зоне все шло, как надо, и жестом пригласил Андрея проследовать в сторону проходной. Они прошли сквозь дверь и оказались в коридоре, ведущей к выходу с завода.

— Порфирий Сергеевич погиб в прошлом цикле.

— Как погиб? Что случилось?

— На заводе примерно в это же время случился самосбор. Порфирий Сергеевич направлялся на работу, когда зазвучал сигнал тревоги. К сожалению, добежать до убежища он не успел. У него с коленом проблема была, хромал сильно. Вот, все, что от него осталось.

Тот указал на несколько пятен на стене, которые, по всей видимости, пытались оттереть, но до конца это не получилось. Шокированный Андрей смотрел на разводы, думая о том, что они совсем недавно были знакомым ему человеком.

— Поэтому меня пригласили сюда новым бригадиром. Сам я с листопркатного на пятьсот двенадцатом, — он несколько секунд молчал, разглядывая бывшего работника завода. — Мне сказали, что если б не ваше отсутствие и молчание в терминале, то вас бы повысили до бригадира. А так, если вы хотите снова тут работать, то только на должность рядового слесаря или подносчика. У нас сейчас как раз есть три свободные должности. Что думаете?

Андрей все еще разглядывал пятна, оставшиеся от прошлого бригадира. Услышав последний вопрос, он бросил потерянный взгляд на человека, который так и не представился. Думая о чем-то, он закивал, из-за чего новый бригадир улыбнулся — ему требовались работники. Однако в следующую секунду его лицо поменялось. Ни говоря ни слова, бывший работник завода развернулся и направился на выход.

Обратно он шел медленнее и переживал странные ощущения. Эти стены, которые совсем недавно казались ему родными и знакомыми, сейчас отдавали чужеродностью и пустотой. Он думал о знакомых и коллегах, и понимал, что остался совсем один. Те скудные социальные наработки целых гигациклов вдруг испарились и ни осталось ничего, кроме рисунка на стене и висящих на старой трубе штор. Андрей смотрел себе под ноги, почему-то боясь встречаться взглядом с людьми.

Через час он стал приближаться к своему блоку и в определенный момент его чувства обострились. Он будто оказался в серой зоне гигахруща и его инстинкты подсказывали, что обстановка изменилась. Андрей прислушался к ощущением и понял, что его тревожили звуки за спиной. Он оглянулся и увидел двух мужчин на расстоянии пары десятков метров от него. Хотя на них была обычная рабочая форма, что-то привлекло внимание Андрея и заставило насторожиться. Он непроизвольно ускорился, думая о той парочке, но и они ускорили шаг. Повернув за угол, Андрей открыл клапан сумки и положил гаечный ключ таким образом, чтобы быстро извлечь его. Сердце забилося, в висках заколотило, в руках появилась дрожь. До ячейки оставалось всего несколько этажей и Андрей зашел на пустую лестницу. Сзади послышался шум бегущих ног. Он спрятался за стеной, ожидая

противников.

Первый выскочил на площадку и тут же бросился вниз по ступеням. В его руке сверкнуло лезвие ножа. Андрей достал из сумки оружие и замахнулся, поджидая второго преследователя. Когда через пару секунд тот появился на лестнице, мужчина без лишних раздумий обрушил гаечный ключ на его голову, отчего тот на заплетающихся ногах потерял сознание и безвольно рухнул на ступени. Первый услышал это и остановился, глядя на своего напарника, который скатился по ступеням вниз, пачкая бетон темной кровью. Наверху стоял Андрей с гаечным ключом в руке. На лице его не было страха. Глаза были пусты. Мужчина с ножом в руке злобно оскалился, брызнув слюной, и сделал несколько резких шагов по лестнице в сторону врага. Однако на полпути он остановился, глядя на чужое оружие. Он смотрел исподлобья и шипел, словно животное, и делал резкие выпады, пытаясь напугать жертву. Но Андрей лишь спокойно оттянул руку, готовясь в случае чего нанести удар.

— Ты все равно сдохнешь, — гнусавым голосом произнес незнакомец. — Ты приговорен, падаль.

Он отступил вниз, злобно глядя на противника, затем резко бросился по лестнице вниз и несколькими этажами ниже скрылся в коридоре. Андрей обернулся и убрал гаечный ключ так, чтобы можно было достать его при первой необходимости. Он прислушался. Никого не было слышно. Он дошел до поверженного врага, присел на корточки и посмотрел на проломленный череп, из которого текла кровь. Из-под воротника торчала тонкая цепочка. Андрей потянул ее на себя — на ней висел кусочек чешуйчатой кожи с выдавленным символом Черного Бога. Сверху послышался разговор. Андрей вскочил на ноги и, стараясь не шуметь, сбежал на несколько этажей вниз.

До ячейки он шел, озираясь по сторонам и проверяя отсутствие слежки. Стоя перед собственной гермодверью, он оглядел темные пятна, оставшиеся от взрыва. Сейчас у него не было сомнений, что тогда приходили именно за ним. Он открыл дверь, быстро зашел внутрь и щелкнул замком. Первой мыслью было достать спрятанный под ванной пистолет, но опустившись на холодный кафель, он задумался. Андрей вернулся в комнату и сел на старый диван. В голове все еще кружился страх, окрашивающий мысли в темные цвета. Мужчина нахмурился, осознавая свое положение. Пистолет под ванной, приставка со вставленной кассетой игры «Ликвидаторы» и наивный рисунок на стене с обрамляющими его шторами — это все, что было у него на тот момент.

Через полчаса он включил терминал, зашел в раздел экстренных служб и открыл самую первую. Там он нашел пункт меню «Заявка на вступление» и быстро заполнил электронную форму. В графе дополнительной информации он отметил, что остался один. Ему ответили всего через час, выслав подробную инструкцию о том, как добраться до учебной части ликвидаторов. Хотя он ожидал этого сообщения, оперативность их ответа, а значит и возможность идти туда сразу же, немного взволновали Андрея. Он понимал, что пути назад у него уже не было.

Он беспокойно ходил по дому, проверяя отключенные от сети устройства и перекрытые вентили воды. Несколько раз проверил ящик для концентрата, чтобы там ничего не испортилось. Заглянул в ящики и отсек дивана, хотя он никогда не клал туда важные вещи. И так несколько раз.

Уже стоя одетый с перекинутой через плечо сумкой, он глядел на рисунок на стене. Андрей никак не мог решиться, оставить его открытым или зашторить. Так он простоял на одном месте несколько минут. Наконец он подошел к шторам и поправил их так, чтобы два

куска материи обрамляли нарисованный квадрат. Он медленно отошел, наслаждаясь картиной. Зеленая земля. Синее небо. И желтый круг солнца в нем. Андрей тяжело вздохнул, оглядывая свою жилищечку.

Затем поправил в сумке гаечный ключ, открыл гермодверь и вышел.

34. (Не)люди в противогазах

Ликвидаторов подчас боялись не меньше самосбора. Когда жители гигахруща слышали и видели отряды людей, закованных в костюмы химзащиты и противогазы с оружием наперевес, они, как правило, пытались спрятаться, если была возможность или же просто убежать с этажа или блока. Если такое не представлялось возможным, то они испуганно вжимались в стену, пропуская мимо себя главную службу гигахруща и молились о том, чтобы их не ликвидировали по ошибке или недоразумению. Они никогда не появлялись просто так. Ликвидаторы шли ликвидировать — жечь, стрелять или заделывать отдельные ячейки и по слухам даже целые блоки. Они редко говорили и никогда не показывали своих лиц. Работали всегда как единый слаженный организм — первые бойцы шли напролом, убивая по пути всю нечисть, вторые добивали или уничтожали трупы, а самые последние убирали все видимые и невидимые последствия самосборов или человеческой непокорности. После них оставались только пятна гари на стенах и разводы от уничтоженных жидкостей самосбора и всевозможных существ.

От самых разных людей можно было услышать, что они лично знали тех, кто вступил в ликвидаторы — дальних родственников, соседей или бывших коллег; и даже тех, кто, прослужив много гигациклов, вышел на пенсию и жил где-то среди простых гигахрущевцев. Но дальнейшая информация обычно представляла из себя слухи и сплетни, потому что ничего конкретного об этих людях никто сказать не мог.

Ликвидаторы обладали ореолом таинственности и были окружены непроницаемым ворохом домыслов, часто друг другу противоречащих. Кто-то говорил, что срок жизни ликвидатора не превышает нескольких циклов, а пятый выход на самосбор возводил бойца в ранг ветерана этой службы. Другие говорили, что те вообще никогда не умирают, а поверженных бойцов (даже если их разодрали в клочья) ставят на ноги в спецмедблоках, делая из них подобие живых трупов — пришивают конечности, вставляют глаза, обтягивают заменителем кожи, делая из них еще более бесстрашных ликвидаторов.

Отдельные личности шли дальше и утверждали, что ликвидаторы сами были частью самосбора. Дескать, даже если выключить все датчики и сирены, оборвать линии связи, то вооруженный отряд все равно последует за самосбором. Потому что как сначала приходит едкий запах и туман, а за ним следуют чудовища и мутации, также все заканчивается приходом ликвидатором, которые убирают все последствия. Обычно такие слухи подкрепляли контрабандисты и бегунки в серую зону.

Андрей помнил бывшего коллегу по заводу, который пересказывал историю то ли брата, то ли мужа сестры. Тот уходил в дальние блоки в поисках артефактов и просто ценных вещей, возвращаясь с электроникой, консервами или оружием оттуда, где то ли никогда никого не было, то ли люди покинули места так давно, что все покрылось сплошным слоем толстой бетонной пыли. Однажды он ушел от общежития более чем на сутки хода. Там он попал там под самосбор и зарылся в дальний угол ячейки с поврежденной гермодверью. Самосбор не достиг двери, но его последствия в виде рычащих и сопящих тварей расплзались во все стороны. Чудовища рвали железное полотно и уже начали просовывать в дыры свои конечности с когтями и присосками, отчего бегунок стал прощаться с жизнью и уже думал пустить себе пулю в лоб. Однако к его счастью из коридора послышался топот, стрельба, звук огненной струи, рев поверженных тварей, шипение их тел с огне. Отряд

ликвидаторов прошелся стальным катком по самосбору, после которого остались только оторванные конечности в ячейке с удачливым мужчиной. По его словам, тот не стал испытывать счастье, а дождался, пока ликвидаторы отойдут дальше. Затем открыл дверь и бросился на утек, зная, что его могли ликвидировать точно так же, как и монстров, что пытались его убить. Домой он добирался сорок часов, ни разу за это время не остановившись. Свое опасное занятие он бросил, зато нашел новое увлечение — рассказывать другим о своих похождениях и этом конкретном случае. «Ликвидаторы — порождение самосбора», — утверждал он. «Сами подумайте, в гигахруще каждый цикл происходят тысячи самосборов. Если их последствия не убирать, то они бы очень быстро заполнили все этажи и блоки черной слизью, розовым туманом и чудищами. Однако в серой зоне нет даже намека на такие участки. Значит, кто-то их чистит».

Кто-то встречал подобные рассказы с улыбкой, другие задумчиво молчали. «Да, но ведь у нас есть служба, есть номер ликвидаторов, есть, в конце концов, те, кто туда поступают на работу. Как с этим быть?» — вопрошали некоторые. Бывший бегунок сначала лишь пожимал плечами и делал широкие глаза. Однако затем, видимо, услышав от кого-то другую хорошую идею, стал говорить следующее. «Партии надо держать нас под контролем. Надо продемонстрировать собственную власть. Поэтому они и придумали службу ликвидаторов, хотя на самом деле имеют к их приходу такое же отношение, как к появлению самосбора. То есть никакого».

Многих это объяснение устраивало. Ликвидаторы почти всегда молчали и почти никогда не общались с жителями гигахруща. В глазницах их противогазов едва-едва виднелись глаза. А решительность в отношении пораженных самосбором людей или отмалчивающихся жителей в ячейках поражали и леденили душу. Они без всяких сомнений ликвидировали мутирующих мужчин и женщин. А если вдруг при поячейковом обходе возникали хоть какой-то намек на то, что внутри остался самосбор, то они могли сжечь всю жилую ячейку со всеми, кто там был. Или забетонировать ее в случае риска встретить опасных существ. Рассказывали, что как-то раз ликвидаторы забетонировали целый жилой блок. Там произошел то ли один мощный, то ли серия самосборов, на который пришлось высылать сразу несколько отрядов. Они пытались зачистить пораженную территорию с нескольких направлений, но сопротивление было слишком ожесточенным, а потери значительными. Поэтому ликвидаторы просто забетонировали все входы и коммуникации внутрь, замуравав в саркофаге не только чудовищ, но и обреченных жителей.

История эта всегда вызывала смешанные чувства. Невзирая на страх перед ликвидаторами, на них всегда смотрели с надеждой. Они были боевым отрядом гигахруща и партии, который мог справиться с самосбором, и в общем успешно выполняли эту задачу. Когда же рассказывали о сожженных людях или замурованных в целом блоке жителей, ощущался жуткий ужас оттого, что эти молчаливые бойцы могли спокойно ликвидировать тех, кого должны были защищать. Но затем в дело вступал, как им казалось, здравый смысл. Если б они не жгли мутантов, то гигахрущ бы неизбежно рухнул под натиском самосбора. Или чернобожников. Или бандитов. Или мутантов. И любых других смутьянов.

Ликвидаторы были щитом и надеждой жителей гигахруща, но сами гигахрущевцы шли в эту службу неохотно. Некоторые поговаривали, что когда служба создавалась, все понимали, что для вступивших это был билет в один конец. Поэтому набор осуществили в обязательном порядке — все мужчины определенного возраста участвовали в лотерее, где выигрышный (или, вернее сказать, проигрышный) билет означал вступление в ряды новой службы по

защите обитаемых этажей. Сколько выжило тех «счастливиц» неизвестно, но живых свидетелей первого набора никто не встречал. О таких только слышали через знакомых коллег, у которых был дальний родственник, который как-то раз пересекся с тем, кто как раз был первым ликвидатором.

Партия сделала все, чтобы повысить престиж и популярность службы. Они проводили агитационную работу в школах и коридорах, расклеивая красивые плакаты. По телевизору демонстрировали пропагандистские сюжеты о сложности и важности их работы. Несколько гигациклов назад они даже выпустили игровую приставку к телевизору с одной единственной игрой, где игрок в роли ликвидатора уничтожал бесчисленные полчища самосборных чудовищ и врагов всего цивилизованного гигахруща. Делалось это с одной целью — привлечь молодое поколение. Ничего так не привлекало молодой сильный организм, как яркие картинки на экране телевизора. И выпускники школ подписывали заявку на вступление в ряды ликвидаторов, чтобы стать героями гигахруща.

В основном же, насколько знал Андрей, в ликвидаторы шли от безвыходности или безнадеги. Затяжная депрессия, злоупотребление наркотическими веществами и алкоголем, проблемы в семье или же ее отсутствие — вот основные причины, почему люди отправляли заявку на вступление в службу ликвидаторов. Когда жизнь теряла смысл, а перспектива умереть не казалась такой страшной, они меняли рабочую одежду на защитный костюм и огнемет.

У сторонников теории, что ликвидаторы являлись продолжением самосбора и часто противников этой службы было свое объяснение. Они уверяли других, что вступившие в ряды отправлялись прямиком на утилизацию. По причине того, что рекруты не представляли собой какой-либо ценности как человеческий материал, от них просто избавлялись, то ли пуская на мясо, то ли разбирая на органы для партийной верхушки.

Вот об этом и думал Андрей, стоя в нерешительности на лестнице перед большой эмблемой ликвидаторов на стене. Держась за поручень на последней ступени, он никак не мог сделать еще один шаг, чтобы ступить на площадку и двинуться в сторону бронированной двери в дальнем конце коридора. Видимо, его заметили и вскоре из расположения ликвидаторов вышел охранник с автоматом наперевес. Держа Андрея на прицеле, он прогремел голосом сквозь фильтр противогаза.

— Чего здесь встал?

— Я вступить хочу, — испуганно ответил Андрей. — Я отправлял заявку, мне сказали прийти сюда.

— Имя?

Мужчина представился и ликвидатор приказал ему подняться в коридор и ждать там. Проверив его имя, боец вернулся.

— Заходи, тебя там встретят.

Андрей кивнул и без лишних слов быстрым шагом направился ко входу в казармы. Бронированная дверь с бойницей щелкнула и открыла проход для прибывшего пополнения.

35. Настоящее и прошлое

Ореол таинственности начал быстро осыпаться сразу после того, как Андрей попал внутрь. Его проверили, досмотрели вещи и отправили на комиссию, которая представляла из себя несколько смежных кабинетов. В первом он разделся, отдал свои вещи, его остригли, вымыли в душевой кабине с мощным напором, где вода с чистящими веществами била со всех сторон. Во втором его осмотрели доктора в противогазах, провели экспресс тесты на заболевания и медицинские отклонения. В третьем еще один доктор с резиной на лице провел ряд тестов на физическую подготовленность, а в четвертом меньше чем за двадцать минут определили и его интеллектуальное развитие. В пятом кабинете ему наконец-то выдали комплект формы и заставили подписаться в нескольких бумагах, не давая времени на чтение. В последнем шестом сидел председатель комиссии, который на экране компьютера молча ознакомился с результатами тестов и сухо поздравил Андрея со вступлением в ряды ликвидаторов, а дальше без всякой угрозы в голосе сообщил, что в случае нарушения приказов его самого могут ликвидировать. Прежде чем Андрей успел что-либо спросить, ему приказали направиться в свое расположение.

Внутренние помещения казарм ликвидаторов тоже мало чем отличались от основного гигахруща. Все те же стены и потолок, те же трубы и провода, та же местами обколупавшаяся краска. Главное отличие состояло в том, что на дверях ячеек висели не привычные номера, а названия комнат, говорившие о ее предназначении. Расположение учебного отряда Андрея тоже представляло из себя обыкновенную ячейку с той лишь разницей, что вместо привычной мебели там стояли несколько трехъярусных кроватей с тумбами между ними. Оглядев расположение отряда с безразличными сослуживцами, Андрею на ум пришло сразу два воспоминания — первое из собора и второе из заброшенной заставы на нижних этажах. Ни одно из тех мест не вызывало теплых чувств и эти ассоциации переносились на расположение учебного отряда.

Андрей кивнул в знак приветствия и сел в углу комнаты. Почти все койки уже были заняты, оставалось дожидаться еще пару человек. Рекруты в массе своей были молоды, но уже отличались следами морального или физического разложения. По их лицам и телам можно было более или менее определить, кто чем занимался и от чего страдал — несколько алкоголиков; измотанные физическим трудом заводчане; хилые юнцы, не отличавшие высокими результатами в школе; вечно грустные лица, страдающие от затяжной депрессии; да три-четыре мужчины, которые, как и Андрей, может быть, пришли туда по причине одиночества или проблем в семье.

Мало-помалу рекруты начинали разговоры и находили общие темы. Под конец дня в расположении стало достаточно шумно из-за бесед, которые вели на койках, скамьях и в помещении кухни, где стоял длинный стул со стульями. Андрея также пытались привлечь к разговору, но он отвечал кратко, ни показывая никакого интереса. От него быстро отстали, видя, что того гораздо больше привлекали плакаты на стене. Развешанные в ряд напротив коек они представляли краткую информацию об оружии, средствах защиты, порядке действия в разных ситуациях и опасности, которая может исходить от всевозможных последствий самосбора.

На следующий день начался учебный период и их отряд в составе двадцати человек изучал примерно то же, что Андрей видел на плакатах. Половину цикла они работали со

средствами защиты и бесконечно, до одури тренировались в том, чтобы надевать противогазы, защитный костюм и ботинки на скорость. Затем заправляли и разряжали распылители с химическими веществами для ликвидации самосбора, и проводили быстрый ремонт. Другую половину цикла они разбирали, собирали, заряжали и разряжали разные виды оружия — пистолет, автомат, огнемет, гранатомет и учили разницу между разными видами гранат. Следующие несколько суток они учились порядку действия в группе — собирались по тревоге и двигались по территории казарм в боевом порядке. Под конец цикла они проводили все время на территории бывшего завода, переделанного под полигон. Там они учились бороться со слизью, мутантами и чудовищами самых разных видов.

Свободного времени у них просто не было — каждая минута была расписана и занята чем-то. Так что когда рекруты возвращались обратно в расположение, единственной мыслью было выспаться. Андрею такой порядок вещей нравился. Плотный график и постоянно загруженность не позволяли думать о том, что он недавно пережил. Когда им приказывали выучить инструкцию или выписку из устава, Андрей вгрызался в строки словно буквы и слова могли утолить его голод. Он зубрил их до одури так, что, закрывая глаза, видел целые страницы перед собой и мог в точности вспомнить даже типографский брак на бумаге — в каком столбике, на какой строке и в каком точно слове плохо пропечаталась буква. Из-за этого другие курсанты криво смотрели на Андрея, потому что тот без запинки отвечал на любой вопрос инструктора и понимал, как работает оружие и оборудование, когда другие еще не знали, с какой стороны к нему подступить.

Уже в конце второго цикла обучения их отправили на первый настоящий самосбор. Когда действующие отряды проложили дорогу сквозь кишачие монстрами коридоры, оставив позади лишь слизь, в зараженный блок впустили их учебный отряд, вооруженный граблями, огнеметами и очистителями. Со страхом взирая на разлившуюся по полу черную слизь, никто не решался приблизиться к ней первым — густая масса булькала и переливалась будто кипящая смола. Андрей растолкал нерешительную массу сослуживцев и без лишних слов стал равномерно размазывать черную слизь граблями по полу, чтобы другие без труда сожгли ее, а затем убрали оставшиеся следы. После нескольких секунд замешательства к нему присоединились остальные. В последующие учебные выходы его всегда уважительно пропускали вперед, зная, что он не ступает ни перед кальмарами, ни перед изуродованными мутантами, ни самосборной обезьяной, которая кинулась навстречу перепуганным курсантам.

Андрей пытался забыть о прошлом, но сама жизнь в казарме напоминала о Михаиле — тем, как с ними разговаривали, как все объясняли и оскорбляли в случае ошибок. Как подгоняли их во время тревоги и пинками гнали навстречу самосбору. Как безликие инструктора в противогазах высмеивали и дразнили неопытных курсантов в ответ на их глупые вопросы. Он вспоминал своего проводника и вновь чувствовал режущее чувство стыда за собственную трусость, которая не позволила ему оставить дверь открытой всего на несколько секунд. Из-за этого он шел прямо в гущу опасности. И то, что другим казалось смелостью, на самом деле было проявлением обжигающей совести, которая била в самое сердце острыми уколами. И она же заставляла идти навстречу самосбору то ли в попытке искупиться, то ли найти смерть.

После окончания учебы, занявшей всего два с половиной цикла, всех курсантов раскидали по разным действующим подразделениям, чтобы заполнить дыры в личном составе. В своем отряде Андрей приобрел все ту же репутацию молчаливого и нелюдимого

сослуживца, который предпочитал информационные стенды живому общению. Но ему это быстро простили, потому что на боевых выходах он действовал не менее решительно и слаженно, чем во время учебы.

Его первая полноценная тревога произошла всего через час после того, как он поднялся в боевой отряд. В расположении вспыхнула яркая красная лампа и послышался рев из мегафона под потолком. Куча мужиков бросилась облачать себя в толстую резину, затем получать оружие. Через три минуты они уже бодро бежали вниз по лестнице, потом по коридорам мимо перепуганных жителей в сторону самосбора. Перед глазами Андрея стояли серые бетонные помещения и сероватая резина на спинах и головах сослуживцев. Вскоре послышался рык командира, означавший, что они пришли на место. Тут же застрочили автоматы, зашипели огнеметы и заскрежетали грабли по полу. Вооруженный огнеметом Андрей поджигал остатки поверженных монстров и лужи слизи, которая ползала по стенам и полу будто живая. Времени разглядывать, как и бояться не было — он держал дистанцию за головными бойцами и слышал, как позади него работают другие. За тридцать минут они оперативно избавились от всех последствий, уложившись в норматив, и начали усиленное проветривание помещения. Закончив это, командир с несколькими опытными бойцами принялся за поясечный обход. Андрей с готовым к действию огнеметом постоянно следовал за ними, чтобы в случае опасности пустить оружие в дело. Это было единственным волнительным моментом с тех пор, как он пересек порог ликвидаторских казарм.

В первый раз необходимость ликвидации жителей его миновала. Однако на третий боевой выход ему пришлось переступить через собственный страх. Закончив ликвидацию самосбора четвертого уровня сложности, отряд недосчитался бойца, которому оторвал руку почерневший мутант, совсем недавно бывший местным жителем. Командир начал обход жилых ячеек и уже на пятой гермодвери возникли подозрения относительно ее жителей. Голоса внутри звучали человечески, но в них слышалась какая-то странная ломота и отчаянность. Женщина внутри не открывала дверь, объясняя тем, что заклинило замок. Командир жестом указал бойцам подрывать петли. Установленные заряды одновременно взорвались, разбрасывая по коридору куски бетона и пыль. Железная рама скрипнула, дверь с грохотом упала на пол. Андрей с еще одним бойцом встал напротив открывшегося прохода, где стояла плотная серая завеса. Когда она стала оседать, свет одинокой лампочки под потолком выявил два силуэта, сидевшие в дальнем углу комнаты.

— Покажитесь! Иначе сожжем всю ячейку! — ревел голос командира.

Люди сидевшие внутри игнорировали приказы. Андрей чувствовал свое тяжелое дыхание, направив дуло огнемета на жильцов ячейки.

— Выйти на свет! — кричал командир.

Второй боец рядом нервно переминался с ноги на ногу. Андрей видел черные пятна на коже женщины и синеющие отросток из-за спины сидящего рядом мужчины. Он понимал, что ему предстоит и положил пальцы на спусковую скобу. Его переполнял странный страх, замешанный на чувстве совести, которого он так боялся. Сжечь людей, пускай мутировавших, но сохраняющих людской облик, означало переступить черту. Очередную.

— Открыть огонь! — прорычал командный голос.

Загрохотал пулемет, приводя силуэты вдали в движение. Они вздрагивали под ударами пуль. Замешкавшийся на секунду Андрей с ужасом наблюдал за экзекуцией и нажал на скобу, чтобы струя огня, превратившаяся там в сплошное красно-желтое облако, закрыла собой вид жителей ячейки. Не было ни криков, ни стонов, лишь грохот вылетающих пуль и

шипение огня.

— Прекратить огонь! Гранаты!

Другой боец подбежал к проему и закинул два снаряда — один на кухню, второй в приоткрытую дверь ванной. Прозвучали взрывы.

— Закончи обработку! — командир указывал пальцем на Андрея.

Тот подчеркнул кивнул и зашел в ячейку, чтобы сжечь все, что только могло гореть. Через полминуты вся ячейка полыхала — огонь выжигал остатки самосбора. Вентиляция, работавшая на полную мощь, засасывала дым и запахи горевшей плоти. Андрей медленно ступал назад в коридор, наблюдая за результатом собственной работы.

— Не спи! Нам еще весь блок обходить!

Ему нельзя было думать и переживать, поэтому он отошел от горящего помещения и встал позади командирской группы, стараясь занять голову расчетами об остатках горючей смеси в баллоне.

После возвращения в казарму с боевого выхода ликвидаторы редко обсуждали сожженные ячейки и убитых людей. Гораздо чаще можно было услышать шутки на тему того, как смешно бился в предсмертной агонии мутант, или как разметало на куски самосборную женщину от взрыва гранаты. Первое время Андрей с ужасом слушал бездушных сослуживцев и считал себя единственным способным к сопереживанию человеком. Но он очень быстро влился в коллектив морально, так как пришло понимание этой будничной жестокости.

Их отряд, как, наверное, и любой другой, быстро терял своих бойцов. Один из них слишком близко подошел к недобитому остроногу. Другой не отличил лужу черной слизи от детеныша кальмара и тут же за это поплатился. Молодой ликвидатор не нажал во время курок и пара человекоподобных мутантов мгновенно разодрали его на мясо. Еще один отбил от отряда и, когда появился в плотном облаке тумана, стал целью для своих же сослуживцев. За неполные десять циклов их отряд в двадцать бойцов поменялся на треть. Старые бойцы уходили в самосбор, а новые, пускай с небольшой задержкой, понимали, что каждый новый выход грозил им смертью. В таких обстоятельствах безликие резиновые лица со стеклянными окулярами были куда ближе бывших людей в затронутых самосбором ячейках. Именно поэтому новоприбывшие бойцы, среди которых был и Андрей, вскоре нажимали на курок без лишних размышлений.

От них и не требовалось много думать и, даже более того, если б была такая возможность, то это просто запретили бы. Каждый ликвидатор в отряде выполнял четкие, строго оговоренные функции. От бойцов лишь требовалось выполнять их быстро и в соответствии с инструкциями, уставами и приказами. Из смены в смену, из цикла в цикл, от тревоги к тревоги они жгли, стреляли и очищали помещения гигахруща, зараженные самосбором — они были ликвидаторами. И иногда казалось, что они должны были ликвидировать не только чужеродные организмы обитаемых этажей, но и собственные чувства. В какой-то момент Андрей поймал себя на мысли, что вид зараженных людей, в которых человеческого было больше, чем самосбора, уже не волновал его. И ему это нравилось. Притупляя сочувствие, он успокаивал свою совесть, которая все меньше и меньше напоминала ему о прошлом.

Но прошлое все-таки само дало о себе знать два раза. В первый раз их подразделение приготовилось к смотру для самого высокого начальства. Оружие и экипировка были вычищены до блеска, в казармах ни осталось ни пылинки, все нужные буквы устава

вызубрены. Когда в расположение отряда Андрея зашел проверяющий, все его сослуживцы тут же выстроились в ряд вдоль кроватей, направив взгляд перед собой. Высокий и крепкий ликвидатор с тремя красными полосками на клапане противогаза, означавшими его статус, неспешно зашел внутрь и оглядел помещение. Бросая косой взгляд на начальство, Андрей тут же вспомнил того, с кем дважды пересекался. Но его имени он не знал, как и не был уверен в том, что это был тот самый ликвидатор, сопровождавший партократа. Может быть, подумал Андрей, для начальствующего поста в этой службе просто требовалось быть высоким и крепким — другие просто не выживали. Начальник молча развернулся и вышел, чтобы проверить другие отряды в казарме.

Другой случай произошел на пятнадцатый цикл в ликвидаторах. Одни сутки в цикле выделялись под полноценный отдых для служащих отряда. Они были полностью свободны в выборе деятельности и не привлекались ни к каким работам или боевым выходам. Обычно ликвидаторы оставались в расположении и играли в карты или просто отлеживались целый день на койках. Немногие счастливики уходили на день к семьям или родным, хотя иногда это был лишь повод, чтобы навестить другие, более значные места в гигахруще. Андрей же каждый раз проводил целый день в библиотеке, читая пособия для ликвидаторов и всю интересующую его литературу.

Однако тогда, в конце пятнадцатого цикла, он решил сходить до своей ячейки. Андрей знал почему, но мысленно подавлял в себе зачатки надежды, зная, что они тщетны. Сразу после пробуждения он принял порцию концентрата, получил у завсклада одежду с сумкой и направился вниз в направлении своего блока. Внешне он ничем не отличался от идущих на работу заводчан, служащих или учащихся. Сливаясь с потоком, он старался постоянно идти рядом с кем-нибудь, памятуя о нападении чернобожников. Он прочитал несколько вводных пособий о сектантах на просторах гигахруща и понял, что посеяло тогда подозрение в его душе. Бывалые оккультисты, принимая черную слизь, приобретали определенные черты лица — взгляд становился злее и тупее, по щекам и лбу растекались глубокие складки морщин из-за постоянно бушевающих их отрицательных эмоций. Общий вид их становился более бездумным, животным, хищным. И чем больше принимали они слезы Черного Бога, тем меньше в них оставалось простого человеческого.

В нестройном и обрывистом потоке людей ему казалось, что он видел адептов культа — может быть, неопытных или тех, которые не стремились стать тупым продолжением священников. Но определенные изменения в их внешности все же прослеживались. Заприметив такого, Андрей клал руку на сумку, чтобы достать при необходимости гаечный ключ. Однако подозрительные лица проходили дальше, направляясь на работу или учебу.

Добравшись до нужного блока и этажа, Андрей сначала засомневался, что пришел к своей ячейке — совсем недавно родные стены сейчас казались чужими и пустыми, будто он провел бесчисленные гигациклы в каком-то другом месте. Но буквы и цифры на стене говорили о том, что мужчина пришел к себе. Осматривая стены, на которых появились новые следы от самосборов, он медленно приблизился к своей двери. Он не сразу заметил клочок бумаги, вставленный в щель за рамку гермодвери. Оглядевшись по сторонам, он достал записку и развернул ее. «Андрюха, загляни ко мне. Для тебя посылочка. Сергей». Он тут же обратил взгляд на гермодверь, расположенную в другой части коридора. Сосед уже должен был уйти к тому моменту на работу, но Андрей решил попробовать. Он приблизился к нужной двери и несколько раз громко постучал. Там послышалась возня.

— Кто там? — спросил знакомый голос.

— Это Андрей. Ты мне записку оставил за дверью.

Через несколько секунд послышался звук замка и дверь распахнулась.

— Андрюха, ты? — удивленно произнес хозяин ячейки. — Заходи! А я уже и забыл о тебе. Записку-то и не помню когда оставил. Так давно это было! А ты куда пропал? Я уж думал, ты умер, честно говоря.

— Можно сказать, умер, — негромко произнес Андрей, когда дверь за ним закрылась.

— А что случилось?

— Под самосбор попал. Сильное отравление получил.

— Вот это да, — с сочувствием в голосе произнес Сергей. — Как так произошло?

— Не хочется вспоминать, — безэмоционально ответил Андрей.

— Ааа, понимаю.

— Так что за посылка?

— Посылка, — словно забыв о ней, повторил хозяин, отошел к шкафу и стал там рыться. — Посылка тебе. Пришел к тебе твой знакомый, тебя не застал и попросил нас передать тебе, когда ты придешь.

— Что за знакомый? — сердце запрыгало в груди от волнения.

— Он представился, но имя из головы вылетело, — он нахмурился, пытаясь вспомнить. — Да он такой — пожилой мужик без левой руки с пузом. Лысина, седая борода. Не представляешь?

— Не припомню таких, — сказал Андрей, сомневаясь.

— Вот и мы подумали, что он тебя с кем-то перепутал. Попросил меня передать тебе вот это, — он вернулся к гостю и протянул ему маленькую коробочку. — Ленточный накопитель.

Андрей взял и повертел его в руке. Под прозрачным пластиковым корпусом виднелась бумажка с короткой пометкой.

— Я говорю, вы точно к нашему Андрею? Он же на трубопрокатном работает, а не в НИИ каком. Зачем ему накопитель? А он говорит, это от твоей знакомой, кажется, Ярославцевой. Она тебе какие-то записи передала. Ну я удивился, но мое дело небольшое — тебе его передать.

— Степан его зовут?

— Да, точно! Степан! Странный мужик, честно говоря. Вы откуда знакомы?

— Бывший коллега, — он сделал паузу, чтобы придумать легенду. — Раньше работали вместе. А это, видать, записи от технолога по сплавам.

— Странно, — Сергей потер голову. — Почему тебе лично передали, а не на завод?

— У нас там беда. Бригадира убило, вся работа встала. Может быть, поэтому.

— Дела-а, — протяжно ответил хозяин квартиры, думая о том, как одно было связано со вторым.

— Ну ладно, спасибо, что передержали! — пользуясь замешательством, сказал Андрей. — Мне идти надо.

— Чего так быстро? Приглашаю в гости! — с улыбкой на лице он указал на кухню. — Посидим, поговорим. У меня сегодня выходной!

— Может в другой раз. Куча дел, понимаешь.

— Они не смогут подождать? — он перешел на заговорщический тон. — А то мне с двухсотого бутылку грибной настойки прислали. Можем употребить ее на двоих.

— Я бы с радостью, но дела. Давай, может, в другой раз? Я найду как-нибудь вечером

попозже, договорились?

— Ты заходи, конечно, но не обещаю, что настойка доживет до той поры, — он подмигнул.

— Еще раз спасибо! Удачи!

Он покинул Сергея и направился к своей ячейке. Уже стоя перед дверью с ключом в руке, он думал о магнитном накопителе с вложенной туда бумажкой, на которой значилось «от Ярославцевой Е.М». Взглянув на часы, он убрал ключ в карман и направился обратно в казармы, думая о том, сколько времени у него оставалось на то, чтобы изучить послание из самого города мутантов.

36. Секретные отчеты в центр

Совсем позабыв о мерах предосторожности, Андрей добрался до своей казармы на пятьсот сороковом этаже. Он миновал пропускной пункт и зашел в нужное помещение. Пожилой библиотекарь с худым бледным лицом Юлиан Эдмундович расплылся в улыбке, увидев знакомое лицо.

— Андрей Викторович, — приветственно произнес тот, — я уж думал, что вы сегодня не придете! Почему вы в гражданской одежде?

— Здравствуйте! — он на секунду задумался. — Хотел прогуляться сначала. А потом понял, что хочу для начала поискать информацию.

— С таким рвением к знаниям вы меня подсадите тут! — он в шутку потряс указательным пальцем. — Кто куда, а вы всегда в библиотеку. В архивариусы метите?

— Нет, — смущенно ответил Андрей. — Просто хочу новое что-нибудь узнать.

— Что на этот раз?

— Минотавры.

— А вы, кажется, уже читали про них, или я ошибаюсь? Два цикла назад.

— Читал, но только общую информацию. А там было указание на старые магнитные записи. Мне бы еще их хотелось увидеть.

— Я лично думаю, что это будет не очень продуктивно, — он взялся пальцами за подбородок и покачал головой. — Вы же знаете, что основные факты мы переносим в терминал.

— Да, я знаю. Но мне бы все же хотелось глянуть на них.

— Что ж, ваше дело. Я сейчас принесу вам записи. Но надо будет подождать. А вы пока располагайтесь там.

Юлиан Эдмундович указал на дальний стол, приставленный к стене, с большой коробкой системного блока, предназначенного для работы с накопителями. Андрей опустился за стол и положил сумку так, чтобы при подходящем случае достать оттуда свой магнитный диск. Пока библиотекарь искал нужные записи, Андрей включил компьютер и уставился в свое отражение на темном экране. Вскоре Юлиан Эдмундович вернулся в читальный зал, держа в руках два магнитных диска.

— Вот на этом, — он протянул первый, — самые первые упоминания о минотаврах от ликвидаторов. Там же есть записи слухов от жителей. А вот на этом — официальные подтвержденные сведения.

— Там много?

— Я не думаю, что прямо очень много. Но пару часов посидеть придется.

— Мне как раз, — Андрей кивнул. — Тогда приступлю к работе.

Когда библиотекарь отошел всего на пару шагов, Андрей тут же взял одну кассету и убрал ее под сумку, затем быстро извлек свой накопитель. Он вставил его в нужный паз на системном блоке и нажал кнопку «Загрузить». Компьютер принялся издавать писк и скрежет, считывая информацию с магнитной ленты. Андрей сложил руки домиком, нетерпеливо наблюдая за полосой загрузки, которая неравномерно двигалась урывками. Через четыре минуты компьютер полностью прочитал диск и вывел информацию на экран.

«Андрей Викторович, — сразу обратился к нему текст, — после вашего визита я немного подумала о том, какой сложный путь вы проделали до Содружества и как мало

узнали по факту. Наверное, во мне заговорило то, что полноценные люди называют совестью. Посоветовавшись с советом, я решила отправить вам этот диск. На нем содержатся записи моих сообщений, из тех далеких времен, когда я работала в НИИ Альтернативной энергии. На закате старого мира я трудилась на секретную службу, которую в общих чертах можно назвать братьями ликвидаторов. Меня отправили в это НИИ, так как там велась разработка крайне важного устройства, название которого вы уже знаете — ФУП-4. Существовали обоснованные опасения, что разработку данного устройства, как и работу всего НИИ могли саботировать. Моей целью являлось выполнение научной работы в качестве собственной легенды, а также сопутствующий анализ работы стержневого научного аппарата и попытка выявить саботирующий элемент. К моему большому сожалению, саботаж мне предотвратить не удалось. Как и точно определить, кто к нему был причастен. Но, быть может, мои записи будут вам полезны.

Поскольку работа моя велась негласно, сообщения содержат секретные обозначения, смысл которых я привожу ниже.

Кристалл — НИИ Альтернативной энергии

Шкатулка — ФУП-4

Старик — Победоносцев К.А — директор НИИ Альтернативной энергии

Мышь — Фадеев С.М. — руководитель центра научной разработки

Аполлон — Кузнецов П.А — руководитель отдела химических последствий

Волна — Карпов Д.М. — руководитель отдела фрактальной технологии

Берёза — Мезенцева А.Г — специалист по неевклидовой геометрии и неевклидовому пространству»

Андрей несколько раз перечитал сообщение от Екатерины Михайловны и постарался запомнить кодовые обозначения лиц, часть которых уже была ему знакома, а другие пока представляли загадку. Он несколько раз щелкнул по клавишам и увидел сообщения. Перед каждым стояло непонятное Андрею цифирное обозначение, код и надпись «Отправлено».

Библиотекарь шумел страницами журнала на своем месте. Андрей бросил на него осторожный взгляд через плечо и принялся читать.

«Насколько я могу судить к данному моменту, кристалл работает должным образом. Старику удалось собрать воедино крайне разношерстный состав. Разработка шкатулки идет не быстро, но поступательно».

«Отмечаю определенные проблемы в психологическом фоне кристалла. Некоторые сотрудники, в частности, Аполлон провоцируют конфликтные ситуации в кристалле. По этой причине замедляется работа отдельных элементов».

«Провела беседу со Стариком относительно Аполлона. Тот не видит ничего страшного в конфликтных ситуациях, называя это издержками производства. Попытка обратиться к Мыши также не увенчалась успехом».

«На фоне недавнего обращения к Мыши, инициирую более плотный контакт с ним. Пытаюсь вывести его на личный разговор и политические темы. К данному моменту Мышь не проявляет открыто антисоветские взгляды».

Андрей оторвался от чтения, думая над значением предпоследнего слова. О каком совете шла речь, он не понимал. По всей видимости, в те времена Екатерина Михайловна либо участвовала, либо работала на какой-то совет, аналогичный тому, что был в Содружестве.

«В кристалл прибыл человек из партии. Присуждаю ему кодовое имя „Портфель“. Судя

по объяснению Мыши, того прислали для контроля исследовательской работы».

«Выяснила, что Портфель не имеет компетентных знаний в области разработки шкатулки или других смежных наук. В разговоре, который инициировал он сам, Портфель признался, что работает по линии психологии. Прошу уточнить информацию и позицию центра в отношении данного человека».

«Вчера при тестировании шкатулки возникли проблемы. Тестовые образцы оказались негодными, из-за чего исследование отложили. Тестовые образцы готовила я и могу ручаться за их качество. Однако к моменту исследования они испортились или, вероятнее всего, были испорчены. Аполлон в личной беседе оскорблял меня и обвинял в некомпетентности. Донесла о данном инциденте до Старика, но тот ничего не предпринял».

«Сегодня тестовое включение шкатулки вновь сорвалось по причине проблемных тестовых образцов. Я лично контролировала их отбор и доставку до лаборатории. Однако между моментом доставки и началом исследования прошло больше тридцати минут, за которые доступ к образцам имели по меньшей мере восемь человек. Старик вновь не проявил должного внимания к данной проблеме. Думаю, что надо намекнуть ему на возможность саботажа».

«Только что имела разговор личного плана с Мышью. Пыталась вывести его на антисоветскую тему, но он уклоняется обсуждать недостатки системы».

«Старик, Мышь, Волна и Береза на закрытом заседании обсуждали улучшение технологии шкатулки. По результатам встречи в кристалле прошли определенные изменения в плане работы отделов, их взаимодействия. Также внесены изменения в механизм работы шкатулки. Открыто заявлено, что со следующей недели начнутся новые тестовые испытания. Для этого требуется обеспечить шкатулку большим объемом энергии. Букварь высказал сомнение относительно возможности переоборудовать сеть в столь короткий срок, но в итоге сказал, что попытается».

Нахмурившись, Андрей вернулся к кодовым обозначениям, но не нашел там слова «букварь». Он продолжил чтение.

«Получила ваш ответ на запрос о Портфеле. Однако считаю нужным донести свое личное мнение относительно него. Портфель на данный момент фактически имеет доступ к каждому этапу проектирования и исследования шкатулки, но по сути не контролируется и имеет возможность обходить установленный порядок. Учитывая складывающуюся в стране ситуацию, также считаю необходимым включить его в общий список разработки».

«Тестовые испытания шкатулки вновь провалились по причине сбоя в электроснабжении. Букварь объясняет это слишком малым сроком для переустановки сети. Старик дал ему еще неделю. Мышь проявляет спокойствие, граничащее с равнодушием. Аполлон вновь разлагает психологическую атмосферу. Портфель наблюдает за всем со стороны».

«Испытания шкатулки прошли успешно. Волна и Береза работают над улучшением технологии. Аполлон получил партию образцов для своего отдела. Старик впервые начал напрямую контролировать его действия».

«Очередной сбой в испытаниях. Причина — неполадки в сети».

«Плановые испытания шкатулки прошли успешно. Старик ликует».

«Испытания отложены по причине негодных образцов. Как и в прошлый раз проверяла образцы лично, но имелся промежуток в пятнадцать минут, за время которых я не могла контролировать их сохранность. Мне удалось выяснить, что к ним имели доступ следующие

люди: Мышь, Аполлон, Волна, Букварь и Портфель. Имела разговор со стариком о важности внесения изменений в общий порядок исследований для сохранности образцов. Намекнула на возможность целенаправленной порчи образцов. Старик не стал ко мне прислушиваться. Вновь имела конфликт с Аполлоном».

«Испытания снова отложены по причине сбоя в сети. Букварь заявил, что его заявку на получение оборудования не утвердили».

«Плановые испытания прошли успешно. Новые данные для анализа. Сбор химического материала».

«Плановые испытания прошли успешно. Химический материал собран в большем объеме».

«В личном разговоре Мышь признался, что Старик испытывает подозрения в отношении Аполлона. Старик дал понять Мыши, что тому следует отклонять заявки Аполлона на исследовательский ресурс».

«Аполлон инициировал публичный конфликт с Мышью по поводу двух отклоненных заявок. В личном разговоре Мышь впервые проявил антисоветизм — признался, что несмотря на его неприязнь к партии и строю, он бы хотел решительных действий аналогичных тридцать седьмому году. Пыталась выяснить причину его неприязни, но он уклонился от ответа. На вопрос о важности исследования, заявил, что полностью поддерживает работу Кристалла и Старика в частности. На вопрос о причинах частых провалов четкого ответа не дал».

«Имела разговор с Букварем и подчиненным ему техническим составом. По их словам Портфель стопорил необходимые изменения в работу электросети, хотя по моим данным тот не обладает соответствующей квалификацией или знаниями. Прошу центр отправить запрос на Портфель и его место в работе Кристалла».

«На данный момент не считаю нужным исключать из разработки Волну и Березу. Также считаю правильным внести в список Портфеля. Его поведение иногда дает мне повод для подозрений».

«Плановые испытания прошли успешно».

«Мышь в личной беседе признался, что подозревает Портфеля в антисоветской агитации. Тот намекал на гнилость строя. Прошу центр обратить на это внимание».

«Аполлон вновь устроил конфликт со мной, во время которого оскорблял и обвинял в отсутствии профессионализма. Имела разговор со стариком. Тот вновь отказался внести изменения в порядок работы исследования и в частности работы с образцами. Также отказался устранить или повлиять на Аполлона. Пришла к выводу, что Старика интересует только работа шкатулки. Частные вопросы взаимодействия сотрудников Кристалла для него не столь важны».

«На следующую неделю запланировали большие испытания шкатулки. Переоборудование электросети по заявлению Букваря идет по плану. В личном разговоре с Мышью узнала, что беременная жена Букваря сильно больна, что может повлиять на выживаемость плода. Мышь предположил, что недостаток работы электросети может быть вызван неудовлетворительным психологическим состоянием Букваря. В таком случае пребывание здесь Портфеля вызывает еще больший вопрос. Почему человек с профильными знаниями в психологии не повлияет или не отстранит от работы Букваря?»

«Тестовые испытания вновь отложены до завтра. Причина — некачественные образцы. По совету центра организовала провокацию, однако точное лицо установить не удалось. В

помещение с образцами в этот раз имели доступ Старик, Мышь, Портфель, Букварь и Аполлон. Считаю возможным исключить из списка подозреваемых Волну и Березу».

«Испытания прошли успешно. Аполлон получил обширный материал для разработки, но вновь выразил сильное недовольство отклоненными заявками».

«Подготовка к главным испытаниям идет по плану. Пытаюсь контролировать и иметь доступ ко всем этапам и направлениям подготовки. Мышь сказал, что психологическое состояние Букваря ухудшается. Оказывается, что тот несколько месяцев назад имел разговор со Стариком относительно возможности отправки его больной жены в другую страну. Старик обещал помочь, но, по всей видимости, не смог».

«Имела разговор с Букварем относительно его части работы над шкатулкой. Он пожаловался на Портфеля, который отвлекает его лично и его подчиненных от работы. Пыталась поговорить с Портфелем, но тот уклоняется от моих вопросов. Отдельно хочу отметить его насмешливое и надменное отношение, видимо, продиктованное его статусом. Мышь также заметил, что Портфель позволяет себе слишком многое».

Все дальнейшие сообщения имели те же цифровые и кодовые обозначения, но сопровождалась надписью «Не отправлено».

«Главные испытания завершились провалом. Во время второго этапа исследования, по всей видимости, произошел скачок в сети, по причине чего шкатулка вышла на мощность в тридцать раз превышающую изначально запланированную. Мышь произвел экстренное отключение шкатулки, но это не остановило ее работу. По словам Старика электропитание шкатулки зациклилось, из-за чего она вышла на автономность и продолжила генерирующее действие. Волна почти сразу отметил, что действие шкатулки распространилось гораздо дальше запланированного».

«Покинуть здание кристалла не удалось. Центральный и запасной выходы ведут в помещения, дублирующие уже имеющиеся помещения кристалла. Последний этаж здания ведет не на чердак и крышу, а новые, опять же продублированные этажи кристалла. Волна высказал предположение, что работа шкатулки была настолько мощной, что фрактально преобразовала здание. Ощущаются панические настроения. Старик пытается внести порядок в работу и функционирование кристалла. Работу сильно осложняет тот факт, что наблюдается повальная амнезия работников кристалла. Все, кто находился за пределами защитной камеры по время начала испытания, не могут вспомнить самостоятельно, кто они и за что ответственны».

«Портфель определил, что потерявшие память могут частично вернуть ее, если поместить человека в привычные для него условия и провести инструктаж. По крайней мере он становится способен выполнять свойственный ему ранее спектр задач. Ведем работу по возвращению в строй работников».

«Люди, отправленные в разные концы здания, вернулись через два часа. По их словам здание кристалла тянется на неопределенное расстояние в каждую сторону, а также вверх. Был отправлен еще один человек в подвал, но и он заявил о том, что вместо фундамента обнаружил новые этажи, дублировавшие уже имеющиеся. Ранее потерянные люди обнаруживаются в разных концах здания. Панические настроения усиливаются. Старик и Мышь пытаются организовать работу и жизнедеятельность сотрудников. Планируется отправить людей на более дальние расстояния».

«Среди людей бесконтрольно распространяются панические настроения. Старик не может на них повлиять. Отмечено появление химических продуктов шкатулки уже в

помещениях кристалла. Единственный человек, сохраняющий позитивный настрой это Аполлон. Как отметил Мышь, Аполлон в условиях паники получил доступ к необходимым веществам и оборудованию, а распространение химических продуктов дало ему ресурс для исследований. Он фактически обособляется от основного научного состава. Наблюдаю признаки разложения кристалла».

«Сегодня утром Портфель в жесткой безапелляционной манере дал понять Старику и всем присутствовавшим на собрании, что берет полное управление кристаллом на себя. Организована комиссия по расследованию инцидента. Также сформирована группа по исследованию здания».

«В девять утра в разные концы здания отправлены сборные группы, которые должны были составить примерный план. Все группы в полном составе вернулись к шести вечера. По их данным здание растянулось до неизвестных пределов, но имело непосредственный выход среди прочих к следующим местам: север — помещения воинской части, восток — общежитие работников коммунальных служб, юг — продовольственные и непродовольственные склады, запад — частичные помещения цехов завода имени Кирова. Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что вверху здания — на пятнадцать этажей выше кристалла обнаружены другие цеха завода имени Кирова, а на нижнем направлении помещения городского водоканала. Данные места являются ключевыми точками в поисках групп, однако пространство между упомянутыми местами и кристаллом по какой-то причине заполнено жилыми помещениями близлежащих многоквартирных домов и общежитий вместе с их жителями. Все найденные люди также страдают от амнезии».

«Портфель ввел жесткую дисциплину на подконтрольной зоне, которую он стремится распространить за счет открытых ранее территорий. Каждый человек закреплен за определенной точкой сбора. При помощи имеющихся средств громкой связи впервые испытали команду на самостоятельный сбор сотрудников. Данная команда по его словам необходима для экстренных или срочных ситуаций. В общем к действиям Портфеля относятся благожелательно. Единственный, кто открыто игнорирует Портфеля — это Аполлон. Он собирает вокруг себя лояльную ему часть сотрудников кристалла».

«В очередной раз вступила в конфликт с Аполлоном уже на фоне расследования инцидента. Он не желает участвовать в работе комиссии и открыто насмехается над остальными научными работниками. По словам некоторых уже бывших его подчиненных Аполлон ведет в своей лаборатории исследования так называемой черной слизи, которая обладает сильнейшим мутагенным свойством. По словам тех же людей у их бывшего руководителя наблюдаются признаки сумасшествия — он рассказывает всем о божественной сущности черной слизи и произошедшего инцидента».

«Старик найден мертвым в своем кабинете. Признаков насильственной смерти не обнаружено. Мышь говорит, что тот в последнее время ощущал боль в груди, но отказывался идти на медобследование».

«За последние двое суток наблюдалось самопроизвольное перестроение помещений кристалла. Коридоры увеличиваются в длину, появляются новые лестничные этажи и пролеты. Имеющиеся помещения меняют свое положение относительно друг друга, разъезжаясь в разные стороны или наоборот сближаясь. После перестроений в отдельных местах появляется черная слизь. Несколько человек пропали».

«Упомянутые ранее перестроения по всей видимости произошли из-за повышения мощности шкатулки неизвестным через пункт управления. Портфелем организована охрана

основных узлов кристалла».

«Мышь найден мертвым в своем кабинете. Признаков насильственной смерти не обнаружено. Явных доказательств у меня нет, но предполагаю, что за этим может стоять Аполлон. Он откровенно противоречит Портфелю и дистанцируется от работы комиссии».

«Произошел очередной конфликт с Аполлоном. Обратилась к Портфелю. Говорит, что в ближайшее время найдет управу на Аполлона. Пока нет средств».

Последние записи сильно отличались от всех предыдущих.

«больно невыносимо тяжело писать пальцы не двигаются кузнецов позвал на разговор в лабораторию там скрутил кинул в ванну с черной слизью жутко больно потеряла сознание проснулась жуткая боль он смеется говорит чушь что я первая среди нового вида вся кожа черная слоится невыносимая боль он смеется вышел я ушла еле как меня не узнали говорить не могу написала кузнецов он исчез жуткая боль кажется умираю».

«оставляю сообщения на автоматическую отправку в центр к сожалению саботаж произошел виновник не найден кузнецов мразь но предполагаю главный подозреваемый портфель».

«жуткая боль странные ощущения будто читаю мысли умираю»

Андрей чувствовал, как в груди сильно бьется сердце. Он понимал, что приближался к разгадке чего-то грандиозного, но не хватало каких-то фактов или объяснения, чтобы понять все до конца.

В самом конце файла он увидел иконку изображения и щелкнул несколькими клавишами. На экране появилось фотография, очень похожая на то, что Андрей видел в кабинете Кузнецова. В просторном кабинете стояла группа людей в белых халатах на фоне компьютерных терминалов. Андрей присмотрелся повнимательнее к позирующим. На ней он сразу опознал Кузнецова, стоявшего справа, и Победоносцева, расположившегося в самом центре и окруженного своими подчиненными. Слева от него стоял мужчина с мелкими чертами лица — по всей видимости Фадеев. На фотографии присутствовали несколько женщин, но Андрей не смог понять, кто из них была Ярославцева.

Его сердце забилося с новой силой, когда он обратил внимание на человека, чье лицо было скрыто впереди стоявшим человеком. Это был низкорослый и, судя по всему, достаточно полный мужчина, у которого было видно лишь часть головы. И хотя на ней было еще много волос, Андрей понял, что на него глядят глаза знакомого ему человека.

— Звездин Константин Павлович, — само того не ведая, прошептал Андрей.

Он взглянул на часы и понял, что два часа подошли к своему концу. Андрей пробежался глазами по записям еще раз, затем достал магнитный диск и убрал его в сумку, а в компьютер засунул библиотечный. Компьютер вновь запищал, загружая информацию, и когда на экране появился уже другой текст, Андрей начал щелкать клавишами. Он тупо пялился в монитор, делая вид, что читает, а сам глубоко погрузился в размышления о том, что узнал. Лицо партократа стояло перед глазами. Значит, Ярославцева подозревала его. Значит, он был виноват в произошедшем, хоть сущность произошедшего не была до конца ясна.

Андрей дернулся и посмотрел вокруг. Хотелось найти глазами того, с кем можно было поделиться новыми фактами. Но таких людей не было не только в читальном зале, но и, кажется, во всем гигахруще. На несколько минут он задумался о том, чтобы пойти до Содружества, но быстро отменил эту мысль как нереалистичную.

— Андрей Викторович, вы закончили? — послышался голос библиотекаря.

— Да, почти, — ответил он после секундной паузы.

Вернув взгляд на экран с информацией про минотавров, он еще несколько минут делал вид, что читает. Затем достал магнитный диск, перекинул сумку через плечо и вернул библиотечный фонд на стойку.

— Нашли что-нибудь новое? — поинтересовался Юлиан Эдмундович, сразу заметив озабоченное лицо Андрея.

— Да, нашел, — и предугадывая следующий вопрос, продолжил. — Просто интересно про все это читать. Странно, что когда-то о минотаврах ничего не знали.

— О, поверьте мне, — дружелюбно начал библиотекарь, — в этом мире еще много тварей, о которых нам ничего или почти ничего неизвестно. У вас еще будет шанс вписать свое имя как первооткрывателя одного из них.

Андрей натянуто улыбнулся, попрощался и вышел из библиотеки, думая о том, что, кажется, одной такую ранее неизвестную большинству людей тварь ему все-таки удалось найти.

Невзирая на то, что Андрей к тому моменту провел за книгами и старыми записями библиотеки уже десятки часов, ему было невдомек, что в конце смены Юлиан Эдмундович или подменявший его ассистент всегда проверяли компьютеры и выданные документы. В этот раз старый библиотекарь с удивлением прочитал название сохранившегося в оперативной памяти файла, которое явно никак не относилось к огромным обитающим в тоннелях тварям. Открыв его, Юлиан Эдмундович прочитал лишь вводную часть документа и тут же его закрыл, понимая, что может иметь дело с информацией высшей категории секретности. Отправив файл на головной компьютер, он вернулся на свое рабочее место с тем, чтобы отправить руководству отчет о своей находке.

37. Сияние теплого солнца

Покинув библиотеку, Андрей тут же направился на выход из казармы, но на полпути остановился. Идти на нижние этажи в свою ячейку не было смысла, а других мест, куда бы он мог пойти, просто не существовало. Поэтому он поменял рабочую одежду на форму ликвидатора и сдал на хранение сумку с лежащим внутри накопителем.

Вернувшись в расположение отряда, он оглядел всех присутствовавших. Помимо него там было еще трое — один молодой по имени Иван сидел на скамье и зубрил уставы, которые ему никак не давались. Двое постарше лежали на своих койках, глядя в потолок. Андрей не знал, куда себя деть и решил поступить по примеру других — опустил на скрипящую кровать и принял лежачее положение.

В голове мысли закружились ворохом мыслей о том, что он недавно узнал. Вспоминая сообщения Екатерины Михайловны своим неизвестным руководителям, Андрей мало-помалу складывал представление о том, что произошло много гигациклов назад. Внезапным открытием для него стало, что женщина ни разу не упомянула самосборы во время их работы в НИИ, а черная слизь стала появляться только после неудачного эксперимента. Так, может, самосборы и стали последствием того провала, в котором Екатерина Михайловна подозревала партократа, который везде совал свой нос, не имея на это должных знаний. И если б не было саботажа, то и гигахрущ не имел бы тех проблем.

«А если... — Андрею в голову внезапно пришла безумная идея, отчего брови взметнулись. — Если сам гигахрущ стал последствием того эксперимента? Ведь она писала о внезапно появившихся жилых помещениях. Значит, до этого их не было? А потом все начало перестраиваться... Но что было до этого? И как давно это было?..»

В памяти всплыла встреча с верховным божеством нижних этажей и мутантами.

«Наша вселенная — ровесник твоего сына,» — сказал когда-то ученый по фамилии Кузнецов, а по совместительству Черный Бог.

«Неужели правда? — думал Андрей. — Неужели гигахрущу всего шестнадцать гигациклов?»

Оглядев присутствующих, ему вдруг захотелось с кем-нибудь поговорить. К сожалению, за последние циклы Андрей крайне редко общался, предпочитая слушать, читать и выдавать на автомате выдержки из уставов и инструкций. Он посмотрел на лежащего рядом мужчину и стал думать о том, как завести разговор на нужную тему.

— Сергей, — неуверенно начал мужчина, — ты до ликвидаторов где работал?

— М? Где работал? — тот удивился, услышав Андрея. — На мусороперерабатывающем. Триста семидесятый этаж.

— Долго там работал?

— Сколько себя помню. Потом осточертело все, махнул рукой.

— А до этого? — он аккуратно подбирался к сути дела.

— Да там тоже что-то делал. В школе учился, потом на завод, кажется, пошел. Выбор то небольшой.

— Тебе сколько сейчас?

— Тридцать четыре.

Андрей в уме вычел из этой цифры шестнадцать. Значит, Сергею было всего восемнадцать, когда все произошло. Если Чернобог, конечно, не врал.

— Школу помнишь?

— Андрюха, тебя чего это на личные разговоры понесло? — послышался голос другого ликвидатора по имени Кирилл. — Наскучило инструкции зубрить?

— Так все же, помнишь школу? — проигнорировал вопросы Андрей.

— Что-то помню, давно это было, — безынтересно отвечал Сергей, но потом оживился. — А что спрашиваешь? С какой целью?

— Да просто интересно стало, — Андрей пытался придумать хорошую причину. — Я то старше тебя буду. Школу совсем не помню, как будто и не ходил туда. Вот стало интересно, помнят ли другие.

— Так ты к Ивану обратись, — вновь заговорил Кирилл. — Ты за партой когда еще был? Пару гигациклов назад?

— Ну, — мотнул головой молодой парень на скамье. — Скукота жуткая была. И это, — он потряс книжицей с уставами, — тоже скукота. Знал бы, что заставят учить как в школе, ни за что бы не пошел.

— Учи-учи! — задорно приказал мужчина и пустил довольный смешок. — Еще командиром станешь.

— А ты, Кирилл, помнишь школу? — обратился к тому Андрей.

— Не, — он мотнул головой, — что-то совсем ничего не помню. То есть, помню, что нас там учили считать, писать, рисовали что-то. Но немного.

Комната ненадолго погрузилась в молчание.

— Мне вот тоже интересно, — вновь заходя издалека, начал Андрей, — сколько лет гигахрущу? Сколько здесь люди уже живут?

— Мне тоже интересно, — ответил Сергей. — Спрашивал у своего бати, но тот не смог сказать. Говорит, гигахрущ бесконечен и люди в нем бесконечно живут.

— А мой сосед, дед Василий, говорил, что пацаном впервые в гигахрущ попал, — продолжил Кирилл. — Говорит, первое время они даже выходили из него наружу поиграть, но потом вход заделали по приказу партии.

— Сказки это все, — послышался Иван. — Такое многие горазды болтать. У нас в школе постоянно кто-то рассказывал о том, что выход нашли. А как просишь показать...

— Ты взрослых-то не перебивай! — строго произнес Кирилл. — Учи устав!

— Да что его учить, если не могу запомнить, — с отчаянием в голосе произнес парень.

Лежа на кровати, Андрей с интересом разглядывал Ивана, который был лишь немногим старше своего потерянного в самосборе сына. Под эту мысль мужчина вновь погрузился в размышления о вселенной, в которой ему приходилось существовать. Его соседи по ячейке еще о чем-то живо болтали вплоть до самого вечера, но Андрей не слышал их, потому что был слишком занят своими думами. К вечеру помещение стало наполняться бойцами отряда, вернувшимися из увольнения. От кого-то попахивало алкоголем, за другими тянулся запах женщины, третьи загадочно уклонялись от вопросов о том, где они были. Всех их объединяло лишь то, что никто не хотел начала очередного цикла на постоянном дежурстве. Все они понимали, что им оставалось совсем чуть-чуть до того, как зазвучит сигнал тревоги и они в составе отряда ринутся на один из десяти блоков одного из тридцати этажей, бывших территорией ответственности их гарнизона.

Как назло на утро вскоре после завтрака завыл громкоговоритель, заставив всех членов отряда бежать за экипировкой и оружием. Затем они помчались по ступеням вниз за своим командиром. Выйдя на нужном этаже, они продвинулись вглубь и миновали два блока

прежде, чем приблизиться к зараженной территории. Им сразу стало понятно, что работа предстоит непростая — черная слизь буквально заливала пол и стены, а откуда-то неподалеку доносились пугающие вопли чудовищ. Андрей среди первых стал поливать огнем продукты химических последствий, пока другие держали под прицелом проходы. В дальнем конце возникли несколько остроногов — приземистые существа на четырех клиноподобных конечностях лишь на мгновение остановились, но затем ринулись в сторону ликвидаторов. Послышалась ожесточенная стрельба и грубые приказы. Андрей залил несколько расстрелянных трупов пламенем и продвинулся дальше. Завернув за угол, отряд наткнулся на пару зараженных жителей блока, которые тупо перли на них с заплывшими черными глазами и распоротыми животами, из которых торчали внутренности — те раньше ликвидаторов подрались с остроногами и вышли победителями несмотря на увечья. Автоматчики сразили их наповал, а Андрей и еще один огнеметчик принялись сжигать тела. Пары выстрелов хватало, чтобы обдать трупы горящим раствором, за несколько минут полностью уничтожившим останки.

Никто не считал, сколько они работали, но буквально каждая секунда ликвидаторов была посвящена тому, чтобы отчистить блок от самосбора. Все это время редела сирена и сияла красная лампа. К полному удивлению бойцов сирена прекратила вой еще до того, как был очищен последний коридор. Затихнув на полминуты, она вновь начала подавать сигнал тревоги.

— Отходим! — заорал командир. — Отходим обратно! Держим строй!

Ликвидаторы, привыкшие переть напролом, неловко принялись отступать по уже очищенным помещениям.

— Держим дистанцию! — орал командир. — Быстрее! Сейчас будет еще один самосбор! Быстрее!

Испуганных глаз бойцов не было заметно под толстыми линзами противогазов, но все они боялись. Еще одна волна означала веерный самосбор, о лютости которых ходили легенды. Когда отряд оказался на лестнице и переместился в чистый блок, все они смогли ненадолго вздохнуть с облегчением. Командир приказал связисту подключиться к коридорному терминалу и выйти на связь с заставой. Вскоре он отправил информацию, получил ответ и обратился к бойцам.

— Нам на помощь отправлены другие отряды! До их прихода нам надо изолировать зараженные блоки. Внутрь не идем, стоим на границе самосбора и не даем тварям покинуть периметр! Распределяю вас по точкам по ходу движения! Держите связь с рядом стоящими! Все, как учили!

Командир махнул рукой и повел отряд обратно к самосбору. К тому моменту очищенные коридоры вновь залило чернотой, розовой дымкой и кишашими в нем тварями. Еще до подхода к блоку слышались тонкий скрежет и нечеловеческие завывания.

— Андрей, — начальник обратился к мужчине и указал на двух других бойцов, — берешь этих ребят и идите наверх! Выходы с двух следующих этажей надо заблокировать! А на третьем встанете сами и будете ждать подхода подкрепления или моей команды, уяснил? — последовал утвердительный кивок. — С пенобетоном аккуратнее! Не залей гермодвери! Пошел!

Грохоча снаряжением и ботинками, Андрей с парой бойцов побежал наверх, пока командир раздавал приказы другим ликвидаторам. Оказавшись на следующей площадке, Андрей снял с груди круглую гранату и под прикрытием напарников аккуратно установил ее

чуть в глубине коридора. Выдернув чеку, он вместе с остальными бросился по ступеням вверх. Прозвучал глухой хлопок и помещение тут же от стены до стены, от потолка до пола наполнилось вязкой серой массой, которая стала быстро каменеть, тем самым блокируя проход. На втором этаже они повторили операцию и поднялись на третий, где им предстояло держать оборону. Двое автоматчиков спрятались за дверным проемом, направив дула внутрь коридора, а Андрей стоял в полный рост, готовый обдать пламенем любую тварь из самосбора.

Минуты напряженно тянулись, заставляя бойцов сильно нервничать. Судя по звукам, на других этажах и даже в глубине блока велся постоянный бой с наступавшей нечестью, но почему-то на уровне Андрея ничего подобного не было. Из глубины коридоров до них доносились звуки самых разных форм жизни, которую они привыкли уничтожать, но чудовища почему-то не стремились показываться им на глаза. Снизу лестницы доносились крики командирских приказов. Он координировал действия бойцов и, судя по всему, готовился бетонировать еще несколько выходов. Кажется, кого-то убило или ранило. По прошествии совсем недолгого времени голос командира доносился все чаще.

— Да что там происходит? — спросил один из напарников, чувствуя сильное волнение.

— Видится мне, что этот самосбор был не последний. Видать, еще один будет.

— Тогда нам конец.

— Заткнитесь! — удивив самого себя злостью в голосе, прорычал Андрей. — Ведем наблюдение молча!

Те послушно повиновались, сосредоточив внимание на дальнем конце. Готовый к бою Андрей стоял так еще пару минут, направив дуло огнемета навстречу опасности. Затем, к полному удивлению бойцов, опустил его и повернулся к лестнице. Он глядел то вниз, то вверх, а затем и вовсе подошел к железным перилам и посмотрел в узкую щель между бетонными плитами со ступенями.

— Андрей, что там? — громко спросил один из автоматчиков. — Приказывают что-то?

Мужчина с огнеметом ответил не сразу. Он продолжал крутить головой, смотря в разных направлениях. Затем вернулся на позицию.

— Ничего не приказывают. Послышалось.

— Да что там было? — нервно спросил другой.

— Ничего не было! — заорал Андрей. — Наблюдаем за проходом!

Судя по звукам, бои на других этажах становились все более ожесточенными. Один за другим глухо хлопали пеногранаты, блокировавшие выходы с зараженных блоков. Бойцы криками сообщали о том, что боекомплект стремительно заканчивался.

— Андрей! — донесся крик снизу. — Андрей! Блокируй вход и идите вниз! Ты слышишь?

— Слышу! Сейчас будем! — проорал мужчина.

Они установили последнюю гранату, забетонировали проход и через полминуты после приказа уже грохотали ботинками по ступеням, направляясь к своему отряду или, вернее сказать, его остаткам. На семь уровней ниже двое ликвидаторов вели непрерывный огонь вглубь блока. Рядом стоял командир, держась за окровавленное плечо, и отдавал приказы тем, кто тащил раненых бойцов вниз. Заметив Андрея, он обратился к нему.

— Пенобетон есть?! Мы все израсходовали! — в его голосе впервые звучали нотки растерянности.

— Нет, у нас тоже все!

— Гниды просто прут отсюда! Кажется, там произошел очередной самосбор! Но сигнала не было.

— Добавьте огня! Добавьте огня! — заорал один из автоматчиков.

В следующее мгновение Андрей без лишних слов заслонил проход в блок и принялся поливать прущую на них массу монстров огненной струей. Твари внутри словно взбесились и перли, не считаясь с оторванными конечностями и потерей своих сородичей. Через полминуты поток ослаб.

— Надо отходить! — заорал командир. — Вниз, до ближайшей заставы! За мной!

Он махнул рукой, автоматчики тут же снялись с позиции и последовали за ним. Андрей сделал шаг в сторону ступеней, но в следующее мгновение вздрогнул, услышав знакомый голос

— Не уходи... — прямо над ухом прошептал кто-то. — Постой...

— Ну что ты там встал? — заорал командир. — Уходим!

— Подожди... — останавливал его тот же голос. — Я сейчас приду...

— Я вас прикрою! — крикнул Андрей и повернулся к проходу.

— Какой прикрою? Они прут без остановки!

— Уходите! — криком повторил мужчина. — Я их задержу!

За спиной послышались удары тяжелых ботинок по бетонным ступеням. Остатки отряда двигались в безопасную сторону. Направив огнемет туда, где уже лежали обугленные трупы, Андрей ждал. Внутри блока происходило что-то — там кричали люди, чудовища, стоял какой-то ужасный треск. Мужчина непроизвольно сделал несколько шагов назад. В глубине коридора пространство стало невообразимо мерцать, сиять, блестеть, ослепляя одинокого ликвидатора. Он сделал еще несколько шагов назад и, оступившись, полетел на ступени. В последний момент он ухватился за перила и, держась за них, спустился до площадки. Прищуриваясь, он смотрел на вспышки яркого света, которые вспыхивали в коридоре. Одна за другой они приближались к выходу на лестницу. На всякий случай Андрей поднял дуло оружия.

Но в следующее мгновение опустил огнемет. В мерцающем блеске и сиянии вспышек вырисовывался силуэт человека. С каждой секундой он становился все более и более отчетливым. Андрей задержал дыхание, понимая, что происходит. Весь светящийся изнутри теплым желтым светом перед ним стоял Коля.

— Здравствуй! — спокойно произнес тот с легкой улыбкой на лице.

— Здравствуй... — не веря глазам, сказал Андрей. — Ты меня узнаешь? Ты меня помнишь? — он схватился за противогаз.

— Конечно, помню. Ты мой отец. Хотя, честно признаться, мне уже не совсем понятно значение этого слова, — он произносил слова, совершенно не вкладывая в них эмоций.

— Как непонято? — голос задрожал. — Я твой папа. Я твой родитель.

— Да, я понимаю, — он улыбнулся чуть сильнее. — Просто слова для нас уже не значат так много, как для вас. Ты папа, а еще есть мама.

— Правильно, — Андрей закивал. — Еще есть мама.

— Кстати, она тоже здесь.

— Где это здесь? — он сделал шаг навстречу сыну, но остановился.

— Здесь, со мной, — Коля подумал. — В самосборе. Это она позвала меня сюда.

— Как позвала, — ему было трудно говорить и думать. — Куда? Где она? Где твоя мама? Пусть придет сюда.

— Она не может. Или не хочет, — с неизменной легкой улыбкой на лице говорил сияющий изнутри теплым светом Коля.

— Так не может или не хочет? — запинаящимся голосом спросил Андрей.

— Здесь это почти одно и то же. Она помнит тебя, но прошло слишком много времени. Ты уже не значишь для нее столько же, как она для тебя. А во мне еще осталось много человеческого.

— А где она? Почему она не здесь с тобой. Пусть просто покажется.

— Она в самосборе.

— Как это?

— Мне тяжело объяснить, — он вновь замолчал. — Это другой мир. Тут нет боли. Нет страха и страданий. Нет смерти.

— Да как это?.. — растерянно пробормотал Андрей. — А эти монстры, слизь? Они что?

— Они не из нашего мира. Я не могу рассказать всего, потому что людям неизвестно то, что знаем мы. Просто не смогу объяснить.

— Я искал тебя, — совсем тихо говорил мужчина, но его сын все прекрасно слышал. — Искал тебя по всему гигахрущу. Я думал... Я знал, что ты жив.

— Наверное, это не совсем верное слово.

— Что? О чем ты?

— Я не совсем жив.

— Но ведь я вижу тебя, я говорю с тобой.

— Меня нет в твоём мире. И во мне с каждой минутой все меньше человеческого. А значит меньше от того человека, которого ты знаешь под именем Коля.

— Но мы же говорим. Ты — мой сын, — он чувствовал, как глаза увлажнились, — а я — твой отец.

— Это все — просто слова.

— Но ведь ты и я, мы остаемся, — слепо убеждал его Андрей. — Мы остаемся здесь вместе. Ведь мы можем быть вместе?

— Лишь ненадолго, — сказал Коля, ожидая, что заговорит его отец. Но тот отпустил огнемёт и поднял ладони, будто молился. — Я почувствовал, что мне надо было с тобой встретиться. И рассказать тебе о том, где я. Но со временем это желание уйдет и я полностью растворюсь в своём мире.

— Но ты ведь можешь приходить сюда, ко мне? Хотя бы иногда?

Лицо Коли лишь на мгновение стало серьёзным, будто он что-то вспомнил или услышал, затем улыбка вернулась.

— Наверное, я могу, — он кивнул. — Я вижу, что для тебя это важно. И чувствую, что должен это сделать. Потому что я был твоим сыном.

— Ты и есть мой сын, — робко сказал Андрей. — Ты и сейчас мой сын.

— Я приду, — он снова кивнул. — А теперь будь осторожен. Скоро сюда придут другие.

— Стой, — он поднял руку, словно пытаясь схватить его, — не уходи. Подожди еще немного. Коля!..

Однако силуэт его сына стал быстро растворяться в сияющих вспышках и мерцании, которые сами начали меркнуть. Очень скоро Андрей видел перед собой лишь обколупавшиеся и обожженные стены из бетона. Пребывая в полном беспомоществе, он глядел туда, где еще недавно был его сын и совсем не замечал того, что на место яркому свету пришел ползучий розовый туман, в глубине которого булькала черная слизь.

Послышался цокот чьих-то быстрых ног.

Он вздрогнул, осознавая, что на него бежит. Андрей схватил оружие, поднял дуло огнемета и отступил на площадку. В проеме возник остроног и остановился на секунду, которой хватило, чтобы обдать его струей пламени. Тот заметался из стороны в сторону, истошно повизгивая. Из коридора прибежал еще один, но уже не стал тратить время на раздумья, а сразу кинулся на Андрея. Мужчина отскочил в сторону, одновременно посылая огонь на врага. Уже горящее чудовище полоснуло острой конечностью по руке ликвидатора. Тот закричал от резкой боли и спустился по ступеням, глядя за мечущимся по бетону монстром. Сверху послышалось звонкое цоканье других остроногов. Понимая, что один не устоит, Андрей стал быстро спускаться вниз. Чудовища приближались. Мужчина встал возле забетонированного прохода и, подгадав появление тварей, выстрелил. Затем бросился бежать вниз, огибая павших товарищей. Погоня не прекращалась. На два этажа ниже он вновь дождался остроногов и обдал их струей пламени. Один из монстров все же кинулся вниз и вонзил лезвие своей ноги в бедро ликвидатору. По лестнице разнесся его жуткий крик, полный боли. Андрей вынул вражескую конечность, раздирая собственные ткани, и попытался сделать шаг, но упал на бетонный пол. Он попробовал встать, но поврежденные конечности отдавались острой болью. Защитный костюм заливало его собственной кровью. Опираясь на одну руку, он пытался ползти по полу, но резина цеплялась за шершавый бетон и не давала продвигаться. Мужчина урывками добрался до ступеней и схватился за железное ограждение, пытаясь подтянуться.

Он тяжело дышал, слыша лишь собственное дыхание и доносившиеся сверху цоканье. Индикатор заряда на оружии приближался к красной зоне — жидкости в баллонах оставалось только на пару выстрелов. Подняв дуло огнемета, он стал дожидаться прихода врага. Но прежде, чем они появились, глаза стали закрываться. Мир медленно погружался во тьму и Андрей потерял сознание.

38. Одиночество в гигахруще

Следующие несколько суток Андрей бесконечно брел в полном одиночестве во тьме гигахруща. Сначала он постоянно бежал, ощущая преследование. За ним шли монстры, не показываясь на глаза — они подглядывали за ним из-за угла, смотрели из темноты или издавали тихие звуки где-то недалеко. Иногда он чувствовал, что они сидели прямо за стеной от него и словно смеялись над ним, демонстрируя, что могут легко его настигнуть, но предпочитают выждать. Может быть выждать момента, когда они проголодаются. А впереди него всегда мерцал свет. И также недостижимо — в глубине коридора, на другом этаже или где-то за поворотом. Но каждый раз, когда Андрей пытался до него добраться, тот отдалялся настолько, чтобы стать недоступным. Когда в ногах появилась непроходящая усталость, мужчина перешел с бега на обычный шаг. Сначала он боялся чудовищ и хотел поскорее добраться до света. Однако позже пришло осознание, что монстры всегда будут его преследовать, как бы он не старался от них убежать. А теплый свет вдалеке так и останется где-то там, где Андрея никогда не будет. В какой-то момент он остановился и смотрел то на рычащую и цокающую тьму, то на спокойный безмолвный свет.

Он решил пойти в обратную сторону, но и тогда ситуация не изменилась — впереди ощущалось присутствие насмешливых монстров, а позади него постоянно брезжил свет. Но так было не очень удобно идти, потому что чудища не генерировали свет и Андрей постоянно на что-то натыкался, спотыкался и ударялся. Поэтому вскоре он вновь пошел за неуловимым сиянием.

Поначалу он не обращал внимания на гермодвери, мимо которых бежал или шел, но, замедлив шаг, заметил, что в жилых ячейках кто-то был. Оттуда доносились голоса людей, дикторов телевидения, детские крики и беготня. Но стоило Андрею постучаться туда, как звуки тут же прекращались, прогоняя незваного гостя. Ему надо было отойти всего на пару метров и жизнь в ячейках возвращалась в привычное русло. Его нигде не ждали и никто не был ему рад. Поэтому приходилось идти навстречу свету.

В определенный момент свет стал становиться ярче. Именно не ближе, а ярче, охватывая своим сиянием все большее пространство. Даже тьма позади Андрея расступилась, изгоняя монстров. От такой яркости Андрей прищурился и закрыл рукой глаза, но это не помогало. Он пытался проморгаться и, когда ему это удалось, бесконечная вереница коридоров куда-то пропала. Перед собой он видел белый потолок с подпирающими его кафельными стенами. Он слышал мерное пиликанье прямо над ухом. Медленно повернув голову, Андрей увидел над собой медицинский терминал.

Вскоре появилась медсестра. Услышав шаги в коридоре медблока, Андрей ожидал увидеть в своей палате ту же приветливую молодую медсестру. Однако вместо нее появилась женщина постарше, потолще и совершенно недружелюбная. Она молча зашла в комнату, проверила данные с компьютера, поменяла физраствор и сделала несколько пометок в карте пациента. Затем также безмолвно удалилась. Мужчина почувствовал тяжкую усталость, закрыл глаза и уснул.

Просыпаться он стал под звуки чьих-то голосов.

— ...когда он проснется, мы не знаем. Вам бы, конечно, не стоило здесь находиться.

— Я понимаю, но и вы меня поймите. Такая служба, что не могу прийти, когда вы позволите. А навестить его надо.

— Да-да, мне все это известно, но...

— Я ведь могу прийти в противогазе, если надо. Думаю, это окажет на вас больше воздействия, чем просьбы и уговоры.

— Ладно, вы можете подождать здесь.

— Благодарю вас, доктор.

— Не стоит. Лучше подумайте о том, что будете говорить, когда он очнется. Его организм крайне ослаблен.

— Я уже подумал.

— Вам очень повезло. Пациент приходит в себя. Вы меня слышите? Андрей Викторович? Слышите? Да, реакция есть, значит приходит в себя. Вам надо будет подождать в коридоре. Мы проведем все необходимые действия и потом позовем вас по мере готовности.

В палату вскоре пришла медсестра и вместе с лечащим врачом они нависли над Андреем, манипулируя с медицинским оборудованием. Сознание стало быстро к нему возвращаться, очертания приобрели четкость, усталость отступала. Однако вместе с этим возвращались память и осознание того, где он находился. Когда медперсонал покинул палату, в нее вошел мужчина. Андрею было настолько безразлично, что даже не посмотрел на него. Узнал человека он по голосу.

— Здравствуй, Андрей, — радостно поздоровался командир его отряда. — Как у тебя дела? На поправку идешь?

Ответа не последовало. Пациент лишь слабо кивнул и продолжил смотреть на потолок.

— Мне сказали, что ты еще слаб. Может, даже говорить не сможешь. Но навестить тебя стоило. Ты же настоящий герой. Обеспечил отход остаткам отряда! Пока ты бился наверху, нам удалось отойти до безопасного блока и дожждаться подкрепления. А что было там — не вообразить! Самый мощный веерный самосбор, о котором я слышал. Когда мы пришли, там была вторая волна и еще третью застали. Потом еще две накрыло! Представляешь, пять волн! Придется пособия ликвидаторов менять.

Все еще глядя в потолок, Андрей слушал болтовню командира и удивлялся его чрезвычайной разговорчивости.

— С четырех застав отряды выслали. Даже говорят отдыхающие смены привлекали — такой был дефицит людей. Зашли в блоки с семи направлений, а там очередная волна. Отошли, забетонировали выходы, подождали, снова зашли. Я слышал, что даже с верха хотели прислать усиленные штурмовые отряды. Но оставили, потому что на двухсот пятидесятом чернобожники дали о себе знать. В общем, чистили те блоки целых семь часов. Из нашего отряда шесть полегло, еще четверо ранены. Включая тебя. Меня вон тоже посекло, — он показал перебинтованную руку, — но мне отлеживаться нельзя. Поэтому сейчас в казарме жду пополнения. Или переформирования отряда, как получится. Ты как сам, готов вернуться в строй? Кстати твою храбрость отметили! Тебя премировали одним оплачиваемым циклом отдыха! Отлежишься! — с радостью вещал командир. — И еще тебе персонально прислали два килограмма настоящего мяса! Два килограмма!

Командир ожидал ответной радости пациента, но тот сохранял отрешенность от происходящего. Внезапно его губы зашевелились. Андрей решил ответить, но слова давались так тяжело, словно ему надо было взвалить на плечи пятьдесят килограмм железа.

— Мне не надо, — тихо произнес он. — Отдайте бойцам из отряда.

— Похвально! Похвально! — повторил командир с улыбкой на лице. — Так поступает

настоящий ликвидатор, — он выдержал небольшую паузу и продолжил уже деловым тоном. — Я ведь на самом деле к тебе еще вот за чем пришел. Мы составляем подробный отчет об этом самосборе и мне требуется уточнить все детали.

Командир достал из сумки толстую тетрадь с твердой обложкой, открыл ее, щелкнул ручкой и принялся что-то читать.

— Просто хочу уточнить. Я отправил тебя наверх с Куровлевым и Рахниным. Они оба в своих отчетах указывают, что, стоя на лестничной площадке, ты отошел от проема и начал прислушиваться к другим этажам. Это правда? — спустя несколько секунд Андрей кивнул. — А что это было? Что ты слышал?

— Ничего, — вновь после небольшой задержки ответил пациент. — Мне показалось.

— Что показалось? — командир внимательно рассматривал лицо Андрея. — Ты слышал голоса? Незнакомые? Знакомые? Друга? Семьи? Сына?

Андрей все это время никак не реагировал на вопросы командира, но тот продолжал опрашивать его, оценивая тонкую мимику подчиненного. Хоть пациент не произнес ни слова, ответ для командира был более или менее очевиден.

— Ничего не слышал, — соврал Андрей. — Мне показалось.

— Ладно, я понял, — он сделал несколько пометок и продолжил. — Затем я еще хотел уточнить у тебя следующее. Я дал приказ на отход и ты вызвался нас прикрывать. Один боец лежал тяжелораненым на несколько этажей ниже. И согласно его отчету он слышал, как ликвидатор, по всей видимости ты, вел разговор с кем-то прямо во время самосбора. Кто там был еще кроме тебя?

Вновь его глаза впелись в лицо пациента, оценивая движение каждого мускула.

— Там никого не было, — пролепетал он. — Ему показалось.

— Может ты сам с собой разговаривал? Не помнишь? — в ответ Андрей мотнул головой. — Тебя дважды ранили. Доктор говорит, у тебя заражение. Может быть, ты бредил? С кем-то разговаривал? — он выждал небольшую паузу. — С кем-то знакомым? С близким человеком?..

Губа Андрея подернулась. Он усердно пытался не показывать эмоции, но глаза его выдали — в уголках появились маленькие блестящие капли.

— Ну ладно, на этом можно закончить, — командир сделал запись и закрыл тетрадь. — Хотел тебя еще про ранения спросить, но это подождать может, — затем он вновь радостно затараторил. — Ранения, говорят, не смертельные и тебя поставят на ноги в самое ближайшее время. Отравление тоже минимизировали, поэтому ждем тебя в отряде. Нам опытные бойцы вроде тебя сейчас как никогда нужны. Я с комзаставы общался утром, так вот он говорит, что тебя могут на повышение послать. Показал ты себя хорошо. Я бы даже сказал, отлично! Поэтому поправляйся! Тебе, может, принести что-нибудь? Или сделать что надо? М?

Мужчина лежал несколько секунд молча, затем слабо пожал плечами и мотнул головой.

— Ничего не надо. Спасибо.

— Ну ладно! Не буду тебя отвлекать от отдыха! Ждем тебя в строю!

Командир слегка похлопал Андрея по ноге, широко улыбнулся, встал и вышел. Вскоре появился доктор и принялся совершать свои малопонятные манипуляции — он трогал разные части тела, иногда похлопывал, покалывал и постоянно задавал вопросы. Андрей лишь кивал или слабо мотал головой. Сил на новый разговор, даже в роли слушателя, у него совсем не было. Речь врача постепенно становилась все тише и тише. Мужчина погрузился в

глубокий сон.

Он провел в медблоке еще трое суток. Его раны затягивались, общее состояние возвращалось к норме и в целом Андрей чувствовал, что жизнь возвращается к нему, хоть он и чувствовал себя еще очень слабо. Затем утром к нему пришел лечащий врач и объяснил, что ввиду большого потока нуждающихся в медицинской помощи, им приходится выписывать пациентов раньше положенного срока. Он предоставил ему справку о необходимости провести еще трое суток в состоянии покоя у себя в ячейке. Вдобавок к этому врач предоставил ему наградной лист от ликвидаторов с возможностью отпуска в течение полного цикла после окончания лечения. Андрей молча разглядывал эти бумажки, думая о том, чем ему можно было занять эти десять суток. Ему выдали новый комплект стандартной рабочей формы, вернули ботинки, ключи от жиличейки и выдали пакет с усиленным пайком, а также набор талонов на питание. Неразговорчивая медсестра проводила его до выхода из медблока и даже не показала, куда идти дальше. Сжимая в руке пакет с едой, он зашоркал вдоль по коридору в неизвестность.

Ориентируясь по информации на стенах, он добрался до своего блока всего за полтора часа. Некогда родной коридор стал казаться еще более чуждым и неприятным. Хотя он поймал себя на мысли, что эти чувства могли быть вызваны отсутствием защитного костюма и оружия. Он слишком привык смотреть на мир через линзы противогаза и прицел оружия. Сейчас же он был слаб, подавлен и чувствовал себя особенно уязвимым. Если бы на его пути в блок произошел самосбор, то он бы, скорее всего, даже не смог добежать до убежища. Хотя ему на самом деле было все равно.

Перед тем как зайти Андрей внимательно осмотрел свою гермодверь в надежде найти записку от соседа или кого-нибудь еще. Он наклонился к металлическому полотну, думая, что бумажка могла быть маленькой или ее упрятали слишком основательно. Однако даже повторный осмотр ничего не дал. Разочарованный Андрей открыл ключом жилище, зашел внутрь и закрыл замок.

С его последнего пребывания дома ничего не изменилось. Всё стояло на своих местах и открытые шторы давали возможность видеть неказистую картину на стене. Он уронил пакет, просто разжав пальцы, дошел до дивана и медленно опустился на него. На душе было так же пусто, как и в ячейке. В голове стоял шум из обрывков самых разных мыслей, которые облачались в тонкую скорлупу воспоминаний о последнем бое. Он не мог вспомнить, когда говорил с сыном — до или после ранения. Было ли это результатом отравления или Коля действительно пришел к нему, общался с ним и даже пообещал прийти еще раз. Все это казалось таким одновременно близким и далеким, выдуманным и реальным, что Андрей почувствовал тошноту. Комок медленно подкатывал в горлу и мужчину заторопил в туалет. Там он сел на колени перед унитазом и его вырвало остатками непереваренного коцнтрата на завтрак из медблока. Он оставался в таком положении еще несколько минут, чувствуя противные позывы в животе.

Ослабленный мужчина позволил себе лечь на пол, чувствуя его приятную прохладу. Он бездумно водил пальцами по стойке ванной, как вдруг заметил лежащий в углу предмет. Напрягая непослушные конечности, Андрей вывернулся, чтобы залезть под ванну и достал оттуда пистолет. Тот самый пистолет, который когда-то принадлежал Михаилу. Оружие приятной тяжестью легло в ладони. Он достал полный магазин и передернул затвор — оттуда вылетел патрон. Андрей впервые за долгое время улыбнулся, думая о своей глупости. Он зарядил патрон в магазин и снарядил им пистолет. С большим трудом мужчина поднялся

на ноги и вернулся в комнату. Там он провел почти час — Андрей просто сидел на диване и молчал, сжимая в ладони пистолет.

Самой простой, близкой и понятной мыслью было выстрелить себе в голову. И чем больше Андрей думал о своей жизни и том, что с ней происходило в последнее время, тем больше он принимал необходимость последнего выстрела. Его уже не заботили мысли о гигахруще, самосборе и попытке понять, откуда они взялись. Вселенная для него сузилась до запертой бетонной ячейки — пустой, чужой и по сути безлюдной.

Эти тягостные мысли прервал внезапный стук. Андрей медленно перевел взгляд с пистолета на гермодверь, думая, что делать. Он немного поразмыслил и понял, что терять ему было нечего. С трудом поднявшись, он проковылял до выхода.

— Кто? — срывающимся на хрип голосом тихо спросил хозяин ячейки, затем повторил уже громче. — Кто?!

В коридоре молчали. Мужчине немного подумали и решил, что ему нечего терять. Проверив готовность пистолета, он отпер замок и распахнул дверь. Подождав несколько секунд, он осторожно выглянул наружу, держа за спиной оружие. Ни справа, ни слева никого не было. Издалека послышался задорный смех — видать, снова баловались дети. Андрей простоял так с полминуты, наслаждаясь звонкими переливами юных голосов. Они лучше всяких лекарств возвращали его к жизни. Затем он вновь посмотрел в обе стороны коридора и захлопнул гермодверь.

Стоя посреди комнаты с пистолетом в руке, он думал о том, что ему делать в ближайшие десять суток. Обрато наверх идти пока совсем не хотелось. Он вспомнил о соседе, который приглашал его на грибную настойку, но почти сразу отбросил эту идею. Затем сильно погрустнел, в очередной раз осознавая степень собственного одиночества. Пытаясь отогнать мрачные мысли, он стал вспоминать все то, что узнал из послания Ярославцевой и усиленно думать над новыми вопросами. Он с удивлением вспомнил о своем предположении — что гигахруща могло и не быть до эксперимента с ФУПом. Однако мозг отказывался идти дальше этой мысли — вселенная без бесконечных бетонных пространств казалась абсолютно безумной.

— Безумство... — произнес вслух Андрей и будто ожил. — Безумный... Как там его?

Он вскочил на ноги, вспоминая имя и адрес старика с растрепанными седыми волосами. Затем схватил сумку, полную еды, положил туда пистолет и открыл дверь.

39. Вселенная на бумаге

Он целый час блуждал по коридорам и лестницам незнакомых этажей, пытаясь найти исписанную ругательствами дверь. Иногда Андрей проходил по тем же местам, где уже был, но это его совершенно не расстраивало. Мужчина заразился той целеустремленностью часто свойственная безумцам, к одному из которых он сейчас направлялся. В пустых пространствах гигахруща ему повстречалось всего с десяток человек и все они предпочитали огибать странного человека с чересчур бойким взглядом и прижатой к животу сумке, словно там он нес самое дорогое.

Когда перед глазами показалась заветная гермодверь, Андрей попытался найти уже знакомые ему надписи — он побоялся, что набрел на жилище какого-нибудь другого безумца, коими было полно общежитие. Но имя Макар на бетоне и металле дали понять, что он пришел по адресу. Мужчина постоял пару минут перед дверью, думая о предстоящем разговоре со стариком.

Услышав стук в дверь, хозяин отозвался:

— Кто? — прозвучал знакомый голос.

— Я, — мужчина немного подумал и решил соврать. — Михаил это. Талоны тебе принес. Открывай!

— Какой Михаил? — озвучил Макар уже привычный вопрос, но щелкнул замком.

Не дожидаясь, пока тот сообразит, Андрей распахнул дверь и толкнул растерянного хозяина внутрь. Тот хлопал испуганными глазами, рассматривая мужчину, который сразу закрыл дверь.

— Ты кто? Ты не Михаил. Где он?

— Михаил в самосборе, — тихо ответил Андрей.

— Как в самосборе? — он сделал несколько шагов назад и приложил пальцы ко рту. — А ты кто?

— Я приходил с Михаилом два раз, не помнишь? Меня Андрей зовут, — он открыл клапан сумки и достал банку с мясными консервами. — Это тебе. У меня еще есть.

Макар с сияющими глазами принял банку с яркой бумажной этикеткой и прижал ее к груди.

— Но мне нужны ответы, — продолжил мужчина. — И, наверное, много ответов.

— Что тебе надо? Мне ведь так и не дали координаты, которые я просил. Без них я не смогу определить положение...

Он продолжал трещать что-то о точках категорий А и Б, смещении координат, изменениях в гигахруще и грядущих переменах. Андрей в это время оглядел комнату старика — на полу почти от стенки до стенки были разложены тетрадные листочки, некоторые из которых Макар отодвинул в сторону, чтобы иметь возможность ходить. Свободное пространство на полу сложилось в почти правильный круг, по которому хозяин ячейки ходил погруженный в раздумья.

— Ты слышал о ФУП-4? — Андрей перебил речь старика.

— Конечно, слышал. Кто же о нем не слышал? — совсем буднично отозвался Макар. — Фрактальная установка Победоносцева. Четвертая версия. До него существовали еще три, но о них я ничего не помню.

— Что она делает? Для чего ее изобрели? — мужчина чувствовал, как внутри

разгорается радость оттого, что хозяин так легко ответил на его первый вопрос.

— Использует принцип фрактальной генерации материи в условиях неевклидового пространства, — протараторил старик.

Он сделал шаг в сторону круга на полу и, все так же прижимая к груди банку консервов, стал ходить в пределах свободной от бумаг зоны. Макар изредка поднимал бегающий взгляд на гостя.

— Что это значит? Я не понимаю, — честно признался Андрей.

— Зачем тебе это надо, если не понимаешь?

— Ну так объясни как-нибудь, — он достал из сумки еще одну банку и передал ее хозяину, когда тот приблизился к нему. — Объясни на пальцах.

— На пальцах? — повторил Макар и посмотрел на свободную ладонь. В другой руке он сжимал уже две жестянки. — Ну смотри, скажем, тебе понадобилось больше пальцев. Представь, что твоя рука — это один большой палец, — он держал перед собой кулак, — и на этом пальце появляются другие пальцы, — старик принялся медленно разгибать их. — И вот у тебя на одном пальце целых пять других, которые медленно растут и становятся почти такими же, как и этот первый большой. Они, конечно, будут отличаться от оригинала. И проблема в том, чтобы остановить их рост на том моменте, когда они еще напоминают пальцы. А то, представь, если вместо пальцев у тебя будут щупальца! Вот незадача! Зачем тебе щупальца, а?

— Я все равно не понимаю. Зачем нужна эта установка? Что можно размножить кроме пальцев?

— Да все, что угодно! — старик вскинул руками, бросив банки в разные стороны, и остановился. Оглядывая комнату, он начал перечислять. — Бумагу, еду, воду, ткань, дерево, металл, жидкости, энергию. Даже людей! Можно размножить меня или тебя! Можно размножить эту ячейку! Да что я говорю? Можно размножить целый блок и даже гигахрущ!

— Зачем?

— Как зачем? Бумагу, чтобы писать, — он принялся загибать пальцы, бродя по кругу. — Еду, чтобы есть. Воду, чтобы пить...

— Нет, это я понял, — перебил Андрей. — Зачем размножать блоки и гигахрущ?

— А кто же ему запретит? Хочет и размножает! — он заломил руки за головой и стал раскачивать ей взад и вперед.

— Кто размножает? Кто это делает? — негромко спросил мужчина, словно его кто-то мог услышать.

— ФУП, конечно, — все тем же будничным тоном кратко ответил Макар.

— Не понимаю... Он что — живой? — спросил Андрей, озвучив первую пришедшую в голову мысль.

Бросая хитрый взгляд на незваного гостя, Макар расплылся в улыбке и принялся тихонько хихикать. Он поднес ладонь ко рту и прыснул громким смехом.

— Живой ФУП. Живой ФУП, — себе на потеху повторил хозяин. — Как же он может быть живым? Это же установка! Аппарат. Механизм. Устройство. Нет, ФУП — не живой. Просто он работает автономно за счет энергии, которую сам фрактально воспроизводит. Иначе бы не было всех этих изменений. Не было бы самосборов.

— Значит, его можно выключить? — немного подумав, спросил Андрей.

— Конечно, можно, — старик кивнул, шагая по кругу.

— Почему его не выключают? Это нужно партии? — он вновь озвучивал первое, что

приходило на ум.

— Не выключают, потому что не знают, где он. И никто не знает. А я бы мог сказать, да только вы не говорите мне корректировку координат. А мне нужны координаты. Тогда бы можно было добраться до ФУПа и выключить его.

Андрей с полминуты молча наблюдал за тем, как Макар бродил по кругу среди бумаг. Затем аккуратно убрал стопку бумаг с ближайшего стула и аккуратно сел на него. Он бросал задумчивый взгляд на хозяина ячейки и, наконец, спросил.

— Что случится, если его выключить?

— Все исчезнет. Все пропадет. Ничего этого, — он раскинул руки, — не будет. Все вернется к первоначальной форме.

— Как это ничего не останется? Что-то же должно остаться. Зачем тогда его выключать?

— Останется, конечно, — Макар закивал. — Останется ФУП и экспериментальная камера. Все остальное пропадет. Фрактальные структуры свернутся. Пространство вернется к евклидовым реалиям.

— Я не понимаю, — Андрей мотал головой с потерянным видом. — Что будет?

— Ничего не будет. Гигахруща не будет.

— Зачем тогда выключать ФУП?

— Чтобы выйти отсюда, конечно. Что за странные вопросы?

— Выйти из гигахруща, — задумчиво произнес Андрей. — Это можно сделать, только выключив установку?

— Да, конечно. Если установка прекратит работу, мы вернемся в мир, откуда изначально все пришли.

— Что за мир? — зачарованно произнес Андрей.

— Мир. Тот мир. Откуда мы пришли. Я его не помню. Совсем не помню.

— Там есть... — он сделал паузу. — Земля, небо и солнце?

— Да, есть, — старик закивал в такт быстрым шагам. — Зеленая земля, поля, деревья. Синее небо. И солнце. Яркое желтое солнце. Теплое.

Он остановился напротив Андрея и внезапно лег в самый центр круга на бумаге, раскинув руки и ноги в разные стороны.

— Теплое солнце, — продолжал Макар, глядя на лампочку под потолком. — Можно лежать голым и греться, глядя на небо.

— Там есть самосборы?

Старик поменялся в лице, будто хотел заплакать, и перекатился на бок. Послышались натужные смешки. Через несколько секунд он так же неожиданно принял серьезное выражение, затем резко поднялся на ноги.

— Там нет самосборов. Их там не может быть. Самосборы — порождение ФУПа, — он вновь ступил на кольцо и продолжил наматывать круги. — Хотя если там придумали очередной ФУП... Может быть, и там появились самосборы. Но я не уверен. Все это домыслы, домыслы. Но если мы здесь умудрились собрать новые, то и там, наверное, тоже. Я не знаю.

— У нас есть еще ФУПы?

— Да, конечно, есть, — Макар вновь сложил руки за головой. — Там, наверху, — он указал пальцем на потолок. — У них есть несколько установок. Они не такие мощные. Я бы даже сказал, еле дышат. Но работают. Экземпляры рабочие.

— Зачем они нужны?

— Я же говорил: производят бумагу, воду, еду, энергию, металл. Иначе, как ты думаешь, у нас бы появилось столько гермодверей? — он ненадолго замолчал. — Или тетради? Патроны? Заряд для огнеметов? Это все производят во фрактальных установках. Понимаешь? Фрактальная установка внутри фрактальной установки! Интересно, как глубоко пойдет человечество в этом безумном эксперименте.

— Это партия его проводит?

— Нет! — звонко ответил Макар. — Его проводило НИИ, но эксперимент давно вышел из-под контроля. Сейчас сам эксперимент проводит над нами эксперимент. Понимаешь? Снова фрактальная природа.

— Они хотят остановить ФУП?

— Хотят. Конечно, хотят. Но как же они это сделают, если мне не говорят координаты точек категорий А и Б? И желательна В. Ведь гигахрущ меняется. Точка А-один постоянно гуляет туда-сюда. Как они могут ее найти?

— Что за точка А-один?

— Расположение экспериментальной камеры ФУПа, где стоит сам аппарат.

— Ты работаешь на партию? — снова понизив голос, спросил Андрей.

— Нет, я не работаю на них. Не работаю.

— Тогда откуда знаешь все это?

— Потому что я работал в НИИ.

— Альтернативной энергии?

— Я там работал раньше, до гигахруща. Но совершенно этого не помню. Сейчас осталось только НИИ Слизи. Они все оставшиеся отделы соединили и получилось НИИ Слизи. Сначала называли в шутку. А потом... Я работал там. Работал на них.

— Почему ушел? Тебя выгнали?

— Я не знаю, выгнали меня или нет. Они говорили, что я сошел с ума, когда начал рисовать проекции гигахруща на бумаге, — он сначала посмотрел себе под ноги на тетрадные листы, затем перевел взгляд на Андрея. — Но что я мог поделать, если у них не было компьютеров для модулирования? Почему считать безумием вот это, — он обеими руками указал на раскиданные повсюду бумаги, — если сам ФУП был рожден в безумии? Ведь Бауман и Сакадзе повстречались в доме для психов.

— Кто это? Бауман и Сакадзе.

— Что? Кто? Ты ведь ничего не знаешь! — Макар остановился и стал подергивать себя за бороду. — Зачем я тебе это все объясняю?

Он на несколько секунд впился в Андрея взглядом, пока тот продумывал ответ. Ему казалось, что, если бы он сказал что-то не то, их разговор оборвался бы. Однако хозяин квартиры, не отрывая глаз от гостя, опустил на пол и обнял себя за колени, а затем стал говорить.

— Бауман был голова, — слегка покачиваясь начал тот. Андрею вдруг стало казаться, что разум Макара от этой истории стал светлеть. — Я его не встречал, но говорят, что он был очень умным, если не гениальным. Он был заведующим кафедры фрактальных исследований и ничего кроме фракталов в своей жизни не знал и не хотел знать. А потом его упекли в психбольницу, засадили в одиночную клетку три на четыре, где он разговаривал сам с собой. Целый день говорил о своих фракталах и повсюду их видел, говорил, что они ключ ко многим проблемам. Не прекращал говорить вообще никогда, даже если ему

задавали другие вопросы. А знаешь, когда он перестал говорить и стал слушать? — он дождался, пока слушатель отрицательно мотнет головой. — Когда в камеру напротив поселили Сакадзе. Того привела в дурдом та же научная страсть, но уже к неевклидовым пространствам.

— Что это? — как можно более мягко спросил Андрей. — Что такое неевклидовы пространства?

— Ну это... — качаясь, он думал о простом объяснении. — Ну это, представь, если получится в эту комнату уместить весь блок. Безумно звучит? Безумно? В этом и заключается неевклидово пространство. Возможность в малое пространство уместить огромное, превосходящее это малое в пять, десять, двадцать, сто раз. Я в этом мало что понимаю. А Сакадзе только об этом и говорил. И окружающие тоже решили поместить его в психбольницу. Благо больница эта была ведомственная, специально для таких вот непонятых гениев. Знаешь, почему их не просто так отпускали, как меня? М? — он вновь дождался ответа Андрея. — Потому что их могли подхватить наши враги. А так Бауман и Сакадзе сидели под нашим замком. Друг напротив друга. Так вот Бауман перестал болтать сам с собой, когда услышал научные бренды Сакадзе. И заинтересовался ими. Он внимательно слушал. Внимательно. А потом обратился к соседу по поводу того, что тот бесконечно говорил. И тот вдруг тоже замолк и стал думать над ответом. Он ответил и сам задал вопрос. Так двое безумцев начали обсуждение двух разных направлений, которые постепенно слились в одно. И кто потом может сказать, что это было — гениальность или безумие, м? Что это было?

— Я не знаю, — Андрей мотнул головой. — Гениальность?

— Я вот тоже так думаю. Только другие думали иначе. И держали их взаперти. А потом кто-то случайно услышал их разговор и пригласили, знаешь кого? Победоносцева. Тот со стульчиком сидел в коридоре, слушая их бесконечную беседу. Сакадзе и Бауман не знали о том, что их слушают. А затем Победоносцев поговорил с кем-то и убедил их развести Баумана с Сакадзе и позволять им встречаться в строго отведенное время. Когда между ними стоял диктофон и записывал все-все, что они говорили. Разрешали им говорить час или два максимум. А запись эту потом целую неделю слушали ученые, делали конспект, обсуждали и пытались понять, как применить эти идеи на практике. Ни Бауман, ни Сакадзе не могли четко сформулировать ответы на вопросы ученого совета. Они слишком оторвались в своем научном понимании мира от всех остальных. И потом Победоносцев с коллегами разработал первые наброски устройства, которое впоследствии стало первой версией ФУПа. Они решили уместить два направления в одном устройстве, чтобы генерировать материю и пространство. Уместить на площади одной комнаты двадцать ферм, которые бы производили ресурсов на сто тысяч человек. Это открывало огромные горизонты. Просто огромные, — он стал раскачиваться сильнее. — Даже представить себе трудно потенциал этой технологии. Это при правильном раскладе могло привести к обществу всеобщего достатка. Никакой нужды. Все базовые потребности удовлетворены. Еда, вода, энергия, стройматериалы. Поставь одну коробочку, которая даст тебе все, что пожелаешь. Как в сказке. С ума сойти можно, если подумать. И, говорят, что Победоносцев тоже стал потихоньку сходить с ума. Стал одержим своим аппаратом. Ничего другого кроме него не видел, не слышал. Упускал из виду очевидное. Наверное, поэтому и произошла авария. Гигахрущ — порождение безумия. Мы все в нем живем. Даже если считаешь себя здоровым, ты все равно существуешь в безумии. Нельзя быть вменяемым в мире, построенном на принципах безумия.

— Почему произошла авария? Что случилось?

— Это была чья-то преступная халатность, — он стал быстро-быстро пожимать плечами. — Или кто-то намеренно учудил. Всякие есть безумцы. Всякие.

— Это мог быть кто-то из НИИ?

— Наверное. Я не знаю.

Андрей то опускал взгляд, то поднимал его на Макара. Он боялся задать ему следующий вопрос.

— Это мог быть... — он сделал паузу. — Кто-то из партии?

— Из партии? Это интересно, конечно, — он стал легонько дергать себя за бороду. — Может, почему нет?

— Это мог быть Звездин? — его голос снова звучал очень тихо.

— Звездин? — он ненадолго погрузился в раздумья. — Мог быть кто угодно. Я не знаю. Я ничего не помню из того, что было до аварии. У меня восстановленная память. Я даже не помню свой дом из того мира. Мог быть любой. Даже Звездин. Ты, кстати, знаешь, что Звездин происходит от слова звезда? Знаешь, что такое звезда? Их здесь нет. Звезды видно на небе ночью. Солнца не видно, а звезды видно. И здесь в гигахруще тоже есть звезды. Но их простым людям не видно. А я знаю, где они. Я покажу!

С неожиданной ловкостью и быстротой Макар стал ползать на ногах и руках, собирая бумаги в нужном порядке. Всего через минуту на полу ничего не осталось. Макар убрал стопку на телевизор, метнулся в другой угол, взял другую стопку и тут же принялся раскладывать исписанные тетрадные листочки по полу. Когда пол был полностью устилан, старик несколько раз пробежался глазами по бумагам, чтобы проверить правильность раскладки. Затем, стоя на коленях, махнул рукой Андрею.

— Иди сюда! Оттуда не увидишь! Только аккуратно иди по бумаге, чтобы не испортить. И не сдвинуть.

Стараясь ничего не повредить, мужчина аккуратно дошел до Макара и опустился на колени рядом с ним прямо в центре разложенных листов.

— Смотри! — Макар указал на бумагу, лежащую прямо в центре. Его палец находился на пятне неправильной геометрической формы. — Это наше общежитие. Здесь мы живем. С двухсотого по восьмисотый.

Андрей стал разглядывать рисунок с пометками, которые он мало-помалу начинал понимать.

— Получается, на одном листе — тысяча этажей?

— Да, конечно. Для удобства расчетов я помещаю на листе тысячу этажей. И примерно такое же расстояние в разрезе. По горизонтали. Мы вот здесь, — он ткнул пальцем почти в самый центр. Кажется, что так низко, но на самом деле тут хорошо.

Мужчина некоторое время разглядывал листок по центру, затем переместил взгляд на соседние — справа, слева, по сторонам и диагонали. Там были пятна в целом повторявшие их общежитие. И куда бы он не смотрел, повсюду рисунок был почти одинаковый. Стали закрадываться пугающие догадки.

— А это что же? Тоже общежития? Почему они выходят за рамки тысячи этажей.

— Потому что их намного больше. Десятки тысяч. Или даже сотни, если не миллионы.

— Как это? Ведь нулевой и тысячный этажи... — начал Андрей, вспоминая привычное объяснение, которое давали даже в школе.

— Нулевой и тысячный этажи — это условность! Для удобства в ориентации и

навигации, — продолжил за него Макар и указал на другие листы. — Там везде общежития. Такие же, как у нас. Различия есть, но в целом те общежития состоят из того же материала, что и у нас.

— Как это? Там не может быть то же самое, — растерянно произнес Андрей, будучи не полностью уверенным в собственных словах.

— Конечно, может! — в его голосе вновь звучала пугающая будничность. — ФУП копирует повторяющиеся структуры до бесконечности. Сначала он разрастался в пределах нашего сектора, — он снова ткнул пальцем в центральный лист. Нулевой сектор. Когда структура сформировалась, он стал копировать ее. С изменениями, конечно. И разрастаться во все стороны. Гигахрущ состоит из бесконечного множества повторяющихся гигаблоков, где все более или менее похоже. В любом из этих мест, — он начал тыкать пальцем в разные листы, указывая на общежития, — могут быть ты и я. Только другие. Они как мы, но обязательно отличаются. Наш сектор — точка отсчета, — он вновь перевел руку в центр. — Все остальные обозначаются по трехмерной системе координат, — он перевел палец на лист справа. — Ноль-один-ноль, — затем указал выше. — Один-один-ноль, — его рука переместилась в нижний левый угол. — Минус десять-десять-ноль. Для третьей оси мне надо раскладывать другую карту. Не могу показать. Там чуть сложнее.

Макар вновь стал быстро-быстро пожимать плечами, глядя безумными глазами на Андрея. Тот молча слушал хозяина ячейки и внимательно рассматривал его рисунки. Осознание масштаба приходило к нему постепенно. Он непроизвольно выпячивал глаза и поднимал брови, будто готовился заорать. На клетчатых листах, вырванных из обычных тетрадок с мягкой зеленой обложкой, Андрей разглядывал план их вселенной, нарисованной ручками и цветными карандашами. Потом вдруг закрыл глаза и замотал головой, пытаясь прогнать сводящие с ума мысли.

— Эй, ты чего? Тебе плохо? — с тревогой спросил Макар. — Если тебя тошнит, то не здесь! Вон, иди в угол! Здесь записи!

Мужчина ответил не сразу. Он все еще сидел с закрытыми глазами, сильно жмурясь. Когда его веки поднялись, во взгляде читался страх.

— Значит, гигахрущ бесконечен?

— Конечно. Это же очевидно. Это все знают.

— И выхода отсюда нет?

— Смотря что понимать под выходом, — он дергал себя за бороду. — Двери с выходом нет. Но можно остановить ФУП. Я бы даже сказал, нужно. Помнишь, я тебе говорил про звезды. Вот, смотри.

Макар стал указывать на маленькие звездочки, нарисованные в большом количестве на центральном листе и тех, что лежали рядом.

— Это перспективные точки схождения волн. По ним можно определить приход самосбора. Звездочка маленькая — обычный самосбор. Побольше — веерный или редемптивный. Самая большая означает хтонический. Вот они. Но пока еще далеко от нас. Я могу высчитать самосбор с точностью до цикла. Более точно будет для меня тяжело. Но в любом случае мои расчеты лучше, чем у них наверху. Кажется, в их формулах где-то ошибка. Но, я думаю, они должны понимать, что звезд становится больше и их качество постоянно прогрессирует. Скоро мы будем вспомнить обычные самосборы с ностальгией. Очень скоро.

— Что это значит? — чувствуя головокружение, спросил Андрей.

— Нашему миру приходит конец. Точнее, нет. Наша вселенная останется. А вот люди

исчезнут. Их сметут преобразования. Изменения.

Гость оперся на правую руку, боясь, что упадет на пол или вообще потеряет сознание. Макар вывалил на Андрея столько информации, что ему казалось, будто он лежит под прессом из нескольких бетонных плит, выдавливающих из него жизнь.

— Я недавно был на самосборе, — сухо сглотнув, начал Андрей. — Веерном. Пять волн подряд. Говорят, что это в первый раз.

— Ооо... — Макар стал отмахиваться. — То ли еще будет! Пять это еще нормально. Вот здесь, — он стал тыкать в разные точки на карте гигахруща, — я высчитывал появление веерных самосборов с семью и восемью волнами.

— Когда будет конец мира? — после паузы спросил мужчина.

— Я точно не могу сказать. Мне нужны координаты. Нужно проверить точки. С ними я смогу определить динамику деформации пространства и высчитать приблизительный час икс.

— Что за точки? Это ведь какие-то определенные места?

— Да, да, — он замотал волосами вверх-вниз. — Помещения НИИ, пункты егс обеспечения и объекты ликвидаторов первых дней гигахруща. Вот они мне нужны.

— Напиши мне их. Только самые главные, — тихо говорил Андрей. — На листке. Посмотрим, что я смогу достать.

— Ты? Достать? — удивленно произнес Макар. — Сейчас, подожди.

Он с необычайной прытью бросился к столу и достал оттуда лист, на котором стал писать. Андрей в это время медленно встал и, чувствуя слабость, дошел до стула возле двери. Опустившись на него, он стал тереть руки, думая об услышанном. Вскоре перед глазами показался листок со списком из десяти пунктов.

— Написал. Держи. Не задерживайся. Чем быстрее, тем лучше, — тараторил Макар.

Сложив листок в несколько раз, Андрей убрал его в карман и какое-то время сидел молча. Макар в это время стал динамично собирать бумагу с пола. Закончив, тот встал в центре комнаты и, нетерпеливо потирая плечи, смотрел на Андрея.

— Чего сидишь-то? — спросил Макар. — Надо координаты точек выяснить. Чем быстрее, тем лучше.

— У меня еще есть вопрос, — неуверенно произнес Андрей. — Мой сын ушел в самосбор. Среди людей его больше нет. Но он приходил ко мне. Перед самосбором, но весь светился. И сказал, что он сейчас в лучшем мире. Где нет боли и страданий. И там нет черной слизи и чудовищ. Что ты на это скажешь? — он поднял взгляд полный надежды.

— А что мне сказать? Раз он так сказал, значит, так и есть, — старик говорил равнодушно и в конце в очередной раз пожал плечами.

— Так что такое самосбор? Почему здесь — монстры, а у него в мире нет ни боли, ни страха?

— Самосбор непостижим, — вновь его плечи дернулись вверх. — На этом уровне развития мы этого никогда не узнаем. Можно лишь предполагать. Лишь предполагать.

— И что ты предполагаешь? — чувствуя раздражение, спросил Андрей.

— Ничего, — он заломил руки за спиной и стал качаться туда-сюда. — Мне нужны координаты.

Тяжело вздохнув, мужчина встал со стула и махнул рукой на прощанье. Уже открыв дверь, Андрей остановился в проходе, немного подумал и прикрыл железное полотно.

— Макар, ведь ты умный, — он встретился взглядом с хозяином ячейки. — Почему тебя

считают безумцем?

Старик несколько секунд топтался на месте, заламывая руки.

— Я безумец, потому что живу в безумном мире, — ответил Макар и затряс головой. — И я могу себе в этом признаться. А другие меня не любят. Им кажется, что они — здоровые. Миллион здоровых в бурлящем чане безумия. Каково тебе, а? М?

Андрей молча выслушал его, немного подумал и кивнул.

— Будут тебе координаты.

Через минуту он уже покинул этаж и уверенно шел в направлении собственного жилья.

40. Лица из того мира

С момента пропажи сына Андрей уже много раз переживал одно и то же чувство. Будто его насильно окунали в ванну с водой (только вместо воды в реальности была информация), не давали дышать, буквально топили его. А потом просто отпускали руки и указывали на дверь. Мол, иди, Андрей, ты свободен. И он вынужден был брести вот так — весь сырой и тяжелый, и совершенно непонимающий несправедливости, которая с ним приключилась. Вот и сейчас он быстро шел по коридорам гигахруща, пытаюсь переварить, что совсем недавно услышал от Макара. Возникало ощущение, что он и сам начинал быстро терять рассудок. Стены хруща, всегда казавшиеся монолитными, вдруг расплывались прямо перед глазами и Андрей мог легко представить темные светящиеся пятна общежитий на удалении сотен и тысяч блоков и этажей от него. Это было похоже на то, что он переживал с соборе, только без всякой черной слизи.

Вспомнив место сосредоточения чернобожников, Андрей слегка отошел от тягостных мыслей и огляделся. В его коридоре было несколько человек, что-то тихо обсуждающих возле лестницы. Мужчина окинул их взглядом и понял, что те выглядели как поклонники Кузнецова. Андрей засунул руку в сумку и нащупал пистолет. Потом оглядел помещение и решил, что стрелять в жилом блоке было нельзя. Развернувшись, он двинулся обратно на лестницу, чтобы найти путь в обход этой компании. Уже быстро поднимаясь по ступеням на несколько этажей вверх, он услышал громкие переговоры и суету на том уровне, откуда он сам вышел. Его всего быстро охватило волнение и Андрей перешел на бег. Пока перед глазами пролетали номера этажей, он все не мог решить, где ему встретить чернобожников — на лестнице или в коридоре. Чем ближе он приближался к своему блоку, тем выше существовала вероятность, что его найдут свои же ликвидаторы в случае применения оружия. Но устраивать бойню на лестнице тоже не хотелось.

После неоконченного лечения силы быстро покидали его и Андрей больше не мог скакать по ступеням вверх. Он, запыхавшись, вышел в коридор на три этажа ниже своего, достал из сумки пистолет и положил руку под куртку, словно он поправлял пояс или штаны. Постоянно оглядываясь, он как можно более энергично шел в направлении противоположного конца. На лестнице послышалась беготня нескольких человек. Они проследовали наверх, но затем было слышно, как группа остановилась, принялась что-то обсуждать и с шумом двинулась обратно. Уставшему Андрею не хватило буквально нескольких секунд, чтобы скрыться в другом проеме. Возникшие на этаже чернобожники заметили мелькнувший вдалеке знакомый силуэт и последовали за ним быстрым шагом — сил на бег у них тоже не осталось.

Андрей постоянно мелькал у них на горизонте и оторваться от них у него не получалось. Он совсем ненадолго переходил на бег, но и они в свою очередь ускорялись. Он начинал идти и они следовали его примеру. Однако расстояние между ними все сокращалось и Андрей собирался с решимостью начать стрельбу прямо в жилом блоке. Он добрался до еще одной лестницы и, выжимая из себя последние силы, бросился по ступеням наверх. Выбравшись на свой этаж, он кинулся в направлении своего блока, понимая, что может спрятаться в своей ячейке. Он миновал один коридор, развилку, вышел в другой, пробежал по лестничной площадке, выскочил в еще одном коридоре и вдруг встал как вкопанный.

Держа руку с пистолетом под курткой, он глупо смотрел на двух ликвидаторов, стоявших прямо в середине помещения. Те обратили на странного мужчину глаза-линзы. Андрей принялся изображать какую-то деятельность под курткой, понимая, что пистолет мог быть для него гарантией ликвидации. Изображая, как он поправляет ремень и штаны, Андрей двинулся вдоль коридора. Сзади послышался уже знакомый шум и ругань, которые в какой-то резко прекратилась. Андрей миновал ликвидаторов, которые смотрели уже на новых пришельцев, и, пользуясь моментом, быстро убрал пистолет в сумку. Он обернулся, чтобы посмотреть на своих преследователей. Четверо молодых парней со следами деградации на лице толпились в проходе, не зная, что им делать. Двое ликвидаторов представляли непреодолимую преграду. Даже приближаться к ним они боялись. Андрей издевательски махнул им на прощанье рукой и продолжил путь домой. Один из чернобожников стал раздраженно запихивать своих растерявшихся единоверцев обратно на лестничный пролет.

Вдруг поняв, что группа может легко обогнуть неожиданный пост из пары ликвидаторов, Андрей вновь пустился на бег. Три минуты он тяжело дышал и выжимал из себя остатки сил. Когда перед глазами возникла родная гермодверь, он распахнул клапан сумки, положил туда пистолет поудобнее и взял ключи. Дрожащие руки не сразу попали в отверстие. Замок внутри щелкнул, дверь распахнулась и Андрей заскочил внутрь. Он еще минуту стоял возле двери, пытаясь отдышаться, и затем там же опустился по стене на пол. Его охватывала жуткая слабость. Андрей закрыл глаза и на какое-то время провалился в забытие.

В коридоре послышалась возня. Андрей поднял веки, достал пистолет и снял его с предохранителя. Там было несколько человек и они о чем-то говорили. Стараясь не издавать звуков, хозяин встал и отошел в коридор, готовясь к штурму извне. Послышался громкий стук в дверь. Андрей не отвечал. Постучали вновь.

— Открывай! — прогремел чей-то незнакомый голос в противогазе. — Коллеги пришли!

— Что за коллеги? — громко спросил Андрей после паузы.

— Открывай! Сейчас все сам увидишь, — грубо ответили из коридора. — Угостишь нас наградными консервами.

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы решиться на дальнейшее действие. Держа оружие за спиной, мужчина щелкнул замком и приоткрыл дверь.

— Наконец-то! — произнес знакомый высокий широкоплечий ликвидатор. Он с силой распахнул дверь, отпихивая Андрея от входа. — Я уже думал спецсредства применять.

Как и в прошлый свой визит он бесцеремонно обследовал всю ячейку, проверяя ее безопасность. Андрей незаметно убрал пистолет за пояс. В коридоре стояли еще несколько вооруженных ликвидаторов.

— Свободно! Заходите! — произнес командир после того, как закончил осмотр.

Андрей, молча наблюдавший за действиями коллеги, не испытывал никаких чувств, глядя на то, как незнакомец свободно шастает по жилью. Однако в следующую секунду его сердце глухо ударило в груди от волнения. В проходе показался еще один знакомый Андрею человек.

— Здравствуйте, Андрей Викторович, — произнес человек в костюме с портфелем в руке. — Помните меня?

— Конечно, помню, — он отвел взгляд, вспоминая имя. — Здравствуйте, Константин

Павлович.

— Вы позволите мне сесть? — партократ указал на стул.

Андрей молча кивнул и Константин Павлович расположился за столом с углу. Ликвидатор в это же время, ничего не спросив, расположился на диване и вытянул руки в стороны, заняв его целиком.

— Закройте, пожалуйста, дверь, — с улыбкой обратился Константин Павлович и после того, как послышался щелчок замка, добавил. — И сами присаживайтесь. Разговор, наверное, предстоит долгий.

Хозяин оглядел свою ячейку и понял, что требовалось принести стул с кухни. Он поставил его недалеко от гермодвери, чтобы сидеть на удалении от ликвидатора.

— О чем предстоит разговаривать? — спокойно спросил Андрей, бросая неуверенные взгляды на человека в костюме.

— О всяком, — тот улыбнулся. — В первую очередь о том, как вы героически помогли своему отряду отойти. Если б не ваши действия, то мы бы не досчитались намного больше людей..

— Вы так ко всем отличившимся приходите?

— Нет, конечно же. Обычно они устаиваются лишь похвалы начальства. Вы, кстати, не решили, что делать в отпуске? Целых десять суток!

— Пока еще нет, — Андрей взглянул на ликвидатора. У того на поясе висела кобура с пистолетом.

— В таких случаях ликвидаторы обычно пьют беспробудно, покуда хватает талонов или заначки. Но вы, кажется, не пьющий, так?

— Много не пью.

— Это похвально! Очень похвально! Такое сегодня редкость. Как, впрочем, и то, как вы распорядились с мясом. Я удивился, честно говоря. Очень несвойственный вам поступок, — Константин Павлович хитро прищурился.

— С чего бы это? — он посмотрел на собеседника.

— Ну, как вам сказать? Вы в основном привыкли думать лишь о себе. Подобная щедрость вам не характерна.

— Вам откуда знать? — Андрея почему-то задели слова партократа.

— Моя задача — знать подобные вещи, — он одарил его пронизывающим взглядом.

Андрей несколько секунд не мог оторваться от этих глаз, которые, кажется, смеялись над ним. Собеседник вновь заговорил.

— Что будете делать после отпуска? Планируете вернуться в службу?

— Да, — на автомате ответил Андрей. Он даже не думал об этом, но рассуждать вслух об этом совершенно не хотелось.

— Ваш отряд ввиду больших потерь, скорее всего, расформируют, — он положил портфель на стол и щелкнул застежкой клапана. — А вас куда-нибудь переведут. Отзывы о вас превосходные. Дело свое знаете на пять с плюсом, но социально дистанцируетесь от коллектива. Вас бы давно поставили на место командира, — он многозначительно оглядел Андрея, — но ваша замкнутость... все портит, — он выдержал паузу и продолжил, будто вспомнил что-то важное. — Еще библиотекарь отдельно отмечал ваше стремление к знаниям. Этого у вас, конечно не отнять, — он хитро улыбнулся. — Вас рекомендовали на должность архивариуса в центр. Как вам, а?

— Не понимаю, о чем идет речь, — Андрей пожал плечами.

— Вы о должности архивариуса?

— Да.

— Это в своем роде очень интересная работа. Требуется обрабатывать поступающие отчеты, формировать из них информационную выборку и дополнять уже имеющиеся данные. Бумажная работа в целом. Зато будете в курсе всего происходящего в гигахруще. Интересно?

Андрей смерил собеседника непонятым взглядом и пожал плечами.

— Какой-то вы вялый, Андрей Викторович. На вас, наверное, все еще сказываются полученные травмы. Вам тонизирующие средства не давали?

Партократ открыл портфель и начал там что-то искать. Он достал пластинку с таблетками, выдал себе одну и тут же отправил ее в рот. Затем указал рукой на лекарство.

— На-вот! Возьмите. Запивать не требуется, — в ответ помотали головой. — Я настаиваю, чтобы вы приняли таблетку.

— Я не хочу, — послышался голос Андрея.

— Возьми таблетку, — прогремел ликвидатор. — Это приказ.

Чувствуя пробежавшую по телу дрожь, мужчина встал с табурета, медленно приблизился к столу и взял одну таблетку. Положил ее за щеку, демонстративно проглотил и вернулся на свое место.

— Вы скоро почувствуете себя лучше, — дружелюбно сказал Константин Павлович. — И говорить вам станет легче и приятнее. А чего вы так противились этому? Думали, что я вас отравлю? — он издал веселый смешок.

— Думал, — Андрей глядел на него исподлобья.

— Но это же по крайней мере глупо, — он вновь засмеялся. — Неужели вы думаете, что таблетка — это единственное или самое эффективное средство для вашего устранения? Право, это просто смешно. Нет, вы слышали, Георгий? — он засмеялся, обращаясь к ликвидатору.

— Последствия отравления организма, — послышался голос из противогаза. — Это влияет на психологическое состояние.

— Наверное, да. Хотя, уверен, и в других условиях он бы побоялся принять от нас что-либо. Ну да ладно, ближе к делу! — он на секунду нахмурился и полез в свой портфель. — Как там его зовут?.. Ах, да! Юлиан Эдмундович! Он вас очень хвалил и написал о вас целых три отчета — в первых двух рекомендовал перевести вас в научные кадры., — он вновь окинул Андрея хитрым взглядом, от которого поползли мурашки. — А в третьем отчитался о том, что вы использовали служебный компьютер для чтения незарегистрированного в фонде накопителя. Хотя гриф там отсутствовал, Юлиан Эдмундович правильно определил, что информация на нем сугубо секретного толка. Не стану спрашивать, как и когда вы завладели этим накопителем. Мне интереснее узнать ваше мнение о том, что вы прочитали.

Хозяин ячейки смотрел на пол, боясь поднимать взгляд. Андрей чувствовал, как теряет контроль над руками, в которых появлялась дрожь. Он пожал плечами и вздохнул.

— Что это может значить? — спросил партократ.

— Это значит, — тяжело начал Андрей. — Что у меня нет мнения.

— Конечно, есть. Вы ведь не просто так рисковали, притащив это в библиотеку, — на лице промелькнула улыбка. — Ладно, поменяем вопрос. Переформулирую постановку. Что вы оттуда узнали, Андрей Викторович?

— Не надо больше пожимать плечами! — властно скомандовал ликвидатор Георгий. —

Что узнал оттуда, говори!

— Что было НИИ, — негромко начал Андрей, чувствуя возрастающую дрожь, — что там разрабатывали какое-то устройство. Была авария, после которой стала появляться слизь. И происходили редемптивные самосборы.

— И все? — Константин Павлович улыбался все сильнее.

— Я так понял, — он сделал паузу, — что до этой аварии ни слизи, ни самосборов не было. Начались они только после нее. Я прав? — он поднял взгляд.

— Прав! Ты все верно понял! — он выглядел таким счастливым, будто готов был хлопнуть в ладоши от радости.

— И гигахруща не было?

— Не было! Гигахруща не было! — все в той же радостной манере ответил мужчина в костюме.

— А что было до него?

— А вот что было, — Звездин повернулся на стуле, чтобы указать рукой на картину на стене. — Была земля, небо. Было солнце. А еще там были, — он полез в портфель, достал оттуда сложенный лист бумаги и приложил его к зеленой полосе, — дома! Из бетона. В пять-десять этажей, где жили люди. И без всяких там самосборов и чудовищ. Я помню в детстве жил на самой окраине города и по утрам открывал шторы — стоили они сущие гроши, не то, что сейчас — а там такой же вид из окна. Только дома еще стоят вот здесь, здесь и здесь, — он перемещал листок бумаги по рисунку, показывая расположения домов.

— Значит, небо и солнце существуют?

— Конечно, существуют. Как я или вы или вот это все, — он обвел рукой комнату. — Знаете, как до них добраться?

— Надо найти выход из гигахруща.

— А как это сделать? Где найти выход? — Звездин улыбался, наблюдая за реакцией Андрея. Но не дожидаясь ответа, он продолжил сам. — Такой простой вопрос, на который невозможно дать простой ответ. Ну а возраст гигахруща уже вы знаете? Люди обычно спорят между тысячью гигациклов и вечностью. Вы какой версии придерживаетесь?

Тяжело глядя исподлобья, Андрей смотрел на собеседника, чувствуя, как в нем поднимается злость.

— Что молчишь? — грубо кинул ликвидатор.

— Шестнадцать гигациклов, — тихо произнес Андрей, затем процитировал. — Наша вселенная — ровесник моего сына.

— Ха-ха! — внезапно залился смехом Звездин. — Я даже могу предположить, кто вам это сказал. Такой пафос часто присущ Кузнецову! Вы ведь понимаете, о ком я?

— Чернобог, — сквозь зубы произнес Андрей.

— Верно, Черный Бог! Простому человеку сейчас не объяснить, что это божество было когда-то простым научным работником.

— Простым?

— Ну, не совсем простым. В пику своей профессиональной карьеры возглавлял целый отдел засекреченного НИИ. Очень перспективный был молодой человек! Золотая медаль в школе, красный диплом в университете, кандидатская за год, докторат всего за три. Разгрызал гранит науки, словно тот был сделан из слегка зачерствевшего хлеба! Мы даже думали называть бетоноядных червей в его честь, но потом как-то передумали. А какой красавец был, вы видели его фото? Сядьте поближе!

Партократ открыл портфель и стал там рыться. Андрей медленно пододвинул табуретку к столу и сел так, чтобы находиться на удалении от Георгия и в то же время видеть его боковым зрением. На столе появилось фотография Кузнецова, которую Андрей уже видел — на ней атлетически сложенный мужчина стоял возле железной палки с дисками.

— Тяжелой атлетикой занимался, — комментировал Звездин. — Кучу разных соревнований выиграл. Тренера на него смотрели так же, как смотрели женщины, — он усмехнулся. — Все хотели, чтобы Кузнецов принадлежал только им. А ему хоть бы хны — его по-настоящему интересовала только наука. Или то, чего с ней можно было добиться. Славы. Величия. Общего признания. Однако, я уверен, что выше руководителя отдела он бы не смог подняться при всех его регалиях.

— Почему? Ему же получилось стать богом, — Андрей попытался вложить в слова иронию, но получилось не очень хорошо — он чувствовал, как предательски дрожит голос.

— Богом в каких-то моментах быть проще, чем ученым, — с серьезным лицом ответил партократ. — Наука — дело не индивидуальное. В ней работают сотни и тысячи. Надо знать, как найти подход к людям и организовать работу. А Кузнецов хотел, чтобы все бросались ему под ноги и не смели перечить. Даже тогда, когда он был определенно неправ. А вот в собственной церкви — другое дело. Он, мне кажется, быстро понял, что наука была для него лишь мостиком к вождизму. Человек пришел к своей мечте, — он расплылся в улыбке, — стал богом.

— А вы? — спросил Андрей, вызвав замешательство собеседника.

— Что я? — с искренним удивлением произнес Константин Павлович.

— Вы тоже стали богом?

— Ха! Очень интересно, — он посмотрел на Георгия. — Я похож на бога? К вашему сведению боги не ходят в костюмах с портфелем в руке.

— Зато они ходили в белых халатах, когда создавали этот мир, — Андрей пытался унять в себе злость, из-за чего его голос звучал тихо.

— А, вы об этом, — мужчина закивал. — Очень символично, конечно. Но мне как-то скромность не позволяет называть себя богом.

— Почему? — он чувствовал, как смелел. — Вы на него очень похожи. Бог гигахруща. Вас многие таковыми считают.

— Ну право, — Звездин отмахнулся. — Звучит как первосортная пошлость.

— А как вас можно называть?

— Вы о моей должности? Вообще предпочитаю, чтобы ко мне обращались по имени и отчеству. Этого вполне достаточно.

— Нет, — он дрожал все сильнее. — Как называть человека, который создал этот мир? Гигахрущ, самосборы? Ведь вы, получается, Бог?

— Вы думаете, что это я его создал?! — он приложил руку к груди.

— Записи Ярославцевой вполне определенно об этом говорят...

— Ничего определенного они не говорят, — перебил его Звездин, отмахиваясь.

— О том, как вы прибыли в НИИ, — продолжил Андрей. — О том, как там начались аварии и проблемы с образцами. О том, что вы вмешивались в работу всех сотрудников. О том, что вы саботировали главные испытания, из-за чего возникло всё это.

Константин Павлович с усмешливой гримасой позволял Андрею выговориться, чувствуя, как в том нарастала агрессия, и иногда посматривал на Георгия. Выговорившись, хозяин ячейки замолк, весь при этом дрожа.

— Вы закончили? — спокойно поинтересовался Звездин.

Вместо ответа хозяин ячейки неожиданно вскочил, выхватив из-за пояса пистолет, и направил его сначала на ликвидатора, затем на партократа.

— Если дернетесь, убью обоих! — прорычал Андрей, переводя прицел с одного мужчины на другого. — Двинуться не успеете!

— Ты что это придумал, урод? — произнес Георгий, все еще держа руки на спинке дивана. — Хочешь, чтобы я тебе этот ствол в жопу засунул?

— Георгий Максимович, прошу вас, не стоит опускаться до такой грубости! — партократ совсем не звучал испуганным или взволнованным. — У Андрея Викторовича восстановительный период, нервишки расшатаны, вот он и чудит.

— Ты думаешь, твой портфель защитит тебя от пули, мразь? — палец скользил по курку. — Пуля для тебя будет слишком легким наказанием. За то, что ты сделал.

— А что я сделал? — Звездин развел руки, примеряя на лице маску невинности.

— Создал гигахрущ! Совершил саботаж в НИИ! — закричал Андрей, чувствуя, как ярость полностью охватывает его.

В дверь послышался стук и приглушенные голоса.

— У нас все нормально! Можете не волноваться! — закричал партократ, затем понизил голос. — А вы, Андрей Константинович, опустите, пожалуйста, пистолет, пока кого-нибудь не подстрелили.

— Опустит пистолет, урод, — зарычал Георгий, — пока я сам тебя не грохнул.

— Георгий Максимович, пожалуйста. Вы ведь знаете, что убийство в данном случае будет для нас не самым лучшим вариантом. Как и моя смерть станет для Андрея тупиком. Ведь он не узнает ничего нового.

— Узнаю что? Очередную ложь? — Андрей дрожащей рукой переводил пистолет с одного на другого.

Звездин растянулся в улыбке, затем тихо выдохнул и посмотрел на разъяренного мужчину уже серьезным лицом.

— Ну смотрите, Андрей Викторович. Давайте рассуждать логически. Зачем мне надо было совершать диверсию?

— Я откуда знаю?! А зачем тебе было мне врать несколько раз?!

— Вот в том-то и дело, что не знаете, но уже делаете выводы. Подобные поступки совершают, потому что жаждут чего-то. А что надо было мне? Власти, денег, положения? Так у меня и так все было! Вы же знаете нас, партократов, — он подмигнул Андрею. — Купаемся в роскоши и богатстве. А то, что говорила Екатерина Михайловна в своих записках — так вы же сами видели, что ее последние сообщения были написаны уже после того, как Кузнецов провел над ней свой эксперимент. Вы же видели ее сейчас, не так ли? И знаете, что она из себя представляет. В момент написания она переживала чудовищную трансформацию организма. Мутировала из человека в непонятное существо. Тут капля черной слизи может вызывать агонию, а ее поместили в чан с этой дрянью! Рассуждать рационально она в тот момент была просто неспособна. И ее выводы... — он потянулся было к портфелю, но остановился. — Вы мне позволите? Я бумагу достану, а то не смогу процитировать по памяти. Не подстрелите меня?

Андрей махнул пистолетом, чувствуя, что говорить было слишком тяжело. Партократ залез в портфель и после недолгих поисков извлек оттуда папку с бумагами, нашел нужную страницу и стал зачитывать вслух с подчеркнутым выражением.

— Саботаж произошел. Виновник не найден. Кузнецов — мразь. Но, предполагаю, главный подозреваемый — портфель, — он поднял взгляд на Андрея. — То есть, я — Звездин Константин Павлович. Это, вы считаете, объемлющая аргументация? Я предполагаю, что он — виновник. И даже не виновник, а подозреваемый!

Он положил распечатку сообщений на стол рядом с фотографией Кузнецова в молодости. Затем достал из папки еще одно фото и несколько секунд разглядывал его. Когда он положил изображение на стол, Андрей узнал фото, которое Ярославцева прикрепила к своим записям.

— Я, честно признаться, удивился, когда прочитал ее откровения. Особенно после стольких лет, прошедших с тех пор. Странно, что она вообще включила меня в список подозреваемых. Не говоря уже о том, что назначила главным из них. Почему, например, не Фадеева? — он указал на человека на фото. — В юности высказывал антипартийные взгляды и проходил по делу об антисоветской группе. Или Мезенцева? — он указал на женщину в очках с толстыми линзами. — Очень умная, но крайне меркантильная особа. За деньги она многое готова была сделать. Да и Кузнецов, в конце концов, с его маниакальной помешанностью на черной слизи.

Он повернул к себе фотографию и с полминуты разглядывал ее, отчего выражение лица едва заметно менялось — на нем проскальзывала то печаль, то какая-то грустная радость. Наконец, он положил изображение так, чтобы его видел Андрей.

— Эх, как давно это было. Сколько всего прошло, — со вздохом произнес Звездин. — Это фото было сделано в день главного эксперимента. С тех пор почти никого уже не осталось в живых. Ярославцева в Содружестве. Кузнецов у себя в соборе. Вот эти двое, — он ткнул пальцем в людей, — у нас наверху в НИИ. А остальные умерли. Покинули, так сказать, гигахруц самым простым способом.

Слушая партократа, Андрей чувствовал, как притуплялась его ярость и как слова Звездина отбивали желание стрелять. Он убрал палец с курка и опустил пистолет до пояса, все еще держа гостей под прицелом.

— Я много думал о том, кто совершил диверсию, которая определенно имела место, — он пригладил волосы. — Честно признаться, подозрение пало почти сразу, но возможности отстранить человека без явных доказательств было бы чревато для всего проекта. Но был там сотрудник, который имел доступ к образцам и по чьей прямой или косвенной вине постоянно откладывались эксперименты. А самое главное, у него была причина для того, чтобы саботировать проект.

Константин Павлович открыл папку и принялся перелистывать бумаги и фотографии. Когда нужная страница была найдена, он указал на изображение, уже лежавшее на столе.

— Вот это фото было сделано в день главного эксперимента. Но здесь нет нескольких участников, — он обратил взор себе в папку. — Один сотрудник заболел незадолго до этого и не смог присутствовать на эксперименте. Еще один также не стал принимать участия по причине того, что в тот самый день рожала его жена. Ситуация у нее была сложная, поэтому Победоносцев отпустил сотрудника под гарантию того, что его часть работы была выполнена полностью. Мне, конечно, уже тогда казалось это страшным просчетом, так как на его участке проекта постоянно случались казусы. Человек этот отвечал за техническое обеспечение, в частности — снабжение электроэнергией. Что по итогу и послужило причиной аварии.

Он выложил другое фото на стол и обратил на Андрея холодный взгляд.

— Это изображение было сделано за два месяца до главного эксперимента. Взгляните на него поближе. Узнаете кого-нибудь?

Все еще держа собеседника под прицелом, Андрей медленно взял фотографию, которая мало чем отличалась от предыдущей. На ней в ряд стояли научные сотрудники в белых халатах, но было несколько новых лиц. Он переводил взгляд с одного на другое и в какой-то момент заметил знакомого. Не понимая, кто же это был, он поднес изображение почти к самому лицу. Вдруг, он почувствовал, как по всему телу пробежал холодок. Не веря своим глазам, он зажмурился и встряхнул головой.

— Ну что, узнали? — сказал Звездин, впившись глазами в хозяина ячейки.

Внезапно он ощутил такую слабость в руках, что чуть не выронил пистолет. Подняв взгляд на партократа, он уронил фото на стол.

— Как? — прошептал он.

— А вот так, — Звездин улыбнулся и пожал плечами.

Мужчина опустил взгляд на фотографию научных сотрудников, где среди прочих третьим слева стоял он сам — Смирнов Андрей Викторович.

41. Кто я? Почему я?

— Вы снова обманываете, — тяжело произнес Андрей, не до конца уверенный в своих словах.

— Зачем мне вас обманывать?! — громко удивился партократ и засмеялся. — Вы же сами все видите.

— Так же как с чернобожниками. Или содружеством, — продолжил мужчина.

— Если рассуждать должным образом, я вас не обманывал. Просто указал вам путь, — Звездин хитро смотрел на собеседника.

— Поставь пистолет на предохранитель и убери его, — послышалась команда от Георгия.

Мужчина удивленно посмотрел на руку, совсем забыв про то, что держал пистолет. Он щелкнул предохранителем и попытался засунуть оружие в карман штанов, но оно никак не хотело залезать внутрь и Андрей просто положил его на стол перед собой рядом с распечаткой и фотографиями. Он тяжело опустился на табурет и снова посмотрел на фото самого себя. Спустя полминуты он заговорил.

— Значит, я работал в НИИ?

— Все верно, — серьезно ответил Константин Павлович. — К моменту аварии вы больше трех лет являлись сотрудником НИИ альтернативной энергии и больше года занимали должность руководителя отдела технического обеспечения.

— Но я ничего подобного не помню.

— Потому что в момент аварии вы находились за пределами камеры безопасности. И, как и все остальные люди, попавшие под действие взбесившегося ФУПа, пережили потерю памяти.

— Почему вы думаете, что это я? — в его глаза возвращалась злость.

— К большому сожалению, после того, как мы все оказались здесь, а связь с внешним миром была утеряна, у меня не было возможности найти документальные факты, подтверждающие вашу вину. Но вы с самого начала вызывали подозрение. И на вас же подумали в общем все, кто входил в комиссию по расследованию.

— Что я сделал не так? Почему вы думаете на меня?

— У вас была причина. Такая причина, из-за которой многие люди бы потеряли голову. Что с вами и произошло. Вы помните свою жену? — последовал утвердительный кивок. — Вы ее очень любили, не так ли? И очень хотели детей. Но они никак не получались, что сильно расстраивало вас обоих. Об этом ваша жена активно делилась с подругами. А потом она вдруг беременеет, но вот незадача — врачи диагностируют редкое состояние, ставящее под угрозу плод. И внутри утробы и после его потенциального появления на свет. Каждый день мог стать последним. Наша медицина к большому сожалению не научилась справляться с подобным недугом. А вот за границей — да.

— Что такое за границей?

— Что это такое? Трудно объяснить на гигахрущевском... — он несколько секунд подумал. — Заграница — это условно наши враги, живущие сконцентрировано в одном месте. И вот у наших врагов была возможность помочь вашей супруге. Естественно, никто не мог себе позволить отпустить к нашим врагам ни вашу жену, ни тем более вас самих. Ведь вы работали в секретном НИИ.

— У моего сына не было никаких проблем. Врачи ни о чем таком не говорили.

— Ваше счастье, если так. Но врачи в гигахруще не работают с теми проблемами, которые диагностировались и определялись там, во внешнем мире. Поэтому, считайте, что вам повезло.

На несколько секунд в комнате воцарилась тишина, пока Звездин не заговорил вновь.

— У вас были родственники там, за границей, с которыми вы регулярно общались. И мы предполагаем, что через них на вас вышли представители наших противников, — он на секунду задумался. — Представители чужого злого гигахруща решили переманить у нашего родного гигахруща ценного специалиста. И предложили вам помощь, чтобы решить ваши медицинские проблемы. В обмен на то, чтобы вы саботировали исследования.

— Вы просто предполагаете? — с ухмылкой спросил Андрей.

— Предполагаю. Просто предполагаю, — мужчина глубоко кивнул и показал ладони. — Потому что строю предположения на целом ряде косвенных факторов. Например, то, что вы имели доступ в помещение с образцами. И то, что по вашей прямой вине происходили сбои энергопитания во время экспериментов. Наконец, авария, повлекшая за собой появление этого мира, тоже вызвана вашей, так скажем, ошибкой.

— Я бы не стал... — он замешкался, — создавать этот мир.

— А вы же не знали, что делаете! — почти закричал Звездин. — И никто не знал тогда, чем может обернуться сбой в работе ФУПа. Вы просто спасали своего еще нерожденного сына. Вы действовали так, как делаете всегда. Думали только о себе. И о своем благополучии. А на благополучие остальных плевали.

— Это неправда. Я не плюю...

— Конечно, плюете, — перебил его партократ. — У меня было достаточно времени, чтобы в этом убедиться. Я ведь знаю столько... Господи! — воскликнул он и закрыл рукой лицо, покачивая головой. — Когда я думаю об этом, мне кажется, я могу сойти с ума! Я ведь... Меня ведь прислала партия в НИИ для гласного контроля за ходом проекта. И одной из целей моего пребывания там было пресечение вражеской деятельности. Я внимательно изучал каждого, составлял психологические портреты, сужал круг подозреваемых. И остановился на вас. Мне достаточно было взмахнуть пальцем, чтобы отстранить вас от работы, но вероятные задержки в проекте останавливали меня. Я не был до конца уверен. А потом ваша жена рождает, вы отпрашиваетесь у Победоносцева и бежите в больницу. Происходит авария по причине перегрузки электросети и неработающих предохранителей, с которыми кто, как вы думаете, работал? Смирнов Андрей Викторович, — он указал пальцем на хозяина ячейки. — Все идет шиворот-навыворот и пока мы восстанавливаем работу, ФУП, который должен был работать на площади в один квадратный метр, захлестнул территорию в несколько гектар. Каково, а? Гигахрущ рождается, начинает расти, увеличиваться, множиться, разливаться по бесконечности!

На последнем слове он почти кричал, округлив глаза, и уставился на Андрея. Но потом замолк и постепенно принял спокойный вид.

— Комиссия по расследованию инцидента работала несколько лет, но допросить вас не было возможности, потому что вы, как и многие другие, пропали в бетонном лабиринте. Слишком далеко вы были от НИИ в момент аварии. А когда вы нашлись, у нас были другие заботы. Мы восстанавливали цивилизацию, расширяли и укрепляли жилые блоки, на которые вдруг поперли твари из темноты. Боролись с учащающимися самосборам. В общем, нам первое время было не до вас, — он поморщился. — А когда все более или менее

стабилизировалось, мне сказали взять вас в разработку. Представляете, — он усмехнулся, — кто-то посвящает свою жизнь здесь изучению самосбора, а мне поставили задачу изучать вас. И я долгие гигациклы собирал факты и анализировал вас, Андрей Викторович. Я знаю с вас такое, что вы, быть может, сами о себе не знаете.

Андрей сидел напротив партократа, чувствуя странное ощущение внутри — будто из него по-тихоньку высасывали немногие остатки сил. Видимо, чувствуя это, Звездин достал пластинку с тонирующими таблетками и положил ее перед собеседником.

— И я точно убедился, что вы всегда думаете в первую очередь о себе, — продолжил Константин Павлович.

— Все думают о себе, — сухо произнес Андрей. Он не притронулся к таблеткам.

— Это правда, все. Но не так, как вы. Старый дурак Победоносцев дает руководителям отделом премию за вклад в работу и вы единственный, кто не распределяет ее поровну среди всех сотрудников. Вдумайтесь: даже Кузнецов разделил премию, но не вы. Потому что вам хотелось купить автомобиль. В здании НИИ срабатывает пожарная тревога и вы впереди всех мчитесь на выход, оставив своих подчиненных в экспериментальной камере, откуда они не могли самостоятельно выбраться. К счастью, тревога была ложная. Или к сожалению. Ведь вас бы отстранили от работы в случае смерти тех троих. Поэтому, когда встал вопрос о благополучии вас и вашего сына, вы бы не стали даже сомневаться о том, что можно поставить ваше личное счастье выше общего блага. Но вы это, конечно не помните. И потеря памяти сберегает вас от тех далеких времен. И совесть, если она у вас есть, не станет грызть ваш разум. Вот за это все! — он обвел комнату рукой.

Звездин впился в Андрея взглядом, словно вонзил в него несколько крюков и не давал ему отвести глаза.

— Я бы мог привести вам еще с десятков аналогичных случаев уже здесь, в гигахруще. Но, сдается мне, о самом последнем я не знаю не до конца, Андрей Викторович, — он на несколько секунд замолчал. — Что случилось с Михаилом?

Партократ ясно видел, как задергались мимические мышцы собеседника.

— Вы его убили? — он слегка прищурился, разглядывая лицо Андрея, затем резко схватил его руку за запястье. — Выстрелили в него? Или отравили? Вы попали под самосбор? На пути назад? Закрыли убежище? Значит, на пути назад вы попали под самосбор, а он не успел зайти в ваше убежище, так? Вы закрыли перед ним дверь? Прямо перед ним? А было время, как думаете? Мог бы он спастись? Струсил? Хотели выжить?

Чем дальше говорил Звездин, тем злее становились его глаза и сильнее расплывалась улыбка на лице. Закончив эмоциональный допрос, он отпустил руку, и та осталась лежать безвольно на столе. Довольный партократ обратился к ликвидатору.

— А ведь я говорил, Георгий! — довольно произнес тот. — А вы еще со мной спорили!

— Так кто же мог предположить, что Некрасов умрет в самосборе. У него на такие дела чуйка была.

— Пошел в разведку не с тем человеком, — ответил Звездин, глядя на Андрея, который покачивался на стуле от головокружения. Партократ с хлопком пододвинул пластинку к мужчине. — Выпейте таблетку, а то сейчас потеряете сознание. Быстро!

— Да уж! — протяжно сказал ликвидатор, глядя на мужчину, закидывающего в рот таблетку. — Столько всего прошел и пережил, а погиб в банальном самосборе.

— Вы что, — дрожащим голосом начал Андрей, — знали Михаила?

— Знали Михаила? — переспросил Звездин и засмеялся. — Он был нашим агентом.

— Да не только нашим, чего уж там, — Георгий махнул рукой. — Чьим агентом он только не был. И на чернобожников успел поработать, и с контрабандистами связаться, и с бандитами якшался. Поделом ему!

— Это все правда, — закивал Константин Павлович, — но согласись, что пользы он нам принес гораздо больше, чем вреда. Вспомни, сколько нападений он помог предотвратить. И сколько каналов поставки оружия мы перекрыли, благодаря ему. О количестве поставленных на карандаш дыр из общежития я вообще молчу.

— Это правда, — ликвидатор кивнул. — Продуктивный был мужик. Но не стоило ему связываться с алкоголем и чернобожниками. Эта дрянь его сгубила.

— Вот эта дрянь его сгубила в итоге, — Звездин, скривив губы, кивнул в сторону Андрея. — Ну что, расскажите нам, как он умер? Ну? Погромче!

— Мы шли из Содружества по ветке, — тихо начал Андрей. — Он выпил серебрянки и опьянел. В тоннеле я почувствовал приближение самосбора.

— Ты почувствовал, а он нет? — прервал его ликвидатор.

— Да. Он пьяный был. Я говорил ему вернуться. Но он не послушал. Я пошел обратно. Он не успел добежать. Я закрыл дверь.

— Но время то еще было, не так ли? — хитро спросил Звездин.

— Я уже видел розовый туман. А он был пьян.

— Понятно все! — мужчина отмахнулся от дальнейших объяснений и продолжил, кривляясь. — Это не я закрыл дверь, это он был пьяный, — и неожиданно засмеялся. — Нет, Георгий, ты это слышал?

— Да уж. Странно, что в отряде он себя не проявил подобным образом.

— Откуда вы знаете, что Михаил был со мной? — Андрей прятал взгляд.

На этот раз Георгий отозвался громким раскатистым смехом.

— Он же был нашим агентом, — слегка разочарованно произнес партократ и в очередной раз полез в портфель. — Когда твой сын пропал, нам было очень удобно, что он учился в одном классе с сыном Михаила. Мы, конечно, немного просчитались, когда он решил выменять тебя на своего сына, но дальше взяли его под свой полный контроль. И вместе с ним ты начал поиски Коли под нашим непосредственным надзором. Ты не думал, почему вам так славно повезло целых два раза?

— О чем вы?

— Ну, сначала мы спасли тебя из церкви, послав отряды на штурм. А затем тебя отпускает сам Чернобог, — он достал из портфеля бумажную папку, но пока держал ее в руках.

— Собор собирались осаждать, — Андрей пытался вновь уличить партократа во лжи.

— Мы просто создавали вид, чтобы иметь твердые аргументы в общении с Кузнецовым. Без наших отрядов вокруг собора, он бы, вполне вероятно, употребил тебя как расходник в своих новых экспериментах. Тем более, что в те старые годы ты ему не особо нравился. Я даже более скажу: он тебя презирал. А так мы связались с ним и настоятельно попросили его отпустить своего бывшего коллегу. Кстати, он тебе об этом не говорил?

— Нет, — тихо произнес Андрей. — Но, кажется, намекал, что знает меня.

— А Ярославцева?

— Тоже нет. Она ничего не говорила. Только про богов что-то. Как и Кузнецов.

— Ну так правильно, — Звездин пустил смешок. — Такие люди собираются в одном месте, а? На, посмотри.

На стол перед Андреем легла раскрытая бумажная папка с печатью «Совершенно секретно». Внутри лежало личное дело с приклеенной сверху фотографией Михаила. Мужчина медленно перелистывал страницы, скользя глазами по тексту. На последних строках упоминалось его, Андрея, имя и отметка о том, что связь с агентом была утрачена по причине вероятной смерти. Он закрыл папку и слегка отодвинул ее от себя.

— Почему вы просто не вернули ему сына? — спросил хозяин ячейки.

— Нам нужен был рычаг контроля. Слишком независимый был человек. Я думаю, ты это прочувствовал.

— Где сейчас Саша?

— Ты про сына его? — безразличным голосом уточнил Звездин. — В соборе, насколько мне известно.

— Почему вы не достанете его оттуда?

— С чего это тебя так волнует, м? — с легким удивлением в голосе продолжал партократ. — Это же не твой сын.

— Михаил пошел со мной из-за него. Я думаю, было бы справедливым вернуть его домой.

— Домой к кому? Парень принял самостоятельное решение, — возразил партократ. — Даже если мы вернем его обратно, он через час максимум снова убежит. Кто его будет там держать? Вдова Елена? Которая еще не знает, что овдовела.

Андрей закрыл глаза и непроизвольно мотнул несколько раз головой, прогоняя из головы тягостные мысли.

— Я не понимаю... — тихо заговорил он. — Почему вы просто не сказали мне об этом? Зачем послали меня в церковь, собор. Зачем сказали про Содружество.

— Надо было тебя растормозить, — спокойно отреагировал Константин Павлович. — Проткнуть твой пузырь. Шокировать, окунуть тебя в непривычные обстоятельства. А потом постепенно вводить элементы старой жизни. Я, как уже сказал, вел твою разработку, и в том числе искал возможность вернуть тебе память. После аварии с ФУПом мы успешно преодолевали потерю памяти. Ставили человека в определенные условия, при которых к нему возвращалось понимание определенных вещей. Скажем, человек думал, что не имеет никакого понятия о работе токарного станка, но через час после знакомства с ним мог создать сложнейшую деталь. Вот я и подумал, что, если свести тебя со старыми знакомыми, провести по знакомым местам, память к тебе вернется. А еще показать тебе жизнь в гигахруще и людей, которые в нем заперты. Чтобы ты понимал, что натворил.

— Но я ничего не помню, — Андрей поднял тяжелый взгляд.

— Прямо вообще ничего? И ничего не чувствовали, когда в старом НИИ были или с Кузнецовым общались?

— Нет, кажется. Странные чувства были. Но ничего не вспомнил.

— Ничего страшного, — Звездин махнул рукой. — Слишком издали зашли, чтобы вас не травмировать. Тем более, столько времени прошло. Побродить по хрущу тоже стоило. А сейчас времени нет, чтобы с вами сюсюкаться. Думали еще вам пораскидывать артефакты из прошлого.

— Почему нет времени?

— Потому что фрактальные волнения, по всей видимости, выходят на новый уровень. Ваш отряд начинал гасить веерный самосбор с пятью волнами. Это максимум за всю документированную историю гигахруща. Подобные явления раньше приводили к ухудшению

ситуации. Один такой веерный самосбор будет означать либо увеличение количества, либо повышение качества самосборов. А мы и так работаем на пределе сил. Мы опасаемся, что скоро весь гигахрущ просто зальет черной слизью и тварями.

— Кузнецов говорил мне об играх богов, — немного подумав произнес хозяин ячейки. — Я тогда совсем не понял, что он говорил. А теперь слушаю вас и понимаю, что боги действительно разыграли партию. И двигали меня как пешку по полю.

— Если уж говорить о богах, — Звездин усмехнулся, — то самый главный бог в этом мире — вы. Может быть не самый сильный и далеко не самый известный, но определенно главный. Ведь это благодаря вам мы здесь.

В ячейке стало тихо. Представитель партии давал Андрею время обдумать услышанное.

— Я поинтересовался у вас, Андрей Викторович, по поводу ваших дальнейших планов, — он сделал паузу. — Так вот, мы предлагаем вам помочь оставшимся кадрам НИИ и ликвидаторам. Мы хотим или, вернее сказать, настоятельно просим. Даже требуем от вас этого. Потому что без такой пешки партию нам не доиграть. Ведь вы — по сути единственный, кто сможет исправить прошлое.

— Как?

— Починить адскую шкатулку под названием ФУП-4.

От удивления Андрей приоткрыл рот, услышав, что ему надо будет чинить устройство, которое он даже в глаза не видел.

42. Семисотый

— Я даже понятия не имею, что это такое, — тихо произнес Андрей.

— Ничего страшного, — махнул рукой Звездин. — Так у всех было после аварии. Это тип ретроградной амнезии. Потеря памяти после какого-либо травмирующего события или воздействия. Конкретно наш вид отличается тем, что память частично восстанавливается, если заставить человека взаимодействовать с привычными элементами. Навыки и профессиональные знания возвращаются относительно быстро. Но делать это надо не здесь, конечно. Нет оборудования. Да и чернобожники нам будут мешать, — он хитро посмотрел на Андрея.

— Те четверо? — он мотнул головой в сторону выхода. — Вы знаете, почему они охотятся за мной?

— Не только те четверо. Их гораздо больше. Михаил вам рассказывал, сколько их здесь? — в ответ кивнули. — Видать, Кузнецов догадался о том, к чему все идет и решил избавиться от важного человека. Мы думали, они забыли о вас. Столько циклов прошло с тех пор, как вы пошли в службу ликвидаторов. А они все за вами бегают. Да так оперативно вычислили ваш приход.

Андрей бегал глазами по полу, думая признаваться или нет.

— На меня уже покушались двое. Из этих, — он снова указал головой на дверь. — Я одного из них убил.

— На лестнице было? — послышался Георгий. — Ударом по голове?

— Да, — тихо подтвердил мужчина.

— Это все объясняет, — кивнул ликвидатор. В голосе слышалась радость. — Теперь не отстанут.

— Так что, Андрей Викторович, — сказал уже Звездин, — надо вам с нами идти. Будем работать над тем, что вы натворили шестнадцать лет назад.

Хозяин ячейки взглянул на собеседника исподлобья. Ему совершенно не нравилось, что на него навешивали вину за то, что он не помнил.

— Куда идти? — с волнением в голосе поинтересовался Андрей.

— Наверх, конечно же, — мужчина в костюме улыбнулся. — Посмотрите, как живут лучшие из лучших. Приобщитесь к жизни партократии. Благо, тащить вам с собой ничего не придется.

Хозяин окинул ячейку грустным взглядом и остановился на картине на стене. Заметив это, Звездин повернулся.

— Ах, да. Шторы, — он пустил смешок, — копишь на них, копишь. Потом бегаешь по этажам с глупым видом, чтобы их найти. А в конце приходится их бросать, словно они ничего не стоят, — он посмотрел в глаза Андрею. — А ведь они ничего и не стоят. Не жалейте.

Он встал и принялся убирать бумаги и фотографии обратно в портфель. За ним на ноги поднялся и ликвидатор. Он приблизился к столу и забрал пистолет.

— А что насчет рисунка, — продолжил Звездин. — Если все пойдет как надо, вам эта мазня больше не понадобится. Потому что и землю, и небо и солнце вы сможете видеть каждый день. Очень скоро забудете о том, какой сакральный смысл вы им придаете сейчас.

Георгий быстро осмотрел сумку полную банок и пластиковых пакетов с едой, похлопал

по телу Андрея в попытке найти еще оружие, затем направился на выход.

— Пойдемте, — указал рукой Звездин.

Андрей, еще раз оглядев ячейку, мысленно с ней попрощался, встал и направился за Георгием. Когда группа вышла, они остановились. Звездин с легкой улыбкой посмотрел на Андрея и кивнул в сторону двери. Хозяин ячейки подошел к гермодвери, захлопнул ее и закрыл на ключ.

Вскоре эта троица шла в окружении группы ликвидаторов по коридорам гигахруща. Попадавшиеся им на пути жители исчезали с еще большей скоростью, чем при появлении боевого отряда, идущего на ликвидацию самосбора. Видимо, само присутствие партократа вселяло в них больший страх, чем обвешанные оружием безликие мужчины.

Через час они вышли в широкий коридор с высокими потолками похожий на автомобильный. Людям в нем приходилось идти по узким дорожкам вдоль стен, потому что центральная часть выделялась под транспортеры, мчавшиеся из лифта на заводы со складами или обратно. Через примерно каждую сотню метров в стенах виднелись пазы с задвижками на случай самосбора и эвакуационными выходами. Несколько раз им на пути попадались ответвления в стороны. Отряд Звездина шел прямо по транспортной зоне, выстроившись в боевой порядок — бойцы по периметру с партократом и Андреем в центре. Жители общежития бросали пугливые взгляды на конвой и предпочитали либо ускориться, либо пропустить группу вперед. За двадцать минут ходу им на глаза попался один электрический перевозчик, нагруженный пластиковыми и деревянными коробками. Заметив вооруженных людей, водитель остановился метров за пятьдесят и дождался, пока ликвидаторы минуют его.

В самом конце этого тоннеля-коридора располагался выход на магистральный лифт с огромными створками гермоворот и паре бойниц по каждую сторону от входа. Запрещающие знаки давали понять, что приближаться к таким могли только ликвидаторы или работники транспортной службы. Миновав толстую красную линию на полу, группа остановилась. За ними закрылась шиюзовая перегородка, а бронированные створки наоборот стали открываться. Через полминуты ликвидаторы зашли внутрь и гермоворота так же беззвучно закрылись. Андрей чувствовал сильное волнение, разглядывая помещение — толстые железные конструкции подпирали потолок по центру, внутри которых виднелись огромные квадратные проемы, закрытые бронированными же перегородками — вся система магистрального снабжения была подготовлена к самосборам. Командир отряда перебросился парой слов с главным ликвидатором этой точки и вскоре дежурный скрылся в пункте управления, расположенном по центру помещения в специальной защищенной кабине. Встав прямо напротив входа в лифт с сетчатым ограждением, группа стала ждать.

Минут через десять грохот сверху начал нарастать. Андрей инстинктивно прищурился, глядя вверх, потому что ожидал увидеть нечто грандиозное. Перегородки на потолке с шумом открылись, там показался железный квадрат платформы, который медленно опускался вниз. Послышался грохот остановки — платформа замерла. Двери ограждения автоматически открылись и группа зашла в лифт. Через полминуты платформа начала сначала медленное движение вверх, но быстро увеличивала скорость. Линии этажей, огни, силуэты ликвидаторов мелькали перед глазами все быстрее и быстрее. Андрей чувствовал, как у него захватывает дух. Все выше и выше, наверх двигались они. Мужчина ощущал, как они летели сквозь весь гигахрущ на грохочущей железной платформе.

Через некоторое время они стали замедляться. Когда платформа остановилась, они

оказались в точно таком же помещении, из которого прибыли, с той лишь разницей, что прямо напротив выхода на стене красовались цифра семьсот. Однако, на этот раз отряд пошел не через грузовой вход, а направился к обычной гермодвери

— Ну что, Андрей Викторович, — с улыбкой произнес Звездин, — добро пожаловать к нам наверх!

Андрей непроизвольно поднял брови, будучи уже готовым к тому, чтобы удивляться обителю партии. Они зашли в дверь, прошли по короткому бетонному коридору с коричневыми стенами. Перед ними открылась дверь с бойницей и они вышли в другой коридор — длиннее, с рядами гермодверей по обе стороны и табличками, размещенными под номерами ячеек. Георгий отдал несколько приказов и вооруженная группа двинулась направо в расположение отряда. Звездин же указал Андрей налево и они втроем пошли дальше. Достигли конца, вышли на развилку, свернули в другой коридор, затем поднялись по лестнице на несколько этажей выше и попали в блок, внешне похожий на обычный жилой. Бетонный пол, стены, потолок с лампами, натянутыми проводами и трубой вентиляции. Казалось, что от его собственного этажа здешний отличался лишь большим порядком и аккуратностью, да цветом краски на стенах.

Звездин подошел к ячейке под номером три, открыл ее ключом и распахнул дверь.

— Это ваше жилье на все время пребывания здесь, — сказал он и протянул ключ удивленному Андрею. — Я попросил, чтобы вам приготовили еды на цикл. Но когда закончится, можете обратиться в местный пищеблок, вы уже поставлены там на довольствие. Что же вы стоите? Заходите.

Чувствуя какой-то подвох, Андрей медленно зашел внутрь ячейки, которая так же, как и все остальное, было точь-в-точь похожа на то, что он видел уже сотни и тысячи раз. Стол, стул, диван, шкаф, да красный ковер на стене. Когда Андрей крутился на месте, оглядывая комнату, послышался смех.

— Ой, простите, простите, Андрей Викторович, — Звездин прикрывал рот рукой. — Просто у вас такое лицо, будто вас обманули. Но мы к такому привыкли. Все почему-то думают, что мы тут купаемся в мясных консервах. А получается вон как.

Партократ вновь засмеялся. Пустил свой громкий смешок и Георгий. Андрей смотрел на них с непониманием, держа в руке ключ.

— Ну ладно, ладно, — Звездин постарался придать себе серьезный вид. — Сегодня побудьте здесь. Никуда уходить не следует. На данный момент все специалисты заняты. А завтра утром мы начнем работу с вами. Отдохните. Подумайте о том, что услышали. Соберитесь с мыслями. Может быть, у вас уже будут какие-то вопросы. Сможете их озвучить. Сейчас вам что-нибудь интересно?

— Наверное, нет, — растерянно ответил Андрей.

— Тогда мы вас оставим. Если что — звоните по терминалу. По возможности ответим. Ноль ноль три или ноль один семь, — он еще раз повторил номера. — Будьте готовы завтра к восьми утра. До встречи!

Звездин махнул рукой на прощанье и закрыл гермодверь в гостевую ячейку. Андрей еще раз оглядел ее и медленно стал более подробно изучать помещение. На кухне в картонной коробке лежала еда на целый цикл, а в шкафу несколько наборов чистого постельного белья. Мужчина аккуратно сел на диван, будто боясь испортить его своим прикосновением и постарался расслабиться. С момента пробуждения он побывал в целом водовороте событий и лишь сейчас мог позволить себе немного покоя. Хотя его разум совершенно отказывался

не думать о том, что он услышал и узнал. В беспокойных мыслях и уже новых страхах он провел остаток дня. Он уснул на том же диване, даже не постелив ничего под себя. Помещение это казалось таким же транзитным пунктом его жизни, как и те необитаемые ячейки в серой зоне, которыми путники пользуются для безопасных ночевок.

К восьми утра Андрей был умыт, одет и сыт, и пытался выглядеть свежим и полным сил, хотя недавнее ранение еще давало о себе знать. В восемь ноль пять в дверь постучались и мужчина почти сразу открыл дверь.

— Ну, что, Андрей Викторович, пойдете со мной! Познакомим вас с нашей командой.

В этот раз Звездин был совсем один. Видимо, верхние этажи были настолько защищены от всевозможных угроз, что самые высшие лица передвигались по ним без охраны. За время их пути по блокам, им на глаза попались несколько групп ученых, технические работники, ликвидаторы и пара людей в костюмах. Они, как и жители нижних и средних этажей, тоже шли к местам службы и работы по почти таким же коридорам. Однако обитатели верхних этажей отличались общим настроением — не было в них испуга или обреченности. Вместо этого на лицах читались задумчивость и сосредоточенность. Даже если коридор пустовал, какой-нибудь мужчина или женщина в белом халате замечали Звездина с Андреем в самую последнюю секунду и приветственно кивали, либо же хмыкали что-то, кивая головой. Андрей вглядывался в их лица, особенно, когда те замечали идущих навстречу мужчин — он хотел увидеть признаки того, что его узнавали. К сожалению, никто ничего подобного не проявил.

Они добрались до таблички с надписью «НИИ» и открыли дверь. Внутри шел длинный коридор, очень похожий на то, что Андрей уже видел — обшитые деревянными панелями стены, деревянные же двери и красная ковровая дорожка по всей длине. Ступая по мягкому полу, мужчина читал таблички на дверях — за каждой из них сидел либо руководитель какого-нибудь отдела, либо заведующий какой-нибудь частью или просто узкий специалист. Звездин подвел Андрея к широкому проему с двумя створками и распахнул их. Внутри располагался большой овальный стол с уже сидящими по кругу людьми в белых халатах. Они все тут же обратили взгляды на вошедших. Особенно их интересовал тот, кто всю свою жизнь прожил на нижних этажах и никогда не имел дела с наукой. Чувствуя на себе всеобщее внимание, смущенный Андрей проследовал на стул, куда ему указал Звездин. Два десятка пар глаз внимательно следили за тем, как мужчина занял свое место и только тогда большинство присутствующих отвели взгляд. Мужчина слегка расслабился и сам оглядел зал для собраний.

Звездин встал во главе стола прямо напротив белого экрана под проектор и обвел взглядом всех собравшихся. Хотя в помещении никто не разговаривал, он дождался момента, когда люди перестанут издавать хоть какие-то звуки стульями, ручками или одеждой. Воцарилась абсолютная тишина.

— Приветствую, уважаемые коллеги! — торжественно начал он. В ответ кто-то поздоровался, другие кивнули. — Хочу для начала поблагодарить вас всех за пунктуальность и ответственность. Все этапы нашего проекта и отдельные его части идут строго по плану или с опережением. Я лично убедился в том, что вы все крайне мотивированны и настроены на завершение нашего общего дела. И это несмотря на его неоднозначность, — он сделал многозначительную паузу. — Как вы все видите, в нашем коллективе появился новый человек. Новым его можно назвать относительно, потому что для меня Смирнов Андрей Викторович, — он указал на него ладонью, — человек давным-давно знакомый. И это —

человек науки, хоть и потерявшийся в гигахруще на шестнадцать лет. Так уж сложилось, что он, вероятнее всего — единственный, кто сможет завершить начатое нами. И только он сможет отключить фрактальную установку Победоносцева с минимальным риском нежелательных последствий.

Все то время, пока Звездин говорил, Андрей бросал на присутствующих взгляды и понял, что всю эту речь произносили для него, а не для ученого коллектива. Выглядели они так, будто знали каждую озвученную мысль наизусть.

— И мне бы очень хотелось, — продолжал партократ, — чтобы вы смогли не только объяснить Андрею Викторовичу все необходимые факты. Но и передать ему ваш общий настрой на завершение нашего общего дела. Дела не только нашего дорого научного коллектива. Но и всего гигахруща. Всего человечества! — он вновь выждал некоторое время. — Я не люблю слишком абстрактные высказывания и излишний официоз. Но сегодня мне хочется следующее. Сейчас, прямо в этот момент, мы начинаем этап, который можно охарактеризовать, как начало конца. Конец нашего проекта. И конца всего того недоразумения, в котором мы существуем долгие годы. Конец гигахруща. Но конец нашего проекта будет знаменовать начало. Начало новой эры для всего человечества. И мне бы хотелось пожелать нам всем удачи в этом наиважнейшем деле.

Он обвел взглядом присутствующих, которые один за другим стали хлопать после окончания торжественной речи. Через полминуты весь зал дружно стоял и благодарил овациями Звездина, который едва заметно расплылся в своей неизменной улыбке. Андрею пришлось повторять за остальными. Партократ поднял ладонь, успокаивая коллег и те быстро заняли свои места.

— Нам пора начинать, — вновь заговорил мужчина в костюме. — Прошу вас не торопиться и объяснять все как следует. А вы, Андрей Викторович, слушайте внимательно. И если у вас есть вопросы, прошу вас, задавайте их сразу. Не ждите. От вашей личной заинтересованности будет зависеть дело миллионов. Помните об этом.

Он смерил Андрея длинным серьезным взглядом.

— Хорошо, — гость НИИ закивал. — Я постараюсь.

Звездин достал из портфеля тетрадь с ручкой и положил ее прямо перед Андреем. Потом он отошел в сторону и опустился на один из приставленных к стене стульев, чтобы видеть и выступающего, и гостя. Тут же встал высокий ученый, включил проектор, выведя на экран слайд с надписью «Структура гигахруща и нижних этажей» и стал говорить.

43. Гигахрущ, фракталы и самосбор

Все то время, пока говорил этот высокий худой мужчина с большими толстыми очками, у Андрея возникало ощущение, будто он слышит эхом голос безумца Макара. Глядя на красивые и предельно понятные изображения гигахруща на экране проектора с яркими обозначениями, в памяти всплывали вырванные из обычной школьной тетради листочки с карандашными линиями и пометками шариковыми ручками. И информация, которую Андрей слушал в большом зале собрания для сотрудников НИИ и партии, часто повторяла то, что он уже узнал в заваленной бумагами ячейке безумного (или не такого уж безумного) гигахрущевца.

Несколько слайдов демонстрировали срезы обитаемой части гигахруща — в простонародии общежитие — и отдельные его части. Андрей к своему удивлению узнал, что так называемые верхние этажи, где селилась партократия и научные кадры, оказались не самыми верхними. На семьсот пятидесятом начиналась еще одна зона на сто этажей с жителями, которые ничем не отличались, скажем, от обитателей трехсотого или пятисотого. Прямо над ними начиналась серая зона, которая была чем выше, тем опаснее. И уровни с девятисотого по тысячный входили в особо опасную территорию, на которую не распространялось действие ни партии, ни ликвидаторов. Аналогичные красные зоны можно было видеть по бокам от общежития и в самом его низу. Первые сто этажей часто представляли собой не только крайне опасное место, но и часто неизведанную землю, где еще ни разу не ступала нога уполномоченного исследователя. Однако там внизу яркими красными пятнами, словно воспаленные участки на карте гигахруща, светилось местоположение различных помещений НИИ альтернативной энергии, которые волей самосбора разбросало по серой зоне гигахруща. Их точное положение требовалось уточнять каждые три-четыре цикла, потому что ввиду сильнейших редемптивных самосборов происходило постоянное перестроение и отдельная ячейка могла легко переместиться на пятьдесят этажей в любую сторону — вверх, вправо, влево, по диагонали и даже вниз, где начинался уже новый сектор гигахруща. А значит, как объяснил выступающий, объект под кодовым названием «Шкатулка», становился ближе к другому общежитию.

Общая формальная обстановка и серьезность выступающих очень давили на Андрея, поэтому ему пришлось переступить через собственное стеснение и робкость, чтобы задать интересующий его вопрос. Он будто ученик за школьной партой слегка поднял руку, но выступающий этого не заметил.

— Прошу прощения, Игорь Сергеевич, — зазвучал голос Звездина, — у нашего гостя появился вопрос.

— Да, что такое?

— Вы сказали про другое общежитие, что это значит? — неуверенно начал Андрей. — Там тоже живут люди? Получается, там тоже есть партия и НИИ?

— Да, все верно, — спокойно ответил выступающий, не понимая, что могло вызвать вопрос. Поэтому он некоторое время просто стоял молча, переводя взгляд с Андрея на Звездина.

— Игорь Сергеевич, в представлении подавляющего большинства жилые этажи ограничиваются нашей зоной, — вновь вступил Звездин. — Расскажите, пожалуйста, про другие сектора.

— Я даже не знаю, что вам рассказать, — ученый снял очки и протер линзы платком. — Гигахрущ фрактально множит структуры, в том числе биологические и социальные. Поэтому другие сектора повторяют наш собственный гигахрущ с некоторыми изменениями. Получается, что объект Шкатулка перемещается из нашего нулевого сектора в сектор минус один и может отдалиться от условной границы в пятьдесят этажей.

— Значит, люди оттуда тоже могут получить к ней доступ? — вслух размышлял Андрей.

— Могут, конечно, — закивал головой ученый. — Но, насколько нам известно, они не в курсе ее местоположения. Они ведут работы подобные нашим, но ищут ФУП в своей околонулевой зоне, — он провел указкой по низу карты.

— Он у них тоже есть?

— Вполне вероятно, что там присутствует объект, похожий на наш. Но там лишь фрактальная копия оригинального ФУПа, поэтому она не имеет того значения, который мы придаем нулевой установке.

— Значит, — Андрей сделал паузу, чувствуя, как разыгрывается его воображение, — в каждом секторе есть свой ФУП? Ведь каждый сектор это копия нулевого?

— Это зависит от каждого конкретного сектора. ФУП там может быть, а может и не быть. Ведь фрактальные структуры... — он прервал речь и остановил взгляд на другом человеке в зале. — Я думаю, что об этом лучше расскажет мой коллега. Так ведь, Михаил Никитич? Тогда прошу вас.

Игорь Сергеевич занял свое место и его сменил другой ученый — коренастый седовласый мужчина и тоже в толстых очках. Он зарядил новые слайды в проектор и вывел на экран надпись «Фрактальные преобразования пространства гигахруща». Последующие изображения демонстрировали природу фракталов и то, как они могли бесконечно копировать структуры, внося при этом постоянные изменения в отдельные предметы и помещения. Одна комната могла стать сотней, эта сотня размножалась до тысячи, а затем фрактальная волна захватывала уже этой большой блок и начинала копировать целые блоки и гигаблоки. Внимательно слушая ученого, Андрей вдруг стал переживать странное чувство — будто он уже слышал нечто подобное, хотя информация являлась строго секретной. Он помнил о разговоре с Макаром, но казалось, что чувство дежавю шло откуда-то раньше. Андрей хмурился и закрывал глаза, пытаясь вспомнить, откуда он знал эти факты и удивлялся самому себе, когда предугадывал то, что следующим скажет ученый. Звездин внимательно отмечал для себя всё это и делал какие-то пометки в тетради, довольно улыбаясь.

— ...таким образом, фрактальные волны захлестывают весь участок, — говорил Михаил Никитич, — и копируют в том числе биологические объекты. Даже высокоразвитые. Соответственно при первоначальном формировании гигахруща, сначала копировались отдельные жилые и нежилые помещения. Они заполняли кубическое пространство, получившее обозначение «Нулевой сектор». Далее началось копирование уже этого гигаблока в условные тысячу этажей, которые создавали реплики нашего сектора, но с определенными изменениями — архитектурными, биологическими, технологическими и даже социальными.

Михаил Никитич продолжил говорить дальше, развивая свое выступление, и тоже не заметил, как Андрей поднял руку.

— Андрей Викторович, — вновь вступил в дело Звездин, — я думаю, вам стоит быть поувереннее. Поднимайте руку выше, чтобы вас заметили.

— Вы что-то хотите спросить? — поинтересовался ученый.

— Да, мне вот интересно... — он снова задумался, пытаясь сформулировать вопрос. — Вы можете дать примеры этих изменений? Вы упомянули социальные, технологические, и эти... архи... — он пытался вспомнить слово.

— Архитектурные, — закончил за него Михаил Никитич. — Эти самые простые и их пример я собственно привел, когда говорил о ячейке. Она может бесконечно копироваться, но в каждом новом помещении что-то будет отличаться. Скажем, картина висит в другом месте, диван другого цвета, расположение мебели отличается и так далее. Биологические изменения могут проявляться, скажем, в цвете глаз отдельного человека или его характере.

— То есть там живут те же самые люди? — Андрей удивленно округлил глаза.

— Да, конечно, — он тоже произнес это с таким видом, будто факт был общеизвестным и очевидным. — В других секторах живут копии людей и живых существ из нулевого сектора. Я, вы, они все. Мы привыкли говорить, что в других секторах живут точно такие же люди, как мы, но совсем другие, — он расплылся в довольной улыбке и другие в зале тоже немного просветлели, услышав знакомую шутку. — И эти же изменения касаются социальной структуры их общежитий и уровень развития. Мы, конечно, немного уйдем от темы, но...

Ученый принялся искать в коробочке необходимые слайды и вскоре вставил один из них в проектор. На экране возникло изображение гигахруща в масштабе десяти секторов.

— К данному моменту нам удалось наладить более или менее устойчивый контакт с тридцатью пятью общежитиями. Вернее сказать, теми организациями, которые можно считать их правительствами. Еще о примерно двадцати секторах у нас есть неподтвержденная пока информация. Так вот на основе наших контактов и относительно достоверных данных мы установили, что структура каждого отдельного общества и характер властных структур различен. Одни и те же люди, то есть социальные объекты, скопированные из нулевого сектора, сформировали разные связи. Так, например, в секторе ноль-один-три, — он ткнул указкой на карте, — религиозные структуры после возникновения их сектора стали формироваться намного быстрее светских. Поэтому к пятому гигациклу власть партии и ликвидаторов рухнула и уступила место сразу трем враждующим религиозным государствам.

— И там правят чернобожники? — спросил Андрей.

— Чернобожники в их числе, — ученый кивнул. — Они соперничают с адептами Культа солнца и Пророками Хтони. Стоит отметить тот факт, что их экономическая структура тоже отличается от нашей. Если мы по факту существуем в условиях военного коммунизма, то в секторе ноль-один-три фактически реставрировали феодальную систему. Потому что военачальники и верховные служители культов контролируют отдельные производственные объекты, отрасли и подчиняются верховному клирику, который отдает участки в условное кормление в обмен на лояльность и защиту границ вверенной территории. — он вдруг задумался и через несколько секунд спросил. — Вы ведь не знаете, что такое коммунизм и феодализм?

— Я не знал, — честно признался Андрей. — Но я слушаю вас и у меня ощущение, как будто я все вспоминаю. Словно слышал раньше.

— А, например, в секторе один-один-шесть реставрировали капитализм, — продолжил Михаил Никитич, указывая места на карте. — Вот здесь государственная власть не установилась вовсе и люди живут в анархических коммунах. В соседнем секторе люди по

невьясненной причине большей частью вымерли и выжившие по своему уровню откатились до околорывобытного уровня. Вот здесь люди также построили военный коммунизм, но во главе там стоят избираемые производственными и военизированными коллективами делегаты — аналог догигахрущевских советов. Вот здесь к власти пришли криминальные элементы и установили некий симбиоз олигархически-феодальной власти на капиталистической основе. А вот в этом секторе — правда мы не смогли установить это доподлинно — мутантам удалось построить свое собственное Содружество размером в шесть сотен этажей и фактически прийти к тому, что по слухам, можно определить как коммунизм в самом научном его понимании.

— Откуда вы обо всем этом знаете? Ведь пограничные зоны — особо опасны, и сквозь них невозможно пройти.

— Сквозь них можно пройти, вполне реально. Но это сопряжено с огромным напряжением и неизбежной тратой человеческих ресурсов, — ученый разочарованно покачал головой. — Существуют магистральные пути — лифтовые, железнодорожные, автомобильные — по которым мы проводили экспедиции в соседние сектора и устанавливали контакт. С некоторыми — легко, с другими приходилось вступать в вооруженный конфликт и отступать. Но в целом мы имеем представление о том, что происходит в других секторах. Более того, там, где у власти стоят рациональные руководители, мы осуществляем кооперацию по отдельным вопросам.

— Значит, можно поехать сквозь весь гигахрущ?

— Нет. К сожалению, нет, — вновь покачал головой Михаил Никитич. — У транспортных артерий есть свои ограничения, которые к тому же усиливаются перестройкой гигахруща. Это вызвано мощными самосборами, о которых позже расскажет мой коллега. А пока я еще хочу закончить по теме моего выступления.

Ученый говорил еще минут тридцать, периодически меняя слайды. Андрею очень понравилось его выступление и, наверное, в большей степени потому, что гость НИИ мог в иных местах догадаться и даже закончить за выступающим отдельные мысли. Андрей ничего не знал о фрактальных изменениях других секторов, но когда дело доходило до общей теории, он вдруг ловил себя на мысли, что уже слышал где-то нечто подобное.

Следом к проектору вышла пожилая женщина с глубокими морщинами и редкими седыми волосами. Несмотря на свой дряхлый вид, она очень живо говорила, постоянно мотая при этом головой, будто страдала от какого-то недуга. Собрание шло без перерыва уже более двух часов и Андрей чувствовал, как утомлялся разум от потока информации. Однако, увидев на экране проектора надпись «Самосборные явления», он тут же оживился.

— Я хочу еще раз поприветствовать всех собравшихся здесь, — начала женщина, — и в общем отметить свое негодование по поводу того, что мое выступление будет, пожалуй, самым неясным и основанным на догадках.

— Ничего-ничего, Наталья Георгиевна! — подбодрил ее Звездин. — Тут всем известно, что самосбор непознаваем.

— Да, к большому сожалению он непознаваем на данном этапе развития технологии. Поэтому наши гипотезы и теорию часто приходится строить на догадках и домыслах. Но давайте же приступим.

Она поменяла слайд и принялась рассказывать о самосборе. И снова Андрей слышал эхом слова Макара, вспоминал его рисунки и то, как престарелый безумец пытался с использованием карандашей и собственных рук объяснить природу тех явлений, которые

превращали жизнь гигахрущевцев в кошмар.

— Свои идеи мы в основном строим на предположениях, которые были высказаны в седьмой год от сотворения этого мира. Уже первые компьютерные модуляции карты самосборов позволили указать на определенную закономерность их возникновения. Впоследствии мы определили, что самосборы возникают в связи с фрактальным перестроением пространства, — она стала водить указкой по экрану. — Фрактальные волны непрерывно ходят во всех направлениях под разным углом относительно принятой оси координат. Вот так, так, могут ходить вот так. Даже когда мы этого не замечаем. Как мы предполагаем, самосборы могут возникать по причине того, что накапливают определенный потенциал, которому требуется выход. Скажем так, накапливается критическая масса и происходит ее выброс в наше пространство. Эта теория была высказана товарищем Клинским. Я продемонстрирую вам наглядную модель, — она включила новый слайд. — Есть еще одна теория товарища Шпигунова, — она поменяла изображение, — согласно которой самосборы происходят при нахождении фрактальных волн друг на друга. Однако в данном моменте тоже отмечается накопление определенного критического потенциала.

Она продолжила говорить, объясняя природу самосбора на том невысоком уровне, которого достигли ученые НИИ. Как и было сказано, ничего конкретного они не могли предложить и большая часть информации ограничивалась предположениями и домыслами. Наталья Георгиевна рассказала о простых самосборах, затем описала характер и возможную природу веерных и редемптивных. Андрей ожидал, что выступающая расскажет еще об одном типе, но она почему-то обошла его стороной и перешла к другому пункту.

— Прошу прощения, — уже более смело прервал выступление Андрей, — я слышал еще про самосбор, который называется хтоническим. Такой есть?

— Хтонический, — повторила ученая и, глядя себе под ноги, стала улыбаться. Затем обратилась к Звездину. — Откуда это идет? Давид Макарович распускает слухи?

— Скорее всего, — кивнул Звездин, тоже отвечая улыбкой. — Андрей Викторович имел возможность с ним поговорить.

— Вы про Макара? — Андрей удивленно поднял брови.

— Все верно, — произнес Звездин. — В его блоке он известен именно так.

— Давид Макарович еще в бытность работы в НИИ разрабатывал гипотезу на основе усиливающейся частоты и силы самосборов о том, что грядет новый тип — гораздо более разрушительный, чем все предыдущие, — высказалась ученая. — Нельзя сказать, что она такая уж невозможная, но, судя по его расчетам, хтонический самосбор должен был случиться хотя бы раз. Так, чтобы его зарегистрировали. Но этого не произошло.

— Он мне говорил, — попытался поспорить Андрей, — что хтонический самосбор ничего после себя не оставит и уничтожит вообще все. Свидетелей тоже.

— Он, быть может, и уничтожит абсолютно все, но об этом тоже должны остаться какие-то следы, знаки. Идея очень спорная и я бы не хотела на ней останавливаться. Хотя в одном Давид Макарович определенно прав — грядет новый этап самосборов и, даже если хтонический самосбор не произойдет, большинству, если не всем, обитателям нулевого сектора придется... Ну... — она вновь опустила взгляд.

— Наталья Георгиевна, вы говорите, как есть, — подбодрил ее Звездин. — Мы же ученые. Должны констатировать все, как оно есть на самом деле.

— Это правда, — она опустила взгляд, — но верить в это сердце отказывается. В общем, — она вновь выдержала паузу. — Большая часть гигахрущевцев канет в небытие по

причине того, что самосборы учащаются. И Клинский, и Шпигунов сходятся во мнении, что в данный момент происходит накопление большой критической массы самосборной энергии, которая рано или поздно даст о себе знать. В течение одного или двух гигациклов — смотря чьей теории придерживаться — Клинского или Шпигунова.

И она принялась менять слайды, попутно давая подробное объяснение того, как появлялись самосборы и что ожидало жителей гигахруща. Картина рисовалась самая мрачная.

— Хотя надо признать, что товарищ Патрушев настаивал на том, что новый этап самосбора может характеризоваться непривычными последствиями. Не теми, что мы переживаем сейчас. Скажем, мой коллега в предыдущем выступлении упомянул разные социальные и технологические модели общежитий в различных секторах. Но не сказал о том, что в секторе минус два-четыре-минус шесть зарегистрировали аномальные зоны, в которых время ускоряется. Зоны эти появляются на месте возникновения самосборов сразу или по прошествии какого-то времени. Патрушев предположил, что фрактальные изменения происходят не в трехстороннем пространстве, а, может быть, четырех или пяти, или даже больше. Поэтому как один из вариантов, согласно его теории, может произойти кризис, приводящий к изменению, скажем, временного восприятия. Мы можем проснуться в мире, где каждый отдельный блок или даже ячейка обладают своей скоростью течения времени. Хотя звучит это не так страшно, как чудовища и черная слизь, подобные трансформации приведут к разрушению нынешних социальных и технологических связей.

В зале в этот момент стало беспокойно. Ученые стали тихо высказываться об услышанном и перекидываться друг с другом отдельными репликами. Когда стало поспокойнее, женщина продолжила.

— Но это лишь догадка, я повторюсь. По моему мнению, нам стоит готовиться к усилению привычных самосборов и ожидать, ну скажем... — она наклонила голову и некоторое время молчала. — Залитию в сто этажей. Разовое или поочередное. Или, скажем... Залитие узких пространств типа вентиляционных или мусоропроводных шахт. Или вообще — трубопроводов. На борьбу с такими последствиями не хватит ни сил, ни средств.

Андрей чувствовал нарастающее внутри него напряжение от услышанного. Выдержав паузу, ученая сделала заключение.

— Поэтому, если мы хотим жить, надо быстрее что-то делать.

44. За что вы меня ненавидите?

Вновь стало беспокойно — поднялся ворох отдельных обсуждений.

— Товарищи! Товарищи! — Звездин встал и оглядел зал. — Прошу вас сохранять порядок собрания! У вас будет время обсудить услышанное!

Хотя Звездин казался Андрею железным авторитетом, бурные разговоры затихли не сразу. Партократ оглядел всех присутствующих и, не дожидаясь абсолютного порядка, опустился на свое место.

— Ученые, — с доброй улыбкой на лице произнес тот и махнул рукой.

Вскоре в зале вновь стало тихо и эти воспользовался Андрей.

— Вы знаете, почему возникают монстры? Слизь? Туман? Шорохи?..

Он перечислял все самые распространенные последствия самосбора и хотел назвать еще один, но Наталья Георгиевна тут же стала отвечать на его вопрос.

— У нас опять же нет определенного мнения на этот счет. Если избегать детального разбора существующих теорий и привести их к определенному знаменателю, то... — она задумалась на несколько секунд. — В общем, фрактальные волны создают пространство или объекты на основе уже имеющихся, внося при этом в них определенные изменения. Изменения эти тоже не возникают из ниоткуда, а являются последствием взаимодействия разных волн. Первое соединяется со вторым и возникает нечто третье. Скажем, кальмары, или, вернее сказать, люди-осьминоги, возникли на основе двух живых организмов — людей и осьминогов. Фрактальные волны взяли у первых основу в виде тела, но полностью поменяли организм, добавив к человеческому телу элементы и природу осьминогов.

— Кто такие осьминоги? Не слышал о них, — признался Андрей, вспоминая пособия ликвидаторов.

— Это такие животные из прошлого мира, — вступил в дело Звездин. — Большая склизкая голова с парой глаз и восемь щупалец. Жили в водных пространствах и отличались удивительными способностями, в том числе интеллектуальными. Один военный институт, расположенный рядом с НИИ альтернативной энергии, занимался изучением этих животных с возможностью дальнейшего их использования в военных целях.

— Да, все верно, — продолжила ученая. — После аварии все осьминоги умерли по причине банального голода. А вот их части остались жить в самосборе, — она вновь замолчала. — Так о чем я говорила?

— Об эволюционных процессах, — напомнил Звездин.

— Да, точно. И все живые организмы или, вернее сказать, их элементы или образы взаимодействуют друг с другом во фрактальных волнах самосбора и появляются в нашем мире при накоплении определенной критической массы. Происходит непрерывный процесс изменения. Поэтому твари становятся больше, опаснее, умнее.

— Вы Андрею Викторовичу о черной слизи расскажите, — послышался чей-то голос из зала. — Тем более, это ведь ваша теория.

— Да, все верно, — она смущенно улыбнулась.

— Так что такое черная слизь? — спросил Андрей.

— Есть такой научный принцип о том, что ничего не приходит из ниоткуда и не уходит в никуда. Хотя Бауман, Сакадзе, а затем и Победоносцев смогли пошатнуть этот принцип, создав неевклидовы фрактальные пространства. Но дело в том, что самосборы, как результат

появления подобных пространств, включает в себя черную слизь и я предположила, что она является компенсатором в ответ на появление фрактальной материи. То есть уравнивателем в неевклидовых пространствах, где материя может бесконечно множиться. Дело в том, что мы подсчитали массу черной слизи после появления самосбора и пришли к выводу, что ее хватает ровно настолько, чтобы избавиться от остальных активных или полуактивных элементов. Скажем, если собрать всю слизь после конкретного самосбора и заполнить ею бассейн или ванну, то ее хватит ровно на то, чтобы, скажем так, переварить всех чудовищ, грибы и нейтрализовать дисперсные проявления в виде тумана, например. Хотя это, конечно, невозможно в естественных условиях, но мы считаем, что самосборы и их последствия регулируются таким образом. Я бы даже сказала, что весь гигахрущ, как относительно замкнутая экосистема, саморегулируется через черную слизь.

— Наталья Георгиевна, вы недоговариваете, — с улыбкой произнес Звездин.

— Почему? — искренне удивилась она. — Я что-то забыла?

— Конечно. Ведь ваша теория в том числе касается и конца этого мира.

— Ну она опять же голословная, — ученая вновь посмотрела под ноги.

— И все же? — мотивировал ее партократ. — Андрею Викторовичу будет полезно это знать.

— Как один из вариантов развития нового этапа самосборов я предположила тотальное залитие или увеличение объема черной слизи, которую станет тяжело перерабатывать. Понимаете, люди ведь тоже являются продуктами фрактальной сущности.

— Как это? — остановил ее Андрей. — Ведь люди... Они же пришли из того мира. Разве нет?

— Это правда, но относительно ограниченное количество. Сейчас только по приблизительным подсчетам в гигахруще может обитать до двадцати миллиардов людей. Это самые скромные подсчеты. И абсолютное большинство — это продукты фрактального воспроизводства.

— Но ведь это в других секторах? Почему черная слизь должна залить наше общежитие. Ведь наш сектор — нулевой, — сказал Андрей и вдруг почувствовал едкие сомнения.

— Так ведь у нас тоже полно людей, которые появились в результате первичных трансформаций зарождающегося мира. Или тех, которые мы воспроизвели в ФУПах.

Андрей открыл рот от удивления и стал переводить взгляд с выступающей на партократа.

— Вы копируете людей? Зачем?

— Чему здесь собственно удивляться, Андрей Викторович? — растянувшись в улыбке, спросил Звездин. — Конечно, мы их копируем. У нас в иные сутки бывает до сотни погибших в результате самосбора или по другой причине. Если б мы не стали использовать ФУПы для воспроизводства населения, то наше общежитие к данному моменту уже стояло бы на грани вымирания. Примеры других секторов тому подтверждение.

— Так вы поэтому мешаете людям... — Андрей остановился, думая, как продолжить. — Переезжать. И менять работу.

— Да, конечно. Хотя не только. Тут несколько факторов.

— Мне не стоило об этом говорить, да? — виновато спросила Наталья Георгиевна.

— Нет-нет, что вы! — Звездин успокаивающе помахал рукой. — Андрей Викторович должен знать все, что знаем мы, — он подмигнул гостю НИИ.

В голове вдруг закружились мысли — сначала одна, затем целый ворох — и Андрей

почувствовал, как быстро теряет спокойствие. У него даже закружилась голова.

— Так это значит... Получается, что в другом секторе есть мой сын? Значит, их там много?

Он посмотрел на выступающую, но та перевела взгляд на Звездина, не понимая, о чем идет речь.

— Да, все верно, — ответил партократ. На этот раз серьезно. — Там может быть целая сотня копий вашего сына в различных секторах гигахруща. Где-то он будет повыше, где-то пониже, где-то с другим цветом глаз. Я, кстати, еще сильнее взволную вас, но где-то там может быть ваша супруга. Живая. Целая и невредимая. Но тут мне стоит вас сразу разочаровать. Как правильно упомянул Игорь Сергеевич, в других секторах живут точно такие же люди, как мы, но совсем другие. Николай в секторе ноль-ноль-один будет лишь внешне вашим сыном. И, кстати, у него есть свой отец, которого тоже зовут Андрей Викторович. Поэтому не обольщайтесь. И не тешьте себя надеждами. Ваш сын погиб. Егс забрал самосбор.

Присутствовавшие на собрании наблюдали за тем, как меняется выражение лица Андрея. Некоторые даже подловили себя на мысли, что Звездин поступил неправильно, упомянув смерть ребенка. Возбужденная радость надежды постепенно сменилась подавленностью и скорбью в глазах. На несколько секунд в них вдруг загорелась непонятная искра и Андрей даже открыл рот, думая что-то сказать, но оглядел помещение и предпочел молчать.

— Я так понимаю, что мне можно продолжать свое выступление? — нарушила тишину женщина-ученый. — Тем более, мне осталось недолго.

Она еще минут двадцать делилась всем необходимым, что могло помочь Андрею войти в курс дела. И хотя он пытался слушать ее, в голове металась та самая мысль, которую он постеснялся озвучивать. Он все ждал, когда Наталья Георгиевна сама, может быть, дойдет до нее в своей речи, но этого не произошло. Когда она закончила свою часть и заняла свое место, Звездин встал и огласил обеденный перерыв. Собравшиеся стали подниматься со своих мест, попутно обсуждая вопросы науки о гигахруще. Андрей же повернулся к Наталье Георгиевне и выжидал момента, когда сможет с ней поговорить. Та собрала свои бумаги со стола и положила их в папку, затем направилась к выходу. Глядя на Звездина, который обсуждал что-то с парой ученых, Андрей незаметно от него последовал за женщиной. Он нагнал ее на ближайшем повороте.

— Наталья Георгиевна! — он схватил ее под локоть, чтобы та остановилась.

— Да, что такое? — она удивленно посмотрела на гостя НИИ.

— У меня к вам есть вопрос... — смущенно произнес Андрей.

— Так что же вы не спросили сразу? Я бы ответила сейчас, но голодна, честно признаться.

— Позвольте я провожу вас? Мой вопрос личного плана.

— Ну что же, тогда пойдёмте со мной. Расскажите по ходу.

Радостный Андрей встал сбоку от женщины и последовал вместе с ней по коридору.

— Так что у вас за вопрос?

Теплые эмоции на душе моментально сменились смущением. Андрей столько раз объяснял суть проблемы, но каждый раз ужасно смущался.

— Мой сын пропал много циклов назад, — стараясь говорить негромко, начал мужчина. — Он открыл дверь во время самосбора. Но мне кажется, что он не умер. Потому

что я слышал его несколько раз. Он приходил ко мне во время последующих самосборов. И мне кажется, что он не умер. Что он жив. Мой сын Коля разговаривал со мной. Не просто говорил, а отвечал на вопросы. Понимаете?

Женщина внимательно слушала Андрея, но когда тот закончил, она подняла на него удивленные глаза.

— Разве вы не слышали про иных? Ведь это один из классических вариантов. Погибший человек подхватывается фрактальными волнами и впоследствии его голос может звучать во время самосбора. Это обманка. Крючок, на который цепляют сентиментальных жителей.

— Я понимаю, да, — чувствуя дрожь в голосе, ответил мужчина. — Но понимаете, я не просто слышал его из-за гермодвери. Коля, мой сын, разговаривал со мной до самосбора. И предупреждал меня о его начале. И знаете... — он несколько секунд боялся озвучить ученому. — Я даже видел его.

— Видели, да? — его спутница взглянула на мужчину и поправила очки. — И как это было?

Поначалу Андрей шел молча, думая, что она принимает его за сумасшедшего. Они вышли на лестницу и стали подниматься. Спустя полминуты она взглянула на него снова.

— Ну? Вы что, не помните?

— Я помню, — он мотнул головой. — Прекрасно помню. Мы выдвинулись на самосбор. Я в составе отряда ликвидаторов. Мы уничтожали один самосбор, но он оказался веерным и нам пришлось отступать. Я услышал его голос. Он сказал мне дождаться его. Мой сын говорил со мной, понимаете? Я вызвался прикрывать отход и остался один на лестнице. Вот точно на такой же. Стоял там и ждал сына, — он указал рукой на площадку и взглянул на спутницу. Та, казалось, внимательно его слушала. — И началось такое свечение. Яркое, желтое. И в этом свечении появился мой сын. Я говорил с ним, как сейчас говорю с вами. И он рассказал мне о том, что сейчас... Как бы это сказать? Что он...

— Живет в другом мире? — предположила женщина.

— Да, точно. Что он живет в другом мире. И что там хорошо. Что там нет страданий, боли. Что он ничего не боится. И еще он сказал, что там его мама. Моя жена. Какой-то другой мир, более лучший. И мой сын там. Он пообещал прийти ко мне еще раз.

— Я понимаю, — она кивнула и указала на проход. — Нам сюда.

Они покинули лестницу и двинулись по коридору в сторону жилья Натальи Георгиевны. Она почему-то ничего не говорила.

— Что вы думаете об этом? — вновь заговорил Андрей. — У вас есть какие-то предположения? Где мой сын?

— Это очень интересный вопрос, — не глядя на него ответила женщина. — Но мне неудобно говорить на ходу. Я приглашаю вас к себе на обед. А заодно расскажу, что мне известно.

Мужчина поймал себя на мысли, что ощутил ту неописуемую радость, словно стал на один шаг ближе к сыну. И хоть он пытался отогнать это чувство, вспоминая слова Звездина, радость никак не хотела отступать.

Вскоре они добрались до ячейки Натальи Георгиевны. Жилое помещение казалось точной копией того места, куда поселили Андрея. Единственными отличиями были цвет ковра и наличие двух шкафов вместо одного. Он тут же вспомнил недавно прослушанное выступление. Хозяйка пригласила Андрея на кухню и они расположились за столом. Вскоре она поставила туда две тарелки с подслащенным концентратом и кружки с грибным чаем.

Пока она молча ели, мужчина боролся с сильным желанием прервать обед своими вопросами.

Когда тарелки опустели, женщина отхлебнула чая и к счастью Андрея начала говорить.

— То, что вы поведали, мы слышали уже не раз. К сожалению, какому-либо научному анализу подобные истории подвергать невозможно. Это все остается на уровне личных рассказов, понимаете? — в ответ мужчина помотал головой. — Ну как вам объяснить? Мы можем собрать черную слизь и вычислить ее объем. А вот поговорить с призраками вернувшихся из небытия у нас не получается. Мы, конечно, имеем задокументированные рассказы очевидцев, но не более того. Я это все говорю к тому, что какой-то научно обоснованной информации здесь еще меньше, чем о том, что я говорила раньше. Вы понимаете?

— Понимаю. Теперь понимаю.

— Этим вопросом заинтересовался Патрушев. К большому сожалению, его здоровье дало слабину и он скончался вскоре после того, как стал размышлять по поводу таких встреч. Материал крайне ограниченный, честно признаться. И вам бы, конечно, поговорить с Патрушевым, но увы, — в голосе послышалась грусть.

— А вы что знаете? Где может быть мой сын?

— Совсем немного, — она сделала паузу. Затем вдруг поменяла тему. — Скажите, Андрей Викторович, вы меня не помните?

— Нет, — удивился Андрей. — Я должен вас помнить?

— Скорее нет, чем да. Я ведь работала в научном городке еще в том мире, до аварии. Правда не в вашем НИИ, но смежном. И Звездин даже показывал мне фотографию, на которой вы и я стоим среди других ученых.

— Значит, вы были на испытаниях в момент аварии?

— Нет. Конечно, нет, — она слабо улыбнулась. — Я работала в другом НИИ. И потеряла память наряду с подавляющим большинством всех тех, кого захлестнул ФУП. Все же удивительно, как Звездину и десятку других ученых удалось поставить на ноги всю работу. Ведь они восстанавливали и организовывали функционирование НИИ и в целом властных структур буквально с нуля. Я была одной из тех, кому очень оперативно восстанавливали память. И мы в первую очередь работали над тем, чтобы выявить причину сбоя. И по возможности устранить все те последствия, которые вы вызвали.

— Я? — глупо переспросил Андрей. — Вы уверены, что я?

— Конечно, вы, — спокойно ответила женщина. — Звездин ведь рассказал вам все.

— Рассказал. Но я ничего не помню. Тот мир я совсем не помню, — суетливо оправдывался Андрей.

— Успокойтесь, пожалуйста, — на ее лице вновь появилась слабая улыбка. — Я не обвиняю вас.

— Тогда к чему вы это все говорите? — нахмурившись, спросил Андрей.

— Я просто вспомнила первые дни этого мира. Когда старый мир вдруг рухнул, оставив нам лишь жалкие осколки прежнего. И мы порой сами могли выбирать, какие из них лягут в основу чего-то нового, — она погрузилась в воспоминания. Потом вдруг засмеялась. — Звездин — настоящий воинствующий материалист. Он запрещал какие-либо упоминания религии и разных идеалистических учений, потому что стремился построить этот мир на полностью научной основе. К его сожалению, был товарищ Кузнецов, быстро основавший свою собственную религию. Да и в других частях гигахруща стали появляться мистические

учения. Такова, наверное, природа людей. Тогда Звездин и рассказал мне о том, что некоторые учения здесь, в гигахруще, самым удивительным образом повторяли религиозные учения из того мира.

Она отпила из кружки, которая становилась все холоднее. Андрей внимательно слушал рассказ женщины.

— Константин Павлович рассказал мне о тех, кто поклонялся человеку, которого прибили к деревянному кресту. Этот мученик по имени Иисус Христос рассказывал людям о том, что есть несколько миров. В одном люди живут временно и постоянно страдают, болеют, бояться. Умирают в муках. Этот был тот самый мир, в котором Иисус проповедовал свое ученье. Он говорил о том, что грешники попадут в еще более жуткий мир, где страдать придется бесконечно. Название тому миру — ад. Понимаете, к чему я? — она подняла уставший взгляд.

— Нет, честно признаться. Не понимаю.

— Иисус рассказывал еще о третьем мире, который он назвал раем, — ничего не поясняя, продолжила она. — Это то место, где нет ни боли, ни страха, ни страданий. Куда уходят праведники. И живут в том мире вечно, но уже пребывают в постоянном блаженстве, радости.

— Это же просто сказки. Такие же, как у Чернобога. Как это относится к моему сыну?

— Патрушев чувствовал, что близится его смерть и стал сентиментальным. Вспоминая ученье Христа, он стал задаваться вопросом, куда попадет после смерти — в ад или рай. Плохой мир или хороший, — она вдруг улыбнулась. — Как-то раз он стал рассуждать при мне, что в аду живут черти, чудовища, монстры. Там постоянно кипит смола на манер нашей черной слизи. И людей бесконечно сжигают за их грехи. Прямо как ликвидаторы сжигают мутантов. Старик Патрушев предположил, что мы уже в аду, значит ему только в рай. А я лишь в шутку сказала, что адом наше место быть не может, потому что черти приходят к нам очень ограниченно в рамках времени и пространства. Через несколько дней он разработал новую гипотезу и даже предложил сделать меня соавтором. Он предположил, что фрактальные трансформации происходят не только в трех привычных измерениях и четвертом временном. Но есть еще несколько измерений, существующих параллельно нашему, которые тоже являются продуктом ФУПа. Самосборы — это те критические моменты, когда фрактальные волны разных миров сходятся в одной точке. И таким образом возникают проходы, через которые существа из того мира приходят к нам. А мы, люди, можем попасть в другие миры через те же проходы. Скажем так, происходит взаимообмен.

— И что? — спросил Андрей, хотя чувствовал, к чему клонит собеседница.

— Если верить идеям Патрушева, то ваш сын ушел в лучший мир. Как вы сами сказали, туда, где нет боли, страха и страданий. Он живет в таком месте, о котором все мы можем только мечтать.

— Получается, он жив? — с надеждой в голосе спросил Андрей.

— Он жив вот здесь, — она вдруг ткнула его костлявы пальцем в грудь. — Он жив в вашем сердце. Но вот здесь, — он слегка постучала его по голове, — вы должны четко понимать, что вашего сына больше нет. В этом мире он умер.

— Значит, я могу попасть к нему? Если моя жена там, и мой сын там? — вслух рассуждал он, совершенно не понимая, к чему та клонила

— Вы? Попасть в рай? — она усмехнулась. — После того, как заточили двадцать миллиардов человек в бесконечном бетонном лабиринте?

— Но я не помню... — начал он.

— Перестаньте! — неожиданно грубо вдруг прервала она. — Просто подумайте о том, сколько хорошего и сколько плохого вы сделали за свою жизнь. И попытайтесь взвесить. Вот тогда и поймете, что вас ждет после смерти.

На кухне воцарилась тягостная неприятная тишина. Андрей сначала с неприязнью смотрел на старую женщину, но потом ему в голову стали прокрадываться мысли о собственных деяниях.

— Хотя будь моя воля, — начала Наталья Георгиевна, — я бы оставила вас здесь, в гигахруще, навечно. Но так, чтобы вы всегда были один. Чтобы вас всегда преследовали монстры и нужда. Чтобы вы каждый день и каждую секунду страдали оттого, что переживают все обитатели гигахруща. Но чтобы в то же время вы всегда ощущали близость сына и надежду, что он к вам вернется. Тешили себя мечтами, — она полминуты молчала. — Хотя это все уже так. Осталось придумать, как заставить вас существовать здесь вечно.

У него не было желания перебивать женщину, но Андрей чувствовал жуткую несправедливость из-за того, что на него навешивают всю ту дикость, что постоянно творилась в гигахруще. Ощущая кипящие внутри чувства, он думал было воскликнуть или даже закричать, что не помнил ничего из прошлого мира, и они не имели права его обвинять. Но почему-то не нашлось сил выдавить из себя хоть слово.

Наталья Георгиевна взглянула на часы.

— Через двадцать минут закончится перерыв. Вы сможете дойти сами?

Он молча поднялся и направился к выходу, чувствуя, как от переживаний кружится голова. Уже стоя возле двери, он непривычно громко обратился к хозяйке.

— За что вы меня так ненавидите?

— В том мире у меня остались муж и двое детей, — донесся слабый голос хозяйки. — Которых я никогда не увижу. Так что, считайте, вам повезло.

— Почему?

— Потому что вы хотя бы изредка видите своего сына.

Безмолвный Андрей еще некоторое время стоял, держась за ручку, и думал о разговоре с женщиной. Затем открыл гермодверь и направился обратно в зал собраний.

45. Завод по производству сырья

Андрей вернулся одним из первых и занял свое место. Из угла на него смотрел Звездин с таким видом, будто знал о разговоре, который произошел между ним и Натальей Георгиевной. Та подошла за пять минут до начала второй части собрания и внешне себя никак не проявила. Она молча зашла, села за стол и достала записную книжку с ручкой. Андрей изредка поглядывал на нее, но общаться с ней больше не хотел. Он все думал о том, в чем обвинила его она, а до этого Звездин, и никак не мог согласиться с тем, что на него вешали такое громадное преступление. Он вновь стал думать о том, что партократ его обманывает, смеется над ним и ведет куда-то, а куда — одному ему известно и понятно. От навязчивых мыслей стала быстро пухнуть голова, но начало второй части немного его спасло.

Он пытался вслушиваться в речь очередного выступающего, который на этот раз говорил о местоположении тех самых точек, чьи координаты так требовал Макар. На экране проектора возникла карта нижних этажей гигахруща с ярко красными отметками различных частей разбросанного по разным местам НИИ. Худощавый молодой человек, чье имя Андрей прослушал, пытался объяснить не только сложность их поиска и определения координат, но и того, как добраться до самого ФУПа, лежащего где-то в недрах необитаемой зоны. К данному моменту было известно точное положение трех из них, но требовалось узнать еще минимум пять, чтобы иметь возможность указать на карте искомую точку. Андрей пытался сосредоточить внимание на монологе выступающего, но постоянно соскальзывал на мысль о сыне и несправедливых обвинениях в свой адрес.

Следующим к проектору вышел мужчина с черными усами и густой шевелюрой. Его имя Андрей тоже прослушал, как и тему выступления, потому что никак не мог оторваться от навязчивых дум. Однако в какой-то момент стал переживать то самое чувство, когда ему казалось, что он знал то, о чем никак не мог знать. Глядя на экран, он видел схематичное изображение какого-то устройства и почти сразу понял, что видит фрактальную установку Победоносцева. Андрей тут же позабыл, что его только что тревожило, и стал внимательно слушать выступление ученого. Тот сначала давал общее описание, предназначение и характеристики устройства, затем прошелся по основным принципам его работы. Выступающий относительно часто менял слайды, демонстрируя разные планы и отдельные части установки. Его речь заняла меньше часа и когда мужчина собрался занять свое место, Андрей разволновался, думая о том, что можно было спросить.

Переживания быстро улетучились, когда на к экрану вышел другой ученый по фамилии Брагин, который продолжил выступление предыдущего мужчины и стал более подробно рассказывать о принципах работы устройства и необходимых ресурсах. Через двадцать минут он принялся выводить на проекторе схемы электропитания и тут Андрея стали переполнять странные чувства. Глядя на линии самых разных цветов — голубые, красные, розовые, зеленые — Андрей вдруг ощутил, что видит за ними не просто безликие схемы, а нечто конкретное. В бытность работы на заводе он видел подобные схемы при ремонте станков и они также вызвали интерес. Здесь же у него появилась буквально физическая потребность увидеть эти разводки вживую, чтобы подтвердить свои ранее скрытые способности.

Это волнение заметил и Звездин, все время внимательно наблюдавший за объектом

своего главного исследования. Он вел Андрея Викторовича по пути, который выводил долгие гигациклы и ему было особенно приятно наблюдать за тем, как его расчеты и предположения подтверждались один за другим. Иной раз Константин Павлович испытывал сильное желание вскочить и пуститься в пляс, но он, конечно, сдерживал себя и максимум, что позволял себе — улыбнуться.

Вторая часть дня для Андрея пролетела незаметно. Когда собрание закончилось, он еще некоторое время сидел с таким видом, будто не понимал, где очутился и что ему делать. Когда остальные участники собрания уже обсудили все, что хотели, и стали постепенно покидать зал, тот все еще сидел на своем стуле и растерянно хлопал глазами. Довольный Звездин приблизился к гостю НИИ.

— Что же вы сидите, Андрей Викторович? Может быть, вы что-нибудь хотите спросить?

— Нет. То есть да, — засуетился мужчина. — Сейчас рассказывали про устройство ФУПа. Я бы хотел на него посмотреть. И мне хочется увидеть электросеть. И станцию питания. И переходники. И вообще все.

— А что вы так заволновались то? — подтрунивал над ним партократ. — Да и зачем вам все эти электродела? Вы же наладчик трубопрокатной линии и ничего в электрике не понимаете.

— Я не понимаю, — согласился Андрей, но тут же запротестовал. — Хотя вообще понимаю. Я смотрю на эти схемы и у меня чувство, будто я с ними когда-то работал. И чувствую, словно могу с ними поработать прямо сейчас.

— Да что вы говорите? — он растянулся в улыбке. — У вас будет возможность увидеть в живую действующие модели ФУПов меньшего размера и мощности. А потом вам покажут полноразмерную модель ФУП-4 в помещениях, имитирующих оригинальные, в которых располагается искомая шкатулка.

— Это интересно, — слабым от волнения голосом произнес Андрей. — Скорее бы.

— Это произойдет уже завтра. Сегодня была часть теоретическая, а завтра вы приступите к практическому ознакомлению с установкой. Вечером постарайтесь успокоиться и отдохнуть, чтобы завтра поработать на полную. На-вот, возьмите, — Звездин достал из кармана пластинку с таблетками и отломил один ряд. — Это снотворное. На всякий случай.

Совет Звездина хоть и прозвучал банально, но таблетки оказались как нельзя кстати, когда уже за двенадцать ночи Андрей не мог уснуть. Он все крутился с боку на бок и громко вздыхал, понимая, что никак не может выгнать из головы навязчивые мысли. Насмешливое лицо партократа сменялось отдельными репликами Натальи Георгиевны, которые отдавались в голове ударами. Он вспоминал последнюю встречу с Колей и тем объяснением самосбора, которое услышал. Закрывая глаза, он видел перед собой детальные чертежи ФУПа и электропитания, которые, казалось, он выучил наизусть. В конце мужчина сдался и выпил сразу три таблетки, запив их двумя стаканами воды. Остаток ночи он проспал словно убитый.

На следующий день Андрей был готов к условленному времени и сидел напротив двери, ожидая стука. Звездин, словно издеваясь над ним, опоздал на пятнадцать минут.

— Почему вы не вовремя? — раздраженно спросил Андрей, когда партократ наконец объявился. — Мы же приходем с опозданием.

— Не волнуйтесь вы так, Андрей Викторович! Никто без нас не начнет. Вы, можно сказать, главное действующее лицо.

— И все равно, пойдёмте быстрее, — настаивал мужчина.

Всего через тридцать минут они подошли к проходной, над которой висело название «Завод по производству сырья». Несмотря на то, что завод располагался внутри полностью защищенного периметра, он имел такую защиту, будто был окружен серой зоной. Гермодверь на входе оцетинилась бойницей, а внутри их встретили сразу пять ликвидаторов. Звездин провел его по короткому коридору, они прошли через еще одну гермодверь и оказались в длинном светлом помещении с несколькими тонкими дверьми. Там их уже ждал Брагин.

— Приветствую! — радостно поздоровался Звездин. — Прошу прощения за опоздание!

— Ничего страшного, Константин Павлович. Мы как раз заканчиваем подготовку третьей камеры. Можем начать с нее.

— Это будет логично, — он повернулся к Андрею. — Пройдемте.

Они зашли в одну из дверей и проследовали по узкому проходу метров двадцать длиной. До самого конца. Брагин привел их в помещение, которое напоминало пункт управления. Вдоль длинной стены тянулось окно со стоящей под ним аппаратурой, за которой сидело трое операторов. Они один за другим посмотрели на тех, кто вошел и вернулись к своей работе. Перед ними светились кнопки и блестели множество ручек, рычажков и тумблеров.

— Камеру очистили? — спросил Брагин у одного из операторов.

— Камеру освободили, — ответила молодая женщина. — Сейчас заканчиваем очистку. Осталось еще пару минут. Там третья бригада.

— Образцы подготовили?

— Они доставлены в зону ожидания. Как только бригада закончит очистку, можем начинать.

— Что же вы стоите так далеко? — тихо спросил Звездин. — Подойдите поближе, посмотрите, что там происходит. Это камера ФУПа.

Андрей сделал несколько неуверенных шагов вперед и встал за спиной одного из операторов. За окном было видно большое производственное помещение метров шесть в высоту, по центру которого стоял механизм, похожий на горизонтально расположенную цистерну с дверью с одной стороны, к которой вела конвейерная дорожка. К цистерне со всех сторон тянулись трубы и провода в связках. Несколько рабочих, облаченные как ликвидаторы в защитные костюмы и противогазы, что-то делали внутри аппарата, пока другие осматривали подходящие к нему шланги.

Через пару минут Брагин нагнулся к центральному пульта и нажал на кнопку включения микрофона.

— Николай Петрович, вы долго еще там? Время начинать. Выбиваетесь из графика.

Один из рабочих внизу жестом указал, что они скоро закончат и обозначил время ожидания в одну минуту. Они действительно очень скоро доделали свою дело и один за другим стали покидать камеру. Остался лишь Николай Петрович, который помахал рукой, чтобы привлечь внимание.

— Вы готовы? — через микрофон спросил Брагин. Последовал жест утвердительного ответа. — Тогда располагайте образец в установке.

Две рабочих вывезли тележку с лежащим на нем брусом металла не больше метра в длину. Они подкатили тележку прямо к дверце цистерны. Николай Петрович взял образец и аккуратно переложил его на площадку перед ФУПом, затем затолкнул его внутрь и закрыл дверь.

— Покинуть помещение, — приказал Брагин в микрофон.

Когда в производственном зале никого не осталось, он снова заговорил.

— Показатели в норме? Питание стабильное? Отвод жидкости работает? — получив три утвердительный ответа, он продолжил. — Тогда включайте!

Андрей чувствовал, как его охватывает волнение от предстоящего зрелища. Секунды тянулись томительным ожиданием, пока рабочие готовили установку, а операторы щелкали клавишами и тумблерами в процессе подготовки. Раздавался писк аппаратуры, загорались и тухли разноцветные лампочки. Все присутствующие молчали, наблюдая за электронными табло или цистернообразной установкой в центре зала. Андрей ожидал, что в тот момент должно было произойти что-то подобное чуду, яркое и удивительное. Однако, шли минуты и ничего не менялось. Аппаратура пикала, мигала, а операторы большей частью следили за показателями. Разочарованный мужчина оглядел присутствующих и остановил взгляд на Звездине, который с интересом наблюдал за гостем завода.

— Вас что-то интересует? — спросил партократ.

— Когда все начнется? Когда установка заработает?

— Она уже работает, Андрей Викторович, — он взглянул на настенные часы. — Три с половиной минуты уже.

— Странно. Я ожидал большего, — честно признался мужчина, из-за чего Звездин усмехнулся.

— Наверное, после всех этих разговоров вы ожидали увидеть здесь нечто волшебное, я правильно понимаю? — последовал кивок. — Нет, здесь все буднично. Мы загружаем материал в установку и в течение определенного времени идет его фрактальная генерация. Ведь я все верно объясняю?

— Да, все верно, — ответил Брагин, не поворачиваясь. — Строго контролируемая фрактальная генерация на малой мощности. Через шесть минут прекратим подачу тока и посмотрим, что у нас получилось.

— Вы ведь сегодня экспериментируете? — поинтересовался Звездин.

— Немного изменили привычные настройки, — Брагин слегка повернулся к собеседникам. — Планируем снизить колебания качества, чтобы продукт был ближе к образцу.

— Повышаем уровень продукции! — с улыбкой ответил Звездин.

Через несколько минут Брагин отдал несколько команд и операторы сначала снизили мощность установки, затем полностью ее отключили. Цилиндрическая машина прекратила работу, но в дело включилась мощная вытяжка и водяной отсос.

— В процессе фрактального производства возникает черная слизь и ядовитые испарения, — объяснил партократ. — Поэтому после завершения процесса генерации материала, мы проводим обязательную чистку.

Вскоре в помещении появились несколько рабочих с тележкой. Один из них открыл дверцу установки и стал доставать оттуда стальные брусья и перекладывать их на ленту работающего конвейера. На другом конце ленты другие рабочие один за другим перекладывали металл на тележку. Когда та заполнилась, они ее увезли и на их место пришли двое других рабочих с аналогичной тележкой. Через несколько минут рабочий достал последний брус и приклеил к нему ярлык.

— Это тестовый образец, — объяснил Звездин. — Отправиться на исследования и мы выясним, насколько он отклоняется от оригинала. А в целом впечатляет, не правда ли?

— Наверное, — Андрей пожал плечами. — Странно, что я не чувствую того, что было вчера.

— Посмотрите туда, — партократ указал пальцем на идущие по стене кабеля. — Можете предположить, за что они отвечают и куда идут.

— Да, — после некоторой паузы ответил мужчина. — Думаю, да.

— Вот и славно. Эта установка отличается от оригинальной, поэтому вчерашних чувств вы сегодня не переживаете. На данный момент вам надо вспомнить общие основы и принцип работы устройства. А потом пообщаетесь с нынешними специалистами по обслуживанию. Поработаете с масштабной моделью. Все будет. Все будет, — он завершил свою речь улыбкой.

Остаток того дня и последующие за ним сутки Андрей провел почти все время на заводе по производству сырья. Его водили из одной камеры в другую, где демонстрировали работу установок и продукцию этого секретного предприятия. В разных отделах и помещениях завода производили металлы, дерево, резину, твердое и жидкое топливо, чистую воду и даже еду. Все, что было необходимо для нормальной жизни в гигахруще появлялось здесь. Оттуда все материалы погружались на электрические транспортеры, которые развозили продукцию по другим заводам и складам на просторах общежития.

Наблюдая за работниками, операторами и инженерами, Андрей быстро учился. Звездин и Брагин, постоянно присутствовавшие рядом с ним, либо прямо, либо как-бы невзначай задавали вопросы, чтобы проверить его понимание процесса и чаще всего оставались удовлетворены услышанным ответом. Андрей сам часто интересовался тем или иным аспектом производства и даже высказывал желание сесть за пульт или одеть защитный костюм, чтобы самому чистить, загружать и разгружать фрактальные установки. Однако ему вежливо давали понять, что его время для практического ознакомления еще не пришло.

— Почему вы не показываете мне последнюю камеру? — в конце третьих суток спросил Андрей, когда они принимали концентрат в столовой.

— Вы о макете? — озадачился Звездин. — Его вам покажут завтра или послезавтра. Там завершают строительные работы.

— Нет, я говорю о рабочей камере, — он сделал паузу, чувствуя тяжесть последующих слов. — Там, где вы производите людей.

— А, вы про это, — лицо партократа сохраняло серьезность. Он оглянулся, чтобы рядом никого не было и понизил голос. — Эта часть производства вынесена в отдельное место. Тут его нет. Это, знаете ли, процесс специфический.

— Вы мне его покажете?

— Нет, мы не считаем это нужным. Техническая сторона там мало чем отличается от этого завода. А вот с точки зрения гуманности... — он поднял пронзительный взгляд. — Не каждый выдержит то, что там происходит.

— Почему?

— Как и на любом производстве, там есть определенный процент брака. В производстве человеческого материала этот процент еще выше ввиду сложности организма.

— Что вы делаете с... — он выдавил из себя последнее слово, — браком?

— Приходится его ликвидировать, — спокойно ответил Звездин.

— Как ликвидировать? — Андрей открыл рот от удивления и ужаса.

— Так же, как мы ликвидируем чернобожников, бандитов или мутантов. Брак производства человеческого материала — это по сути та же мутация в результате неудачного

фрактального деления. Вы же сами таким занимались в службе ликвидаторов, так?

— Да. Наверное.

— Ну вот. Мы делаем то же самое. На вас прямо лица нет! — Звездин совершенно не к месту улыбнулся. — Не переживайте вы так. Ликвидация происходит при спящем организме. Все случается максимально гуманно. Да и процент качества продукции неуклонно растёт.

Минуту Андрей сидел молча, чувствуя, что концентрат не лезет в горло, а голова начинает кружиться. Он поднял тяжелый взгляд на партократа и заговорил сквозь зубы.

— Как вы можете? Это же не болванки. А люди.

— Мы можем точно так же, как могли вы в службе, — он пожал плечами и буднично выдавил себе в рот порцию из тубика. — Мы это делаем не по злему умыслу, а только по причине строгой необходимости. Кто будет замещать ликвидаторов? Заводчан? Служащих? Кто будет заселять пространства серой зоны при необходимости?

Андрей покачал головой и вновь погрузился в раздумья. Внезапно в голове возник образ настольной игры.

— Вы так спокойно об этом говорите. Словно играете в шахматы. Люди для вас не люди. А лишь фигурки на поле.

— Честно признать, я не большой фанат шахмат, Андрей Викторович. Поэтому развивать ваши образные сравнения не хочется. Но одно сказать необходимо, — он поднял палец вверх. — Мы тут не в игры играем. А пытаемся выживать. Даже не так, нет. Мы пытаемся заставить человечество выжить. Человечество здесь — в гигахруще. А может быть и там — в том мире, — он несколько секунд думал о том, что сказать. — Я в курсе вашего разговора с Натальей Георгиевной и представляю ваше чувство относительно того, что вас обвиняют в главном смертном грехе этого мира. Поэтому не стану разжигать ваши негативные чувства пустыми обвинениями. Ведь вы ничего не помните. Скажу лишь, что этот мир создал не я. И будь моя воля, я бы все это прекратил мгновенно. Однако, это мне одному не под силу. Поэтому я хочу сказать вам на будущее. Если у вас будет дилемма, что делать — строить свое уютное счастье со шторами и образом сына в самосборе. Или помочь всему человечеству. То вспомните всех тех, кто гибнет каждый день в этих самых самосборах. И тех, кого приходится умерщвлять после фрактальной установки, чтобы другие, те, которые все еще живут, имели эту возможность жить.

Звездин еще несколько секунд пристально глядел на Андрея. Затем молча поднялся и направился к выходу, оставляя мужчину наедине с недоеденным тубиком концентрата на столе и мрачными мыслями.

46. Старая фотография

Через два дня после разговора в столовой Звездин зашел в восемь утра за Андреем и сказал тому следовать за ним. Сначала они шли обычным путем на завод по производству сырья, однако на одной развилке они поменяли направление.

— Куда мы идем? — спросил Андрей.

— Строительство макета оригинального ФУПа вчера закончили, — как бы невзначай ответил партократ. — Мы идем как раз туда. Посмотрим, как там все работает. И работает ли вообще.

По чистым коридорам с исправно горящими лампами и лестницам с правильно покрашенными перилами они почти целый час шли к искомому месту. Андрей издали понял, что они пришли к помещениям бывшего завода, аналогичного тому, где работал он сам. На стенах все еще висели информационные стенды, правда пустые, а под потолком красовались яркие красно-желтые ордена. Проходная была закрыта толстыми железными листами и лишь по центру располагалась гермодверь. Их впустили внутрь, они прошли мимо поста ликвидаторов и направились по широкому коридору в сторону цеха. Оттуда уже доносились голоса рабочих и громкие разговоры. Открыв последнюю дверь перед макетом, Звездин пригласил Андрея войти первым.

— Прощу! — с улыбкой на лице произнес тот.

Чувствуя какой-то подвох, Андрей медленно сделал несколько шагов вперед и почти сразу забыл о Звездине, стоявшем позади него. Внутри огромного помещения, бывшего некогда заводским, сейчас прямо по центру стояло громадное сооружение. Сложенное из бетонных плит и блоков, оно представляло из себя правильный куб с тянущемся к нему связками кабелей и труб. Рабочие суетились в разных концах завода, а их речь эхом доносилась до ушей Андрея. Он смотрел на открытую дверь в кубе, прямо манившую его зайти теплым желтым светом, льющимся оттуда. Медленно ступая, он приблизился к ней, переживая сильное волнение, и зашел внутрь. Крики и разговоры рабочих снаружи тут же стали тише. Андрей находился в небольшой приемной с обитыми деревом стенами. Рядом со входом стоял коричневый стол, за которым сидела молодая красивая женщина и что-то печатала на механической машинке, которых Андрей не видел уже много гигациклов. Она перепечатывала что-то с рукописного листа и сначала не обращала внимания на вошедшего. Затем подняла взгляд и улыбнулась.

— Здравствуйте, Андрей Викторович! Вас уже ждут! — и кивнула в сторону дверь напротив.

Отчего-то на душе стало приятно, хотя он ее не знал. Повинуясь странному чувству, он проследовал внутрь и оказался в коридоре, похожим на тот, который они видели с Михаилом. Обитый деревянными панелями коридор имел с каждой стороны по несколько дверей, который открывались и закрывались, впуская и выпуская людей. Они держали в руках папки, бумаги, и двигались с очень важным занятым видом. Пока он шел вдоль коридора, его несколько раз толкнули. Но ни злобы, ни раздражения он не ощутил. Наоборот, по нему разливалось странное теплое чувство, будто он уже бывал там когда-то давно и наконец вернулся.

Дверь в самом конце распахнулась, там показался Брагин.

— Андрей Викторович! — громко сказал тот и махнул рукой. — Мы вас ждали! Без

вас не можем начинать!

Андрей ускорился и вскоре попал в помещение, где находился научный руководитель. Тот протянул ему белый халат.

— Обязательно оденьте! Вы забыли о правилах?

— Нет-нет, — негромко ответил Андрей и надел на себя халат. — Что это здесь? Интересное место...

— Мы проводим проверку всех систем, — проигнорировал его вопрос собеседник. — Тестовые испытания запланированы на десять часов.

— Хорошо, — он сухо сглотнул. — Где мне подождать?

— Ждать? — удивился Брагин. — Вам надо проверить свой сектор работы.

Он махнул рукой, приглашая Андрея следовать за ним и они вдвоем направились по железной лестнице наверх. Открыв дверь, они попали в огромное помещение со стоящей посередине фрактальной установкой Победоносцева четвертого поколения. Увидев ее, Андрей открыл рот от удивления и остановился, чтобы рассмотреть ее подробно. Она представляла собой пятнадцатиметровое нагромождение металлических труб, коробок, связок проводов, переплетенных между собой в форме столба. Прямо под ними внизу стоял железный короб с дверью и нависающие над ним шары, которые должны были передать энергию с установки. Повсюду сустились рабочие с оборудованием и инструментами. Андрей внимательно изучал помещение с установкой, пока его провожатый молчаливо ждал.

— Я отправил вашу бригаду по местам, — сказал Брагин. — Но думаю, и нам время начинать. Пройдемте, Андрей Викторович.

По железным мосткам они проследовали вдоль стены к единственной двери, которая вела внутрь защищенной камеры с пунктом управления. В отличие от завода здесь было гораздо больше аппаратуры и операторов. Вдоль узкого, но толстого стекла стоял сплошной ряд оборудования с сидящими за ним людьми в белых халатах. Еще несколько человек стояли позади и что-то внимательно изучали на своих планшетах.

— Проверьте свой сектор, будьте добры, — подчеркнуто вежливо сказал Брагин.

Ему ничего не указывали. Он сам знал, куда надо подойти. Женщина, сидевшая за пультом приветственно улыбнулась и немного подвинулась назад, чтобы Андрей мог видеть все индикаторы на панели. Ему хватило беглого взгляда, чтобы заметить проблему.

— По этим двум перегрузка сети, — он указал на панель.

— Мы уже снизили мощность на третьем и восьмом. В данный момент рабочие настраивают предохранители, — ответила оператор.

— Через сколько тестовое включение? — обратился он к Брагину, стоявшему неподалеку.

— Через пятнадцать минут будем заканчивать подготовку. Как у вас там?

— По двум показателям перегруз. Сейчас исправим, — так сказал Андрей, будто он работал в пункте управления не три минуты, а три гигацикла.

— Постарайтесь исправить. Если не хватит времени, отложим пуск.

Андрей тут же попросил женщину поменять некоторые настройки и затем внимательно смотрел на колебания приборов. Он проделал так несколько раз, чтобы выяснить причину перегруза. Затем выглянул в окно и нашел взглядом несколько рабочих, занимавшихся работами по его профилю. Ни говоря ни слова, он покинул защитную камеру и, выйдя на железные мостки, спустился по лестнице. Андрей подошел к одной группе рабочих,

копавшихся внутри распределительного блока и внимательно проследил за их работой. Затем переместился к другой группе — те работали с предохранителями и, заметив его, немного расступились, чтобы он мог видеть процесс. Покачав головой, Андрей пошел дальше и стал один за другим осматривать блоки и узлы сети электропитания. Закончив с этим, он еще раз оглядел всю цепь и взглянул на камеру пункта управления. Через две минуты он снова стоял за спиной женщины-оператора и просил ее менять настройки.

За пять минут до окончания подготовительных работ все индикаторы пришли в норму, поэтому рабочие за окном сворачивали свою деятельность и быстро покидали экспериментальное помещение с фрактальной установкой. На лицах работающих там людей не было ни страха, ни волнения. Рабочие и операторы делали свое дело со спокойной серьезностью. Один Андрей стоял в пункте управления хмурый и встревоженный, будто что-то забыл. Он еще несколько раз просил женщину протестировать их сектор, чтобы убедиться в исправности питания.

— Андрей Викторович, у вас все в норме? — обратился к нему Брагин.

— Да, — неуверенно ответил Андрей. — Кажется, все в норме.

— Вы в чем-нибудь неуверенны?

— Я не понимаю, — нахмурившись, сказал тот. — Все показатели в норме. Тестовые пробы без отклонений.

— Значит, все в порядке! — бодро ответил Брагин. — Перед испытаниями всегда так. Вы не волнуйтесь.

В защитную камеру вошли еще несколько человек в белых халатах и двое рабочих. Помещение с фрактальной установкой опустело и сейчас там никого не было. У всех в голове шел обратный отсчет до включения устройства.

— Образцы загрузили? — обратился Брагин к одному из подчиненных. — Вот и славно. Что у нас по показателям? Питание в норме? Помещение изолировано? Проверили задвижки вентиляции? Тогда включаем первый блок. Подготавливайте второй...

Брагин продолжал дирижировать в пункте управления, раздавая команды и проверяя готовность разных секторов. Андрей чувствовал, как внутри него росло напряжение, хотя остальные мужчины и женщины казались совершенно собранными и спокойными. Он бегал взглядом по панели с индикаторами и периодически смотрел на постепенно оживавшую фрактальную установку. Вспыхивали лампочки, отдельные части приходили в движение — ползали вверх-вниз или крутились вокруг оси. Внутри огромного устройства возрастал гул, возвещавший скорое включение ФУПа. Чем сильнее нарастал этот звук, тем волнительнее становилось Андрею. Он вжался пальцами в спинку стула оператора и стал покусывать губы, глядя то на панель управления, то на установку.

— Доложите о готовности зоны контроля, — громко командовал Брагин. — Готовьте электросеть к выходу на полную мощность. Контрольное время — одна минута...

Его голос продолжал управлять десятком человек, сидевших за аппаратурой и стоявших позади него. ФУП работал все активнее и громче. Гул из установки заставлял Брагина напрягать связки.

— Готовность тридцать секунд! — оповестил он.

Андрей ощущал, как внутри него тоже что-то гудело, крутилось, вертелось, перемещалось туда-сюда, словно он был частью этой установки. Напряженные донельзя пальцы стали дрожать. Он почувствовал выступившие на лбу капли пота.

— Стойте! — закричал Андрей. — Отложите пуск!

— Снизить мощность! — тут же скомандовал Брагин. — Перевести установку в режим ожидания.

— Нет! Выключайте ее полностью! Я боюсь, мы кое-что проглядели.

— Андрей Викторович, вы уверены? — руководитель глядел на него с сомнением.

— Да, уверен. Дайте мне проверить!

— Что проверить? Мы ведь только что это сделали

— Нет, не все. То есть все, но не так, как нужно было.

Два десятка взглядов устремились на Андрея, который почему-то совсем не смущался общего внимания. Внутри него поселилась стойкая уверенность в том, что они могли проглядеть нечто важное.

— Ну ладно, — согласился Брагин. — Постепенно снижайте питание. Отключаем блоки в обратной очередности...

Операторы вновь защелкали клавишами и тумблерами, но в этот раз установка постепенно угасала и затихала. Ее части останавливались и ФУП будто-бы засыпал. Через пять минут все агрегаты за окном успокоились и рабочий, стоявший возле двери, разблокировал замок. Андрей тут же устремился на выход.

— Отправьте ко мне кого-нибудь с инструментом, — обратился он к Брагину и вышел на железные мостки.

Одновременно с этим в экспериментальную камеру открылись еще несколько дверей и там начали появляться многочисленные мужчины, которые тут же приступали к работам. Андрей ушел в дальний угол помещения к большому распределительному коробу, из которого к ФУПу тянулись толстые связки кабелей. Он присел на колени и дернул закрытую крышку.

— Меня отправили к вам с инструментом, — произнес над ухом молодой парень с железным ящиком.

— Отлично, — тихо произнес Андрей. — Я сам все сделаю. Ты мне главное свой сундук открой.

Молодой парень выполнил просьбу Андрея и отошел на пару шагов, наблюдая за тем, как мужчина открывает распределительный короб и быстрыми умелыми движениями начинает перебирать кабеля, провода и цилиндры предохранителей. Не прошло и двух минут, как он вытянул один из таких цилиндров и стал внимательно изучать надписи на нем. Затем усмехнулся и отсоединил его.

— Да кто же его сюда поставил? — риторически озадачился Андрей и потряс цилиндром. — Еще и странный такой. Легкий совсем.

Он принялся крутить в руках предмет и снял с него крышку. Внутри не было ничего из того, что всегда присутствовало в предохранителях такого плана. Он был пустым как скорлупа от яйца и все, что там увидел удивленный Андрей — фотокарточка. Он засунул пальцы внутрь и подцепил фотографию. Ему хватило беглого взгляда, чтобы сердце дрогнуло. Чувствуя, как от волнения немеют пальцы, он смотрел на изображение, где стоял молодой мужчина в обнимку с красивой беременной женщиной. Они стояли под ярким теплым светом на фоне красивой необычной стены. От нахлынувших чувств Андрей закрыл глаза и задержал дыхания, ощущая, как к глазам подступают слезы.

Он вспомнил тот день урывками ярких эмоций. Над ним и его любимой женой светило яркое теплое солнце. Самое настоящее солнце в ослепительно голубом небе. Его свет заливал землю и сочную зеленую траву, по которой мягкий приятный ветер пускал волны.

Их попросили сфотографироваться на память, чего они совершенно не хотели. Внутри нее сидел ребенок, который мог не увидеть ни солнца, ни неба, ни травы. И родители смертельно переживали за их будущее чадо. Но отказать фотографу было бы неприлично. Они встали рядом со зданием НИИ, обнялись и попытались изобразить на лице подобие улыбки. Радостной она не получилась — в лицах молодых людей было больше грусти. Когда Андрей увидел жуткую печаль в глазах жены, он вдруг вспомнил чьи-то слова. Ей можно было помочь. Но он должен был для начала кое-что сделать. Саботировать работу экспериментального секретного устройства. И в тот день он все для себя решил.

Дрожащие руки уронили фотографию. Андрей закрыл лицо, по которому бежали слезы. Им овладевали эмоции, которые было невозможно контролировать. Из-за спины послышался знакомый голос, вещавший будто из другого мира.

— Мы проводили имитацию включения много раз после аварии, — говорил Звездин, — чтобы выяснить причину перегруза сети. Лучшие специалисты всегда пытались найти причину перегруза либо в распределительном блоке, либо в предохранительном. Сюда никто из них не додумался заглянуть. Хотя в конце они все приходили ко мнению, что причина крылась именно здесь. Вы, Андрей Викторович, были специалистом высочайшего класса и смогли организовать все так, что ни бригады техников, ни ваш заместитель в пункте управления ничего не поняли. А сейчас, смотрите-ка, профессиональная память вас не подвела. Как говорится, опыт не пропьешь и не потеряешь в самосборе.

— Зачем вы... — совсем тихо что-то спросил Андрей.

— Что, простите? Я вас совсем не слышу.

— Зачем вы положили сюда фотографию? — не открывая глаз, чуть громче спросил мужчина.

— Это — важный элемент по возвращению вам памяти. Я воссоздал тот самый день, когда это случилось. Нам нужно было знать наверняка, что виновником аварии были вы. Бурная эмоциональная реакция все сама говорит за вас.

— Я, — тихо признался Андрей, всхлипывая. — Это сделал я. Я помню.

— Это хорошо, что вы вспомнили, — спокойно вещал Звездин. — В будущем вы будете более мотивированны.

Их разговор прекратился на несколько секунд. Андрей сидел на коленях с закрытыми глазами, переживая бурные воспоминания, накатывающие на него волнами. А Звездин в это время стоял рядом и жестами общался с Брагиным, который смотрел на сцену из пункта управления. Вокруг суетились рабочие, шумели инструменты.

— Я представляю, что вы сейчас переживаете, — вновь обратился к нему партократ. — Но вам надо прийти в себя. Вы должны принять участие в дальнейших этапах работы с макетом. Он не генерирует фрактальное поле, но в остальном полностью копирует оригинальный ФУП. Тот работает на максимальной мощности с закольцованным источником питания. Вам необходимо найти способ безопасного отключения ФУПа. Отключите его — безумие этого мира прекратится. И появится возможность вернуться обратно. Андрей Викторович, вы поняли меня? — в ответ ему кивнули. — Нам осталось выяснить всего три точки координат, чтобы определить точное местонахождение шкатулки. Затем надо будет выдвигаться к ней. Поэтому времени у нас не очень много. Когда будете готовы, присоединяйтесь.

Медленным шагом Звездин пошел в сторону железной лестницы, ведущей к пункту управления. Рабочие вокруг прекрасно знали свою задачу и уже готовили макет фрактальной

установки к следующему этапу эксперимента. Молодой парень, все это время стоявший неподалеку, урывками слышал разговор мужчин, но ничего не понял. Зная, что ему надо закончить начатое, он аккуратно обошел Андрея, сидевшего на коленях, чтобы приблизиться к блоку. Взял с пола пустой цилиндр и стал устанавливать его обратно.

47. Путь в один конец

Следующие несколько суток Андрей не покидал испытательного полигона с макетом ФУПа, оригинал которого прятался где-то в глубинах гигахруща. Целыми днями он собирал и разбираал узлы и агрегаты фрактальной установки, изучал вплоть до винтика систему устройства питания, а в перерывах между изучением этой машины тестировал ее вместе с командой Брагина. Они запускали установку, доводили ее до критической отметки и выводили в состояние, имитировавшее то, в которое оригинальный ФУП погрузился после устроенного Андреем саботажа. Стоя либо за пультом пункта управления, либо возле элементов сети электроснабжения, они все пытались понять, как вывести «шкатулку» из этого состояния, чтобы весь мир гигахруща не схлопнулся разом или, что еще хуже, не вышел на новый уровень интенсивности. Раз за разом они отработывали различные сценарии отключения или снижения мощности, но эти варианты так или иначе устраивали специалистов или самого Брагина.

Андрея приходилось буквально оттащить от кабелей или пульта, чтобы дать отдых в первую очередь ему самому. Он работал до одури — так, что, даже засыпая, видел перед глазами все те же схемы, кнопки и провода. В свою ячейку он отказался идти, мотивируя тем, что дорога отнимет у него время. Поэтому спал он там же — в одном из помещений испытательного полигона на нескольких деревянных ящиках с подложенной под голову спецовкой.

К концу цикла им все же удалось найти способ разомкнуть цепь безболезненно — так, чтобы машина просто прекратила работу, не сворачиваясь при этом сама в себе. Ни Брагин, ни Андрей сначала не поверили. На их лицах не было ни капли радости. Они воспроизвели те же условия еще раз и снова успешно. Но им этого не хватило и команда операторов в пункте управления и рабочие в испытательной камере вновь и вновь проделывали одни и те же манипуляции. Когда завершилась их седьмая попытка, женщина, сидящая за пультом, повернулась к Брагину и смущенно сказала:

— Я думаю, на этом стоит закончить. Алгоритм доказал свою эффективность.

Руководитель смотрел на нее несколько секунд и затем опустил голову, пряча улыбку. Заметив это, позволил себе улыбнуться и Андрей. Скоро вся защитная камера, а затем и рабочие внизу тихо возрадовались результату испытаний. Звездин, как это часто бывало, появился незаметно и с довольным лицом наблюдал за негромким ликованием команды ученых и рабочих.

— Молодцы! — громко оповестил он всех в камере о своем присутствии. — Вы — просто молодцы! Позвольте мне порадоваться вместе с вами! — и он засмеялся.

— Это и ваша заслуга тоже, — отметил Брагин.

— Не буду отрицать, — он прижал руку к груди и наклонил голову. — Хоть в технических делах я не силен, но и я приложил известную толику.

— Вы нашли оставшиеся точки? — вступил в разговор Андрей с серьезным видом.

— Осталось найти всего две. Координаты одной нам сообщат уже вечером. А вторую мы ждем со дня на день. Поэтому у вас есть время на альтернативные варианты. Вы ведь не думали останавливаться на достигнутом?

— Нет. Конечно, нет, — ответил Брагин. — Есть еще несколько наметок, которые мы можем протестировать.

— Но уже не сегодня, — с улыбкой произнес Звездин. — Я думаю и вы, и все рабочие заслужили отдых сегодня. Плюс усиленный паек!

— Я думаю, что выражу общую благодарность от коллектива.

— Это мы выражаем вашему коллективу благодарность! Я сделаю это от лица всего гигахруща! — партократ наблюдал за довольной реакцией присутствующих в защитной камере. — Но хотелось бы вас предупредить. Точные координаты шкатулки будут установлены очень скоро. Не расслабляйтесь. Будьте в состоянии готовности. По первой команде нам надо будет выдвигаться.

Праздничная атмосфера еще некоторое время царила в помещениях испытательного комплекса, а затем работники, получив соответствующую команду, стали расходиться по своим ячейкам. Следующие несколько суток прошли в ожидании команды за ставшими уже будничными испытаниями.

В середине нового цикла Андрей под вечер работал над блоком предохранителей с парой молодых рабочих, когда по камере разнесся голос из громкоговорителей.

— Андрей! — никто никак не отреагировал. — Андрей Викторович!

— Что там? — с ноткой недовольства в голосе отозвался мужчина и повернулся к пункту управления.

— Сигнал поступил! Объявлен сбор в зале собраний! Координаты установлены!

Андрей передал инструмент одному из коллег и встал в полный рост, будто ждал продолжения.

— Да что вы там стоите? — крикнул Брагин уже на железных мостках. — Пойдемте быстрее!

Мужчина, не снимая шлема и защитных перчаток кинулся мимо спящей фрактальной установки к лестнице. По пути они почти не говорили, а бежали или переходили на бег, когда уставали. Через двадцать минут они вошли в зал собраний, где помимо прежнего состава ученых вдоль стен расположились пятнадцать ликвидаторов, среди которых был и Георгий. Звездин стоял у трибуны и с легкой ноткой торжества в глазах смотрел то на собравшихся, то на часы. Когда циферблат показал восемь, партократ прислушался к абсолютной тишине — чувствовалось общее волнение — и затем нарушил ее

— Около часа назад мы получили данные о последней точке и на основе предыдущей информации определили местоположение шкатулки, — он щелкнул кнопкой включателя и на экране проектора высветился план гигахруща. Звездин взял указку и ткнул в самый низ карты. — Это нулевой уровень, блок С, — в зале произошло заметное оживление. — Да-да. ФУП, как мы предполагали, не ушел далеко вниз. И это несомненно играет нам на руку. Пути подхода к нему в данный момент уже вырабатываются. Думаю, к двенадцати у нас будут готовые варианты. Поэтому завтра в семь ноль-ноль общий сбор. В девять ноль-ноль мы планируем выход первой группы. Всего будет три группы по двадцать человек — головная, центральная и замыкающая. Списки на экране.

Он щелкнул пультом еще раз и карта гигахруща сменилась списком людских фамилий с инициалами в три столбика. Поначалу все молча читали имена, затем в зале произошло заметное оживление. Кто-то недовольно вздыхал, другие тихонько ругались.

— Почему нет моей фамилии?! — возмущенный Брагин поднялся со своего места.

— И моей почему-то нет, — сказал кто-то другой.

Аналогичные высказывания слышались и со стороны ликвидаторов.

— Спокойствие! Прощу вас: спокойствие! — когда зал затих, Звездин продолжил. —

Мы же знаете, я ведь говорил: мы не можем помчаться туда все сразу. Наши ресурсы ограничены, мне ли вам это объяснять? Потом, успех первой группы не гарантирован. Кто будет обеспечивать преемственность научных знаний в случае провала? Кто возьмет на себя руководство обороной общежития? Вы должны понимать, что дело — крайне рискованное. И если через три дня ничего не поменяется, то вам надо будет формировать новые группы. Разрабатывать новый план действий.

По залу вновь пронесся ворох тихих высказываний, но громко никто ничего не высказал. Брагин опустил на свое место.

— Тогда кто будет выполнять мои функции? Кто остановит ФУП? — уже со стула спросил тот.

— Андрей Викторович, конечно, — Звездин с улыбкой посмотрел в глаза Андрею. — Он пойдет в центральной группе и обеспечит выполнение технической части.

Мужчина еще раз нашел во втором столбике свою фамилию, опустил взгляд и молча кивнул.

— Я думаю, не стоит вам говорить, что к семи утра вы должны быть готовы и полны сил, — продолжил партократ. — Поэтому сейчас я предлагаю следующее: все, чьей фамилии нет в списке, должны покинуть зал собраний. Все участники завтрашней экспедиции, у вас будет возможность обсудить все вас интересующее.

В зале поднялся шум встающих со своих мест людей. Многие по пути на выход высказывали тихое недовольство. Участники же принялись тут же что-то бурно обсуждать. Звездин стал с кем-то разговаривать и, не глядя на Андрея, положил перед ним отломленную пластинку со снотворным, уже зная, что тому явно потребуется через пару часов. Брагин, пытаясь быть услышанным, громко говорил что-то Андрею почти в самое ухо. Затем похлопал того по плечу, встал и вышел. Андрей еще пару минут сидел в атмосфере громкого обсуждения, но, поняв, что с ним никто не будет разговаривать, также последовал на выход.

В семь утра за ним, уже полностью готовым, зашел рядовой боец в противогазе и отвел Андрея к местному тренировочному полигону ликвидаторов. В большом некогда заводском помещении стояли три большие группы людей, которые на беглый взгляд имели одинаковый состав: стоящая спереди боевая машина на гусеницах с пристегнутой тележкой амуниции и провизии, несколько стрелков, огнеметчики, гранатометчик, медик и биолог. Напротив центральной группы стоял еще один занятый человек. Хоть Андрей видел его со спины, он сразу понял, что это был Звездин, облаченный в непривычный для него костюм защиты с болтающейся на поясе сумкой с противогазом. Он был похож на затянутый в резину невысокий бочонок и заставил Андрея улыбнуться. К удивлению, не обошлось и без привычного чемодана, но на этот раз он висел на спине Звездина как рюкзак с парой привязанных к кожаной ноше лямок. Андрей быстрым шагом направился к партократу и Георгий, с которым тот говорил, указал головой в сторону мужчины.

— Андрей Викторович! — приветственно произнес Звездин. — Прошу вас занять место в центральной группе! Там уже подготовили все для вас необходимое. Когда вы закончите, мы проведем смотр. И затем выдвигаемся, — он закончил речь улыбкой.

Идя в указанном направлении, Андрей с интересом разглядывал диковинную гусеничную технику, которую до этого видел только в пособиях ликвидаторов, и вооруженных до зубов бойцах в специальном обмундировании, которое рядовым бойцам никогда не выдавали. Он зашел за строй, оглядел лежащие на полу предметы и понял, что

ему отводилась крайне ограниченная роль. Помимо защитного костюма и противогаза, ему предоставили автомат с полным подсумком и рюкзак, набитый инструментом, который может пригодиться в будущем. С разочарованной миной на лице, он быстро облачился в обмундирование и встал позади строя. Очень скоро Георгий, руководитель экспедиции, громко огласил команду на начало проверки. Несколько минут командиры отрядов проверяли оружие, технику и комплектацию бойцов. В это время Звездин подошел к Андрею.

— Нас поведут в центральной группе, — объяснил он. — Головная прокладывает путь, третья группа — прикрывает тылы. Лично вам делать ничего не надо. Про свои подвиги в службе ликвидаторов забудьте. Здесь и без вас справятся. Гляньте! — он понизил голос до шепота. — Отборные бойцы. Нам с такими нечего бояться.

— А это зачем? — Андрей потряс своим автоматом и указал взглядом на оружие, которое держал Звездин.

— Это для подстраховки, — улыбаясь, ответил он. — В такие экспедиции с пустыми руками не ходят.

— Вы выработали путь?

— Конечно! Без этого никак! — он комично округлил глаза и поправил лямки портфеля. — Путей сразу несколько. Только вы об этом тоже не переживайте. Специалисты все возьмут на себя.

— Сколько туда идти?

— Сегодня идем до девятнадцати. Вечером привал. Утром встаем и к обеду уже должны быть там.

— Значит, можно добраться до полуночи без остановок? — в груди волнительно забилось сердце.

— Можно, — кивнул Звездин. — Но мы так делать не будем. Должны быть сила и энергия на последний бросок. Поверьте, они нам пригодятся. И вам не в последнюю очередь.

Андрей кивнул и стал думать, о чем еще можно было спросить, но Звездин в это время отошел к Георгию, который молча наблюдал за смотром. В последующий час командиры отрядов досконально проверяли экипировку бойцов, состояние техники и сложенные в тележке припасы. Все происходило крайне размеренно. Даже во время учебных тревог в службе ликвидаторов наводили суету, а здесь все шло так спокойно, будто никто не собирался идти на самый нижний этаж сектора.

Когда проверка закончилась и командиры отчитались Георгию, тот вновь огласил помещение своими громкими командами и вскоре на выход с полигона отправилась первая группа из двадцати бойцов с идущей впереди техникой. Через десять минут за ними последовала группа Андрея, в которой среди прочих шли Звездин и Георгий. Они покинули полигон и проследовали по коридорам до абсолютно пустого тоннеля к магистральному лифту. К их приходу все было готово: створки распахнулись заранее, открывая вход на уже прибывшую грузовую платформу. Пролетев десятки и сотни этажей с огромной скоростью, они вышли на крайней нижней остановке и покинули лифтовую станцию. Группа попала в тоннель, залитый красным светом, и Андрей уже открыл клапан сумки с противогазом, как его остановил идущий рядом Звездин.

— Успокойтесь, прошу вас, — негромко произнес он, кладя ладонь на руку Андрею. — Мы принудительно включили тревогу для быстрого прохода сквозь жилые этажи.

— А если настоящая? — взволнованно спросил мужчина.

— У нас биологи, — он кивнул на впереди идущего бойца с большим металлическим коробом на спине. — В случае угрозы они сразу дадут нам знать.

— Куда прятаться? — понизив голос спросил Андрей. — Все двери закрыты!

— Ох, не зря на ваш счет придумывали разные шутки! — Звездин подмигнул. — Вы все о себе волнуетесь, да? — но не дождавшись ответа от смущенного собеседника, продолжил. — Местные заставы ликвидаторов обеспечивают наш проход. Они же подготовили безопасные ячейки. А вообще — расслабьтесь! Наш маршрут просчитан с учетом самосборного прогноза. Все рискованные места мы обогнем. И здесь, и там внизу, — он указал пальцем на пол.

— Но ведь ваши прогнозы... — Андрей пытался вспомнить, кто ему это говорил. — Ваши прогнозы — неточные. У них есть двадцать-тридцать процентов погрешности. Мне об этом Макар говорил. Что у вас там ошибка в расчетах...

— Ах, Давид Макарович! — перебил его Звездин. — Столько у нас проработал, а так и не понял, что мы пускаем по телевидению дезинформацию.

— Зачем? — искренне удивился Андрей. — Ведь вы ставите под угрозу...

— Ничего мы не ставим! — вновь оборвал его партократ. — Так надо, понимаете? Ведь на основе самосборных прогнозов можно много чего определить. Нам это невыгодно.

— Кто-то кроме вас может это делать? — искренне удивился Андрей.

— Ну хотя бы Давид Макарович, — довольно произнес Звездин. — А ведь есть еще Кузнецов, который более или менее в курсе наших дел. Содружество, собравшее у себя не самых глупых людей. Да и еще несколько организаций на просторах общежития.

— Вы это от шпионов знаете?

— Где-то от шпионов, другие этого сами не скрывают. Смотрите, мол, мы сами с усами! — и Звездин задорно засмеялся.

— Вы так спокойно мне об этом рассказываете, — не понимая юмора, сказал Андрей.

— Если хотите, могу заговорщическим тоном. Или грозно. Я ведь могу! — он вновь пустил смешок. — А если серьезно, то от вас у меня секретов почти нет. В один конец, можно сказать, идем.

— Прямо нет никаких секретов? — с недоверием в глазах спросил Андрей, но затем поменялся в лице. — Как в один конец?

— Вот так вот, — он равнодушно пожал плечами. — Если не получится — погибнем. Если получится, то покинем гигахрущ. Вы бы чего больше хотели? — он внимательно посмотрел Андрею в глаза. — Или думаете здесь остаться?

— Нет, — машинально ответил мужчина. — Но и погибать тоже не хочется.

— Значит мы просто вынуждены добраться до шкатулки и выключить эту дрянь, верно?

— Верно, — хмуро ответил Андрей.

— Выход из гигахруща лежит в самом его центре, — странно сказал Звездин, будто случайно озвучил мысль, которую никто не должен был слышать.

Дальше они продвигались молча по залитым тревожным светом коридорам, в которых не было никого кроме усиленных отрядов ликвидаторов. Некоторые жители в это время прижимались к полотну гермодверей, пытаясь определить степень опасности — в, казалось бы, тихих коридорах почему-то рычала никогда не виданная техника и бряцали оружием два десятка бойцов.

Они живо продвигались по жилым блокам и только когда вышли на лестницу,

замедлили ход из-за техники, которая на ступенях заметно теряла в скорости. Так этаж за этажом, блок за блоком отряд двигался в сторону серой зоны. Когда в глубине общежития показался пост ликвидаторов, те уже открыли толстые заслонки в серую зону и встретили молчаньем уже второй отряд, поражавший их своим вооружением. Когда работающие под потолком лампы оказались позади, гусеничная машина разогнала тьму перед собой четырьмя мощными фонарями. За ней по команде стали включать свои фонари и ликвидаторы.

Андрей знал, что где-то совсем рядом и впереди и сзади шли вооруженные отряды, а сам он был окружен опытными бойцами, но он ощущал волнение сходное с тем, что переживал в свой первый выход с Михаилом. Но как и с погибшим проводником, скоро он понял, что ученые мужи из НИИ проложили их путь таким образом, чтобы избежать все возможные трудности. Они чувствовали, как загорались самосборы, но ниже, выше или в других направлениях. Их дорога была чиста от черной слизи и чудовищ. Для этого им приходилось петлять — менять блоки, этажи, иногда то поднимаясь, то спускаясь. Но в целом они уверенно шли вниз, туда, где пряталась пресловутая шкатулка. Номера на лестничных пролетах медленно опускались в сторону сотни, а затем как-то незаметно стали двузначными.

Вооруженный отряд миновал цифру семьдесят шесть на стене и Андрей впервые за долгое время тогда взглянул на часы. Только тогда он понял, что они шли весь день до самого вечера без остановки. Впереди замелькал свет и вскоре центральная группа догнала головной отряд. На стенах виднелись затертая эмблема ликвидаторов, а прямо по центру коридора бронедвери с бойницами. Дежурные бойцы стояли по разные стороны коридора, в котором другие ликвидаторы распределялись по ячейкам.

— Вам сюда, — Звездин указал ему на дверь. — Вы располагаетесь со мной и Григорием.

Андрей молча последовал внутрь ячейки, дверь которой все оставалась открыта. Партократ стоял рядом с проемом и наблюдал за происходящим в коридоре. Скоро прибыл тыловой отряд и они в свою очередь также стали разбредаться по разным убежищам. Звучали грозные приказы Георгия об охране и смене постовых. Ближе к девяти и он зашел в открытый проем к Андрею и Звездину, а потом хлопнул гермодверью.

48. Планы на будущее

Они молча принялись доставать из своих сумок пакеты с концентратом. Андрей молча выдавил в себя две порции, бросая взгляды на своих соседей по ячейке. Это была обычная казарменная комната с кучей кроватей.

— Что так поглядываете, Андрей Павлович? — спросил Звездин, расположившийся в углу на скамье.

— Нет, ничего, — он мотнул головой.

— Что вы все скромничаете? Нет, ты посмотри на него! — он обратился к Георгию, который расположился на койке рядом. — В последний путь собрались, можно сказать, а он все скромничает. Говорите! — в дружеской манере приказал он.

— Да я просто смотрю, что мы отдельно от других поселились.

— И что? — искренне удивился партократ.

— Отдельно от других. Отбиваемся как-будто. Странно выглядит.

— Совсем не странно! — на губах Звездина появилась легкая улыбка. — Мы — управляющее звено, они — боевое. Ведь скажи, Георгий.

— Все верно, — тот доставал из сумки концентрат, но все еще держал на голове противогаз. — В случае контакта или самосбора открываются другие ячейки, чтобы не ставить под угрозу нас.

— Ладно, — Андрей мотнул головой. — Я просто подумал о привилегиях.

— Привилегии?! — Звездин прыснул смехом. — Какие это? Сидеть на скамье и выдавливать в себя пресный концентрат? Да если бы жители гигахруща видели это! То поняли бы, какая мы демократичная власть. И несправедливо оболганная. Вы ведь до сих пор воспринимаете нас этакими обжорами, пока все голодают, м? Только честно отвечайте!

— Ну не так, конечно, — соврал Андрей.

— Да что вы юлите, — махнул на него рукой Звездин. — Мне то можете говорить правду. Я же у вас ответ по глазам вижу.

— Ладно, — кивнул мужчина. — Примерно так и считаю. Или привык считать.

— Это уже более похоже на правду, — заметно просветлел собеседник. — Хотя странно слышать подобное от человека, который больше цикла провел на так называемых верхних этажах. Видели там роскошь, богатства, обжорство?

— Нет, — Андрей чувствовал себя как маленький ребенок перед взрослым.

— Тогда почему до сих пор верите в благолепные этажи? Там ведь все не сильно отличается от того места, где вы прожили большую часть времени.

— Не знаю, — он отвел взгляд.

— То-то же! — Звездин указал на него пальцем. — И всем бы так. Хоть экскурсии к нам води. А то кого не спросишь — все думают, что у нас на верхних этажах сады какие-то. А сколько там работают, вы видели? Ведь не один вы в испытательном комплексе ночевали. Брагин тоже в своем кабинете, между прочим. И многие другие, между прочим, тоже.

Он прилип губами к тубику, думая о чем-то своем. Было неожиданно непривычно видеть Звездина в таком виде — обряженного в резиновый плащ с бездумным видом сосущего концентрат из пластика.

— Хотя, надо признаться, и в том мире о нас так думают. Видать, что-то неправильное делаем, — вновь заговорил партократ. — И это при том, что излишне зарвавшихся ставим на

место. Но ведь и мы не всемогущи, — он рассуждал вслух. — Был тут у нас один, хотел себе картин в ячейку стащить. Мы ему объяснили, что поступает он неправильно. Здесь-то все в скромных условиях живем. А там — другое дело, — он заметно погрузтел. — Когда шкатулку в первый раз включали, меня совсем не радовало, что творилось в стране.

— Меня тоже, — отозвался Георгий, который выложил паек на сетчатую поверхность кровати, но все еще сидел в противогазе.

— Повсюду войны маячили, — Звездин закивал головой. — Хотя казалось бы, зачем? Что делить?

— Из-за чего там войны? — спросил Андрей.

— Все из-за того же, что и здесь, — прогремел ликвидатор. — Влияние, ресурсы.

— Ну все же немного по-другому, — поправил его Звездин. — Тут общежития более или менее обеспечены всем, главное — правильно распорядиться. А там... — он задумался. — Вот представьте, Андрей Викторович, что есть один гигахрущ. Или одно общежитие, в котором живут десять миллионов человек. А рядом стоит точно такой же с таким же населением. Но вдруг оказывается, что завод по очистке воды — один. Вот и идут одни десять миллионов на другие десять.

— Десять миллионов? — Андрей открыл рот от удивления.

— Ну нет, не все десять сразу, конечно. Есть и дети, и женщины, и старики. Но в общем вам понятно, да? Потом война заканчивается и оказывается, что вместо двадцати суммарных миллионов осталось, скажем, пятнадцать. И что, вы думаете, происходит дальше?

— Они... — задумался мужчина. — Живут дальше?

— Неверно! — Звездин рассмеялся. — Они обнаруживают, что в их объединенный гигахрущ соседствует с другим объединенным гигахрущем, промеж которых стоят заводы по производству еды. И что начинается?

— Еще одна война?

— Вот теперь верно! — с радостью отметил партократ. — И так постоянно. Войны за ресурсы. За еду, воду, жилье, горючее...

— За горючее в первую очередь, — отозвался Георгий.

— Да-а, — протяжно согласился Звездин. — Из-за него миллионы людей во всему миру гибнут, — затем сделал паузу, размышляя. — Мы ведь, знаете, почему фрактальную установку изобретать начали?

— Чтобы обеспечить всех ресурсами? — после некоторой задержки ответил Андрей.

— Да, все так, — уже серьезно произнес партократ. — Эта идея будоражила прогрессивную часть человечества три столетия. Три сотни гигациклов мечтали и думали о том, как дать людям все необходимое. Чтобы не было войн, голода, смерти... — он вновь задумался.

— И не было боли, страха, страданий, — произнес Андрей непроизвольно, вспомнив сына.

— Всё так, — Звездин закивал. — Это ведь из мира фантастики. Помните наши доработанные ФУПы? Представьте, что можно поставить десять таких установок где-нибудь в пустыне и пятьдесят тысяч человек обеспечены почти всем необходимым — водой, едой, топливом, стройматериалами. Главное исходный материал иногда подвозить.

— Или в космос, — вновь подал голос ликвидатор.

— Космос, черт его побери! — Звездин приложил руку к щеке, качая головой. — Проблема обеспечения космонавтов тут же пропадает. Человечество путешествует к

звездным далям, расселяется по солнечной системе, — мечтал вслух мужчина. — Какие возможности! Какие возможности!

— Да, но все испортили, — прервал полет фантазии Григорий.

Андрей опустил взгляд, чувствуя, как румянец заливает щеки.

— Не то слово, — не обращая внимания на сидящего напротив, согласился партократ. — Ведь говорили, со всех подписку брали о неразглашении. И какая-то сволочь проболталась! Хотя, казалось бы, научный городок, подбор кадров. А потом разведка сообщает о том, что у противника есть сведения о многообещающем проекте по созданию источника альтернативной энергии. Они ведь знали, создай мы действующий ФУП в том мире, неизбежно бы выиграли.

— Знали. Поэтому и постарались, — ликвидатор кивнул. — Поэтому и сидим тут. С ним, — он мотнул противогазом в сторону Андрея.

— Ну право вам! — оживился Звездин. — Не он, так кто-нибудь другой. Засланных было не один и не два. А в тех условиях... — он снова задумался. — Я, честно признать, думаю, что гигахрущ — это естественное развитие событий. По-другому и быть не могло.

— Ну перестаньте, — ликвидатор помотал в стороны фильтром противогаза. — Могли бы и избежать.

— А что перестать? — еще более энергично ответил партократ. — Страна по швам трещала. Сколько предателей в руководстве! Или ты другого мнения, Георгий?

— Того же самого, — он несколько секунд подумал. — Надо было их всех к стенке. Как в тридцать седьмом.

— Так может и сообразили уже тридцать седьмой-то, — с унылой надеждой произнес партократ.

— Сомневаюсь, — он вновь помотал головой. — В руководстве самозванцы да приспособленцы чрез одного.

Звездин с полминуты сидел молча, все глубже уходя в воспоминания. Андрею было малопонятен этот разговор, но он с большим интересом наблюдал за людьми, которые все еще оставались для него загадкой.

— К сожалению, вынужден с тобой согласиться, — наконец произнес партократ с грустью в голосе. — Интересно, что там сейчас? Хоть бы одним глазком, а? А то ведь... Страдаем здесь. Бредем впотьмах. А может вместо сердца Данко принесем им ящик Пандоры? Как думаешь, Георгий?

— Я об этом не хочу думать. Мне надо экспедицию до указанного места довести.

— Вот неправильно, — Звездин потряс пальцем на ликвидатора. — Вы, как кулак партии, должны полностью осознавать важность момента...

— Осознаю я, — виноватым голосом ответил ликвидатор.

— Не только осознавать, но и размышлять над вехами истории. Своем месте в нем!

— Константин Павлович, — уже умоляюще начал Георгий, — ну что вы со своей политинформацией. Дайте отдохнуть.

Партократ улыбнулся и махнул на ликвидатора рукой. Пару минут они сидели молча.

— Я бы, конечно, хотел верить, что мы несем им сердце, которое осветит человечеству путь, — Звездин вернулся к мечтательным размышлениям. — И сейчас, как бы мы не относились к ФУПу, мы тоже идем к сердцу. Сердцу гигахруща. Пока оно бьется — есть гигахрущ. Как выключим его — все эти годы страданий и блужданий закончатся.

Услышав это, Андрей призадумался. Звездин, хоть и погрузился к размышления, но

перемену настроения своего подопечного заметил достаточно скоро. Он внимательно следил за лицом мужчины, догадываясь, о чем тот думает.

— Сына вспоминаете, — предположил партократ.

— Да, — сухо ответил Андрей и отвел взгляд.

— Это естественно, не переживайте. Только держите в голове то, что я вам уже говорил.

Не забывайте об этом.

Мужчина заерзал на своем месте, чувствуя, что разговор вышел в неудобное для него русло. Он взглянул на Георгия, который все так же сидел в полном защитном облачении с концентратом, лежавшим рядом.

— Вы противогаз никогда не снимаете? — как можно более дружелюбно спросил Андрей.

Ликвидатор хмыкнул что-то непонятное и не стал отвечать.

— Конечно, снимает, — заговорил за него Звездин. — Это железное правило для всех вне зависимости от должности.

— Почему? — Андрей несколько секунд подумал. — Боитесь, что незнакомец прокрадется?

— Боимся, что самосбор прокрадется, — с улыбкой ответил партократ. — Помнишь, Георгий?

— Как тут не помнить, — прогремел ликвидатор и издал смех. — Такое не забыть.

— Это в какой год было?

— Седьмой, кажется. Мы после этого еще изменения в устав ввели.

— А что там было? — спросил Андрей заинтересованно.

— Повстречались с черными ликвидаторами, — произнес Звездин и на последних словах выпучил глаза.

— Это не байка? — удивился мужчина.

— Какая там байка, если они от меня на том же расстоянии были, что и ты сейчас, — сказал Георгий.

— Смешная история, на самом деле, — Звездин расплылся в широкой улыбке. — Ты, говоришь, подумал, что там отряд Каминского?

— Ну, — ликвидатор кивнул.

— Расскажи Андрею Викторовичу это историю, будь добр, — партократ устал намекать и попросил напрямую.

Тот минуты две сидел молча, погружившись в воспоминания. Андрей сначала подумал, что тот не собирался делиться ими с чужим человеком. Но внешний вид Звездина подсказывал ему, что ликвидатор рано или поздно заговорит. Наконец, послышался голос из противогаза.

— Где-то на седьмой год расширяли общежитие на шестисотом этаже. Нас там самосбором залило и отряды оказались отрезаны один от другого. На меня и трех бойцов нежить поперла. Отбивались от них целый час и постоянно отступали. Ребята в итоге все там и полегли, я один остался. Уже патроны на исходе, думаю, один надо для себя сберечь. А потом раз! — он неожиданно оживился. — Из темноты вылетает отряд из пяти бойцов, да вооружены одними граблями. И как они начали работать граблями, я диву дивился! Один втыкает инструмент твари в шею, другой бьет под пузо, остальные втыкаются в разные стороны и начинают рвать падлюку. Буквально рвать! От одной избавились, другой, третьей. А я стою с открытым ртом и как дурак наблюдаю за их работой. Ну, думаю, слаженно

работают черти! Сразу подумал, что это ребята Каминского были — у того слаженность и дисциплина на высочайшем уровне были. Думаю, сейчас расскажет руководству о своей методике, нас всех на одни грабли пересадят, — он посмеялся вместе со Звездиным. — Надо ли думать: патроны не тратим, горючее не жгём, на всем экономим. Нет, думаю, надо с ним обязательно поговорить, чтобы мы с одними граблями не остались. А потом вспоминаю, что отряды Каминского на другое направление отправили. Не его это были ребята. Ну я подождал, пока они закончат с тварями. Всех убили. А потом, представляешь, достали какие-то банки стеклянные и жестяные и стали остатки чудищ и черную слизь в них собирать. Без инструмента. Хватают кусок слизи и в банку закидывают. Я в тот момент подумал, что ребята умом тронулись. Подхожу к ним поближе, приветствую. А они не реагируют. Я еще раз поздоровался. Они молчат. Потом один из них встает и смотрит на меня пристально так. Я к нему навстречу шаг делаю, а у того в линзах глаз не видно. Все черное. До меня тогда дошло, что это могут быть за ребята. Я ствол поднял и тихонечко назад попятился.

— А они что? — спросил замороженный Андрей.

— Продолжили сбор слизи и останков. А я до своих дошел. Я к тому моменту думал, что уже ничего не боюсь. А меня встречают и спрашивают, чего ты, говорят, Георгий, дрожишь весь. Как смог объяснил им. Всем отрядом сходили обратно на разведку. Тех ликвидаторов там уже не было.

— Может их и вовсе не было?

— Были разодранные граблями чудища. И ни одного пулевого отверстия в них, — грубовато ответил Георгий.

— Были-были, — подтвердил Звездин. — Мы потом неоднократно фиксировали сначала истории о черных ликвидаторах, потом и встречались с ними.

— Вступали в бой? — спросил Андрей.

— Нет, — ответил ликвидатор. — К людям они не проявляли агрессии. По крайней мере нам о таких случаях неизвестно.

— А говорят ведь... — мужчина вспоминал байки. — Что черные ликвидаторы ходят по блокам и ячейкам, чтобы людей убивать. Отключают тревогу, а потом всех кромсают.

— Придумать люди все, что угодно могут, — махнул рукой партократ. — Хотя я бы таких ребят опасался. Но свою полезную роль они играют, как никак. Во-первых, самосбор ликвидируют, да без всяких затрат.

Он поднял палец вверх и вместе с Георгием засмеялся.

— А во-вторых? — поинтересовался Андрей.

— После встречи с ними мы как раз и пришли к идее об использовании ФУПов для восполнения кадров.

— Копирования людей?

— Да, — невозмутимо ответил Звездин. — Копировали и копируем. И будем копировать. В нынешних условиях без этого никак.

Воображение Андрея сильно разыгралось и, пока другие молчали, он все думал о том, как людей помещают во фрактальные установки и том, сколько их живет на просторах гигахруща. Затем он перескочил на другую, но связанную с ней мысль.

— Ведь вы говорили, что мы живем в нулевом секторе, так?

— Конечно, — кивнул партократ.

— И что гигахрущ по сути бесконечен. Ведь он возобновляет сам себя. И везде есть свое

общешитие, своя партия и так далее.

— Естественно. С некоторыми погрешностями.

— Откуда вам известно, что мы — нулевой сектор? Ведь мы можем просто считать таковыми, а на самом деле мы — лишь копия. И нулевой сектор не у нас.

— Мы прорабатывали этот вопрос неоднократно. Такие сомнения поднимались не раз, — серьезно отвечал Звездин. — Но мы провели несколько тестов и исследований, во-первых. А потом по ряду признаков определили, что мы и есть нулевой сектор. Хотя, конечно...

— Что? — не дождавшись продолжения спросил Андрей.

— Мы не можем полностью отрицать вероятность того, что наш нулевой сектор не является первичным. Все же гигахруц бесконечен, а самосбор, который творит этот мир, непознаваем. Но если принять данное предположение, то получается полная бессмыслица. Просто бессмыслица.

— А если... — Андрей сначала боялся озвучить мысль, но, вспомнив сына, стал посмелее. — Если наш план не сработает? Если мы дойдем до ФУПа, а его отключение никак не повлияет на наш мир?

— Тогда мы развернемся и пойдем обратно! — Звездин неожиданно вскинул руки вверх, будто готов был подлететь от радости. — И скажем остальным, что ФУП — это бред, надо перестать маяться дурью и переключится на более важные задания! А ты что будешь делать, Георгий?

— Работать в ликвидаторах, — сухо ответил тот и усмехнулся.

— А если серьезно, то гораздо более сложный вопрос — что мы будем делать, когда отключим ФУП. Не думали над этим, Андрей Викторович?

— Думал. Но тяжело представить. Это вы помните тот мир. А я — нет.

— Вы все быстро вспомните, уверяю вас. Как вы вспомнили устройство ФУПа, — сказал Звездин уже деловым тоном. — Заживете своей жизнью. А мы, — он постучал по портфелю, стоявшему под ногами, — выйдем отсюда и направимся напрямик в министерство, оттуда в НИИ. Расскажем им о результатах шестнадцатилетнего эксперимента. Предоставим наши наработки в области фрактальных установок. И обязательно расскажем о том, как сделать работу безопасной.

— А то построят еще один гигахруц, — отозвался Георгий.

— Это в нашей полосе гигахруц, — он хитро прищурился. — А если в других местах?

— Гигаизбу сгенерируют, — пошутил ликвидатор и издал смешок.

— Или гигахруц, — подыграл Звездин и тоже засмеялся.

— Гигамазанка! — они вместе взорвались смехом.

Наблюдая за двумя хохочущими мужчинами, Андрей тоже искренне улыбнулся, хоть и не понимал смысла шуток. Но потом быстро погрузился, вернувшись к своим мыслям. Звездин обтер слезы с глаз и, заметив быструю перемену настроения, снова заговорил.

— Чего погрузились, Андрей Викторович?

— Я подумал о том мире. У вас там будут НИИ. А у меня что?

— А у вас будут трава, небо и солнце. Вы ведь мечтали об этом?

Мужчина не ответил. Он опустил взгляд под ноги и стал тереть ладони друг о друга, погружаясь в мрачные мысли. Звездин глянул на часы.

— Заговорились мы что-то. Отдыхать надо. Завтра предстоит великий день, — он покопался в портфеле, достал таблетки и отломил пластинку. — Это вам, Андрей

Викторович. Примите обязательно. Завтра из пешки вы превратитесь в ферзя.

На этих словах он встал и проследовал к кровати с матрасом, положил у изголовья портфель и принял лежачее положение. Вскоре послышался его громкий храп. Андрей посидел еще несколько минут и последовал примеру Звездина. Принимая удобное положение на кровати, он услышал, как Георгий стянул с себя противогаз и ему сразу захотелось обернуться, чтобы посмотреть на лицо ликвидатора. Однако, страх перед этим грозным мужчиной его тормозил и пока Андрей с ним боролся, таблетки начали действовать и вскоре он уснул.

49. Лабиринты нижних этажей

В восемь утра их группа продвигалась сквозь блоки и этажи серой зоны по заранее проложенному маршруту. Андрей оглядывал других участников их экспедиции и предполагал, что он был единственным человеком, который ощущал волнение. Другие, казалось, шли по заранее установленной программе, которую невозможно было сбить, в досконально известном месте. Впереди их группы рычала гусеничная установка, оцетинившаяся сразу тремя стволами, а за ней следовали ликвидаторы в боевом порядке. Их продвижение было таким спокойным, будто не было никакой опасности способной исходить с любого направления. На самом деле они шли то вверх, то вниз, то вправо, то влево, чтобы избежать самосборов и встречи с обитателями нижних этажей. Головная группа, шедшая где-то впереди них, первыми обследовала пространство и позволяла пройти центральной группе по уже проверенным блокам и лестницам. Третья группа шла где-то недалеко позади них и защищала тылы.

Хотя перед выходом Андрею напомнили об опасностях, тающихся в этих местах, он быстро заскучал — они монотонно плелись сквозь гигахрущ, делая редкие остановки, и вокруг них не было абсолютно ничего интересного. Он стал постепенно погружаться в мысли о сыне, гигахруще, фрактальной установке и миссии, возложенной на него. Одни и те же страхи и сомнения крутились в его голове и вскоре он попытался их прогнать. Представив себя одним из ликвидаторов, он пробовал полностью сосредоточить внимание на пути. Они миновали коридоры, поднимались по лестнице, спускались, меняли направление движения, останавливались, проверяли пути и двигались дальше.

— Хорошо идем, — отметил Звездин, глядя вперед. — Если так пойдет и дальше, к двенадцати уже будем там. Как по плану.

— Затишье, — бездумно произнес Андрей.

— Да, затишье какое-то.

— Затишье перед бурей, — он вспомнил слово, которому его научил Михаил.

— Типун вам на язык, Андрей Викторович. Накаркаете!

Андрей совершенно не понял того, что сказал Звездин и продолжил идти молча, думая о том, что произошло с ним и Михаилом в железнодорожном тоннеле. Его тревожные воспоминания вскоре отозвались выстрелами из глубины. На несколько этажей ниже работал крупнокалиберный пулемет на гусеничной установке, чьи залпы эхом разносились по бетонным коридорам. Вслед за этим послышались и автоматные очереди. Георгий остановил их группу и подозвал связиста. Андрей подошел к нему ближе, чтобы слышать разговоры.

— Что у вас там? — спросил руководитель.

— Движение... — связь прерывалась помехами. — Впереди движение... силуэты...

— Чьи силуэты? Прием!

— Грешники... — вновь сбой. — ...идут с разных сторон.

— Количество противника? Идут организованно? Прием! По одиночке или группами? — вопрошал Георгий, но не получал ответов.

Андрей с тревогой в глазах посмотрел на Звездина, который тоже казался немного растерянным.

— Очень странно, что там их несколько, — негромко сказал он. — Обычно они

орудуют в одиночку. Было бы интересно знать, чьи это грешники — самосборные или Кузнецова.

— Вы думаете, что он их сюда мог заслать? — спросил Андрей.

— Думаю, да. Решил подбросить нам свинью. Видать, чувствует гадина. Но ничего, пробьемся.

Связь с первой группой в это время на некоторое время прервалась. Георгий каждые десять-пятнадцать секунд запрашивал по связи головной отряд, но обратного ответа не было в течение нескольких минут.

— Володя, — крикнул ликвидатор, — бери Старцева с Шевелевым и дуйте туда на разведку! Когда встретите головной отряд, скажите им отходить на четвертый маршрут! Пусть замыкают! — затем обратился к радисту. — Дай мне связь с третьей группой. Канев, слышишь меня?

— Слышу отлично! — послышалось из рации.

— По основному пути заминка. Переходим на четвертый маршрут. Вы идете головной группой. Как понял?

— Понял отлично. Переходим головной группой на четвертый маршрут.

— На связи!

Начались томительные минуты ожидания. Андрей стоял в центре коридора, который с обоих концов был оцеплен бойцами их отряда. Он чувствовал, как в душе поднимается волнение. Звездин ходил туда-сюда вдоль дверных проемов и заглядывал внутрь ячеек с невозмутимым видом, словно уже долго искал там что-то.

— Канев на связи, прием! — наконец отозвалась рация.

— Прием!

— Вышли на четвертый маршрут. Этаж сорок два. Блок Е. Как поняли?

— Понял отлично. Продвигаемся с обычной скоростью. Идем за вами.

Закончив сеанс связи, Георгий принялся живо раздавать приказы. Группа выстроилась в боевой порядок и направилась в обозначенном направлении. Через два блока их нагнали запыхавшиеся разведчики. Андрей пытался услышать, о чем они говорили, но до него доносились лишь обрывки доклада.

— ...один потерян... связь... блокировали... отступили... восстанавливают...

— Мой приказ донес?

— Так точно... отступают по четвертому...

Андрей наблюдал за движущейся впереди машине и ловил себя на мысли, что ее хотелось подопнуть, чтобы та ехала быстрее. Растущее внутри напряжение вынуждало его думать, что гусеничная установка тормозила группу, хотя ее скорость равнялась обычному походному шагу. Через полчаса первая группа вышла на связь и доложила о потере двух человек в результате боя. В тот момент она замыкала экспедицию.

Еще через тридцать минут рация вновь огласила плохие новости.

— Вызываю центр! Вызываю центр! — сквозь помехи слышался чей-то голос. — Датчики регистрируют самосбор! Этаж тридцать девять, блок Ж. Находимся в пограничной зоне! Размещаем личный состав в примыкающих помещениях! Как поняли? Прием!

— Понял отлично! Занимайте ячейки, пришлем к вам помощь! Как поняли?

Однако ответа не последовало.

— Проклятье! — выругался Георгий, доставая карту, чтобы свериться с маршрутом. — Идем правильно. Здесь вероятность не больше пятнадцати процентов. Дай мне первую

группу! — он обратился к связисту. — Как слышите? Говорит центр! Пришлите сюда пять человек! Как поняли?

— Центр, принято! Высылаю пять человек!

— Канев! — заорал Георгий и указал на нескольких стоящих рядом бойцов. — Бери вот этих пятерых с биологом и дуй к головной группе. Дождитесь окончания критической фазы, выясните, где прячется третья группа и помогите им выбраться оттуда. Все понял?

— Так точно!

Канев тут же собрал группу и, обогнув стоящую возле выхода машину, скрылся в переходе. Вскоре оттуда послышалась стрельба, заставившая Андрея вздрогнуть. Но выстрелы постепенно отдалялись, говоря о том, что сборный отряд уверенно шел вперед. Связи с группой, попавшей под самосбор не было больше двадцати минут. Георгий каждую минуту вызывал их по рации, попутно глядя на карты в своем планшете. Когда тот немного отвлекся, к нему обратился Звездин.

— Может стоит отправить первую группу вперед? Пусть снова выходят головными. Третий и сборный отряды пойдут за нами.

— Я боюсь, что там сильный самосбор. Вдруг понадобится помощь.

— Мы не можем себе позволить тут стоять. С каждым часом достоверность прогнозов снижается.

— Понял, — ответил Георгий и приказал связисту переключиться на первый отряд, стоявший где-то позади.

Их экспедиция снова поменяла маршрут и вышла на еще один резервный путь. Через двадцать минут рация заговорила голосами из третьего отряда, который вышел из самосбора вместе с группой Канева. Потери составили боевую машину вместе с прицепом и три бойца. Георгий тихо выругался и приказал бойцам его отряда вернуться, а третьей группе встать в хвосте.

К сожалению, чем дальше они шли, тем тревожнее становилось не только Андрею, но и рядовым бойцам. Датчики биологов стали периодически пищать, предупреждая о готовящемся или происходящем где-то рядом самосборе. Их выверенные пути, рассчитанные в НИИ, не казались более безопасными. Андрей чувствовал, будто их загоняют. Они стали петлять по этажам чаще, больше ориентируясь по обстановке, а не заранее определенным дорогам. Автоматы и пулеметы стали трещать не только спереди, но и сзади них. Георгий требовал отчета после каждого огневого контакта. Андрей пытался тщетно понять, что происходит и в конце концов решил обратиться к партократу.

— Все по плану? — задал он глупый вопрос, потому что ничего другое не приходило в голову.

— Вы же видите, что нет, — негромко ответил Звездин и сжал крепче автомат.

— Что будем делать?

— Двигаться к назначенной точке. Это однозначно. Георгий нас выведет, не переживайте, — сказал он, хотя было видно, что он сам волновался.

К двенадцати часам они были лишь на двадцать пятом этаже и шли медленнее, чем прежде. В машине головного отряда произошла поломка, которую попытались устранить на месте, но в результате этого ее ход замедлился почти в два раза. Сразу за этим между центральным и головным отрядом произошел самосбор высокой степени опасности. Георгий вновь почти постоянно висел на рации, требуя от командира отчетов. Они потеряли четверых бойцов и вынуждены были отойти назад.

— Да что же это такое, черт побери! — почти закричал командир экспедиции и сопроводил свое негодование отборной бранью.

— Действительно что-то странное, — послышался голос Звездина. — Но в серой зоне никогда не знаешь, чего ждать.

Дальнейшее продвижение в течение часа шло почти без нареканий, как вдруг из глубины гигахруща раздались взрывы — один за другим с разницей в пару минут. Затем из рации послышался голос командира головного отряда.

— Центр, прием! Как слышите?

— Центр на связи! Что у вас?

— Мы уперлись в тупик. Как поняли?

— Какой тупик?! — взревел Георгий и вновь полез в планшет за картой. — Доложите координаты!

— Этаж пятнадцать, блок Н, направление пять.

— Проклятье, — тихо выругался командир, пытаясь найти нужную карту. — У вас должен быть выход к блоку О либо через переход, либо через лестницу.

— Проверили оба направления! — отозвалась рация. — Оба выхода отсутствуют. На пути каменные стены. Какие наши действия?

— Пытались проделать выход? Взрывали?

— Установили заряд взрывчатки. И раз ударили из гранатомета. Но ничего не получилось. Слишком толстый бетон.

— Проклятье! — уже громче сказал Георгий и посмотрел на Звездина. Тот внимательно слышал разговор по рации. — Проверьте смежные блоки. Должен быть выход в блок О. Если нет, попытайтесь проложить путь по второму маршруту. Как поняли?

— Понял, центр! Ищем выходы к блоку О.

— И бросьте машину! Если не едет, бросьте ее! Поняли?

— Понял, центр! Машину оставляем.

Группа, в которой шел Андрей ненадолго встала, пока партократ обсуждал с ликвидатором дальнейшие действия. Поступали периодические отчеты от головной группы, о том, что выход не найден. Георгий делал пометки на своей карте, отчего у Звездина медленно поднимались брови.

— Тут произошла тотальная перестройка, — наконец заключил он. — Через несколько этажей идет сплошная стена. Смотри, прямо ровно идет, — он указал пальцем на бумажной карте. — Надо рассылать группы в разные стороны. Какие мысли?

— Я уже обдумываю этот вариант. Думаю, надо послать первую группу влево, третья пусть идет справа, а мы пойдем вниз. Вот здесь, здесь и здесь. Установим дистанцию в два блока максимум и попытаемся пройти вниз на нулевой. Где-то выход же должен быть.

— Я думаю, это разумно, — партократ кивнул. — Давай так и сделаем.

Главный ликвидатор еще раз просмотрел карты, затем вцепился в рацию и принялся отдавать подробные инструкции остальным отрядам. Отряды уходили в разные направления гигахруща, чтобы вместе двинуться вниз параллельно друг другу. Андрей слушал разговоры руководителей, чувствуя сильную тревогу внутри. Несмотря на то, что они продвигались вниз, у него было все меньше уверенности в успехе экспедиции.

— Константин Павлович, — как можно более тихо обратился он к партократу, когда их группа выдвигалась в путь, — вы не думаете повернуть обратно? Вам не кажется, что у нас все идет... Как бы сказать?..

— Все нормально идет, Андрей Викторович, — Звездин смерил его строгим взглядом. — Мы знали, что дело рискованное. Тут без заминок и задержек никак. Сохраняйте спокойствие.

— Да, но...

— Сохраняйте спокойствие! — чуть громче повторил мужчина, отчего идущий впереди боец оглянулся. — И не забывайте о вашей личной задаче здесь.

Их группа вскоре вышла к тому месту, который оканчивался тупиком. Звездин с Георгием пошли лично проверить отсутствие выхода и пришли явно разочарованные. Там, где должны были располагаться проходы в соседний блок, были лишь гладкие серые стены, будто их отлили за день до этого. Следуя новому плану все три группы стали спускаться вниз, следуя параллельно друг другу. Однако выхода нигде не было — бойцы расходились в разные стороны в попытке найти дверь или технический проход, но, как отметил Звездин, повсюду они упирались в стену, идущую сверху вниз на десятки этажей. Несколько раз ликвидаторы стреляли по силуэтам в темноте, но боестолкновения дальше этого не развивалось.

К пятнадцати часам все три группы одновременно достигли нулевого уровня, находясь в разных блоках. Андрей внимательно слушал приказы главного ликвидатора, который приказал первой и третьей группам медленно идти в разных направлениях, чтобы найти выход. На карты с построенными в НИИ маршрутами он уже не смотрел. Требовалось искать совершенно новый путь. От ФУПа их отделяли всего несколько блоков, но входа в них пока не было. В то время, как отряды медленно расходились в разные стороны, центральная группа ждала их посередине, расположившись в жилой зоне. Несколько бойцов оцепили подходы, пока другие ждали в ячейках с целыми гермодверьми. Георгий ходил туда-сюда. Было видно, что он волновался за судьбу отрядов, связь с которыми ухудшалась из-за расстояния. Звездин не покидал Андрея и незаметно от того наблюдал за настроением подопечного, пока они пережидали вместе в одной из ячеек.

— Выход найдут, — бодрым голосом говорил он. — Обязательно найдут. Иначе никак. Я надеюсь, вы не забыли, что надо делать со шкатулкой?

— Нет, — Андрей мотнул головой, избегая встречаться взглядом. Он чувствовал упадок сил и находил все больше оправданий для того, чтобы идти назад, хоть и не озвучивал их.

— Нам надо выключить эту заразу, Андрей Викторович. И передать вот это, — он указал на портфель, — туда, в тот мир! Помните об этом! — он немного подумал и добавил. — И помните о том, откуда все это взялось.

— Центр, прием! — внезапно послышалось из коридора.

Звездин тут же вскочил со своего места и побежал к Георгию, чтобы слышать разговор.

— Я слушаю! Что у вас?

— Обнаружен выход, — рация работала с помехами. — Обнаружен выход в сторону шкатулки. Но здесь странное помещение.

— В чем странность? — рация не отвечала. — Повторяю, в чем странность?

— Помещение просто огромное. Тут нет стен и потолков. Как слышите?

— Что значит нет стен? Как понять?

— Как-будто заводское помещение, но потолка мы не видим. Свет фонаря не достает. И стен тоже нет. Только гладкий пол. Даже несущих колонн нет. Ничего нет. Пустота. Как поняли?

— Все понял, — лишь ответил командир ликвидаторов.

Георгий замолчал, глядя на Звездина. Оба думали об одном и том же.

— Ведь не факт, что есть выход на том конце, — произнес партократ.

— И если зальет самосбором, то это однозначная смерть.

— А что делать? Другие варианты есть?

— Можно спуститься ниже и посмотреть выходы там. Если здесь пол, значит ниже должны быть проходы на ту сторону. А там поднимемся.

— Звучит логично.

Они с полминуты молчали, обдумывая варианты.

— Георгий, как тебе такой вариант? Первую группу мы делим и отправляем на разведку в этот зал. Пусть одни ищут, пока вторые стерегут возле выхода. Третью группу также делим и отправляем вниз на поиски альтернативного пути. Пусть прогуляются в тот сектор этажей на двадцать максимум. Если не найдут ничего, пусть возвращаются по координатам первой группы. А мы пока пойдем в сторону этого зала.

Ликвидатор молча обдумал это предложение и через какое-то время стал отдавать приказы по рации. Звездин зашел в ячейку и жестом указал Андрею следовать за ним. Их группа двинулась в сторону найденного прохода.

50. Фрактальная установка Победоносцева

Когда центральная группа добралась до выхода в зал, там осталось всего семь бойцов, дежуривших возле самой двери. Обычный бетонный коридор заканчивался обыкновенным проемом, по обе стороны от которого стояли ликвидаторы. Отряд Георгия распределился по позициям, пока их командир разговаривал с бойцов из первой группы.

— Что там? — спросил Георгий.

— Ничего. Кроме бетонного пола и тьмы повсюду.

— Признаки жизни были?

— Никак нет. Тишина.

Руководитель группы подошел к проему, вышел буквально на метр и стал светить фонарем в разные стороны. Прямо перед ним растянулось бескрайний бетонный пол, выложенный ровными плитами, а над ним нависала непроглядная чернота. Луч фонаря врезался во тьму длинным лучом, насколько мог, но не показывал абсолютно ничего. Георгий зашел обратно.

— Рация у первой группы?

— Так точно.

— С ней все было в порядке, когда вы отправлялись?

— Насколько я знаю — да.

— Встань ближе к проходу, — скомандовал Георгий уже связисту их отряда. — Пробуй вызывать их отсюда. Может так лучше получится.

Боец с тяжелым железным ящиком на спине встал прямо возле выхода в бескрайний зал и принялся монотонно вызывать на связь первую группу. Каждые тридцать секунд он произносил одно и то же, но никто не отзывался. Сначала это звучало пугающе, затем стало раздражать, потому что ничего не менялось минут тридцать. В это время Андрей разглядывал ликвидаторов и подошел поближе к проходу, чтобы взглянуть на зал, но Георгий недвусмысленным жестом отогнал его оттуда.

— Вызывает центр! Прием! — казалось, они слышали это в сотый раз. — Вызывает центр!

— Центр, прием! — чей-то голос прорвался сквозь помехи.

Георгий мгновенно оказался возле связиста и выхватил рацию.

— Вы где? — отбросив всякие формальности, спросил командир.

— Мы вышли... — снова помехи.

— Повторите! Не слышно!

— ...на другую сторону... нормально!..потерь... повторяю: без потерь!

— Вы на другой стороне? Там все нормально?

— Так точно! — прохрипел динамик.

— Сколько занял путь?

— Двадцать три минуты быстрым походным.

— Как ориентировались? По каким ориентирам шли?

— ...по линии стыка плит... Просто шли прямо!..

Руководитель несколько секунд молчал, рассчитывая дистанцию.

— Ожидайте дальнейших приказов!

Сеанс связи завершился. Георгий молча смотрел на Звездина, который понимал, что от

него требуется без всяких слов.

— Двадцать три минуты, да? — он потер подбородок. — Помещение — огромное. Риск очень большой. Что сам думаешь, Георгий?

— Разделяю ваши волнения. По коридорам дольше, но вернее.

— Если эти коридоры есть, — голос ликвидатора звучал непривычно. Затем он обратился к связисту. — Вызывай третью группу.

Боец с тяжелым ящиком на спине быстро настроил рацию и принялся каждые тридцать секунд обращаться уже к тем бойцам, что ушли на минусовые этажи. Первые несколько минут никто не отзывался. Затем стали звучать странные шумы, которые привлекли не только Георгия, но и обычных бойцов, стоящих рядом. Спустя какое-то время из динамика послышались отдельные звуки, буквы и обрывки слов вперемешку с белым шумом.

— Вызывает центр, — продолжал работать связист. — Повторяю, вызывает центр! Прием!

— Прием, — внезапно отозвались сквозь помехи и, кажется, послышался смех.

Георгий в два быстрых шага оказался возле связиста и резким движением выхватил у того рацию.

— Кто говорит? Назовись! — грубым голосом приказал тот.

Эфир заиграл звуками и обрывками слов.

— Я.

— Кто я?! — раздраженно спросил Георгий. — Назовись!

— Это я, — вновь послышался смех. — Или, вернее сказать, мы.

Ликвидатор молча смотрел на рацию, понимая, что голос незнакомый. Андрей чувствовал, как по всему телу пробежали мурашки. Другие бойцы отряда тоже заметно нервничали. Через несколько секунд с того конца заговорили сами.

— Где вы? — вновь смешки. — Мы к вам придем.

— Черти... — выругался Георгий, слушая шуми и издевательские голоса из динамика.

— Значит, их ждать не будем? — через полминуты сказал Звездин, стоя неподалеку со странной физиономией. — Если отряд выжил, они сами вернуться сюда по указанным координатам.

— Боюсь, никто не вернется, — отозвался ликвидатор и вновь обратился к связисту, указав ладонью в сторону дверного проема. — Вызывай тот конец.

Через пару минут рация отозвалась уже знакомыми голосами.

— Мы отправляемся к вам! Как поняли?

— Понял! Вы отправляетесь к нам!

— Создайте периметр безопасности! И ждите нас! Как поняли?

Когда короткий сеанс связи закончился, Георгий быстро переговорил со Звездиным и принялся раздавать приказы. Бойцы двух отрядов выстроились в коридоре в походном порядке, чтобы выйти в зал. Когда Георгий грозно скомандовал «Вперед!», сначала выдвинулась гусеничная машина с прицепом, а за ней в зал стали выходить ликвидаторы, формируя две колонны, между которых шли руководитель экспедиции, партократ и Андрей. Следуя полученным приказам, бойцы смотрели по сторонам и над собой, освещая пространство своими фонарями — они использовали самые мощные доступные ликвидаторам фонари, но и их света хватало лишь на сотню метров. Затем луч рассеивался и тонул в черноте. Лишь в самом начале их пути можно было видеть высоченную, уходящую ввысь бетонную стену, из которой они вышли. Как только группа покинула коридор, Андрей

осветил ее, задрвав голову с открытым ртом — обычные бетонные плиты, сложенные друг на друга, уходили далеко вверх и сколько не светил мужчина, пытаясь найти хоть какие-нибудь отличительные детали, ничего не было. Они шли быстрым шагом и проход сзади отдалялся и тонул во мраке. Вскоре остались лишь огоньки пары фонарей которые ликвидаторы оставили как маяк, но и они через какое-то время потухли во тьме. Группа брела сквозь пустоту, ориентируясь по линии стыка плит на полу. Шуршал бетон под ботинками, да слышался мерный шум работы приводов гусеничной машины. Георгий иногда останавливал группу, чтобы прислушаться. Но тьма здесь соседствовала с тишиной. Лишь вооруженный отряд приносили сюда свет и звуки.

Сразу несколько человек поставили на часах таймер, чтобы знать, сколько они шли. Минуты тянулись и, казалось, иногда шли обратно. Звездин поймал себя на мысли, что сбился со счета и стал опасаться, что они попали во временной самосбор. Отдельные бойцы бросали взгляд на циферблат, моля о том, чтобы добраться до того края поскорее. Лишь Андрей не смотрел на свое запястье — тьма и монотонные звуки погрузили его в воспоминания, замешанные на привычных сомнениях.

Когда прошла пятнадцатая минута их марша, раздался противный пиликающий сигнал. Георгий тут же повернулся в биологу.

— Сколько? — спросил руководитель экспедиции.

— Показатель — десять, но он растет, — через полминуты он добавил. — Уже двадцать.

— Ускориться! Идем максимально быстро! — он указал на биолога. — А ты докладывай!

— Приближается к тридцати! — было слышно, как мужчина пыхтел в противогаз из-за тяжести аппаратуры на спине. Через полминуты вновь послышался его голос. — Перевалил за сорок. Скорость увеличивается!

— Сколько мы идем? — Андрей обратил испуганный взгляд к партократу.

— Семнадцать минут, — на его лице тоже проглядывал ужас, на лбу проступили крупные капли пота. — Осталось пять.

— Наденьте противогазы! — приказал Георгий партократу и Андрею.

— Пятьдесят! — огласил биолог. — Скорость растет! Шестьдесят!

— Проклятье! — злобно произнес Георгий и обратился к технику. — Ставь машину на автоматический ход! Всем остальным! Бегом вперед!

Все участники экспедиции тут же перешли на бег — зашуршало и загремело обмундирования, слышалось громкое дыхание двух с половиной десятков человек.

— Семьдесят! — на последнем слогe голос мужчины сорвался от напряжения.

— Вперед! Бегом! — орал Георгий. — Быстрее!

Мир вокруг них пришел в движение. Огромная масса воздуха с шумом двигалась вместе с группой, будто работали огромные вентиляторы где-то сзади них. На бегу Андрей оглянулся и краем глаза заметил мелькавшие во тьме розовые искры. Он оглянулся еще раз — мерцание стало заметнее и плотнее.

— Восемьдесят, — уже задыхаясь произнес биолог и закашлял.

Позади послышался рев тысяч страдающих голосов, заполняющий пустоту. Под плохо прилегающую резину противогаза пробился мерзкий запах гниющей плоти. Затрещали искры розового тумана. Застучали и захлюпали чьи-то конечности позади них. В сплошной массе гниющего позади них самосбора заорали чудовища. Андрей оглянулся и увидел, как

перевернуло боевую машину, а в следующее мгновение раздавило словно жестяную банку. Через несколько секунд послышался дикий крик отставшего от них техника. Андрей бросил на него взгляд через плечо — ликвидатора подбросило вверх и тут же разорвало на части. Его крик мгновенно присоединился к общему ужасающему хору. В мелькающем свете фонаря виднелись пятна черной слизи, заполняющие пустоту.

Впереди уже мелькал свет фонарей первой группы, которая охраняла выход.

— Девяносто, — уже выдавил из себя биолог, но его почти никто не услышал.

— Не могу... — послышался голос Звездина, бежавшего из последних сил. — Не могу...

Стой! Андрей, стой!

Мужчина обратил на Звездина глаза полные ужаса, продолжая бежать. Партократ содрал с себя противогаз и отбросил в сторону. Покрасневшее лицо полного мужчины обливало каплями пота, он задыхался и бежал из последних сил, начиная отставать от остальных. Звездин отбросил автомат и стал на бегу снимать с себя портфель.

— Андрей, стой! — его голос захрипел. — Я не добегу. Тяжело. Тебе надо... — он пытался отдышаться. — Передать этот портфель... Отдай его... В НИИ... Расскажи... Об всем... Надежда на тебя...

Он снял с себя портфель, замедляя бег. Андрей на секунду остановился, глядя на партократа.

— Чего встали?! Вперед! — бешено заорал Георгий, обращаясь в двум мужчинам. Однако, поняв, что происходит, затем приказал уже бойцам. — Всем стоять! Стоять! Защитный периметр полукругом!

Андрей подбежал к Звездину, наблюдая за ползущим на них самосбором, схватил портфель и без лишних слов бросился в сторону ликвидаторов, которые выстроились в боевом порядке. Когда Андрей миновал их в сторону входа на той стороне, бойцы по команде побежали следом. Никто из них не смотрел на особо важное лицо и даже не слышал. Звездин ослабил галстук, повернулся и молча встретил прущую на него чернорозовую массу, которая поглотила партократа через несколько секунд.

Самосбор настигал одного за другим. Андрей уже не оглядывался, но слышал их ругань, бессмысленную стрельбу и посмертные крики. Где-то позади истошно запищал датчик самосбора, но в следующую секунду биолога захлестнуло и железный короб вместе с его обладателем смяло, сплющило, разорвало на части. Впереди виднелся проход, светящийся изнутри фонарями ликвидаторов, которые ожидали приход группы. Виднелись силуэты, отходившие вглубь гигахруща, чтобы занять оборону и дать выжившим войти. Крики позади. Тяжелое дыхание. Удары сердца, работавшего на пределе. Лучи света прыгавшие вверх вниз. Лучи, которых становилось все меньше. Один. Второй. Третий... Они уходили в самосбор навсегда.

Георгий первым забежал в открытый проход и оглянулся. От его боевого отряда осталось всего несколько человек.

— Быстрее! Быстрее! — отчаянно кричал он.

Когда Андрей залетел внутрь, Георгий толкнул его в спину и принялся подгонять вдоль по коридору в сторону державших оборону бойцов. Сзади послышался еще один посмертный крик. В проход забежали два оставшихся бойца, за которыми полз самосбор. Обессиленный Андрей еле переставлял ноги, чувствуя боль в груди, и, уже миновав бойцов, запнулся о собственный ботинок и рухнул наземь. Прямо рядом с ним началась стрельба. Ликвидаторы строчили автоматами по черным тварям, ползущим из единственного прохода. Несколько

стволов дружно отвечали леденящему душу хору чудовищ и павших в самосборе. Черная масса проникала внутрь, вытекала в коридор, ползла по стенам. Проход, из которого они только что пришли, превратился в гноящую рану, которую не получалось заткнуть огнестрельным оружием.

— Пенобетон! — заорал Георгий. — Бросай гранату!

Один из бойцов отпустил автомат на ремень, достал из подсумка снаряд и захрипел от того, что в грудь ему вонзились сразу несколько острых конечностей кинувшейся из черноты твари. Снова хаос беспорядочного боя. Андрей чувствовал, как его сознание темнеет. Он сорвал себя противогаз и закрыл глаза, вдыхая едкий воздух, пропитанный самосбором.

— Нестеров! Кидай гранату! Нестеров, сука!

— Будет сдела... — голос оборвался.

— Петренко! Ты здесь?! Петренко!

— Его там убило!..

— Есть пена?!

Сквозь затихающую стрельбу послышалось бульканье.

— Сука! — выругался Георгий. — Какого черта ты разлегся?! Вставай! Бегом туда!

Он через силу поднял на ноги шатающегося Андрея и толкнул его вглубь коридора, пока остатки быстро мельчающего отряда сдерживали натиск. На заплетающихся ногах одуревший Андрей прошел несколько метров, уронил автомат, оперся на стену и попытался идти, рукой держась за бетон. Другой он крепко сжимал портфель. Смолк еще один ствол. Упало чье-то тело. Самосбор хищно ревел, пробуя на вкус новую жертву. Ноги отказывались идти. Андрей упал на пол и из последних сил повернулся к проходу. Осталось трое ликвидаторов. Чернота сгущалась. Уже двое. В свете последних фонарей виднелись немыслимые силуэты, порожденные самосбором. Вот уже остался один Георгий готовый стоять один против целого гигахруща. Его разрубило пополам. И тьма кинулась за последним выжившим. Андрей опустил веки.

Безумная какофония внезапно прекратилась и одновременно в лицо ударил яркий свет будто от заводского прожектора. Андрей закрылся рукой и стал медленно открывать глаза, чувствуя боль от резкого света. Весь коридор был залит теплым желтым светом. Сердце волнительно билось в груди. Он попытался проморгаться и медленно убрал руку от лица. Прямо перед ним стоял его сын.

— Здравствуй, — спокойно поздоровался он.

— Здравствуй, Коля, — слабым голосом ответил отец, тяжело дыша. — Я что, теперь тоже в вашем мире?

— Нет, ты все еще в гигахруще.

— Ты пришел меня спасти?

— Я пришел повидать тебя. Потому что обещал.

Лежа на полу, Андрей смотрел на светящийся силуэт сына. Он мог разобрать только общие черты его лица.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил отец, не зная, что еще можно было сказать.

— Хорошо. Я всегда хорошо здесь себя чувствую.

— Мне рассказывали про твой мир. Мне сказали, что если жить хорошо, то попадешь туда, где ты сейчас.

— Возможно, — сказал Коля и улыбнулся.

— Мама тоже там?

— Она здесь.

Повисла пауза, которая казалась неловкой только лежащему на полу человеку.

— Ты можешь передать ей, что люблю ее? Я все еще люблю ее.

— Она слышит тебя, — он снова улыбнулся.

— И тебя я тоже люблю. Больше всего мира.

— Я знаю, — ответил сын. — Я думаю, тот Коля, которого ты знал, сказал бы, что тоже любит тебя.

— Но ведь ты и есть Коля, — убеждал самого себя Андрей, чувствуя, как сердце в груди больно кольнуло. И не из-за долгого бега.

— Все относительно, — снова улыбка. — Я говорил, что тут все по-другому. И ваши слова не играют тут большой роли.

Андрей склонил голову и зажмурился, пытаясь сдержать слезы. Через несколько секунд он вновь посмотрел на сына.

— Ты знаешь, куда я иду?

— Ты идешь туда, — он поднял руку, указав пальцем в дальний угол коридора. — Оно прямо там. Через несколько блоков.

— Ты знаешь, зачем?

— Нам надо уходить, — произнес Коля после паузы.

— Постой! — Андрей протянул руку. — Останься еще ненадолго.

— Мы не можем.

— Коля, — хриплым голосом сказал Андрей, чувствуя ком в горле, — ты еще придешь? Я люблю тебя. Больше всего мира. Люблю...

На последнем слове яркий свет стал тускнеть, уступая место привычному мраку. Силуэт рассеивался, сияние пропадало. Вскоре Андрей лежал один на бетонном полу в пустом коридоре, освещаемом единственным фонарем на автомате. Его оружие лежало неподалеку, но больше ничего не было. Ни тел ликвидаторов, ни пустых магазинов, ни трупов поверженных чудовищ. Андрей расслабил мышцы и распластался на бетоне, глядя в окрашенную зеленую стену.

Он погрузился в забытие и отошел от него, будто резко проснулся. Андрей принял сидячее положение и оглядел коридор. Все произошедшее казалось дурным сном. Он медленно встал, чувствуя боль в мышцах, поднял автомат и приблизился к проходу. Ровные бетонные плиты тянулись покуда хватало света фонаря. Его передернуло от воспоминаний. Он оглянулся и увидел лежащий на полу портфель. Мужчина с минуту смотрел на него, думая о дальнейших действиях. Вскоре он поднял портфель левой рукой и, держа в другой автомат, направился прямо по коридору. Точного местоположения ФУПа ему не сообщили и Андрей просто шел туда, куда указал ему сын. Из коридора он вышел к развилке, прошел через еще один жилой блок, миновал лестничный пролет, снова коридор с тянувшимися рядами дверей.

Обстановка вокруг изменилась, когда он миновал еще один лестничный пролет. Привычные бетон на стенах сменился деревянными панелями, а на полу лежала ковровая дорожка. Мужчина медленно шел по НИИ, оглядывая таблички на дверях. Все казалось таким знакомым, будто он был там только вчера. Не хватало лишь научных работников и ярких ламп под потолком. Он дошел до конца коридора и попал в квадратную комнату со столом, за которым должна была сидеть приветливая секретарша. Андрей повернул налево и проследовал туда, где должна была стоять фрактальная установка. Из глубины гигахруща

доносились мерный гул работы ФУПа и окутанные мраком коридоры начинали светлеть. Короткий коридор, ведущий в главный зал, заканчивался проходом, в котором виднелись части установки.

Андрей медленно вошел внутрь и, задрав голову, осмотрел творение Победоносцева. Большой круглый зал освещался разноцветными индикаторами, разбросанными по всем частям установки. Отдельные ее элементы продолжали вращаться или медленно двигаться вниз-вверх, как и шестнадцать гигациклов назад. Эта установка ничем не отличалась от макета, построенного на верхних этажах. Андрей направился к железной лестнице и через минуту находился в пункте управления, который освещался многочисленными кнопками, светодиодами и экранчиками. Он положил портфель на стул, подошел к аппаратуре и принялся щелкать кнопками.

— Питание в норме, — бурчал он под нос сам себе. — Показатель защиты... Так. Без отклонений. Первый блок... Второй...

Проведя все необходимые проверки, он перевел поток на резервную линию и быстрым шагом направился вниз. Обойдя фрактальную установку вдоль стены, он подошел к нужному коробу и открыл его. Обесточил участок и извлек оттуда негодный предохранитель, который сам же когда-то поставил. Андрей достал из рюкзака новую часть, проверил ее целостность и многократно отработанными движениями поставил обратно.

— Так, подключил... Разъем здесь. Все в порядке... Осталось только здесь доделать, — разговаривал он сам с собой.

Он проверил всё необходимое три раза прежде, чем закрыл крышку короба и направился обратно. Уже на лестнице ему показалось, что из глубины коридора, ведущего к ФУПу, донесся какой-то звук. Он на мгновение замер и вспомнил, что оставил автомат в пункте управления. Он кинулся наверх и, стуча ботинками по железному мостку, добрался до защитной ячейки и заскочил внутрь. Андрей щелкнул замком, приблизился к окну и стал ждать гостей. К счастью, никого не было. Утерев пот со лба, он подошел к панели управления и стал вновь проверять показатели приборов. Куда бы он не смотрел, все было в норме. Оставалось проделать то, что он уже раз десять выполнял на макете. Перевел питания с резервного на основное, отключил третий блок, снизил мощность, перевел второй блок в режим ожидания и вновь понизил мощность. Он оглядел ФУП — его части стали вращаться медленнее, некоторые индикаторы погасли, а гул установки затихал. Оставалось щелкнуть последним тумблером. Он повернул ключ в замке блокировки и положил руку на переключатель, отвечающий за полную остановку питания.

Ему надо было сделать последнее движение. Один поворот ладони и установка должна была безопасно отключиться. Андрей осмотрел ФУП и еще раз пробежался глазами по панели приборов. Затем уронил взгляд на руку, лежащую на переключателе. Он тяжело вздохнул и закрыл глаза, вспоминая встречу с сыном — тот стоял посреди коридора красивый, юный с улыбкой на лице. Пришедший из мира, где не было боли, страха и страданий. Мир блаженства и радости. Сияющий словно солнце в сером мрачном коридоре. Прогнавший тьму, которая заливала их мир черной слизью. Закрывший собой самосбор, который уничтожил весь отряд ликвидаторов. Андрей вспомнил все те случаи, когда он сталкивался с самосборами сам или видел его последствия. Вспомнил пятна, которые являлись единственным напоминанием об убитых. Вспомнил изуродованные горем лица плачущих по ушедшим. Вспомнил Михаила. Вспомнил его крик. Вспомнил крики других. Сотен. Тысяч Сотен тысяч, которые сливались в одном безумном хоре голосов, разрывающих сознание.

Вспомнил карты гигахруща, прогнозы самосборов. Вспомнил, как сидел в своей ячейке, убитый горем по потерянному сыну. И снова сияющий теплым светом лик Коли. Его сына.

Он открыл глаза, чтобы увидеть перед собой дрожащую пальцы, сжимающие ручку отключения энергии. В горле стоял комок, по щекам текли слезы. Андрей убрал руку от переключателя и посмотрел на фрактальную установку. Она мерцала красными, желтыми, зелеными огоньками. Спокойно двигались части ФУПа, помогая генерировать энергию для генерации пространства. Мужчина закрыл глаза и несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул.

Наконец, положил ладонь обратно на ручку и отключил энергию.

* * *

Несмотря на его страхи и ожидания, ничего особенного не произошло. Свет индикаторов на фрактальной установке стал быстро гаснуть, а мерный гул ФУПа затихать. Через минуту его фонарь единственный освещал пункт управления. Погасли кнопки и экранчики, панели приборов почернели. Андрей еще пару минут стоял молча, глядя на кусок установки, на который падал свет из окна защитной камеры. Потом он оглядел помещение, взял в левую руку портфель, в правую автомат и подошел к двери. Не услышав ничего тревожного, он щелкнул замком и аккуратно открыл дверь. Выглянул туда и осветил зал. Медленно ступая по железным мосткам, он спустился вниз и в последний раз осветил фрактальную установку. Затем двинулся на выход.

Он прошел вдоль короткого коридора, прислушиваясь к темноте и поймал себя на мысли, что чувствует странные запахи. Чем ближе он шел к квадратной комнате со столом секретарши, тем сильнее ощущал нечто новое. Попав туда, он встал будто вкопанный, глядя на выход. Рамка двери по периметру светилась теплым желтым светом, который пробивался в щель и окрашивал темную комнату.

— Коля, — прошептал Андрей. — Коленька.

Он кинулся к выходу и, налегая весом тела на дверь, дернул ручку. В следующее мгновение он вскрикнул от резкой боли в глазах и, споткнувшись, упал. Андрей тут же попытался встать, сжимая в одной руке автомат, в другой — портфель, но открыть глаза получилось не сразу. Андрей чувствовал необычное тепло, под ногами слышался шелест, а по коже скользил ветерок. Мужчина пытался открыть дрожащие веки и постепенно перед ним вырисовывалась картина. Сочная молодая трава шелестела от легкого ветра, который гонял волны по зеленому полю до самого конца, где трава заканчивалась и начиналось небо. Невообразимо яркое и голубое, на котором прямо по центру висело ослепительное солнце, ласкающее кожу своим теплом. Скривив лицо, Андрей пытался открыть веки, чтобы посмотреть на небесное светило, но глаза слишком болели. Он опустил голову и, шурясь, огляделся вокруг. Прямо за ним стоял огромный бетонный куб с темными линиями плит и перекрытий, скрывающий в себе фрактальную установку. Андрей задержался на нем взглядом, затем повернулся, оглядел поле и пошел, куда глядят глаза. Он не смотрел на время, не считал минуты, а просто шел вперед, наслаждаясь картиной. Глаза постепенно привыкли к яркому свету и мужчина стал различать детали. Вдали — там, где земля встречалась с небом — он видел, казалось, мелкие серые кубики, сваленные в кучу и Андрей решил идти в их сторону. От жары на лице появились капли пота, которые приятно охладили

ветер. Он расстегнул верхнюю пуговицу и улыбнулся, чувствуя, как этот прекрасный мир дружелюбно встречает его.

Внезапно послышался знакомый звук, заставивший Андрея вздрогнуть. Издалека доносился стук. Ритмичный стук, все более нарастающий. Мужчина закинул портфель на плечо и крепко сжал рукоять автомата, но быстро понял, что к нему приближался поезд. Он сделал несколько шагов вперед, сомневаясь. Затем отбросил сомнения и быстро зашагал в сторону, откуда доносились звуки. Через несколько минут он вышел к железной дороге — блестящие железные рельсы лежали поперек темно-коричневых шпал. Удары колес приближались. Он бросил взгляд по сторонам и, приложив ладонь ко лбу, разглядел вдали черный прямоугольник приближающегося состава. Андрей отошел на несколько метров назад, все еще несколько опасаясь железного чудовища, и стал с улыбкой ждать его приближения. Постепенно вырисовывались яркие цвета зеленого локомотива с желтой и красной полосой на фронте, прямоугольные окна и знакомые буквы. Поезд подал сигнал, из-за чего Андрей отступил еще на несколько шагов. Звуки приближающегося поезда все еще пугали, но ему хотелось во что бы то ни стало посмотреть на него. Вот уже виднелись тянущиеся за локомотивом вагоны с идущими вдоль корпуса ровными рядами окон. Он чувствовал радость от приближения состава.

Поезд подал очередной сигнал, когда поравнялся со стоящем возле путей мужчиной. Машинист лишь в последнее мгновение заинтересовался человеком в рабочей одежде, потому что ему показалось, что в одной руке он держит автомат, но разглядеть его не получилось. Остальные люди в пассажирском поезде вообще не смотрели в окна, утомленные одинаковым пейзажем. Зеленые поля тянулись на десятки километров и не было ничего, что бы могло заинтересовать их взгляд. Стоя напротив железной дороги, Андрей пытался разглядеть мелькающие перед ним лица в окнах вагонов, но они проносились так быстро, что сделать это было невозможно. Тогда он сделал еще несколько шагов назад и выбрал для себя один из последних вагонов. Зафиксировав на нем взгляд, Андрей внимательно смотрел на окна, чтобы увидеть хоть кого-нибудь.

И он увидел. Целых три секунды он рассматривал подростков — юношей и девушек — сидящих друг напротив друга. Скучающих, читающих, болтающих, смеющихся... Их улыбки вонзились в память и Андрей продолжал видеть эти юные лица даже когда поезд проехал и стал быстро отдаляться.

Не чувствуя ног, Андрей пошел вперед, поднялся на небольшую каменную насыпь и, запнувшись о рельсу, встал прямо посередине железной дороги. Поезд превратился в маленький прямоугольник и по мере движения становился лишь точкой на горизонте. Мужчина перевел взгляд на поле и, чувствуя накатывающие эмоции, пошел к траве. Ее шелест, дуновения ветра и теплое солнце немного успокоили его, но вскоре мужчина остановился и опустил взгляд. Он уронил автомат, разжал руку с портфелем и сам упал на колени, закрыв руками лицо.

Через несколько минут он открыл свои покрасневшие от слез глаза и посмотрел на картину перед ним. Зеленое поле травы. Слепящая голубизна неба. И яркое теплое солнце в вышине.

Больше книг на сайте - Knigoed.net